

КІЕВО-ПЕЧЕРСКІЙ ПАТЕРИКЪ.

Въ переводѣ Е. Поселянина. Изд. 2-е, съ рисунками.

Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина.

СОБОРЪ СВЯТЫХЪ УГОДНИКОВЪ КІЕВО-ПЕЧЕРСКИХЪ.

*Радуйтесь и веселитесь,
яко мзда ваша многа на небестхъ (Мф. 5. 12)*

КІЕВО-ПЕЧЕРСКІЙ ПАТЕРИКЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ
ВЪ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ ПОДВИЗАВШИХСЯ.

Составленъ тремя печерскими святыми:

Несторомъ, лѣтописцемъ печерскимъ, Симономъ, епископомъ владимірскимъ
и суздальскимъ, и Поликарпомъ, архимандритомъ печерскимъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ВЪ НОВОМЪ ПОЛНОМЪ ПЕРЕВОДѢ

Е. Поселянина.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина.
1900.

Отъ С.-Петербургскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 5 ноября 1899 года.

Старшій цензоръ, архимандритъ *Владиміръ*.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1900.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА

къ первому изданію.

Первоначальные подвижники Кіево-Печерской лавры будутъ всегда дороги всему русскому народу.

Православная вѣра, посѣянная на благодарной русской почвѣ, взошла на ней сразу богатыми всходами, и среди этихъ всходовъ лучшими были преп. Антоній и Θεодосій Кіево-Печерскіе, съ цѣлою дружиной взрослыхъ въ ихъ монастырѣ духовныхъ богатырей. Эта духовная рать—первые пышные цвѣты въ веснѣ русскаго православія, первыя великія свѣчи, зажженные предъ всемірнымъ ликомъ Спасовымъ отъ лица Русской земли.

Какъ преподобный позднѣйшихъ тяжкихъ годинъ, изнурительной государственной работы и подневолья, преп. Сергій Радонежскій, такъ и эти, жившіе во времена русскаго раздолья, Кіево-Печерскіе преподобные останутся навсегда завѣтными драгоценностями въ отечественной сокровищницѣ. По ихъ жизни и дѣламъ будутъ повѣрять себя русскіе люди; они же, какъ мѣра той духовной высоты, до которой способенъ возвыситься русскій человѣкъ, — стоятъ предъ нами немерцающими руководящими свѣточами и идеалами.

При такомъ значеніи Кіево-Печерскихъ святыхъ, понятно то глубокое почитаніе, какое издревле окружало мѣста ихъ подвиговъ, осѣнено дивными памятными, ознаменованное великими чудесами. Сказаніе о подвижникахъ Кіево - Печерскаго монастыря

всегда представляли излюбленное чтеніе для русскихъ вѣрующихъ людей. Эти повѣствованія, составляющія такъ называемый «Кіево-Печерскій Патерикъ» (т.-е. «Отечникъ»), кромѣ своего содержанія, привлекали русскихъ людей еще именами своихъ составителей — преп. Нестора Лѣтописца, св. Симона, епископа Владимірскаго, преп. Поликарпа, архимандрита Печерскаго. Святость составителей возвышала силу повѣствованій, придавая имъ несомнѣнную правдивость и особое достоинство.

Настоящій переводъ представляетъ собою попытку дать на русскомъ языкѣ читателю Патерикъ въ его полномъ составѣ, безъ малѣйшихъ пропусковъ.

Въ почтенномъ, широко и заслуженно извѣстномъ трудѣ г-жи Викторовой нѣтъ житія преп. Феодосія, составляющаго непремѣнно часть древнихъ списковъ Патерика, также нѣтъ и нѣкоторыхъ другихъ частей, включенныхъ въ Патерикъ впоследствии.

Настоящее изданіе не преслѣдуетъ никакихъ ученыхъ цѣлей. Переводчикъ старался лишь возможно близко къ тексту перевести на русскій языкъ славянское повѣствованіе, по послѣднему изданію Кіево-Печерской лавры.

Цѣль перевода — дать общедоступное по цѣнѣ и понятное духовное чтеніе, драгоцѣнное по содержанію и по личности составителей.

Е. Поселянинъ.

Царское Село, 27 января 1897 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

**къ православному читателю, опровергающее ху-
ленія на святыхъ печерскихъ.**

Дѣйствомъ Самого Святѣйшаго всехъ Подателя жизни и помощью Пресвятой Матери Его отпечатали мы житія святыхъ, преподобныхъ и богоносныхъ отцовъ нашихъ печерскихъ на пользу житія твоего, православный читатель. *Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ* (Мѡ. 22, 32),—говоритъ Писаніе.

Все на землѣ и въ жизни человѣческой полно борьбы и приводитъ къ смерти—и потому отрадны для тебя будутъ житія людей, которыхъ не одолѣла смерть, ибо жили они не земною жизнью, а небесною, такъ что могли они сказать съ апостоломъ: наше *жительство на небесахъ* (Филип. 3, 20).

Наша небесная жизнь—Самъ Христосъ Богъ. Когда Онъ явился на землѣ въ пещерѣ Вилеемской,—то явился на небѣ, ибо Церковь называетъ небомъ ту пещеру; и жизнь преподобныхъ отцовъ нашихъ, протекшая въ кievскихъ пещерахъ, поистинѣ протекла на небесахъ, потому что небесное было имъ свойственно, такъ что каждый изъ преподобныхъ могъ сказать: *для меня жизнь Христосъ* (Филип. 1, 21),—и еще:—*уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Галат. 2, 20). Преподобные отцы наши просіяли въ пескахъ пещерныхъ своею небесною жизнью, какъ прекрасныя звѣзды. И здѣсь въ самомъ дѣлѣ соединились песокъ и звѣзды, которыя нѣкогда Богъ сочеталъ Своимъ словомъ, говоря: *„умножу стмя твое, яко звѣзды небесныя и какъ песокъ на берегу моря“* (Быт. 22, 17). И на самомъ дѣлѣ исполнилось здѣсь благословеніе, обѣщанное Аврааму.

Но такъ какъ есть нѣкоторые иновѣрные, которые покушаются своею хулою помрачить наши добродѣтельные звѣзды, не признавая за ними ни святыни, ни православія, то здѣсь должно представить нашъ православный отвѣтъ на богопротивныя ихъ возраженія.

Прежде всего утверждаютъ, что нетлѣніе тѣлъ, лежащихъ въ пещерахъ (сообразное нетлѣннымъ небеснымъ тѣламъ), — не служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ святыни нашихъ преподобн. отцовъ. Могли (готовяты они) эти тѣла не сгнить доселѣ и естественнымъ образомъ, безъ всякаго чуда: вслѣдствіе двухъ причинъ—или изъ-за условій мѣста, которое по свойствамъ своимъ сохраняетъ тѣла нетлѣнными, каковы кіевскія пещеры, подобныя египетскимъ пещерамъ, въ которыхъ тоже находятся, по свидѣтельству исторіи, нетлѣнныя тѣла,—или вслѣдствіе помазанія ароматами, сохраняющаго отъ гніенія.

На это отвѣтимъ такъ: естественнымъ образомъ тѣла не гниютъ, когда ихъ внутренняя мокрота содержитъ въ себѣ внутреннюю теплоту, и внутренній жаръ не допускаетъ жидкости разложиться и разлиться отъ внѣшней воздушной теплоты. Но когда жидкости лишатся внутренней теплоты, то, не имѣя этого внутренняго огражденія, вскорѣ разрушаются, разливаются подъ дѣйствіемъ внѣшней теплоты, и такимъ путемъ всегда происходитъ гніеніе. Гніеніе, по ученію знающихъ людей, есть не что иное, какъ прекращеніе внутренней теплоты въ жидкостяхъ, и порча этихъ жидкостей отъ внѣшняго тепла. Спросимъ противниковъ нашихъ: какъ они думаютъ, — есть ли въ тѣлахъ, лежащихъ въ пещерахъ, естественная, свойственная тѣлу внутренняя теплота, которая ограждала бы влажность ихъ внутреннимъ жаромъ, чтобы жидкости не портились и не разливались отъ внѣшняго тепла, или въ нихъ нѣтъ этой теплоты? Если имѣютъ ее, то они живы, а не мертвы, ибо на внутренней влажности и теплѣ основана тѣлесная жизнь; если же — какъ оно и есть — не имѣютъ, то по общему порядку вещей вскорѣ по смерти ихъ влажность, не имѣя внутренней сдерживающей силы, должна бы была разложиться отъ внѣшняго тепла и разлиться, образовать червей, и, наконецъ, высохнувъ, — оставить прахъ и землю, по изреченію Божию, сказанному согрѣшившему человѣку: *прахъ ты, и въ*

прахъ возвратишься (Быт. 3, 10). Но такъ какъ этого гніенія не было, то ясно, что сверхъестественнымъ образомъ отъ этого изреченія, даннаго для грѣшниковъ, изъяты тѣла, лежащія въ пещерахъ, какъ тѣла воистину святыхъ, а не грѣшныхъ; и потому не обратились въ землю и не сгнили, что влажность ихъ вмѣсто естественнаго внутренняго тепла сверхъестественнымъ дѣйствіемъ Божиимъ и теплотою живущаго въ нихъ Святого Духа сохранена отъ тлѣнія и разлитія и доселѣ чудотворно удержана и утаена на своемъ мѣстѣ.

Кромѣ того, если бы пещеры кіевскія, по составу своему были мѣстомъ, сохраняющимъ тѣла въ нетлѣніи, то онѣ не имѣли бы дѣйствія противоположнаго своимъ свойствамъ, то - есть не производили бы гніенія, потому что постоянно противоположнымъ дѣйствіямъ не можетъ быть одна причина, но должны быть причины противоположныя. Но пещеры кіевскія заключаютъ въ себѣ не только нетлѣнныя и негніющія тѣла святыхъ, но и много костей отъ сгнившихъ тѣлъ людей грѣшныхъ, тамъ же нѣкогда погребенныхъ, — какъ всякій можетъ видѣть. Такое различіе въ судьбѣ тѣлъ явно происходитъ отъ жизни этихъ лицъ, такъ какъ отъ мѣста должно было быть сходство.

Не идетъ сюда и сравненіе съ египетскими пещерами, потому что и онѣ вовсе по особымъ свойствамъ своимъ не представляютъ мѣстъ: сохраняющихъ тѣла въ нетлѣніи. Правильно говорятъ Аристотель, „если бы человекъ былъ выше круга луннаго и умеръ тамъ, — то если не отъ внѣшняго тепла, котораго тамъ нѣтъ, то уже по самому естеству своему онъ долженъ бы сгнить“.

Что же говорятъ о помазаніи ароматами, — то такія тѣла должны издавать изъ себя благоуханіе ароматовъ; когда же перестанетъ благоуханіе, тогда перестанетъ дѣйствовать и сила ароматовъ. Но отъ тѣлъ, лежащихъ нетлѣнно въ пещерахъ, не слышно никакого запаха земныхъ ароматовъ, кромѣ ихъ особаго благоуханія, даннаго имъ отъ Бога; нѣтъ на нихъ и никакихъ вмазанныхъ въ нихъ ароматовъ, но если бы и были прежде (чего поистинѣ не было никогда), — то теперь, когда благоуханіе и дѣйствіе ихъ прекратились, — не могли бы они доселѣ быть нетлѣнными.

Итакъ, ясно, что тѣма первыхъ хуленій богопротивныхъ не побѣ-

дтъ добродѣтельнаго свѣта нашихъ мысленныхъ звѣздъ, но негль-
ніе тѣлъ, почивающихъ въ пещерахъ, является достаточнымъ сви-
дѣтельствомъ ихъ святости, — потому что оно сверхъестественно и
является ради мѣста, должнаго имъ на небѣ, гдѣ не тлѣютъ тѣла,
также и ради помазанія благодати Христа, имя Котораго есть „муро
изліянное, издающее благоуханіе жизни для жизни“ (Пѣснь Пѣсн. 1, 2).

Второе хуленіе, старающееся помрачить въ преподобныхъ отцахъ
нашихъ свѣтъ православія,—противники наносятъ такимъ образомъ:
„Тѣ,—говорятъ они,—которыхъ въ Печерской лаврѣ почитаютъ за
святыхъ,—если воистину святы, то сохранили вѣру и послушаніе къ
римскому архіепископу, и потому суть святые римскіе, а не нынѣшней
россійской Церкви, не имѣющей послушанія къ Риму“.

На это отвѣтимъ такъ: Господь нашъ, излившій крещеніе кровью
Своею изъ пяти ранъ,—пять разъ благоволилъ приводить Россію свя-
тымъ крещеніемъ къ вѣрѣ въ Себя и, какъ Востокъ, посѣтившій
насъ свыше, крестилъ ее всегда отъ Востока, и далъ въ послуша-
ніе Церкви греческой, а не римской.

Прежде всего обратимся къ первородному крещенію Россіи. Россія
приняла его еще во времена апостольскія, отъ перваго архіепископа
константинопольскаго—или еще византійскаго—а не римскаго, именно
отъ св. Первозваннаго апостола Андрея, который былъ апостоломъ
Европы, и прибылъ по Днѣпру отъ востока, изъ греческаго города
Корсуна, водрузилъ на горахъ кіевскихъ крестъ, крестилъ тамъ нѣ-
которыхъ, а потомъ пошелъ крестить къ Великому Новгороду. Къ
этому первородному російскому крещенію лѣтописецъ нашъ преп. Не-
сторъ причисляетъ и дѣло святого Павла, потому что и онъ былъ
въ Мизіи и Илирикѣ съ ученіемъ. Затѣмъ славянская земля одно-
го съ Россією языка — Болгары, Босняки, Моравы, куда потомъ
тоже св. Павелъ послалъ вмѣсто себя св. Андроника, одного изъ
семидесяти апостоловъ, который былъ апостолъ славянъ въ Панно-
ніи. Но и самъ святой Павелъ хотя пострадалъ въ Римѣ, но
былъ апостоломъ всѣхъ народовъ, а не римскій; и въ особенности
былъ апостоломъ Востока и славянъ въ то время, когда училъ сла-
вянъ. Итакъ, уже первая, посѣянная въ Россіи, вѣра не была въ
послушаніи у римскаго архіепископа.

Второй разъ крестилась наша Русская земля въ 863 году при Михаилѣ, царѣ греческомъ и патриархѣ константинопольскомъ Фотіи, которые, по просьбѣ славянскихъ князей Святополка, Ростислава и Кацела, послали славянамъ и Россамъ учителей вѣры, Меодія и Кирилла, сыновей мужа Льва, изъ Солуни. Они первые составили славянскія писмена и перевели на славянскій языкъ греческія святыя книги. Но такъ какъ при патриархѣ Фотіи было уже отдѣленіе Церкви римской отъ греческой вслѣдствіе того, что римляне прибавили къ Символу вѣры слово „и отъ Сына“ — поэтому и въ то время вѣра, посѣянная въ Россіи Фотіемъ, не была въ послушаніи Риму.

Въ третій разъ крестилась Россія въ 886 году при Василии Македонянинѣ, царѣ греческомъ, и томъ же патриархѣ Фотіи, которыми посланъ былъ для крещенія Россовъ при князѣ Олегѣ митрополитъ Михаилъ, тотъ, который для увѣренія ихъ бросилъ свое евангеліе въ огонь, и Россы, видя, что оно не сгорѣло, крестились. Но и въ это третье крещеніе, такъ какъ оно было совершено при Фотіи, русская Церковь не была въ послушаніи Риму.

Четвертый разъ крестилась Россія въ 995 году при святой Ольгѣ, княгинѣ російской, женѣ Игоря, бабкѣ Владиміра, которая ходила за вѣрою въ Константинополь, гдѣ крестилъ ее патриархъ Поліевктъ, а самъ греческій царь Константинъ VIII былъ преемникомъ ея при крещеніи; она же, возвратившись, крестила многихъ въ Россіи. Но такъ какъ римская Церковь отдѣлилась уже отъ грековъ, — то и тогда русская вѣра не была въ послушаніи Риму. Всѣ эти четырехкратныя крещенія на Руси не оставили глубокихъ слѣдовъ вслѣдствіе часто происходившихъ войнъ, о чемъ и свидѣтельствуетъ древній римскій учитель Тертуліанъ: „давно была насаждена въ странѣ сарматовъ вѣра Христова, но помрачена войнами“. Кромѣ того, въ этомъ была вина нечестивыхъ владѣвшихъ ею князей; такъ и Ольга не могла обратить къ вѣрѣ сына своего Святослава.

Въ пятый же разъ совершенно и окончательно просвѣщена была Россія святымъ крещеніемъ отъ того же Константинополя, при святомъ равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, самодержцѣ всей Россіи, во время царей греческихъ Василія и Константина, при патриархѣ кон-

стантинпольскомъ Николаѣ Хрисоверхѣ, въ годѣ отъ Рождества Христова 988, какъ свидѣтельствуемъ нашъ російскій лѣтописецъ, св. Несторъ. Но Бароній пишетъ, что въ это время, въ 980 г., иноки „въ Италіи, въ Кассинскомъ монастырѣ святого Венедикта просили святого Нила, чтобы въ ихъ латинской церкви служили литургію по-гречески,—такъ какъ тогда существовало уже раздѣленіе между греками и латинянами,—чтобы вспомнать прежнюю любовь и единеніе церковное“.

Если же обратимся къ словамъ и самихъ римскихъ лѣтописцевъ объ этомъ окончателно преподанномъ намъ крещеніи, то первый изъ нихъ, вышеупомянутый Бароній, свидѣтельствуемъ, что то было въ годѣ отъ Рождества Христова 1008. Но если это было такъ, въ то время патріархомъ константинопольскимъ, преподавшимъ черезъ митрополита (того же имени) Михаила, который первый занималъ въ Кіевѣ митрополичій престолъ,—долженъ былъ быть (по словамъ же Баронія) родственникъ Фотія, Сергій, „который, взоидя на престолъ тотъ въ 999 году и пробывъ на немъ двадцать лѣтъ въ томъ же раздѣленіи съ Римомъ, какъ и сродникъ его Фотій, былъ яримъ противникомъ соединенія и написалъ противъ латинянъ осуждающее ихъ посланіе“. Отсюда ясно, что и то послѣднее крещеніе Россовъ, было отъ Востока, послѣ раздѣленія римлянъ отъ грековъ, и что и тогда русская Церковь не была въ послушаніи Риму. Это, кромѣ того, можно видѣть изъ слѣдующаго свидѣтельства самихъ римскихъ лѣтописцевъ. Прежде крещенія ко Владиміру приходили какъ и отъ другихъ народовъ, такъ и отъ папы, изъ Рима, посланные, предлагая ему исповѣданіе своей вѣры и совѣтуя принять ее, но онъ не пожелалъ, „потому что нашелъ чинъ латинскій мало богоугоднымъ и церкви ихъ не вполне благолѣпными“. Когда же изъ Царьграда пришелъ посланный философъ со свиткомъ, на которомъ изображенъ страшный судъ, тогда, услыхавъ отъ него объясненіе греческой вѣры и умилиась, Владиміръ пожелалъ принять ее (объ этомъ, кромѣ другихъ, пишетъ и Стриковій). И опять самъ Владиміръ посылалъ какъ къ другимъ народамъ, такъ и къ римлянамъ и грекамъ узнать о вѣрѣ, и тогда посламъ также римская вѣра показала мало умилительною, греческую же они полюбили и говорили, что греческая

литургія, которую они выслушали, имѣть такую сладость, что они находились въ изумленіи и думали, что предстоятъ скорѣе небесной, чѣмъ земной святынѣ (какъ, кромѣ другихъ, свидѣтельствуется Длугошъ). Какое же здѣсь было единеніе Церкви греческой и римской?

Теперь обратимся къ препод. отцамъ нашимъ печерскимъ, о которыхъ извѣстно, что они подвизались уже послѣ этого послѣдняго крещенія и потому соблюдали ту вѣру, которая не только во время ихъ, но еще и прежде Владиміра, во всѣхъ крещеніяхъ Россіи, не содержала послушанія къ римскому архіепископу, а только къ восточному константинопольскому.

Пусть не произносятъ хулы, говоря такъ: если бы печерскіе святые и не были въ единеніи съ римскою Церковью, существовавшимъ нѣкогда прежде раздѣленія отъ Церкви греческой, то они были въ единеніи, устроенномъ уже послѣ раздѣленія, и такимъ образомъ сохранили вѣру съ послушаніемъ римскому архіепископу. На это отвѣтъ ясенъ. Это соединеніе, противное древнему Символу вѣры и несогласное съ исповѣданіемъ святѣйшихъ восточныхъ патріарховъ, устроено, во-первыхъ, въ Италіи на соборѣ Флорентійскомъ, гдѣ измѣнялъ вѣрѣ митр. кievскій Исидоръ Болгаринъ, во-вторыхъ, позже у насъ въ Россіи на соборѣ Брестскомъ, гдѣ согрѣшилъ митрополитъ кievскій Михайль Рагоза. Но печерскіе святые подвизались много время раньше этихъ обоихъ, далекихъ отъ истины, соединеній. Ибо преп. Антоній началъ основывать лавру свою еще въ 1013 г. отъ Рождества Христова, соборъ же Флорентійскій былъ въ 1439 году, а Брестскій—въ 1596 г. Но и на тѣхъ соборахъ очень мало изъ истинныхъ Россовъ прельстились и измѣнили вѣрѣ. Святая же чудотворная Печерская лавра присно Дѣвы Богородицы и Сама пребываетъ въ восточномъ православіи присно непорочною дѣвою.

Кромѣ того, среди самихъ печерскихъ святыхъ есть преп. Нифонтъ, достовѣрный свидѣтель того, что они были въ послушаніи къ святѣйшему патріарху константинопольскому, а не къ папѣ римскому, ибо преп. епископъ Нифонтъ за то главнымъ образомъ получилъ спасеніе,—о чемъ прежде своей смерти получилъ извѣщеніе отъ преп. Θεодосія,—что не согласился, чтобы митр. кievскій Климентъ былъ посвященъ главою св. Климента, папы римскаго, безъ благословенія

природнаго пастыря Россіи, святѣйшаго патріарха константинопольскаго, какъ свидѣтельствуеть его житіе.

Но между противниками нашими находятся люди, утверждающіе свой споръ на слѣдующемъ разсужденіи: будто бы печерскіе святые научились церковному и келейному уставу отъ студійскихъ иноковъ, пришедшихъ въ Россію, но тѣ иноки были въ единомыслии и послушаніи римской церкви, такъ какъ были изъ числа тѣхъ, которые противились виновнику раздѣленія—Фотію, патріарху константинопольскому, держась святого Игнатія, патріарха того же престола, и помня хорошо то, что было сказано на похвалу римской Церкви св. Θεодоромъ Студитомъ и Стефаномъ юнымъ. Изъ этихъ иноковъ одни, изъ-за нестроенія у грековъ, пришли въ Римъ, въ монастырь святого Вонифатія, по свидѣтельству Баронія, въ 990 году, другіе же—въ Кіевъ и были наставниками печерскихъ святыхъ, и потому печерскіе святые, какъ бывшіе одинаковаго исповѣданія со своими учителями, были тоже въ единеніи и послушаніи римской Церкви. На это отвѣтимъ: правда, что печерскіе святые научились уставу отъ иноковъ студійскихъ, правда и то, что Θεодоръ Студитъ и Стефанъ хвалили римскую Церковь, но Церковь, иъвную еще Символь вѣры безъ приложенія „и отъ Сына“. Но вовсе неправда то, чтобы студійскіе иноки были когда въ единеніи и послушаніи римской Церкви, уже внесшей это приложеніе, и чтобъ они когда-нибудь противились въ вѣрѣ блж. Фотію, обличившему это приложеніе, какъ и самъ святой Игнатій хотя гнѣвомъ царскимъ и былъ низведенъ съ того престола, который занялъ Фотій, но нисколько не противился ему въ этой истинѣ: ибо святые восточные отцы хорошо помнили и теперь помнятъ, что страшно такое приложеніе, по изреченію святого Павла: „если кто благовѣститъ вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѣма“ (Галат. 1, 9), также и св. Іоаннъ написалъ въ своемъ Апокалипсисѣ: „кто приложитъ къ этимъ словамъ, на того наложитъ Богъ язвы“ (Откров. 22, 18). А относительно наученія или передачи въ Печерскій монастырь студійскаго устава изъ разсказовъ этого Патерика должно знать слѣдующее: что тогда изъ Печерскаго монастыря въ Студійскій пришло не много иноковъ, и не самовольно, противъ желанія старшаго настоятеля, и не передали туда свой уставъ, а пришелъ одинъ толь-

ко искусный въ вѣрѣ и добродѣтеляхъ честный инокъ студійскій Михаилъ, получивъ благословеніе отъ святѣйшаго патріарха константинопольскаго, Іоанна Ксифилина, равнаго въ православіи Фотію, пришелъ съ православнымъ митрополитомъ кіевскимъ Георгіемъ и лишь одному преп. Θεодосію, игумену печерскому, рассказалъ онъ о своемъ уставѣ, а не передалъ его; и когда преп. Θεодосій пожелалъ, тогда по совѣту всей братіи и по благословенію святого первоначальнаго старца Антонія, онъ самъ послалъ въ святой Студійскій монастырь, гдѣ одинъ изъ печерскихъ святыхъ отцовъ, преп. Ефремъ внухъ, достоверно списалъ и принесъ въ Печерскій монастырь чинъ иноческій, ни въ чемъ не противный святой восточной православной Церкви, свободный отъ вліянія римскоѣ, прибавившей слова „и отъ Сына“, и засвидѣтельствованный самимъ святѣйшимъ константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ. Преп. же Θεодосій всѣ правила того устава приказалъ прочесть предъ всею братією, и когда всѣ удостовѣрились, что они православны и душеполезны, передалъ ихъ для соблюденія. Что же касается упоминанія о грекахъ, будто бы враждебныхъ Фотію и пришедшихъ въ Римъ въ монастырь св. Вонифатія, о нихъ Бароній не говоритъ, изъ какого они были восточнаго монастыря или мѣста и ради какого нестроенія, происшедшаго изъ-за вѣры или въ гражданской жизни, вышли изъ своей земли; воспоминаетъ же онъ, что это было въ 990 г. отъ Рождества Христова, много раньше основанія Печерскаго монастыря, въ которомъ возможно ли было кому изъ противниковъ Фотія искать убѣжища, такъ какъ вѣра насаждена была тамъ Фотіемъ.

Но внимательный читатель въ хуленіяхъ, еще недавно изданныхъ латинами противъ православія, найдетъ, что противники наши не постыдились взводить на преп. отцовъ нашихъ печерскихъ послушаніе римской церкви черезъ то, что, по ихъ словамъ, св. Антоній почиваетъ въ Римѣ, куда будто бы онъ пришелъ незадолго до смерти своей и тамъ преставился. Утверждаютъ это они на томъ основаніи, что св. Несторъ не написалъ въ лѣтописаніи своемъ года, мѣсяца и дня его преставленія. И если бы, говорятъ они, его тѣло было положено въ пещерѣ, кто-нибудь видѣлъ бы его и его перенесли бы, какъ тѣло Θεодосіево. Нельзя (такъ утверждаютъ въ хулахъ своихъ наши

противники) говорить, что тѣло этого преподобнаго неприступно по нѣкоторому свѣту, исходящему изъ его гроба, потому что святая великомученица Варвара, какъ святая, больше его, а тѣло ея видимо всѣмъ къ Кіевѣ. Хотя это поруганіе есть только голое мнѣніе, не подтвержденное свидѣтельствомъ, но, чтобъ они не ликовали этимъ поруганіемъ, возразимъ на ихъ утверженіе. Если бы тѣло преп. отца нашего Антонія потому не находилось у насъ въ пещерѣ, что св. Несторъ не написалъ о томъ въ своемъ лѣтописаніи, то и тѣла св. верховныхъ апостоловъ Петра и Павла не были бы въ Римѣ, такъ какъ о томъ не написано въ Дѣянїяхъ апостольскихъ. Но что не написано въ одной книгѣ, то обыкновенно пополняется другою, и св. Несторъ, кромѣ лѣтописи, означилъ подробнѣе въ другой особой книгѣ— „Житіе преподобнаго отца нашего Антонія“, и книга эта, содержащая его подробное житіе, упоминается часто въ заглавіяхъ древне—писанныхъ печерскихъ Патериковъ, но утрачена нами во время войнъ. Но извѣстный писатель св. Симонъ, епископъ владимірской и суздальскій, прочелъ ее и указалъ намъ и на годъ и на мѣсяцъ и день преставленія этого преп. первоначальника и на погребеніе его у насъ въ пещерѣ, а не въ Римѣ.

Различными дарованіями почтилъ Богъ святыхъ Своихъ. Онъ далъ намъ видѣть здѣсь и прославлять неглѣніе тѣла св. великомученицы Варвары и прочихъ святыхъ. А всю славу другихъ отлагаетъ на небо, по молитвѣ о томъ самихъ многихъ святыхъ. Такъ Онъ заповѣдалъ Своему ангелу скрыть тѣло великаго законодателя израильскаго Моисея, такъ что не могли видѣть его не только евреи, легко впадавшіе въ идолопоклонство, но и теперь христїане. Также повелѣлъ Онъ ангеламъ похоронить на Синайской горѣ тѣло св. великомученицы Екатерины, и безчисленны святые, мощей которыхъ мы не видимъ. Къ нимъ Вседаровитый Богъ причисляетъ и тѣло преп. отца нашего Антонія, возлюбившаго всегда тайно пребывать въ землѣ. Но что это тѣло находится у насъ въ пещерѣ, тому, кромѣ записи Симона, доказательствомъ служить то, что при гробѣ его бываютъ различныя чудотворенія, особенно же изгнанія бѣсовъ, и извѣстно, что тѣ, которые изъ любознательности хотѣли раскопать гробъ его, были наказаны не только яркимъ свѣтомъ, но и палящимъ огнемъ и смертью.

И ложно утверждаютъ, что тѣло его находится въ Римѣ, что не подтверждается ни записями, ни чудесами. И потому напрасно возводится на все мысленное тѣло преп. Антонія, то-есть на всѣхъ прочихъ печерскихъ святыхъ послушаніе въ вѣрѣ Риму.

Потомъ отъ первоначальника житія пещернаго противники наши переходятъ къ начальнику устава монастырскаго и къ прочимъ нашимъ печерскимъ святымъ, измышляя на православіе ихъ слѣдующую хулу.

„Св. Θεодосій печерскій,—говорятъ они,—въ самой смерти своей показалъ, что гнушается исповѣданія грековъ, разномыслящихъ съ Римомъ и учащихъ, что никто прежде дня суда не наслаждается небесныхъ радостей, ибо, умирая, въ разрѣзъ съ ихъ ученіемъ, онъ воскликнулъ: „Отхожу ко Владыкѣ моему Іисусу Христу!“ Также Даміанъ Цѣлебникъ, Пименъ Многоболѣзненный, Никола Святоша и прочіе печерскіе святые сами открыли о своемъ отшествіи къ Богу. Написано также о св. Θεодорѣ и Василіи, что они приняли мученическій вѣнецъ, объ Евстратіи же, что душа его видимо была взята на небо огненною колесницею; а духъ такихъ откровеній и писаній есть духъ римской Церкви, а не греческой, разномыслящей съ Римомъ“.

Отвѣтимъ имъ, что истинное ученіе Церкви греческой и нашей русской, православной, непринимающей Символа вѣры, измѣненнаго римлянами, есть слѣдующее: никто прежде дня суда не наслаждается исполнѣнъ небесными радостями, но только частью ихъ, хотя и большою: „ибо насыщусь я исполнѣнъ не только душою, но даже и тѣломъ, когда явится слава Того, Кто придетъ во славу Своєю воздать исполнѣнъ каждому по дѣламъ его“. Такъ вѣрують наша Церковь, толкуя слова псалма, и этому не противорѣчатъ свидѣтельства, почерпнутыя изъ жизни этихъ святыхъ. Воистину говоримъ и теперь, что души преп. отцовъ нашихъ печерскихъ, какъ и души всѣхъ прочихъ святыхъ, возшли на небо не для принятія сразу полной награды, возшли же для того, чтобъ получить награду только отчасти. Впослѣдствіи же, соединясь съ тѣломъ своимъ, они получаютъ награду полную. Въ ученіи этомъ наша Православная церковь слѣдуетъ не Риму, но св. Писанію, такъ какъ Сирахъ говоритъ: „легко

для Господа въ день смерти воздать чловѣку по дѣламъ его“ (стр. 11, 26). Еще яснѣе дополняетъ это Екклезіастъ, говоря: „возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ былъ, а духъ возвратится къ Богу, Который далъ его“ (Еккл. 12, 7). Но и самъ Господь это извѣстнѣ всего сказалъ о Лазарѣ нищемъ: „Умеръ нищій, и отнесенъ былъ Ангелами на лоно Авраамово“ (Луки, 16, 22), также и разбойнику на крестѣ: „Нынѣ будешь со мною въ раю“ (Луки, 23, 43), то-есть въ небѣ, какъ толкуеть св. Теофилактъ. Потомъ и апостолъ говоритъ тоже: „Знаемъ, что когда земный нашъ домъ разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный“ (II Кор. 1, 5); и еще самъ о себѣ: „Желаніе имѣю разрѣшиться и быть со Христомъ“ (Фил. 1, 23). Все это наша православная Церковь пояснила ярче солнца въ тропаряхъ и кондакахъ, стихирахъ и канонахъ, свидѣтельствуя въ пѣсняхъ, что святые предстоятъ Богу, и просятъ ихъ молитвъ. Но есть у насъ свидѣтельство и тому, что угодники Божіи не получили еще отъ Него совершенной награды. Самъ Господь показалъ въ притчѣ, что, по возвращеніи Своемъ или по второмъ пришествіи на судъ, Онъ воздастъ рабамъ Своимъ, добросовѣстно употребившимъ данные имъ пять талантовъ, то-есть пять тѣлесныхъ чувствъ. Также и св. Павелъ говорить о себѣ: „Готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судія“. Не иначе можно понимать и то, что написалъ св. Іоаннъ въ Откровеніи: „Я увидѣлъ подъ жертвенникомъ души убіенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли. И возопили они громкимъ голосомъ, говоря: доколѣ, Владыко святой и истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу? И ланы были каждому изъ нихъ одежды бѣлыя, и сказано имъ, чтобъ они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники ихъ и братія ихъ, которые будутъ убиты, какъ и они, дополнять число“ (Откр. 6, 9—11). Напоследокъ же мы скажемъ, что особенно относится и къ нашимъ святымъ, подвизавшимся въ пещерахъ, это апостольское слово: „скитаясь по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли—не получили общаннаго, (то-есть окончательно), чтобъ не безъ насъ достигли совершенство“ (Евр. 11, 40).

Итакъ, уже пора исчезнуть и этой тьмѣ богомерзкаго хуленія на

православіе святыхъ и преподобныхъ отцовъ нашихъ печерскихъ, которая покушается помрачить мракомъ Запада тѣ восточныя свѣтила наши, тѣ утреннія, прославляющія Бога звѣзды. И опять мы обращаемся къ тебѣ, православный читатель, со словами псалма: „не ревнуй злодѣямъ, не завидуй дѣлающимъ беззаконіе“ (Пс. 36, 1).

Вѣдь самъ Господь узаконилъ, чтобы мы почитали своихъ представившихся святыхъ, то Самъ устраивая такъ, что мощи ихъ скрыты, какъ говорили мы о мощахъ Моисея пророка и Екатерины мученицы, и храня ихъ негнѣнно, какъ говоритъ Давидъ: „хранить Господь всѣ кости его, ни одна изъ нихъ не сокрушится“, — то вмѣняя ихъ мощи за самыя уста свои, подающія не только исцѣленія, но и дыханіе жизни, какъ сдѣлалъ Онъ чрезъ мощи Елисея пророка, воскресивъ ими мертвеца, такъ что псалмопѣвецъ возгласилъ о томъ: „честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его“. Какъ же ты не будешь вмѣстѣ съ прочими угодниками Божиими особенно почитать преподобныхъ отцовъ нашихъ печерскихъ, какъ истиннѣ святыхъ православныхъ, равныхъ тѣмъ, которые до принесенія закона и послѣ закона угодили Господу; не будешь поклоняться съ несомнѣнною вѣрою и нелицемѣрною любовью честнымъ мощамъ ихъ, хранимымъ негнѣнно Самимъ Господомъ и имѣющимъ черезъ Него даръ исцѣленія, — и, лобзая ихъ, не похвалишься иногда предъ Господомъ, съ пророкомъ: „мнѣ же зѣло честны быша друзи твои, Боже!“ Особенно же подражай ихъ житіямъ, описаннымъ въ этой книгѣ, чтобы не сказали и они о лобзателяхъ своихъ: „приближаются къ намъ людіе сіи устами своими, и языкомъ чтутъ насъ, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ насъ, но тщетно чтутъ насъ“. Если премудрый Соломонъ посылаетъ людей поучиться къ землѣ, изрытой муравьями, говоря: поди къ муравью, лѣнницецъ, посмотри на дѣла его и будь мудрымъ (Притч. Солом. 6, 6), тѣмъ больше должны мы посылать тебя, православный читатель, для подражанія, къ землѣ пещерной, ископанной преподобными отцами нашими, говоря въ книгѣ этой:

„Иди, православный, къ пещерамъ, иди, переходя сердечнымъ восхожденіемъ изъ силы въ силу, и возревнуй, увидавъ пути угодившихъ

тамъ Господу преподобныхъ отцовъ — какъ прошли они жестокія степени добродѣтели, въ какихъ пребывали трудахъ, какіе возлагали на себя подвиги. Иди къ пещерамъ, православный, и исполнись рвеніемъ, видя пути тѣхъ, которые въ ископанной землѣ не пищу гибнущую съ муравьями, но пребывающее для вѣчной жизни исполненіе воли Божіей собирали въ лѣтнее время этой жизни на зиму страшнаго суда, когда едва ли кто устоитъ предъ лютымъ холодомъ его. Иди, православный, къ пещерамъ и исполнись рвеніемъ, увидѣвъ пути такихъ первоначальниковъ, ревнуя и слѣдуя которымъ, никто не заблудился.

„Благодареніе Богу за неисповѣдимый Его даръ, что сподобилъ Онъ насъ, недостойныхъ жителей Русской земли, не лишиться той же благодати, которую Онъ, будучи во плоти, излилъ на землю, освященную стопами ногъ Его. Ибо, какъ мы тамъ, во свѣтѣ православной вѣры, увидѣли свѣтъ дѣлъ добрыхъ, которымъ просіяли святые первоначальники постническаго житія, Антоній Великій Египетскій и Феодосій, архимандритъ іерусалимскій, такъ же и здѣсь, въ нашей Россійской землѣ, вскорѣ по просвѣщеніи православною вѣрою, тезоименитые первоначальники того же постническаго по уставу житія, Антоній и Феодосій, просіяли во тьмѣ пещеры свѣтомъ добрыхъ дѣлъ своихъ, и свойственно имъ то, что написалъ въ Откровеніи св. Іоаннъ: „это суть двѣ маслины и два свѣтильника, стоящія предъ Богомъ земли“ (Откр. 11, 4), потому что въ домѣ Божіей Матери они были плодовиты, какъ масличными вѣтвями, сынами своими, усыновленными имъ черезъ Бога, и также горѣли и свѣтили дѣлами и ученіемъ. На похвалу ихъ должно сказать намъ еще: „они суть два великія свѣтила, просіявшія на небѣ пещерномъ и просвѣтившія свѣтомъ добрыхъ дѣлъ своихъ безчисленное множество добродѣтельныхъ звѣздъ. Они,—приведшіе новаго израиля къ обѣтованной небесной землѣ,—два столца, изъ которыхъ одинъ горѣлъ всегда рвеніемъ къ Богу въ ночи затворничества въ пещерѣ, другой же обѣнял смиреніемъ во дни устроенія монастырскаго. Они—двѣ скрижали Бога живого, которыя изобразили законъ Божій новому израилю не изяществомъ писанія, но красотою дѣлъ своихъ. Они—два херу-

вима, покрывающіе истинный кивотъ, храмъ Успенія Пресвятой Богородицы, содержащій въ себѣ не произведеніе изъ бездушнаго золота и дерева, но живую любовь къ Богу и брагii, и вразумившіе многихъ жить по-ангельски. Они—два неусыпно хранящія ока Господни, и черезъ нихъ исполнились на русской нашей Церкви слова Господни: „вразумлю тебя, наставлю тебя на путь, по которому тебѣ идти; буду руководить тебя, око мое надъ тобою“ (Пс. 31, 8). Они—два крыла голубиныя, посеребренныя чистотою и незлобіемъ, вознесшія многихъ туда, гдѣ почиваетъ Святый Духъ, являющійся въ образъ голубиномъ. Они же—и два крыла орлиныхъ, данныя Невѣстѣ Христовой—Церкви, на которыхъ многіе возлетѣли ко зрѣнію Солнца правды. Они же, наконецъ,—и два мысленные сосца той же матери нашей, Церкви Христовой, сладостію, добродѣтелью которыхъ, какъ истиннымъ словеснымъ молокомъ, многіе возросли ко спасенію и, наставленные ихъ свѣтозарностію, вошли въ Царствіе Божіе воистину какъ бы путемъ млечнымъ, который въ небѣ, по объясненію ученыхъ, образуется черезъ соединеніе множества звѣздъ. Ревновавшіе путямъ этой достохвальной двоицы, во-первыхъ, игумены святой чудотворной лавры Печерской, Стефанъ и Никонъ, и подвизавшійся еще до существованія лавры Варлаамъ научать тебя, православный читатель, черезъ эту книгу (кромѣ другихъ, не столь удобныхъ для тебя подвиговъ) терпѣнію въ напастяхъ, потомъ Ефремъ научить ревности ко святымъ мѣстамъ, Исаія—умноженію вѣры, Даміанъ и также Прохоръ, Маркъ и Пименъ—посту, Іеремія наставитъ пребыванію въ монастырѣ, Матѣій—стоянію въ церкви, Исаій и Никита научать покаянію послѣ искушенія, Лаврентій—рвенію къ затворничеству, Алимпій—подвигу въ рукодѣліяхъ, Агапѣтъ—служенію больнымъ, Григорій—обращенію къ покаянію, Моисей и Іоаннъ—страданіямъ за чистоту, Теофилъ—слезамъ, другой Пименъ—терпѣнію въ болѣзни, Θεодоръ и Василій—терпѣнію въ клеветаніи, Спиридонъ и Никодимъ—псалмопѣнію, Евстратій и Кукша—страданію за Христа, Никонъ Сухій—терпѣнію въ плѣну, Аѳанасій—послушанію, покаянію и вѣрѣ къ святому Печерскому монастырю, Святоша—пренебреженію славою, Еразмъ—украшенію храмовъ, Ареѳа—благодаренію за похищеніе имущества, Титъ—

любви, Нифонтъ—ревности о православіи, наконецъ, Несторъ, Симонъ и Поликарпъ научать тебя здѣсь, православный читатель, не только читать житія святыхъ, преподобныхъ и богоносныхъ отцовъ нашихъ печерскихъ, но также изображать ихъ и на самомъ себѣ добрыми дѣлами.

Усердно желаемъ, чтобы ты исполнилъ это и былъ вписанъ въ книгъ жизни вѣчной.

Желающіе твоему благочестію благой временной и вѣчной жизни, твои богомольцы, иноки святой великой чудотворной лавры Печерской Кіевской.

Изображеніе иконы Пресв. Богородицы Кіево-Печерской.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ ПОМѢЩЕНЫ

Ж И Т І Я С В Я Т Ы Х Ъ

ПРЕПОДОБНЫХЪ И БОГОНОСНЫХЪ ОТЦОВЪ НАШИХЪ

П Е Ч Е Р С К И Х Ъ,

НАПИСАННЫЯ ПРЕПОДОБНЫМЪ ОТЦОМЪ НАШИМЪ

НЕСТОРОМЪ, ЛѢТОПИСЦЕМЪ РОССІЙСКИМЪ,

И Т А К Ж Е

*Сказаніе о святой чудотворной Церкви Печерской, написанное
блаженнымъ*

СИМОНОМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ВЛАДИМІРСКИМЪ и СУЗДАЛЬСКИМЪ,

КОТОРОМУ ПРИНАДЛЕЖИТЬ И ПРОЧЕЕ, ЗДѢСЬ ПОМѢЩЕННОЕ.

КЪ СЕМУ ПРИЛОЖЕНЫ И ПОХВАЛЬНЫЯ СЛОВА

ПРЕПОДОБНЫМЪ И БОГОНОСНЫМЪ ОТЦАМЪ НАШИМЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНИКАМЪ
ПЕЧЕРСКИМЪ

АНТОНІЮ и ѲЕОДОСІЮ.

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія, первоначальника русскихъ иноковъ, начавшихъ подвизаться въ пещерахъ.

Посланный Промыслѣмъ Божиимъ, онъ принесъ въ Россію благословеніе святой Афонской горы, и положилъ въ ней начало совершенному иноческому житію и основалъ при дивныхъ чудесахъ святую Печерскую Лавру.

Благословенъ Богъ, сотворившій все премудростью, Который хочетъ спасенія и просвѣщенія разумомъ истины всѣмъ людямъ. Благословенъ Онъ за то, что не оставилъ до конца Россійской нашей земли, и не попустилъ ей помрачиться тьмою невѣдѣнія, вдали отъ путей спасенія.

Подобно тому, какъ въ началѣ міра, когда вся земля была покрыта тьмою, находившеюся надъ бездною, и духъ Святыи носился надъ водами — прежде всего сотворилъ Богъ свѣтъ для новосозданной земли, потомъ повелѣлъ Онъ солнцу возсіять надъ землею и далъ солнцу во власть день, а лунѣ и землѣ назначилъ просвѣщать и обладать ночью: такъ, когда пришелъ конецъ назначеннымъ годамъ, а наша Россійская земля была помрачена адскою тьмою, невѣдѣніемъ спасенія, тогда Святыи Духъ, носясь надъ крещеніемъ, преподаннымъ намъ чрезъ благовѣрнаго князя Владиміра, просвѣтилъ насъ впервые свѣтомъ вѣры. Потомъ открылъ намъ Солнце мысленное, свѣтящее добрыми дѣлами, чтобъ сіяло оно намъ въ дни спа-

сенія, давая свой свѣтъ и мысленнымъ лунѣ и звѣздамъ, осѣняющимъ помощью своею нашъ путь во тьмѣ нерадѣнія.

И избралъ Онъ на то преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Антонія, который вскорѣ по крещеніи Россіанъ, какъ второй Моисей, послѣ перехода Израильтянъ чрезъ море, повинувась призванію Божію, возшелъ на святую гору—не Синайскую, дымящуюся огнемъ ярости Божіей, но Аѳонскую, сіяющую благодатию Богородицы, гдѣ принялъ онъ благодатный законъ, переданный по ангельской помощи святому иноческому чину. И, когда онъ пришелъ съ Аѳона, посланный Богомъ въ Россію, передать ей совершенный законъ—явился онъ во всемъ подражателемъ Израильскаго законодателя. Какъ тотъ, придя съ заповѣдями ко Израилю, явилъ на себѣ солнечные лучи и потому возложилъ на лицо свое покрывало: такъ и этотъ преподобный, нашъ русскій законодавецъ, просвѣтился добрыми дѣлами, подобно свѣтозарному солнцу, какъ и называетъ его Церковь, почему и поселился онъ въ пещерѣ, какъ бы возлагая на лицо свое покровъ. Но, какъ облако, покрывшее солнце, не можетъ утаить его лучей и затмить дня, такъ и пещера не могла утаить принесеннаго преподобнымъ отцомъ нашимъ Антоніемъ закона, о которомъ говоритъ онъ, вмѣстѣ съ пророкомъ, какъ о путеводномъ лучѣ своемъ: «законъ твой — свѣтильникъ ногамъ моимъ и свѣтъ стезямъ моимъ!»

Подобно солнцу, просвѣтилъ преподобный законодавецъ нашу Россійскую землю совершеннымъ иноческимъ закономъ, сіяющимъ въ пещерѣ добрыми дѣлами, какъ свѣтомъ, свѣтящимъ и во тьмѣ, и устроилъ ей благоприятный день спасенія, въ которомъ стали ходить тѣ сыны Россіи, принявшіе благочинный иноческій образъ, вопія съ апостоломъ: «Се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія!» И, какъ весь кругъ

Преп. Антоній молится на мѣстѣ будущей лавры.

земной, закрывъ лицо солнцу, не можетъ препятствовать ему бросать свѣтъ на властвующія въ ночи свѣтила— луну и звѣзды, такъ и преподобный отецъ нашъ Антоній, покрытый пещерной землею, какъ мысленное солнце, — невозбранно озарилъ въ Россіи своимъ свѣтомъ мысленныя свѣтила, помогающія намъ въ ночи нашего нерадѣнія о спасеніи.

Изъ нихъ сіяющаго ярче всѣхъ, преподобнаго Θεодосія Печерскаго—называетъ Церковь Россійская звѣздою, не простою, но такою, что она является вождемъ прочимъ звѣздамъ, то-есть луною. (Подобно тому, семь первыхъ свѣтилъ небесныхъ, имѣющія собственное движеніе и называемыя планетами,—въ числѣ ихъ не только луна, но и солнце называются у учителей церковныхъ семью звѣздами, содержимыми въ десницѣ Господней). Прочіе же безчисленные Печерскіе святые, которые въ законѣ, принесенномъ отъ преподобнаго Антонія, послѣдовали уставу преп. Θεодосія, просіяли какъ чистыя звѣзды, умноженныя на тверди небесной. И вотъ почему неложно святая чудотворная Печерская Лавра явилась небесамъ подобною.

Итакъ, вмѣстѣ съ преп. Несторомъ, лѣтописцемъ Россійскимъ, просіявшимъ въ то же время, начнемъ сказывать повѣсть о первомъ великомъ свѣтильникѣ сего Россійскаго неба.

Въ княженіи благовѣрнаго великаго князя Владиміра Святославича, самодержца Россійской земли, благоволилъ Богъ явить свѣтильника Церкви Своей и наставника иночествующимъ, приснопамятнаго мужа, преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Антонія.

Онъ родился въ городѣ Любечѣ, съ дѣтства имѣлъ въ душѣ страхъ Божій и желалъ облечься въ иночскій образъ. Человѣколюбивый Господь положилъ ему на сердце идти въ страну Греческую и тамъ постричься. И онъ отправился въ путь, странствуя ради стран-

ствовавшего и потрудившагося для нашего спасенія Господа, достигъ Цареграда, а за нимъ и Аѳонской горы. Тамъ обошелъ онъ святыя монастыри и видѣлъ бытъ святыхъ отцовъ, выше человѣческаго естества, во плоти подражающихъ ангельскому житію. И еще болѣе воспламенившись любовью ко Христу, желая поревновать житію тѣхъ отцовъ, пришелъ онъ въ одинъ изъ находящихся тамъ монастырей и молилъ игумена возложить на него образъ иноческаго чина. Игумень, провидя будущія его добродѣтели, исполнилъ просьбу, постригъ его и научилъ его совершенному иноческому житію. Антоній же, угождая во всемъ Богу, подвизался и въ прочихъ добродѣтеляхъ, преуспѣвая въ покорности и послушаніи, такъ что всѣ радовались за него.

Когда уже не мало времени провелъ онъ на Святой горѣ, будучи праведенъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, такъ что многіе отъ него духовно пользовались: было извѣщеніе отъ Бога игумену, отпустить преподобнаго въ Россію. Игумень пригласилъ его и сказалъ: «Антоній, иди назадъ въ Россію, чтобъ и тамъ бытъ на пользу и утвержденіе другихъ, и да будетъ на тебѣ благословеніе Святой горы». — Преп. Антоній, принявъ благословеніе, какъ бы изъ Божьихъ устъ, отправился въ Россію и пришелъ въ городъ Кіевъ. Войдя въ Кіевъ, онъ думалъ, гдѣ бы ему жить, и ходилъ по монастырямъ (которые начинали тогда строиться иноками, изъ грековъ, пришедшими для крещенія Руси съ митрополитомъ Михаиломъ, но не имѣли совершеннаго чина и устава общежительнаго). И не захотѣлъ онъ жить ни въ одномъ изъ этихъ монастырей, такъ какъ неугодно было то и Богу. И началъ онъ ходить по дебрямъ и горамъ и окрестностямъ, и пришелъ въ Берестово, открылъ пещеру, которую нѣкогда ископали Варяги, сотворилъ молитву, поселился тамъ и пребывалъ въ великомъ воздержаніи.

Когда преставился благовѣрный князь Владиміръ, власть перешла къ безбожному и окаянному Святополку, онъ сѣлъ княжить въ Кіевѣ и, начавъ убивать братію свою, умертвилъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба. Видя такое кровопролитіе, преп. Антоній снова ушелъ на Святую гору.

Святополкъ побѣдилъ и сѣлъ княжить въ Кіевѣ благовѣрный князь Ярославъ. Онъ любилъ село Берестово и Берестовскую церковь во имя святыхъ апостоловъ, и собиралъ около себя пресвитеровъ. Былъ тамъ пресвитеръ именемъ Иларіонъ, мужъ благочестивый, разумѣвшій Божественное писаніе, и постникъ. (Онъ чрезъ много лѣтъ соборомъ русскихъ епископовъ и по желанію князя Ярослава изволеніемъ Божиимъ, поставленъ былъ во св. Софійской церкви митрополитомъ, но прежде того былъ постриженъ въ иноческій чинъ преподобнымъ Антоніемъ). Этотъ пресвитеръ ходилъ отъ Берестова къ Днѣпру, на холмъ, гдѣ теперь мѣсто первоначальнаго Печерскаго монастыря; тогда былъ тамъ густой лѣсъ. Иларіонъ ископалъ себѣ малую пещеру, сажени въ двѣ, и въ ней совершалъ псалмопѣніе съ поклонами, молясь тайно Богу, а преп. Антоній находился въ то время на Святой горѣ, въ монастырѣ, гдѣ постригся. И было снова игумену извѣщеніе отъ Бога: «Пошли снова Антонія въ Россію: онъ Мнѣ нуженъ тамъ». Игумень, позвавъ къ себѣ преподобнаго, сказалъ ему: «Антоній, — Божья воля, чтобъ ты шелъ опять въ Россію, и да будетъ надъ тобою благословеніе отъ Святой горы» — и предрекъ игумень, что много отъ него произойдетъ черноризцевъ — и, благословивъ его, отпустилъ его со словами: «Иди съ миромъ».

Преп. Антоній, принявъ благословеніе, прибылъ снова въ Кіевъ и взошелъ на холмъ, гдѣ Иларіонъ ископалъ малую двухсаженную пещеру, и, возлюбивъ то мѣсто, такъ помолился со слезами: «Господи, да будетъ на мѣстѣ этомъ благословеніе святой Аѳонской горы и

молитва моего старца, который меня постригъ, и утверди, Господи, жительство мое здѣсь».

Послѣ этой молитвы, поселился тамъ Антоній и началъ жить, постоянно молясь Богу, ѣлъ онъ сухой хлѣбъ и пилъ воду въ мѣру—и то чрезъ день, а иногда чрезъ два; иногда же не вкушалъ цѣлую недѣлю, пребывалъ въ бодрствованіи день и ночь и копалъ своими руками бѣольшую противъ прежней пещеру.

О немъ стали узнавать люди, и нѣкоторые приходили, принося ему нужные припасы и прося благословенія отъ него; другіе же желали и жить съ нимъ; въ числѣ ихъ былъ и блаженный Никонъ.

Тогда же пришелъ къ преподобному Антонію въ пещеру и преп. Θεодосій, двадцати трехъ лѣтъ возрастомъ; и преп. Антоній приказалъ постричь его блаженному Никону, такъ какъ тотъ былъ іерей и искусный инокъ.

По долгомъ княженіи преставился благовѣрный князь Ярославъ, и власть принялъ старшій его сынъ Изяславъ и сѣлъ княжить въ Кіевѣ. А преп. Антоній былъ уже тогда извѣстенъ по Россійской землѣ великими добродѣтелями своими, какъ въ древности въ Египтѣ великій Антоній. Слышавъ о житіи его, христіюбивый князь Изяславъ пришелъ къ нему съ дружиною своею, прося у него благословенія и молитвы,—и съ тѣхъ поръ всѣ уже узнали о преп. Антоніи и стали почитать его, и нѣкоторые христіюбцы стали приходять къ нему для постриженія, и онъ принималъ ихъ и постригалъ.

Въ то время пришелъ къ преподобному Антонію блаженный Варлаамъ, сынъ знатнаго боярина Іоанна, потомъ Ефремъ, слуга княжескій, которыхъ, по ихъ желанію, преподобный велѣлъ постричь Никону. Много смущенія потерпѣлъ преп. Антоній съ братією за постриженіе этихъ двухъ иноковъ. Знатный бояринъ Іоаннъ,

со множествомъ слугъ, въ ярости пришелъ въ пещеру и, разогнавъ Богоизбранное стадо преп. Антонія, вывелъ сына своего блаженнаго Варлаама изъ пещеры, снялъ съ него святыя монашескія одежды, облекъ въ свѣтлое боярское платье и насильно повлекъ его въ свои палаты. Но, кромѣ того, еще и самъ князь Изяславъ, узнавъ о постриженіи и сына боярина и своего любимаго слуги—разгнѣвался на братію Христову, собранную преп. Антоніемъ, и, приказавъ привести къ себѣ постригавшаго ихъ блаженнаго Никона, излилъ на него гнѣвъ свой за постриженіе ихъ, требуя, чтобъ Никонъ уговорилъ ихъ опять жить въ міру, и угрожалъ послать его наставника Антонія со всѣми пещерными иноками въ заточеніе и раскопать ихъ пещеру.

Преп. же отецъ Антоній, понуждаемый такимъ гнѣвомъ, внушеннымъ княземъ тьмы, ушелъ тогда изъ пещеръ съ оставшеюся братіею въ другія мѣста.

Но, узнавъ о томъ, жена князя усиленно просила супруга не изгонять изъ своей области рабовъ Божіихъ, чтобъ не навлечь такого же гнѣва Божія, какой былъ въ ея отечествѣ, землѣ польской, по изгнаніи черноризцевъ.

(Княгиня эта была полька, дочь Болеслава Храбраго — и она вспомнила о томъ гнѣвѣ Божіемъ, который разразился, когда изгнаны были черноризцы, въ видѣ мести за постриженіе преподобнаго Моисея Угрина; тогда отецъ ея, Болеславъ, изгнавшій тѣхъ рабовъ Божіихъ, умеръ внезапною смертію, и, во время междоусобной брани, народъ убилъ епископовъ и бояръ).

Едва умолила княгиня князя Изяслава, но, опомнясь и устрашась Бога, онъ послалъ къ преподобному просьбу, чтобъ возвратился старецъ на свое мѣсто. Едва на третій день нашли его и умолили вернуться.

Такъ возвратился преподобный отецъ нашъ Антоній въ пещеру и непрестанно молился Богу, да подастъ

ему силу терпѣть доблестно всѣ напасти, наносимыя врагомъ, ненавистникомъ добра, и да не предасть звѣрямъ духовнымъ душъ исповѣдающихся ему и да не забудеть до конца убогихъ своихъ. И, по молитвамъ его, не только разсѣянные овцы возвратились съ миромъ къ своему пастырю, но и множество другихъ, ищущихъ спасенія, приходило къ нему въ пещеру и умоляло, избавить ихъ отъ тьмы пути скользкаго и наставить ко свѣту пути спасенія. И онъ всѣхъ принималъ съ любовью, и, научивъ, какъ слѣдовать Христу, приказывалъ постригать ихъ блаженному Никону. И собралась къ нему братія числомъ двѣнадцать. И выкопали они большую пещеру, гдѣ устроили церковь и келіи *), существующія понынѣ въ пещерахъ подъ первоначальнымъ Печерскимъ монастыремъ; тамъ прожилъ преп. Антоній 40 лѣтъ.

Когда братія была собрана, преп. отецъ Антоній сказалъ: «Вотъ, братіе, Господь избралъ васъ, и на васъ благодать Святой горы, съ которою постригъ меня игумень, а я постригъ васъ; да будетъ на васъ благословеніе—прежде всего отъ Бога и Пресвятой Богородицы, второе же благословеніе — отъ Святой горы». Затѣмъ онъ сказалъ имъ: «Живите сами безъ меня; я поставлю вамъ игумена, а самъ хочу жить одинъ, какъ привыкъ къ тому прежде». И онъ поставилъ имъ игуменомъ блаженнаго Варлаама, а самъ, избѣгая молвы и суеты житейской, затворился въ одной изъ келій той же пещеры. Потомъ переселился онъ оттуда на другой холмъ и началъ копать другую пещеру, находящуюся подъ нынѣшнимъ Печерскимъ великимъ монастыремъ.

Игумень же блаженный Варлаамъ и братія, принявъ отъ преп. Антонія благословеніе, остались жить въ первой пещерѣ. При умноженіи братіи, такъ какъ уже

*) Нынѣ Ближнія пещеры.

нельзя было имъ во время соборнаго служенія вмѣститься въ пещерахъ, задумали они поставить малую церковь внѣ пещеры. Тогда пришелъ игумень съ братіею къ преп. Антонію въ другую пещеру и сказали ему: «Отче, братія умножается, и не можемъ мы болѣе вмѣститься во время соборной молитвы въ пещерѣ; итакъ, повелѣніемъ Господнимъ и Пресвятой Богородицы и святою твоею молитвою благослови поставить намъ малую церковь внѣ пещеры». И благословилъ ихъ на это дѣло преподобный; они, поклонясь ему въ ноги, ушли и начали строить надъ пещерою малую церковь Успенія Пресвятой Богородицы.

Когда эта малая церковь надъ пещерою была устроенна и игуменомъ въ пещерахъ былъ блаженный Варлаамъ, князь Изяславъ, который былъ нареченъ въ св. крещеніи Димитріемъ, воздвигъ церковь каменную во имя того святого, устроилъ при ней монастырь и взялъ туда на игуменство блаженнаго Варлаама, ибо хотѣлъ возвысить свой монастырь выше Печерскаго, надѣясь на силу богатства. Но много бываетъ монастырей, поставленныхъ богатствомъ, чрезъ князей и бояръ, но не таковъ удѣлъ ихъ, какъ удѣлъ монастырей, поставленныхъ молитвами и слезами, постомъ и бдѣніемъ святыхъ. Такъ, и преп. Антоній не имѣлъ ни золота, ни серебра, но, поливая слезами, возрастилъ несравненный монастырь.

Когда игумень Варлаамъ отошелъ въ монастырь святого великомученика Димитрія изъ начальнаго Печерскаго монастыря, братія, подвизавшаяся въ пещерахъ, пришли къ преп. Антонію и сказали ему: «Отче, поставь намъ игумена!» «Кого хотите вы?» спросилъ онъ ихъ.— «Кого хочетъ Богъ и Пресвятая Богородица и ты, честный отче!» И сказалъ имъ преподобный: «Кто изъ васъ послушливъ, кротокъ и смиренъ, тотъ да будетъ вамъ игуменомъ». Тогда просили у него во игумена преп. Фео-

досія, какъ единонравнаго ему и во всемъ опытнаго. И благословиль его преподобный на игуменство. Вся же братія, коей числомъ было двадцать, поклонилась преп. Антонію до земли, радуясь о такомъ наставникѣ.

Когда же преп. Θεодосій принялъ игуменство надъ пещерами и въ великомъ тѣснѣ, съ постомъ и слезными молитвами исполнялъ свое дѣло, много тогда споспѣшествовало благословеніе и молитва начальника его, преп. отца нашего Антонія, безмолвствовавшего въ уединеніи. Богъ началъ еще больше умножать число черноризцевъ, такъ что вскорѣ при преп. Θεодосіи собралось ихъ сто. И преп. Θεодосій игумень, видя великое умноженіе братіи, порѣшилъ съ ними поставить монастырь, и снова пошли они къ преп. Антонію и сказали ему: «Отче, умножается братія, и мы бы хотѣли поставить монастырь». Радостью исполнился преп. Антоній и сказалъ: «Благословенъ Богъ за все. Молитва Пресвятой Богородицы и угодниковъ Святой Горы да будетъ съ вами и да поможетъ вамъ!» Онъ послалъ тогда одного изъ иноковъ ко князю Изяславу съ такими словами: «Христіолюбивый князь, Богъ умножаетъ братію, мѣсто же наше тѣсно. Просимъ тебя — дай намъ ту гору, что надъ пещерою!»

Услышавъ это, князь обрадовался и послалъ боярина своего отвести имъ находящуюся надъ пещерою гору. На ней преп. игумень Θεодосій и братія построили большую деревянную церковь и, построивъ, украсили ее иконами и поставили много келій и окружили монастырь, куда переселились изъ пещеръ, оградою, — и съ тѣхъ поръ монастырь этотъ, возникшій по благословенію Святой Горы, началъ зваться Печерскимъ, потому что прежде черноризцы жили въ пещерахъ.

Затѣмъ преп. Θεодосій пожелалъ укрѣпить монастырь свой, кромѣ видимой стѣны еще мысленнымъ огражденіемъ, т.-е. уставомъ для иночествующихъ не въ

затворѣ, а въ монастырѣ. И началъ онъ искать монастырскаго правила (какъ пишется о томъ въ житіи его) — и помощію ему было благословеніе и молитва преп. Антонія. Ибо, по его благословенію и молитвѣ и по Божію Промыслу, нашелся тогда честный Михайль, инокъ святого Студійскаго монастыря, съ митрополитомъ Георгіемъ пришедшій изъ Греціи. Его много вопрошалъ преп. игумень Θεодосій объ уставѣ отцовъ Студійскихъ, какъ у нихъ поютъ, и какъ ведется чтеніе, и какъ содержать поклоны, и стояніе въ церкви, и трапезу, и какая въ какіе дни пища. Подробно узнавъ все это отъ Михаила, а также отъ блаженнаго Ефрема, бывшаго въ святыхъ мѣстахъ, онъ собралъ вмѣстѣ и списанныя тамъ и принесенныя изустно въ Кіевъ правила и передалъ своему монастырю, и отъ этого монастыря всѣ русскіе монастыри получили уставъ. И оттого почтенъ монастырь Печерскій первенствомъ предо всѣми и честію выше всѣхъ.

Такъ помогли Θεодосію игумену Печерскому благословеніе и молитва преп. отца нашего Антонія. Въ это время жизни преп. Θεодосія и управленія его по уставу добродѣтельнымъ житіемъ иноковъ пришелъ къ нему принимавшему всѣхъ приходящихъ, преп. отецъ Несторъ, лѣтописецъ Россійскій, составитель и этого и другихъ житій; въ то время преп. Нестору было семнадцать лѣтъ, какъ онъ самъ пишетъ о себѣ. Его съ любовью принялъ преп. Θεодосій, по благословенію и молитвѣ преп. Антонія. Онъ первый засвидѣтельствовалъ, отчего монастырь прозвался Печерскимъ, и въ лѣтописи своей вкратцѣ написалъ на пользу о первыхъ подвигахъ первоначальника монастыря, преп. отца Антонія. Но о чудесахъ, хотя и не всѣхъ, напримѣръ, о честной кончинѣ преподобнаго, мы будемъ повѣствовать со словъ блаженнаго епископа Симона и сотрудника его Поликарпа; свидѣтельство же подвиговъ и скорбей,

которыя претерпѣлъ преп. Антоній, предоставимъ Нестору лѣтописцу.

Преп. отецъ нашъ Антоній, уединенный въ другой пещерѣ, видя умноженіе и благочиніе своего избраннаго Богомъ стада, — прославлялъ Бога въ добродѣтеляхъ внѣшнихъ и духовныхъ, и шелъ изъ силы въ силу. Поэтому Богъ прославилъ его такъ, что онъ просіялъ въ Русской землѣ различными чудесами, особенно же даромъ исцѣленія и пророчества. Преп. отецъ Антоній явился чудеснымъ врачомъ и Россійскимъ пророкомъ. Чудотворное же врачеваніе его происходило такъ: преподобный старецъ самъ служилъ болящимъ и исцѣлялъ ихъ своею молитвою; но, покрывая смиренномудріемъ даръ исцѣленій, заключавшійся въ его молитвѣ, — онъ то зеліе, которымъ питался, благословлялъ и подавалъ какъ лѣкарство, и больные, принявъ его, какимъ бы недугомъ одержимы ни были, становились здоровы. Подражателемъ такого своего чудотворнаго врачеванія онъ оставилъ блаженнаго Агапита. О дарѣ же прозорливости, кромѣ другихъ случаевъ, свидѣтельствуется слѣдующій.

Однажды трое князей Ярославичей, Изяславъ князь Кіевскій, Святославъ Черниговскій и Всеволодъ Переяславскій, отправляясь въ походъ противъ Половцевъ, пришли за благословеніемъ къ преп. Антонію. Онъ же, провидя духомъ надъ ними гнѣвъ Божій, прослезился и сказалъ имъ: «Ради вашихъ грѣховъ вы будете побѣждены и обращены въ бѣгство невѣрными; многіе изъ воиновъ вашихъ потонутъ въ рѣкѣ, другіе будутъ взяты въ плѣнъ, нѣкоторые падутъ отъ меча». Это и сбылось на рѣкѣ Альтѣ, такъ что едва сами князья спасли свою жизнь и бѣжали, — Изяславъ и Всеволодъ въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ; половцы же разсѣялись по всей Русской землѣ, грабили и уводили въ плѣнъ жителей.

Въ то же время преподобный предсказалъ Шимону, сыну африканскаго князя, что онъ не только уцѣлѣеть въ битвѣ отъ смерти, уже лежа среди труповъ, но чрезъ много лѣтъ будетъ первый положенъ въ каменной Печерской церкви, о чудесномъ созданіи которой преподобный тоже предсказалъ, — и все это во-истину сбылось, и Шимонъ, возвратясь съ похода, повѣдалъ преподобному: «Я лежалъ раненый среди многихъ убитыхъ, но нѣкая Божія сила вынесла меня изъ ихъ среды и исцѣлила мои раны, и я нашель свое имущество и воиновъ».

Потомъ разсказалъ Шимонъ, что подобіе Печерской церкви, которая будетъ создана и въ которой онъ будетъ положенъ, видѣлъ онъ на воздухѣ дважды, лежа на полѣ битвы у рѣки Альты и еще, находясь на морѣ, когда изгнанный дядею своимъ Якуномъ, отъ варяжскаго княженія, бѣжалъ въ Россію къ князю Ярославу. Повѣдавъ все это, Шимонъ удостовѣрилъ на дѣлѣ благословіе Божіе, явленное ему въ откровеніи о церкви, о которой пророчествовалъ преп. Антоній. Онъ вынесъ золотой поясъ и вѣнецъ и далъ преп. Антонію со словами: «Это снялъ я съ образа Іисуса, распятаго на крестѣ, когда покидалъ мое отечество, такъ какъ здѣсь я буду лежать, то этимъ поясомъ, какъ повелѣлъ мнѣ гласъ Господень, пусть измѣрится основаніе церкви, въ которой я буду положенъ; вѣнецъ же пусть будетъ повѣшенъ надъ жертвенникомъ». И потомъ чрезъ много лѣтъ явно оказалось, что предсказаніе преп. отца Антонія, которое и сбылось, — согласовалось съ Божіимъ благословіемъ, когда, по созданіи Печерской церкви, первымъ положенъ въ ней былъ Шимонъ.

Но прежде вспомнимъ, по лѣтописцу, о немалой напасти, которую претерпѣлъ преподобный. Князь тьмы, діаволь, ненавидящій свѣта дѣлъ добрыхъ, снова по-

кусился чрезъ князя Изяслава удалить изъ стольнаго города Кіева такого великаго свѣтильнилька, преп. отца нашего Антонія, свѣтѣщаго добродѣтелями и чудесами въ темной пещерѣ, какъ подъ спудомъ, — и устроилъ такое смущеніе.

Когда половцы побѣдили въ упомянутой битвѣ, кіевскіе граждане понуждали своего князя Изяслава выйти съ ними снова на этихъ враговъ, разсѣявшихся по всей землѣ Русской. Когда же Изяславъ не согласился, они произвели возмущеніе, освободили изъ темницы находившагося въ Кіевѣ въ плѣну полоцкаго князя Всеслава и поставили его себѣ княземъ кіевскимъ, а князь Изяславъ бѣжалъ въ Польшу. Семь мясецевъ сидѣлъ Всеславъ въ Кіевѣ, когда пришелъ на него изъ Польши Изяславъ, съ королемъ Болеславомъ Смѣлымъ. Всеславъ же, выйдя изъ города съ другой стороны, тайно бѣжалъ къ Полоцку. Тогда Изяславъ вошелъ въ Кіевъ и, по наущенію діавола, началъ жестоко гнѣваться на преп. Антонія: кто-то оклеветалъ его предъ Изяславомъ, будто онъ любилъ Всеслава и былъ его совѣтникомъ, а потому былъ виновникомъ всей этой смуты.

А преп. Антоній служилъ въ то время въ пещерѣ болящему Исаакію затворнику, котораго діаволь прельстилъ, явившись ему въ образѣ Христа, и оставилъ едва живымъ, изнуривъ его плясаніемъ. Врагъ особенно завидовалъ этому служенію святого и старался, чтобъ Исаакій затворникъ не былъ быстро исцѣленъ душевно и тѣлесно попеченіемъ преподобнаго. И потому онъ всячески побуждалъ Изяслава изгнать гнѣвомъ своимъ преп. Антонія отъ предѣловъ Кіевскихъ. И на нѣкоторое время врагъ получилъ желаемое. Князь Черниговскій Святославъ, извѣщенный, что братъ его Изяславъ жестоко гнѣвается на преп. Антонія, прислалъ за святымъ ночью и увезъ его въ Черниговъ. Тамъ по-

нравилось преподобному мѣсто близъ города на горѣ Болдыни, и, ископавъ тамъ пещеру, онъ жилъ въ ней. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ былъ созданъ монастырь.

Но недолго ликоваль ненавистникъ добра. Ибо вскорѣ князь Изяславъ, спокойно разсмотрѣвъ дѣла, позналъ незлобіе святого, увидѣлъ козни искусителя и, жалѣя о сдѣланномъ, послалъ въ удѣль Святослава, область Черниговскую, къ преп. Антонію, съ просьбою возвратиться въ его Кіевскую область обратно, къ Богоизбранному его стаду. И преп. Антоній, кроткій и смиренный сердцемъ, преклонился къ мольбѣ и возвратился къ своей братіи, которая находилась въ смятеніи и отверженіи, какъ овцы не имѣющія пастыря. Такъ не восхотѣлъ Богъ, чтобы этотъ всесвѣтлый свѣтильникъ, русское свѣтозарное солнце, преп. отецъ нашъ Антоній, положилъ начало благочиннаго иноческаго житія въ иномъ городѣ, кромѣ богоспасаемаго стольнаго города Кіева, чтобы, откуда возсіялъ свѣтъ православной вѣры чрезъ благовѣрнаго князя Владимира на всю Русь, оттуда же возсіяли и лучи совершеннаго постническаго закона чрезъ преподобнаго отца нашего Антонія.

И послѣ этой напасти не изнемогъ преп. отецъ нашъ Антоній, но, проходя степени бѣльшихъ подвиговъ, трудился въ пещерѣ, доколѣ не побѣдилъ до конца некрѣпкую силу діавола. Изгоняя, по евангельскому реченію, молитвою и постомъ нечистый родъ этотъ также и другими добродѣтельными трудами, бдѣніемъ, стояніемъ, колѣнопреклоненіемъ безчисленнымъ, — никогда, кромѣ того, не оставлялъ онъ своей пещеры, хотя вся жизнь его въ этомъ темномъ мѣстѣ была непрестанная брань съ міродержцемъ тьмы вѣка сего.

И снова потекли отъ преподобнаго прежніе его чудотворенія, но съ бѣльшею силою. Онъ началъ имѣть великую заботу о созданіи каменной Печерской церкви,

о которой предсказалъ и о которой принялъ чрезъ Шимона свидѣтельство Божія благословенія. И, по совѣщаніи съ преп. игуменомъ Θεодосіемъ, онъ молился прилежно небесному Зодчему, чтобъ Онъ Самъ непорочными Своими руками благословилъ и помогъ создать Домъ Непорочной Матери Своей, Владычицѣ нашей Богородицѣ; и говорилъ онъ, подражая Давиду: «Если Господь не созиждетъ дома, напрасно трудятся строящіе его» (Пс. 126, 1).

И вотъ, когда, не отлучаясь никуда изъ Печерскаго монастыря, святой подвизался въ такой молитвѣ: какъ нѣкогда преславный чудотворецъ Николай Мирликійскій, явился онъ съ единомравнымъ другомъ своимъ преп. Θεодосіемъ, въ Константинополь, предстая Царицѣ Небесной Пресвятой Богородицѣ, и получивъ отъ Нея золото, вручилъ его художникамъ каменнозодчимъ, чтобъ шли они въ Россію, для построенія Печерской церкви, по повелѣнію Небесной Царицы.

И каменноздатели пришли изъ Греціи и повѣдали то великое чудо, а преп. отецъ нашъ Антоній сотворилъ новыя великія чудеса, свойственныя древнимъ прокамъ Гедеону и Иліи. Когда мастера стали спрашивать, на какомъ мѣстѣ воздвигать по повелѣнію Царицы Небесной церковь, преп. отецъ нашъ Антоній молился три дня, чтобы Самъ Трїединый Богъ указалъ небеснымъ знаменіемъ мѣсто, достойное для жилища Царицы Небесной. И, такъ какъ мѣста не было достаточно, прїѣхалъ, какъ бы по внушенію Божію, князь Святославъ къ инокамъ, собравшимся для избранія мѣста, и даровалъ на то свое поле.

Въ первую ночь молитвы преп. Антонія явился ему Царь Славы Іисусъ Христосъ и сказалъ: «Антоній, ты обрѣлъ предо Мною благодать». И, услышавъ то, преп. Антоній испросилъ въ ту ночь, чтобъ по всей землѣ поутру была роса, а на мѣстѣ церкви—въ видѣ знаме-

нія—было сухо. Въ другую же ночь испросилъ повсюду сухость, а на мѣстѣ церкви—росу. Въ третій же день благословилъ то мѣсто и повелѣлъ размѣрить его золотымъ поясомъ, даннымъ Шимономъ, — на тридцать поясовъ въ длину и двадцать въ ширину, какъ было повелѣно Симону свыше, и свелъ молитвою своею огонь съ неба. Такъ что чрезъ сожженіе стоявшихъ на томъ мѣстѣ деревь и чрезъ углубленіе грунта достаточно приготовилъ то мѣсто, гдѣ нынѣ сіяетъ святая чудотворная небеси-подобная Печерская церковь, — о чемъ и написано въ сказаніи о той святой церкви.

Благословивъ такимъ чудотвореніемъ и выборъ мѣста и начало работъ церковныхъ во святой Печерской обители, преп. Антоній сталъ приготовляться самъ къ отшествію въ Церковь нерукотворенную, вѣчную, въ небесныхъ обителяхъ, о которой святой Іоаннъ написалъ въ Откровеніи: «Господь Богъ Вседержитель—храмъ его» (Откр. 21, 22). Такъ назначила Небесная Царица при явленіи Своемъ во Влахернѣ, говоря мастерамъ: «Сей Антоній только благословить васъ на дѣло, ибо отходитъ въ вѣчный покой, Θεодосій же послѣдуетъ за нимъ на второй годъ». Но въ какомъ приготовленіи имѣлъ нужду для честной смерти въ Господѣ преп. отецъ нашъ Антоній, который, проводя добродѣтельную жизнь въ пещерѣ, какъ въ вѣчномъ гробѣ, могъ сказать съ апостоломъ: «Я каждый день умираю» (I кор. 15, 31). Также каждый день, неложными устами, онъ говорилъ съ пророкомъ: «Уготовахся и не смутихся сохранить заповѣди Твоя».

Уже готовый, въ сердцѣ своемъ, къ смерти и не смущаясь уже о дѣлахъ своихъ, былъ только смущенъ онъ тѣмъ, чтобъ не оставить въ уныніи Богоизбранное свое стадо, такъ что надъ преподобнымъ исполнилось слово апостольское: «Влечетъ меня то и другое: имѣю желаніе рѣзрѣшиться и быть со Христомъ, потому что

это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнѣе для васъ» (Филип. 1, 24).

Но видя, что время разрѣшенія и отдѣленія души отъ тѣла уже приспѣло, онъ утѣшалъ чадъ своихъ, общая имъ, что и по отшествіи своемъ не оставитъ того святого мѣста, на которомъ подвизался; но будетъ всегда надзирать за нимъ и посѣщать, заботясь о немъ и помогая живущимъ въ немъ и притекающимъ къ нему съ вѣрою. И вотъ какое благонадежное общаніе, высшее всякаго наслѣдія, оставилъ онъ на святомъ мѣстѣ своемъ. Онъ общалъ молитвами своими ходатайствовать, чтобъ, какъ онъ самъ, умирая на этомъ мѣстѣ, растается съ жизнью, полный чувствъ покаянія, съ несомнѣнною вѣрою о помилованіи: чтобъ такъ-же сподобились и всѣ, упокоивающіеся тутъ, имѣющіе къ нему любовь—отходить въ покаяніи и получить помилованіе.

Пробывъ во второй пещерѣ своей 16 лѣтъ, онъ окончилъ въ ней свое временное житіе и отошелъ къ безконечному, въ десятый день мѣсяца іюля, въ годъ отъ созданія міра 6581, отъ Рождества Христова 1073, на 90 году своего рожденія, въ княженіе Святослава Ярославича князя Кіевскаго и въ царствованіе Романа Діогена царя Греческаго. Честныя мощи этого преподобнаго первоначальника были тогда же положены въ той же пещерѣ подъ великимъ монастыремъ, въ которой онъ скончался. И, подобно тому, какъ при жизни своей самъ преподобный удалялся отъ глазъ человѣческихъ, молясь Богу въ тайнѣ и въ уединеніи, такъ и мощамъ своимъ испросилъ то же дарованіе, чтобъ были удалены отъ глазъ человѣческихъ. Ибо подобало нашему Россійскому законодателю сподобиться равнаго дарованія съ Израильскимъ. Нѣкогда еще при жизни Моисея, когда онъ принесъ съ горы Синайской законъ Израилю, во свѣтѣ великаго сіянія, народъ не могъ

Послѣднее поученіе преп. Антонія братіи.

смотря на него при жизни его; такъ не могли видѣть и преп. отца нашего Антонія, еще живущаго въ пещерѣ, во свѣтѣ добрыхъ дѣлъ его, когда принесъ онъ законъ Русской землѣ съ горы Аѳонской. Сокрыты отъ зрѣнія мощи почившаго Моисея, Израильскаго законодавца, — такъ же скрыты отъ зрѣнія и мощи преп. отца нашего Антонія, Русскаго законодавца, и видѣть ихъ намъ доселѣ чудесно возбраняетъ Богъ, дивный во святыхъ Своихъ. Ибо многіе дерзнувшіе раскопать мѣсто, на которомъ положено честное тѣло преп. отца нашего Антонія, были наказаны огненнымъ попаленіемъ и болѣзнями тѣлесными, пока не каялись въ своемъ дерзновеніи. Но если отъ зрѣнія нашего удалены мощи преп. отца нашего Антонія, то помощь его всегда съ нами и близка ко всѣмъ призывающимъ его. Онѣ творять неизсякающія чудеса, помогая всѣмъ съ вѣрою притекающимъ къ честному гробу преподобнаго. Особенно же отгоняютъ отъ людей тьму бѣсовскую, и во истину свѣтъ свѣтится и во тьмѣ темной гробницы преподобнаго, и этого свѣта никогда не погаситъ тьма, но исчезаетъ отъ блистанія его.

Честныя мощи преп. отца нашего Антонія избавляютъ и отъ различныхъ недуговъ, поражающихъ не только тѣло, но и самую душу, какъ то испыталъ на себѣ святой Іоаннъ Многострадальный.

Три года борясь съ бездною нечистоты, много пострадавъ, томимый поползновеніемъ ко грѣху, — пришелъ онъ ко гробу преп. Антонія и молился предъ нимъ день и ночь, и онъ услышалъ голосъ преподобнаго: «Іоаннъ, Іоаннъ, тебѣ надо затвориться здѣсь въ пещерѣ, что-бъ молчаніемъ и невидѣніемъ людей утихла брань, и Господь поможетъ тебѣ». Іоаннъ сдѣлалъ такъ, и благодатью Божіею и молитвами преп. Антонія былъ спасенъ, и не побѣдили его нечистыя тѣлесныя страсти, хотя и вооружались на него, вмѣстѣ

съ нечистыми духами, почти въ продолженіе тридцати лѣтъ, какъ пишется въ житіи его.

Не оставилъ, по обѣщанію своему, преп. Антоній своего святаго мѣста. И, заботясь о немъ, онъ, по кончинѣ своей, явился съ преп. Θεодосіемъ (какъ явился при жизни)—въ Константинополѣ, гдѣ уговорился съ греческими иконописцами о написаніи святыхъ иконъ для церкви Печерской, и далъ имъ довольно золота, какъ и въ началѣ строителямъ—съ тѣмъ же преп. Θεодосіемъ; и послалъ онъ ихъ въ Кіевъ, въ свой Печерскій монастырь, къ блаженному Никону, который былъ тогда игуменомъ, какъ и описано въ сказаніи объ украшеніи святой Печерской церкви.

Вѣренъ преп. отецъ нашъ Антоній и въ томъ надежномъ обѣщаніи своемъ, по которому помогаетъ почитающимъ его, упокоеваясь на этомъ святомъ мѣстѣ, кончаться въ покаяніи и сподобляться помилованія.

Чудесно на дѣлѣ сбылось слово обѣщанія его на блаженномъ Еразмѣ, черноризцѣ Печерскомъ. Этотъ инокъ отдалъ золото свое на украшеніе церкви Печерской и скорбѣлъ о томъ. Когда же онъ впалъ въ лютую болѣзнь и былъ при кончинѣ, то лежалъ семь дней безъ чувствъ, не могъ скончаться безъ покаянія и быть погребеннымъ на томъ святомъ мѣстѣ. И вотъ, на восьмой день, явился ему преп. Антоній съ Θεодосіемъ и сказалъ: «Я молился о тебѣ Богу, и Богъ даровалъ тебѣ время покаянія». И Еразмъ выздоровѣлъ и принесъ совершенное покаяніе, такъ что, скончавшись чрезъ три дня, былъ помилованъ и сподобился быть причтеннымъ ко святымъ (о чемъ написано въ житіи его).

Прославимъ и мы Вседарователя Человѣколюбца, за дарованіе столь великаго чудотворца, первоначальника иночествующихъ въ землѣ нашей Россійской,— преп. Антонія. Другихъ многочисленныхъ его дѣлъ, особенно же бывшихъ до преставленія его, ни одинъ

человѣкъ не можетъ описать или повѣдать, и извѣстны они только Сердцевѣдцу, вѣдующему все безвѣстное и тайное. Его языкъ есть трость книжника скорописца, и Онъ пространнѣ всѣхъ написалъ житіе преп. отца нашего Антонія въ книгахъ жизни вѣчной.

Мы не нашли прочихъ книгъ о преп. Антоніи, утерянныхъ во многихъ браняхъ, а могли собрать только о немъ немногое. Надо намъ прилежно молить чудотворца сего первоначальника, чтобъ и мы, принятые въ благонадежное его обѣщаніе, по его ходатайству о насъ, сподобились скончать въ покаяніи жизнь нашу и быть помилованными, если и случится намъ быть виновными въ какомъ нибудь грѣхопадѣніи, сдѣланномъ по немощи человѣческой, и не совершить полного покаянія, чтобъ найти имена наши написанными въ книгахъ жизни вѣчной, вмѣстѣ съ преп. первоначальникомъ Антоніемъ, какъ дѣти съ отцемъ, — благодатію и челоуѣколюбіемъ первенствующаго во всемъ Начальника спасенія нашего, Господа Іисуса Христа, Которому со безначальнымъ Его Отцомъ и единосущнымъ Духомъ подобаеъ честь, слава, хвала и держава, нынѣ и присно и въ безконечные вѣки. Аминь.

Похвала преподобному и Богоносному отцу нашему Антонію Печерскому, первоначальному иноческаго житія въ Россіи.

Преподобенъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

Такое слово предлагаетъ намъ царственный пророкъ на похвалу преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Антонія Печерскаго, великаго и богатаго во всѣхъ добродѣтеляхъ.

Но, казалось бы, недостаточно здѣсь нашихъ устъ и нашего голоса. Обыкновенно, при похвалахъ выдающагося человѣка, спрашиваютъ: какого сана человѣкъ хвалящій, какого ума, какой жизни. Тотъ же обычай былъ еще въ древности, у язычниковъ; такъ, царь Александръ Македонскій завѣщаль никому не писать своего изображенія, кромѣ Апеллеса. Также и Августъ Кесарь великій запретилъ, чтобъ никто, кромѣ людей, одаренныхъ умомъ и искусныхъ, не смѣлъ говорить или писать о немъ. Ясно, что похвала, выходящая изъ устъ людей грѣшныхъ и неразумныхъ, имѣетъ мало достоинствъ, по словамъ Екклесіаста: «Непріятна похвала въ устахъ грѣшника» (Сир. 15, 9). Какъ же мы, будучи грѣшны, грѣшными устами похвалимъ того, какъ прославимъ того, о которомъ можемъ сказать, что не было лести въ устахъ его! Какъ грѣшнымъ гласомъ достойно воспоемъ того, кто достоинъ быть воспѣтымъ голосами преподобныхъ.

Но знаемъ, что похвала cadaго святаго бываетъ по-

хвалою Богу (какъ въ похвалѣ святому Аѳанасію написалъ святой Григорій Назіанзинъ: «Аѳанасія хваля, восхваляю добродѣтели; хваля же добродѣтели, восхваляю Бога, отъ Котораго истекають всѣ добродѣтели»). Нѣтъ лицепріятія у Бога (Римл. 2, 11). Поэтому мы, грѣшныя и неразумныя, дерзаемъ восхвалять своего преподобнаго, вспомяная его великія добродѣтели. Ибо Сирахъ говоритъ: «Восхвалимъ мужей славныхъ и отцовъ нашего рода» (Сир. 44, 1).

Если люди похваляютъ того святаго, кто прославилъ жизнь свою одною какою-нибудь добродѣтелью, выдѣлявшеюся надъ прочими, по слову— «память праведника пребудеть благословенна» (Притч. 10, 7) — то, тѣмъ болѣе, особой похвалы отъ насъ достоинъ преподобный отецъ нашъ Антоній Печерскій, который прославилъ себя на землѣ не единою, но всѣми добродѣтелями, украшающими инока.

Прежде всего прославилъ онъ себя любовію къ Богу. Отъ юности отвергся міра, богатства и славы и всего, что обѣщаль міръ, и посвятилъ себя на служеніе Богу иноческимъ житіемъ, говоря: «Сердце мое говоритъ отъ Тебя: ищите лица моего, и я буду искать лица Твоего, Господи» (Пс. 26, 8). И зналъ онъ тогда, что иноческое житіе есть жизнь подвижническая, мірская же жизнь суетна, иноческая жизнь—преподобна, мірская же полна клеветъ; иноческая жизнь—духовна, мірская же—плотская. Иноческая жизнь—небесная, мірская—земная, какъ говорятъ учителя.

Иной въ юности старается угодить міру; стараніе же преп. отца нашего Антонія Печерскаго было въ томъ, чтобъ угодить единой Божіей любви, которую избралъ себѣ въ невѣсты, говоря: «Ее возлюбилъ, ее возжелалъ я отъ юности моея, и искалъ ее, какъ невѣсту себѣ, и чтить я красоту ея.

И кому было ему въ юности своей уневѣститъ себя,

какъ не любви Божіей, такъ какъ и самое имя города *Любича*, въ которомъ онъ родился и былъ воспитанъ, возбуждало къ любви. И гдѣ ему было искать невѣсты, какъ не на небѣ, такъ какъ самое имя его Антоній не земное, а небесное, и значитъ «свыше данный». Если же преп. отецъ нашъ Антоній по имени и житію былъ не изъ земныхъ, но изъ небесныхъ, то какъ же не сказать намъ, что преподобенъ онъ есть въ любви Божіей?

Учители святыхъ Божіихъ уподобляютъ жемчужинамъ, по удаленію ихъ отъ міра, но мы уподобимъ преп. отца нашего Антонія жемчужинѣ не только за отверженіе міра, но и по имени его. Жемчугъ рождается въ морѣ, но имѣетъ много общаго съ небомъ, и служитъ подобіемъ его по бѣлизнѣ, свѣтлости и красотѣ состава своего, такъ что кажется совершенно небеснымъ. Такъ и преп. отецъ нашъ Антоній, хотя родился въ мірѣ, сердцемъ всегда пребывалъ на небѣ и больше связанъ былъ съ небомъ, чѣмъ съ землею, такъ какъ, оставивъ все земное, мыслить только о небесномъ, по словамъ: «Размыслилъ я о дняхъ древнихъ, о лѣтахъ вѣковъ минувшихъ, и многому научился» (Пс. 76, 6). Какъ дѣвица простого происхожденія, за красоту лица и добрые нравы избранная въ невѣсты царскія, забываетъ о простыхъ сельскихъ нравахъ, такъ и преп. отецъ нашъ Антоній, будучи избранъ отъ утробы матерней въ рабы Небеснаго Царя, возлюбивъ въ юности небесное, началъ забывать земное, говоря такъ: «Богъ далъ мнѣ забыть всѣ несчастія мои и весь домъ отца моего» (Быт. 41, 51).

Что же такое расположило его къ презрѣнію міра и сластей?—Любовь Божія, по изреченію псаломскому:— «Милость Твоя, Господи, сопровождаетъ меня» (Пс. 22, 6). И не чудо это! Какъ излишняя теплота понуждаетъ насъ снять одежду и обнажить тѣло, чтобъ съ бѣльшею силою и удобствомъ совершить предложенное дѣло, такъ и

горящій огонь любви Божіей сдѣлалъ въ преподобномъ отцѣ нашемъ Антоніи то, что онъ лишилъ себя всѣхъ благъ міра, чтобъ съ бѣльшею крѣпостью и удобствомъ положить начало монашеству. Зналъ онъ хорошо, что не можетъ онъ быть ученикомъ Христовымъ, если не отречется отъ всего имѣнія своего.

Онъ бы могъ воскликнуть со св. Григоріемъ Богословомъ: «Умертвилъ я тѣло мое, въ юности противящееся духу,—трудами и подвигами, и пресыщеніе, и вмѣстѣ съ нимъ гнѣздящагося тирана, нечистоту, побѣдилъ; очи мои смирилъ и утопилъ ихъ въ вѣждахъ моихъ, удержалъ ярость гнѣва моего, владѣлъ поступками своими, смѣхъ обратилъ въ плачь, и со всѣмъ, что было у меня, положилъ себя къ стопамъ Божиимъ; земля была ложемъ мнѣ, власяница одеждою, бдѣніе было мнѣ сномъ, и слезы успокоеніемъ; днемъ обременялъ я плечи мои работою, всю же ночь, какъ крѣпкій столпъ, проводилъ въ пѣніи псалмовъ, а утѣхи мірской недопустилъ и до мысли моей. Отвергъ я и великую тяготу богатства, чтобъ безъ всякаго препятствія приблизиться къ Богу; такова была въ юности жизнь моя».

Воистину велика была пріязнь между Давидомъ и Ионафаномъ, снявшимъ съ себя одежду, въ которую былъ одѣтъ, оружіе, лукъ и поясъ и давшимъ Давиду, какъ сказано въ Писаніи: «Снялъ Ионафанъ верхнюю одежду свою, которая была на немъ, и отдалъ ее Давиду, также и прочія одежды свои, и мечъ свой; и лукъ свой, и поясъ свой» (I Царст. 18, 4). Но еще бѣльшую любовь къ Богу показалъ преп. отецъ нашъ Антоній, который не только мірскую одежду свою, богатство и славу, но, что еще больше — сердце свое принесъ въ жертву Богу, исполняя писаніе: «Сынъ мой, отдай мнѣ сердце твое» (Притч. 23, 26). Еслибы мы хотѣли очертить образъ преп. отца нашего Антонія, то, вспомнивъ о самомъ имени его, нужно бы намъ сказать, — такъ

какъ онъ былъ съ неба, то человѣкъ небесный. И каковы могли быть его помышленія, его дѣла, и упражненія: не небесныя ли, какъ у человѣка, посланнаго свыше.

Всегда помышлялъ онъ о небесныхъ вещахъ, зная, что нѣтъ совершенства въ благахъ міра, и что они оставляютъ всегда чувства неудовлетворенности. Есть у тебя богатство—нѣтъ почестей; есть почести—нѣтъ здоровья; есть здоровье—нѣтъ мудрости; есть мудрость—нѣтъ краснорѣчія и благодати. А на небѣ праведники изобильно наслаждаются разомъ всѣми благами, ибо у нихъ есть—богатство Божіе, мудрость Божія, сладость Божія, сила Божія, утѣшеніе отъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ. Все это имѣютъ они заразъ и имѣтъ будутъ всегда, на всю вѣчность.

Еще прославилъ себя преп. отецъ нашъ Антоній иноческимъ богоугоднымъ житіемъ, которое состоитъ въ руководѣніи, послушаніи, поученіи, безмолвіи и прочихъ добродѣтеляхъ, какъ пишется о томъ въ отеческихъ книгахъ: Монашеское житіе—руководѣліе, безмолвіе, неосужденіе, неоклеветаніе, нероптаніе, ибо писано: «Любящіе Господа—ненавидьте зло» (Пс. 96, 10). А авва Моисей указывалъ братіи своей, что для инока четыре необходимѣйшихъ добродѣтели: молчаніе, соблюденіе заповѣдей Божіихъ, смиреніе и нищета, и все то исполнилъ преп. отецъ нашъ Антоній, такъ что могъ сказать о себѣ евангельскимъ словомъ: «Все это сохранилъ я отъ юности моей». Онъ одновременно привлекалъ взоры и людей, и ангеловъ и удивлялъ природу, будучи въ земномъ тѣлѣ и живя нечеловѣчески, а по ангельски—былъ зрѣлищемъ ангеламъ и людямъ; когда же, принявъ иноческій образъ на Аѳонѣ, былъ первымъ въ церковномъ стояніи, первый въ послушаніи, первый въ бодрствованіи, первый въ постѣ: тогда былъ удивленіемъ естеству нашему.

И за это такую получилъ онъ отъ Бога благодать, что Богъ сравнилъ его какъ равнаго по подвигамъ и по сла- вѣ съ древними преподобными, съ Антоніемъ Великимъ, Пахоміемъ, Иларіономъ и прочими, по сказанному: «Сравнивалъ его въ славу со святыми и возвеличилъ его дѣлами на страхъ врагамъ; его словомъ прекращалъ чудесныя знаменія, прославилъ его предъ лицомъ царей» (Сирах. 45, 2, 3). Такою своею богоугодною жизнію преп. Антоній сталъ столь угоднымъ Пресвятой Бого- родицѣ, что Она взяла его съ горы Аѳонской и даро- вала его въ поученіе и примѣръ иноческой жизни рус- скимъ инокамъ, такъ что сбылось надъ нимъ пророче- ское слово: «Сдѣлаю тебя завѣтомъ народа, чтобъ воз- становить землю, чтобъ возвратитъ наслѣдникамъ на- слѣдія опустошенныя» (Ис. 44, 8). Зерцаломъ былъ преп. отецъ Антоній, непорочнымъ зеркаломъ подвиговъ для Бога. Какъ смотрящіе въ зеркало украшаютъ себя, такъ и преп. отцы Печерскіе, взирая на житіе перво- начальника своего Антонія, украшали житіе и нравы свои, ибо онъ съ молодю обучилъ ихъ бояться Бога и воздерживаться отъ всякаго грѣха. Былъ онъ и живымъ примѣромъ, потому что, чему научалъ другихъ, то сперва старался явить самъ на дѣлѣ, во всемъ показывая въ себѣ образецъ добрыхъ дѣлъ, какъ говоритъ апостоль.

Скажите сами, братіе: чьею помощію и наставленіемъ обрѣли у Бога столь великую славу прочіе чудотворцы Печерскіе, если не помощію и наставленіемъ препод. отца нашего Антонія? Ибо всѣ поучились отъ совер- шенства его. Чьимъ попеченіемъ и помощію Печерская обитель похваляется и читается по всей Руси, если не попеченіемъ и помощію преп. отца нашего Антонія Пе- черскаго, по изреченію: «Слава дѣтей—родители ихъ» (Притч. 17, 6).

Историки повѣствуютъ, что (въ древности) на одномъ кораблѣ были полотна съ разными рисунками и съ изо-

браженіями битвъ. Пришелъ туда одинъ Аѳинянинъ и смотрѣлъ пристально на изображеніе битвы, бывшей нѣкогда между Лакедемономъ и Аѳинянами; обернувшись, онъ увидѣлъ Лакедемонянина, ходящаго по этому помѣщенію, которому указалъ пальцемъ на ту битву и сказалъ: «Посмотри, какъ сильны Аѳиняне». Лакедемонянинъ же кратко отвѣтилъ: «сильны, только на полотнѣ». Мало ли людей есть, братіе, въ міру, которые украшаютъ дома различными картинами и изображеніями прадедовъ, дѣдовъ и родителей своихъ и, смотря, такъ хвалятъ ихъ: «святой то былъ человекъ», а кто-нибудь отвѣтитъ имъ: «святой, но на изображеніи», то-есть, на словахъ, а не на самомъ дѣлѣ,—такъ же какъ Аѳинская крѣпость и мужество, изображенная на полотнѣ.

Приблизимся же и мы ко преп. отцу нашему Антонію Печерскому, запечатлѣемъ въ умѣ богоугодное его житіе, вспоминая, какъ боролся онъ съ міромъ, съ тѣломъ и діаволомъ: съ міромъ—черезъ отверженіе его, съ тѣломъ—черезъ умерщвленіе, съ діаволомъ—черезъ постъ и молитву, и, видя побѣду его; исповѣдуемъ, что на самомъ дѣлѣ явилась крѣпость и сила его. Что привлекло тебя, преп. отче Антоній, къ такимъ подвигамъ? Христосъ, слава вѣчная: «Я сораспялся Христу, говоритъ онъ съ Божественнымъ апостоломъ, чтобъ жить для Бога» (Галат. 3, 19).

Въ исторіи повѣствуется, какъ Киръ, царь Персидскій, слѣдующимъ ухищреніемъ возбуждалъ гражданъ къ ратнымъ подвигамъ. Онъ велѣлъ идти имъ въ лѣсъ и тамъ трудиться надъ рубкою дровъ; а на другой день устроилъ имъ хорошее, какъ подобаешь царямъ, угощеніе. Затѣмъ, собравъ всѣхъ ихъ, онъ спросилъ: какой день, по вашему, лучше—вчерашній или нынѣшній, и повтореніе котораго дня хотите вы? Они всѣ отвѣтили: «Нынѣшняго, потому что онъ былъ днемъ радости и наслажденія, а вчерашній—днемъ труда и уста-

лости». Киръ же сказалъ имъ: «Если вы хотите навсегда имѣть такой день, то нужно вамъ немного потрудиться и побороть врага; одолѣвши его, вы будете почитать въ богатствѣ и наслажденіи».

Во-истину мудра эта уловка Кира, и трудъ нуженъ, чтобъ обладать радостью и счастьемъ. И Самъ Христосъ, желая поселить насъ съ Собою на небесахъ, и напоить обиліемъ дома Своего, — предлагаетъ не другой какой способъ, какъ трудъ, говоря: «Куплю дѣйте, дондеже прииду».

Если-бъ вы спросили здѣсь, братіе, каково житіе наше, нужно бы отвѣчать: «что вчерашній день исполненъ трудовъ и скорбей» (какъ сказано: «Тысяча лѣтъ предъ очами Твоими, Господи, что день вчерашній, истекшій»).

Какъ Киръ, царь Персидскій, не сразу почтилъ пиромъ своихъ подданныхъ, но послѣ труда ихъ, — также и Христосъ, тоже послѣ трудовъ нашихъ, обѣщаетъ намъ пиръ, которымъ несомнѣнно насладится всякій подвижающійся въ трудахъ, по неложному слову Христову: Какъ завѣщалъ Мнѣ Отецъ Царство, Я завѣщаю вамъ пить и ѣсть на трапезѣ Моей въ Царствіи Моемъ». Поэтому, если хотимъ мы, братіе, принять динарій небесной славы, должны мы прежде потрудиться за него. И, еще — хотимъ ли мы наследовать богатство нашихъ духовныхъ враговъ, веселиться тамъ, откуда они ниспали, и наслаждаться вѣчнаго пира на трапезѣ Христовой: должно прежде побѣдить намъ страсти и похоти плотскія, ибо Христосъ сказалъ: «Побѣждающему дамъ сѣсть со Мною на престолѣ, какъ побѣдилъ Я и возсѣлъ съ Отцомъ Моимъ на престолѣ Его».

Зналъ это хорошо преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій, когда, придя со Святой горы, предался труду копанія пещеры, не желая взять даромъ динарій вѣчной славы, пока трудолюбиво не претерпѣлъ за него, въ увѣренности, что воздастъ Господь праведнымъ мзду за

труды ихъ. Копая пещеры, онъ подвизался въ томъ намѣреніи, чтобъ въ надеждѣ воспринять мзду равную съ апостоломъ Павломъ, похвалиться предъ Господомъ: «Господи, больше всѣхъ сихъ я потрудился»!

А. не иное онъ дѣло избралъ въ трудъ, какъ копаніе пещеры, потому что помнилъ слова, сказанныя инокамъ преп. Іоанномъ Лѣствичникомъ: «Пусть удаляемся мы въ страны смиреннѣйшія, мало славныя, и далекія отъ всякой мірской отрады!» А какія мѣста могутъ быть смиреннѣйшія для иноческаго житія, малославнѣйшими и болѣе далекими отъ мірской отрады, какъ пещеры? Какое можетъ быть веселіе или отрада тамъ, гдѣ предстоитъ уму понять о смерти, и никогда не отходить отъ мысли отвѣтъ грѣшному естеству нашему: «земля ты, и пойдешь въ землю». И преп. отецъ нашъ Антоній, чтобъ удобнѣе соблюсти молчаніе, смиреніе, благоговѣніе—и наставитъ прочихъ къ тѣмъ же добродѣтелямъ, первый явился изобрѣтателемъ копанія пещеръ и жизни въ нихъ.

Тутъ явственно показалъ онъ совершенное свое отреченіе отъ міра, когда поселился въ землѣ, чтобъ не видѣли его. Тутъ онъ изобразилъ разомъ житіе Марѣи и Маріи: одной—подвизаясь въ копаніи пещеръ, другой—упражняясь въ Богомыслии и всегдашней молитвѣ. Онъ былъ наставникомъ преп. отцу нашему Θεодосію и прочимъ преподобнымъ въ трудѣ копанія пещеръ и житія въ нихъ, и зналъ, что находящимся въ тѣмъ явится Божественный свѣтъ благодати и укрѣпитъ ихъ въ подвигахъ. Смотри на пещеры, гдѣ упокоилось столько преподобныхъ, всякій скажетъ, что царскіе дворцы, хоромы вельможъ, украшенные разною лѣпотою и роскошью—предъ пещерами преп. отецъ нашихъ Антонія и Θεодосія—вертепы и хлѣвы.

О, святыя пещеры, какъ назвать васъ? Несомнѣнно назовемъ васъ небомъ. Потому, о святыя пещеры, вы—

небо, что, какъ небесную твердь украшаютъ солнце, луна и звѣзды,—такъ и васъ украшаютъ преп. отцы наши Антоній и Θεодосій съ прочими преподобными, и изъ нихъ: кто какъ солнце, кто какъ луна, а кто какъ звѣзды. Но что называю васъ небомъ! Вы много прекраснѣе небесъ, потому что на свѣтилахъ небесныхъ случается быть тьмѣ, какъ сказано въ Евангеліи: «солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего» (Мѡ. 24, 29). На вашихъ же свѣтилахъ никогда не было тьмы, но и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его» (Іоан. 1, 5). Солнце же ваше—это преп. Антоній, потому что какъ солнце объединяетъ и соразмѣряетъ теченіе планетъ, и примѣряетъ противныя стихіи: такъ и святой отецъ нашъ Антоній соединилъ братію во едино союзомъ любви, какъ планеты, совершающія теченіе на Печерскомъ небѣ, такъ что во всѣхъ нихъ было одно сердце и душа, какъ и во дни апостоловъ, по писанію: «У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа» (Дѣян. 4, 32).

Но здѣсь, можетъ быть, братіе, кто-нибудь спросить: почему возлюбилъ преп. отецъ нашъ Антоній жить въ пещерахъ, и въ чемъ тутъ тайна?—На это можно отвѣтить. Во-первыхъ, гробы приличны мертвецамъ, какъ сказано Давидомъ: «Гробы ихъ—жилица ихъ въ родъ и родъ» (Пс. 48, 12). Святой Антоній, умерши однажды для міра, всегда умиралъ умерщвленіемъ плоти, такъ что могъ сказать съ Божественнымъ Апостоломъ: «По вся дни умираю»,—и потому любилъ онъ жить въ пещерномъ гробѣ. Кромѣ того, въ Писаніи преп. отецъ нашъ Антоній прочелъ, что царство Небесное подобно сокровищу, скрытому на полѣ (Мѡ. 13, 44), а вѣдь въ горахъ много находятъ сокровищъ, бываетъ въ нихъ и золото. А что иное есть Спаситель Христосъ, какъ не золото: «Глава Его — золото, и руки Его — золото» (Пѣснь пѣсней 5, 11).

И такъ какъ, отложивъ все мірское, святой Антоній

обнищаль ради Христа, то, чтобъ обогатиться, копаль пещеры и искаль Христа, какъ сокровища, скрытаго въ полѣ и золота, находящагося въ нѣдрахъ горъ, побуждаемый къ тому словами Христа: «Ищите и найдете» (Мѡ. 7, 7).

Пещеры — убѣжище для боящихся; въ древесныя и каменныя разсѣлины укрываются птицы, голуби и горлицы, боящіяся орла и ястреба, и такъ говоритъ невестѣ Духъ Святой:

«Голубица моя въ ущельи скалы, подъ кровомъ утеса (Пѣснь п. 2, 14)». И зайцы, слышавъ лай собакъ, укрываются въ каменныхъ пещерахъ, какъ говоритъ псалмопѣвецъ: «камень—прибѣжище зайцамъ». И Соломонъ вѣщаетъ въ притчахъ: «Горныя мыши народъ слабый, но ставятъ дома свои на скалѣ (Притч. 30, 25)». Такъ и преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій, чтобъ сохранить себя отъ гордыни, которая является царицею грѣховъ, какъ орелъ—царь птицамъ, отъ любостыжанія, которое похищаетъ и присвоиваетъ себѣ чужое, отъ нечистоты и всякаго невздержанія плотскаго, — страстей, которыя уподобляются псамъ, устремился въ пещеры, какъ въ надежное и тихое мѣсто, о чемъ въ древности предвозвѣстилъ Богъ чрезъ пророка Исаію: «Въ тотъ день человекъ бродитъ кротомъ и летучимъ мышамъ серебряныхъ своихъ идоловъ, которыхъ сдѣлалъ себѣ для поклоненія имъ, чтобы войти въ ущелья скалъ и въ разсѣлины горъ» (Исаіи 2, 20—21). И такъ, что Исаія показалъ въ пророчествѣ, — то онъ на дѣлѣ, избирая себѣ пещеры убѣжищемъ отъ всѣхъ грѣховъ. Пещеры суть жилище тѣхъ, чья жизнь многоплодна, ибо въ каменныхъ пещерахъ и разсѣлинахъ деревь пчелы собираютъ медъ, птицы вьютъ гнѣзда, какъ говоритъ пророкъ: «Дастъ знакъ Господь мухѣ, которая при устьѣ рѣки Египетской, и пчелѣ, которая въ землѣ ассирійской, и прилетятъ и усядутся всѣ онѣ по доли-

намъ опустѣлымъ и на разсѣлинахъ скаль» (Исаи 7, 18—19).

Чѣмъ же былъ святой отецъ нашъ Антоній Печерскій, какъ не пчелою или не птицей? Пчелою онъ былъ по трудамъ смиренія, чистоты и благодати. Птицею же онъ былъ по легкости къ нестяжанію; множество добродѣтелей его были ему перья; скорь былъ полеть его къ милостынѣ и высоко парилъ онъ въ ученіи и богомыслии. И потому подобало ему жить въ пещерахъ, во исполненіе добродѣтелей пчелы и птицы, которыхъ онъ носилъ на себѣ образъ. Между птицами нѣкоторыя превосходятъ другихъ полетомъ, такъ что скрываются изъ глазъ людскихъ, достигая пареніемъ облаковъ, и первая изъ такихъ птицъ—орель. И преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій множествомъ добродѣтелей и богоугоднымъ житіемъ вознесся на такую высоту, что во время подвижнической жизни своей не виденъ былъ человѣческимъ очамъ, и теперь, по смерти его, не могутъ быть видны святія его мощи; скрывались при жизни отъ глазъ человѣческихъ, и по смерти подобало имъ быть скрытыми отъ нихъ.

Откуда же знаемъ мы, братія, когда приближаемся ко гробу его, о честныхъ мощахъ святого отца нашего Антонія? Отъ знаменія огня, который нѣкогда изошелъ отъ его гроба, о чемъ и расскажемъ.

Св. Аѳанасій пишетъ о святомъ Антоніи Великомъ, что онъ имѣлъ такую благодать отъ Бога, что лицо его свѣтилось какъ солнце, и, когда ему однажды пришлось стоять между множествомъ братіи, то всѣ, кто стоялъ далеко, не почему такъ не узнавали святого Антонія, какъ по свѣту, исходящему отъ лица его. Такую благодать имѣлъ, имѣеть и теперь преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій, какъ равный въ подвигахъ преп. отцу Антонію Великому. Самъ Богъ явился ему и свидѣтельствовалъ: «Антоній, ты обрѣлъ благодать предо

Мною» (о чемъ и пишется въ житіи его). Потому, если нельзя намъ видѣть его святыхъ мощей, но по свѣтлому огню, испешшему нѣкогда изъ гроба его, познаемъ, что это нашъ преподобный отецъ Антоній. Это знаменіе, отличающее его среди столь великаго множества безчисленныхъ преподобныхъ, удостовѣряетъ насъ, удаленныхъ долгими годами отъ жизни преподобнаго, что тамъ находились сокровенныя честныя мощи святаго Антонія, и можетъ онъ сказать со псалмопѣвцемъ: «Это покой мой на вѣки вѣка» (Псал. 131, 14).

Напоследокъ же укажемъ еще на причину, по которой преп. отецъ нашъ Антоній возлюбилъ жизнь въ пещерахъ. Воины, приступая ко крѣпкому и неодолимому городу, чтобы взять его, сперва обыкновенно устремляются на ворота, разбиваютъ ихъ разными орудіями, и такъ одолѣваютъ. Если же въ этомъ будетъ неудача, тогда дѣлаютъ подкопъ и берутъ городъ. А какой же городъ столь крѣпокъ и неодолимъ, какъ небо? Святой Іоаннъ Богословъ видѣлъ небо, и было у него двѣнадцать воротъ, и на нихъ двѣнадцать ангеловъ: съ востока трое воротъ, съ сѣвера трое воротъ, съ юга трое воротъ и съ запада трое воротъ (Откр. 21, 12—13). А число стѣнъ и основаній также двѣнадцать, по сказанному св. Іоанномъ Богословомъ: «Стѣна города имѣетъ двѣнадцать основаній».

О Боже нашъ, сколь многіе хотятъ достигнуть того небеснаго города, ударяя въ ворота различными орудіями воинскихъ подвиговъ своихъ; то-есть біеніемъ въ грудь свою, поклонами и метаніями, по сказанному: «Стучите и отворятъ вамъ» (Мѡ. 7, 7). Зная твердо, что царство небесное берется силою и употребляющіе усиліе восхищаютъ его (Мѡ. 11, 11); какъ добрый воинъ Христовъ, желая обладать тѣмъ городомъ, преподобный отецъ нашъ Антоній старался взять тотъ небесный городъ, не только ударяя себя въ грудь и творя метанія и поклоны,—

и ими какъ бы орудіями небеснаго воинствованія ударя въ ворота города,—но и подкопомъ. И потому онъ сталъ копать пещеры, какъ бы ведя настоящій подкопъ къ небесному городу, и не вотще трудился, такъ что исполнилось надъ нимъ слово Господне, сказанное пророкомъ: «Избранные мои не будутъ трудиться напрасно» (Исаи 65, 23).

Господь свидѣтельствуеть, что мало людей, стремящихся къ небу такимъ подкопомъ, и онъ говоритъ чрезъ Божественнаго Матѳея: «Тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ» (Мѳ. 7, 14). О Господи,—мало въ другомъ мѣстѣ, но здѣсь пещеры, обитель полна такихъ людей, которые идутъ узкими вратами и тѣснымъ путемъ, подкопомъ и жизнью въ пещерахъ стремятся къ жизни вѣчной.

Иные по смерти бываютъ забыты въ мірѣ, а преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій трудами и подвигами, подъятыми въ этихъ святыхъ пещерахъ, исходатайствовалъ себѣ вѣчную память по всей Россійской землѣ, по сказанному Давидомъ: «Въ вѣчной памяти будетъ праведникъ» (Пс. 111, 6). И если прекратятся лѣтописцы, не будетъ народовъ, то самыя пещеры, въ которыхъ до смерти подвизался св. Антоній, будутъ гласить, что онъ былъ преподобенъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

О преп. отецъ нашъ Антоній, видя въ тебѣ сочетаніе тѣхъ иноческихъ добродѣтелей, которыя въ прочихъ находятся обыкновенно въ неравныхъ степеняхъ, воскликнемъ тебѣ по псалму: «Славимъ Тебя, Отче, потому что ты дивно устроенъ» (Пс. 133, 14). Если бы кто забылъ подвиги твои и труды, то забудь его десница его, прильпни языкъ его къ гортани его (Пс. 136, 5—6). Если же кто не захотѣлъ бы славить тебя, то эти святыя пещеры, эта святая обитель возвѣститъ всѣ хвалы твои (Пс. 105, 2), всюду возглашая: «Таковъ и долженъ быть

у насъ первосвященникъ: святой, непричастный злу, непорочный, отдѣленный отъ грѣшниковъ» (Іер. 7, 26).

Удивляясь столь великимъ подвигамъ и добродѣтелямъ твоимъ и желая явственнѣе восхвалить праведность твою во всѣхъ дѣлахъ, обращаемся къ добродѣтели чистоты, которая есть сестра ангеловъ, одолѣніе страстей, царица добродѣтелей и держава всѣхъ благъ. Отъ юности своей, среди другихъ добродѣтелей иноческихъ, прилежалъ онъ и этой добродѣтели, зная, что чистота уподобляетъ человѣка не только ангеламъ, но и самому Богу, какъ говорить святой Василій: «Нѣчто великое и прекрасное есть дѣвственная чистота, уподобляющая человѣка нетлѣнному Богу; такъ что онъ являетъ въ себѣ подобіе Божіе, какъ въ чистѣйшемъ зеркалѣ, исходящее отъ самого Бога и благодати Его, какъ благопріятное сіяніе». Зналъ достоинство чистоты преп. Ефремъ, говоря на похвалу ей такія слова: «О, чистота, обузданіе очей, ведущая все тѣло отъ тьмы въ свѣтъ; о, чистота, смиреніе тѣла, порабощающая его и быстро стремящаяся къ небесному; о, чистота, любящая мать и жилище ангеловъ, сдѣлавшая людей достойными славословить съ ангелами; чистота, колесница небесная, возводящая на высоту того, кто стяжалъ тебя! Нѣкогда Соломонъ вопрошалъ, кто можетъ сказать: я очистилъ мое сердце, или: я чистъ отъ грѣха моего (Притч. 20, 9)? На этотъ вопросъ, не обинуясь, можетъ отвѣчать преп. отецъ нашъ Антоній: «Я чистъ сердцемъ». Какъ же не было стяжать чистаго сердца тому, кто отъ юности своей принесъ чистоту жизни, какъ жертву Богу, говоря псаломски: «На Тебѣ утверждался отъ утробы» (Пс. 70, 6).

Какъ было не соблюсти чистаго сердца тому, кто былъ ангеломъ во плоти, и можетъ сказать вслѣдъ за апостоломъ: «Какъ ангела Божія приняли вы меня!» (Галат. 4, 14).

На небѣ девять чиновъ ангельскихъ, и слѣдуетъ спросить намъ, которому изъ нихъ подобенъ былъ преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій: ангеламъ низшихъ чиновъ или высшихъ чиновъ. По послушанію подобенъ былъ ангеламъ низшихъ чиновъ, по любви къ Богу и прочимъ совершенствамъ иноческимъ подобенъ былъ серафимамъ, такъ что святая Печерская обитель можетъ пророчески воскликнуть, въ похвалу его: «прилетѣлъ ко мнѣ одинъ изъ серафимовъ, въ рукѣ его, горящій уголь» (Исаи 6, 6),—то-есть пришелъ ко мнѣ, какъ бы одинъ изъ серафимовъ съ небесъ—со Святой Горы, изъ лика иночествующихъ, святой Антоній, и дѣла его благія горѣли какъ уголь, составленный изъ любви. Серафимы превосходятъ саномъ и славою всѣ чины ангельскіе на небѣ, святой же отецъ нашъ Антоній богоугоднымъ и чистымъ житіемъ превосходитъ всѣхъ преподобныхъ той святой обители. Кто изъ нихъ былъ столь преподобенъ? Одинъ превосходилъ прочихъ чистотою, кто нестяженіемъ, кто смиреніемъ, кто послушаніемъ, кто рукодѣліемъ, кто безмолвіемъ или постомъ, или молитвою, а св. отецъ нашъ Антоній былъ преподобенъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, и потому подобенъ онъ серафимамъ.

Былъ нѣкогда Исаія во изступленіи и увидѣлъ серафимовъ, стоящихъ предъ Богомъ, возсѣдающимъ на престолѣ; они закрывали лица двумя крылами, ноги двумя крылами, а двумя крылами летали (Исаи 6, 1—2). Что значитъ эта тайна, разсуждаетъ божественный Златоустъ. Закрывали лица свои, чтобъ оказать великую честь Богу, потому что не могли быстрозоркими своими очами созерцать столь великій свѣтъ, исходящій отъ лица Его; ноги закрывали по стыдливости, чтобъ никто не смотрѣлъ на несовершенную ихъ любовь и движенія сердечныя, знаменуемая ногами. Летали же двумя крылами, чтобъ показать себя готовыми и скорыми ко всякому повелѣнію Господню. Но находимъ и еще тол-

кованіе этихъ словъ и причину: серафимы дѣлають то, какъ бы чудясь, что Сынъ Божій смирится на землѣ и понесетъ крестъ. Поэтому, уподобляясь Господу Своему, каждый стоялъ предъ Нимъ, какъ распятый, потому что крылья у главы были склонены, также и крылья у ногъ, а у раменъ распростерты; объ этомъ-то и говоритъ Исаія: «Двумя крылами закрывали лица свои, двумя — ноги, а двумя летали». И такъ, еслибъ кто внимательно разсмотрѣлъ положеніе ихъ, то нашель бы, что они знаменовали собой крестъ.

То, что Исаія видѣлъ тогда у престола Божія на небѣ, тому подобіе видимъ мы во святой Печерской обители. Наши двое святыхъ серафимовъ, Антоній и Θεодосій, подражая тѣмъ небеснымъ серафимамъ и предстоя всегда на молитвѣ какъ престолу Божію, Его распятію—и казались распятыми: закрывали лица свои, скрываясь отъ міра въ пещеры, ноги, умерщвляя страсти свои и самихъ себя, двумя крылами летали, когда въ подвигахъ своихъ воздѣвали къ высотѣ руки свои, какъ распростертыя крылья. И какъ тѣ небесные серафимы у небснаго престола, такъ и наши земные у Господняго креста всегда изображали изъ себя крестъ, по слову святого апостола: «Чтобъ жить для Бога, мы сораспялись Христу» (Галат. 2, 19).

‘Оставивъ въ сторонѣ св. Θεодосія и обративши слово наше къ святому Антонію, спросимъ, откуда явился у насъ этотъ серафимъ. Святой Іоаннъ Богословъ свидѣтельствуеть: «Съ востока: видѣхъ много ангель восходяща отъ востока солнца». Добрымъ предзнаменованіемъ, братіе, тому, что святая сія обитель будетъ всегда неотторжимо держаться Восточнаго Пастыря, служить то, что первато Строителя своего получила она съ востока.

Небо наполнено чинами ангельскими, по слову пророка: «тысячи тысячъ служили Ему и тьмы темъ предстояли предъ нимъ» (Дан. 7, 10). Нескудна и святая

обитель Печерская, которая имѣетъ столько ангеловъ, сколько преподобныхъ. Божественный Златоустъ написалъ: «Плохо будетъ городу, въ которомъ нѣтъ святаго», и говорилъ, что въ заустѣніе придетъ такой городъ: «Городъ, въ которомъ нѣтъ праведника—или гдѣ былъ праведникъ, да забыли его—приходить въ заустѣніе». Кто же не ублажить тебя, святая обитель Печерская, видя, что не только украшена ты святыми, но на святыхъ Божіихъ и основана: «твое основаніе на горахъ святыхъ» (Пс. 86, 9). Богогласный евангелистъ Матѳеей обѣщаетъ, что зданіе, основанное человѣкомъ на камнѣ,— не падетъ ни отъ дождя, ни отъ рѣкъ, ни отъ вѣтра: «Пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ, и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камени» (Мѳ. 7, 25). Какъ же мы не будемъ дерзновенно обѣщать святой Печерской обители, что не только тѣлесные, но и душевные враги не смогутъ повредить ей, потому что основана она на мощахъ святыхъ Божіихъ мучениковъ. Филонъ, историкъ еврейскій, говоритъ: «Когда я вижу въ домѣ или городѣ какомъ-нибудь святаго и благого мужа, ублажаю я и домъ тотъ и городъ». Если же такая похвала относится къ дому или городу, въ которомъ одинъ только преподобный, какой похвалы достойна святая Печерская обитель, въ которой не одинъ, а безчисленное множество преподобныхъ. Во-истину называемъ ее блаженною. Какъ не блаженна она, когда непрестанно молится о ней преп. отецъ нашъ Антоній, по обѣщанію своему: «Буду же стараться, чтобы вы и послѣ моего отшествія всегда приводили это на память» (2 Петр. I, 15). Или какъ не услышитъ Богъ молитвы ходатайствующаго о ней св. Антонія, котораго онъ самъ послалъ отъ Святой Горы и воздвигнулъ на основаніе монастырю, и такъ свидѣтельствуеть о немъ чрезъ Исаію: «Я воздвигъ его въ правдѣ и урвню всѣ пути его, онъ построитъ го-

родъ мой» (Исаи 45, 13). Богъ ясно показалъ при основаніи небесноподобной святой Печерской церкви, что пріятны Ему молитвы преп. Антонія, когда по молению его низвелъ воду и росу съ неба на мѣсто святой Печерской церкви, какъ о томъ подробнѣе описано въ житіи его. Какая же въ томъ была тайна? Если рассмотримъ нѣкоторыя свойства росы и огня, узнаемъ причину. Какъ отъ росы земля напоется влагою, такъ и отъ святой обители Печерской Россійская земля напоилась ученіемъ святымъ. «Рѣки ея окружали потомки ея, и она притоки свои посылала по всѣмъ деревьямъ полевымъ. Оттого высота ея превысила всѣ деревья полевые и сучьевъ на немъ было много, и вѣтви его умножались и сучья его становились длинными отъ множества водъ (Иезек. 31, 4—5). Такъ и святая обитель Печерская, подавая изъ себя начало иноческой жизни другимъ обителямъ, облекла ихъ въ трудъ, въ подвиги, въ праведность, какъ въ зеленые листья.

И какъ роса есть родительница для маргаритовъ и рождаетъ ихъ въ пучинѣ морской, такъ и Богъ чрезъ ту росу свидѣтельствовалъ, что святая обитель Печерская будетъ родительницей преподобныхъ, которыхъ она, какъ драгоценныя маргариты, родила въ пещерахъ какъ въ нѣдрахъ морской, по сказанному Исаіемъ: «Рождася ли народъ въ одинъ день, какъ Сіонъ, едва началъ родами мучиться,—родилъ сыновъ своихъ» (Ис. 66, 8). Но, такъ какъ Богъ показалъ также и огнемъ, по молитвамъ преподобнаго, то же мѣсто святой Печерской церкви—въ этомъ видимъ такую причину.

Огонь, по словамъ святого Діонисія, находится невидимо во всѣхъ вещахъ, если не дѣйствіемъ, то силою. Посему Богъ показалъ тѣмъ, что преподобные Печерскіе, которые будутъ жить на томъ мѣстѣ,—будутъ пребывать со всѣми, если не тѣломъ, то духомъ и любовью,

по слову апостола: «Если я и отсутствую тѣломъ, но духомъ нахожусь съ вами» (Колос. 2, 5). И какъ пламень огненный влечетъ въ высоту всякую вещь, которую онъ охватилъ, такъ и Богъ свидѣтельствовалъ тѣмъ, что преподобные привлекутъ отъ земныхъ вещей къ небеснымъ живущихъ на мѣстѣ томъ, предлагая имъ всегда слова апостоловъ: «Ищите горняго, гдѣ Христосъ сѣдитъ одесную Бога; о горнемъ помышляйте, а не о земномъ» (Колос. 2, 3).

Наконецъ, огонь знаменуетъ гнѣвъ и ярость Божию, а роса знаменуетъ слезы на молитвѣ, какъ говоритъ Моисей: «Полетѣтъ какъ роса рѣчь моя» (Второз. 32, 2). И Богъ показалъ, что какъ вода тушитъ палящій огонь, такъ и слезныя молитвы преподобныхъ угасятъ ярость гнѣва Божія, какъ говоритъ псалмопѣвецъ: «Взываютъ праведники, и Господь слышитъ ихъ» (Пс. 33, 18). Потому-то и было отмѣчено, по молитвамъ преп. Антонія, — мѣсто для основанія святой Печерской церкви рососою и огнемъ.

Зная, братія, великую любовь преп. отца нашего Антонія ко святой обители, ублажая его, похвалимъ его словами, которыми нѣкогда Маккавей восхвалялъ Іеремию: «Это братолюбецъ, который много молится о народѣ и Святой горѣ» (2 Мак. 15, 14).

Иные, при основаніи храмовъ, размѣряютъ мѣсто веревками, а преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій, получивъ указаніе о мѣстѣ, размѣрилъ землю, назначенную для храма Богородицы, золотымъ поясомъ, который данъ былъ ему на это Симономъ, сыномъ Африкана, князя Варяжскаго, о чемъ подробно пишется въ житіи его. Здѣсь слѣдуетъ, братія, спросить, отчего не веревкою, но поясомъ было размѣрено мѣсто для созданія храма Пресвятой Богородицы? Нужно бы спросить, что значить тайна эта, тебя, преп. отецъ нашъ Антоній, такъ какъ ты самъ сдѣлалъ это измѣреніе. Но, такъ

какъ ты скрылъ это молчаніемъ, какъ хранитель безмолвія, зная, что и за то будетъ хвалить тебя Печерская обитель, какъ сказано въ псалтирѣ: хваленіе его въ церкви преподобныхъ, мы по нашему разуму думаемъ, что причина этому такая. Поясъ есть знаменіе славы, какъ вѣщаетъ Сирахъ: «Препоясалъ его поясомъ славы» (Сир. 45, 8). Преп. отецъ нашъ Антоній показалъ, что Богъ прославить эту святую обитель болѣе другихъ русскихъ обителей, поэтому и размѣрилъ ее поясомъ, говоря съ пророкомъ Іереміею: «Какъ поясъ лежитъ близко къ чресламъ человѣка, такъ я приблизилъ къ Себѣ весь домъ Израилевъ и весь домъ Іудинъ, чтобы они были моимъ народомъ и моею славою (Іерем. 13, 11).

Кромѣ того, поясъ знаменуетъ мученичество, о которомъ самъ Христосъ сказалъ св. Петру: «Когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ, когда же состаришься, другой препояшетъ тебя, и поведетъ, куда не хочешь» (Іоан. 21, 10). Преп. отецъ нашъ Антоній размѣрялъ поясомъ это мѣсто въ знаменіе того, что въ немъ родятся мученики, умерщвляющіе самихъ себя (по слову: «Тебе ради умерщвляеми есмы весь день»), и потому размѣрилъ не веревкою, а поясомъ. Или, наконецъ, предсказывалъ тѣмъ, что отъ того святого мѣста какъ изъ училища мученичества выйдутъ препоясанные страдальцы Христовы, о которыхъ пророчествовалъ Исаія: «Будетъ препоясаніемъ чреслъ его правда» (Ис. 11, 5).

Не безъ причины и не напрасно преп. отецъ нашъ Антоній вмѣстѣ съ золотымъ поясомъ, которымъ размѣрилъ мѣсто святой Печерской церкви, принялъ, по повелѣнію Божію, отъ Симона и золотой вѣнецъ, чтобы повѣсить надъ жертвенникомъ, но указывалъ онъ тѣмъ, что та святая церковь и живущіе при ней должны были стать златымъ вѣнцомъ Христовымъ, какъ говорить

Исаія: «И будетъ вѣнцомъ славы въ рукѣ Господней» (Исаіи 62, 3). То же вѣщаетъ и Самъ Христосъ чрезъ апостола каждому изъ преподобныхъ: «Возлюбленные и возжелѣнные братья мои, радость и вѣнецъ мой!» И для того получилъ онъ вѣнецъ, чтобъ возвѣститъ, что здѣсь будутъ жить люди такой жизни, что въ нихъ будетъ пребывать Богъ, по слову пророка: «Вы мнѣ будете царствомъ священниковъ» (Исх. 19, 6). Вѣнцомъ предназначавалъ, что какъ цари выдѣляются предъ всѣми царскимъ вѣнцомъ своимъ, такъ и святая Печерская обитель превзойдетъ, какъ царица, другія обители славою и богатствомъ добродѣтелей. «Многія дочери приобрѣли богатства, а ты преуспѣешь и вознесешься надъ всѣми».

И какъ вѣнецъ золотой бываетъ богатъ драгоценными каменьями, такъ и обители Печерской предстояло богатство добродѣтелей, какъ сказалъ Сирахъ: «Самъ стоя при углѣ алтаря и окрестъ его вѣнецъ братій».

Наконецъ, поясъ знаменуетъ добродѣтели и благостыню, какъ говоритъ апостоль: «Станьте, препоясавъ чресла ваши истиною» (Еф. 6, 14), а вѣнецъ изображаетъ награду за подвиги.

Святый Антоній, еще во время основанія той церкви, желая привлечь учениковъ своихъ и тѣхъ, которые будутъ послѣ нихъ, къ добродѣтелямъ и подвигамъ, въ знаменіе воздаянія за добродѣтели получилъ вѣнецъ и повѣсилъ его, сдѣлавъ надъ нимъ надпись: «Не увѣнчивается, если незаконно будетъ подвизаться» (2 Тимоф. 2, 5).

Но такъ какъ и поясъ и вѣнецъ были золотые, это было знакомъ, что всѣ эти подвиги будутъ совершаться ради любви къ Богу, который изображаетъ золото, по слову Господню: «Совѣтую тебѣ купить золото, расплавленное огнемъ, чтобы тебѣ обогатиться». (Откр. 3, 18). А подъ огнемъ истолкователи разумѣютъ любовь.

Кто, братіе, живя во святой Печерской обители, не возрадуется тому, что она называется чудотворною не только отъ преподобныхъ, но и отъ основанія своего, сопровождавшася чудесами! Кто не возвеселится, видя въ ней такого предстателя и заступника, всегда молящаго о томъ, чтобъ не были мы лишены вѣнца славы, прообразомъ котораго былъ вѣнецъ, дарованный во время основанія той святой церкви. И мы радуемся, преп. отче нашъ Антоній, и празднуемъ твою память, хвалимъ тебя какъ дѣти отца, какъ ученики учителя, какъ овцы пастыря и наставника, — и, въ воспоминаніе о тебѣ сплетши тебѣ вѣнецъ изъ твоихъ же добродѣтелей, — украшая тебя имъ, взываемъ:

«Радуйся, носящій небесное имя, всегда мыслящій не о земномъ, но о небесномъ.

«Радуйся, зеркало воздержанія, смиренія, послушанія и безмолвія.

«Радуйся, примѣръ чистоты и цѣломудрія.

«Радуйся, вольный мученикъ.

«Радуйся, совершенный постникъ.

«Радуйся, пророкъ.

«Радуйся, врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ.

«Радуйся, изгоняющій бѣсовъ.

«Радуйся, серафимъ, принесшій сюда съ горы Аѳонской въ устахъ, какъ клещами, горящій уголь подвиговъ иноческихъ.

«Радуйся, ангель, принесшій въ Россію со Святой Горы начало ангельскаго житія.

«Радуйся, солнце, возсіявшее намъ отъ востока — отъ Святой Горы, на горахъ Кіевскихъ и до вечера собравшее на подвиги множество иночествующихъ по слову Давида: Восходитъ солнце, и они собираются (Пс. 103, 22).

«Радуйся, вертоградарь, украсившій преподобными, какъ цвѣтами, это жилище Божіе.

«Радуйся, принявшій благословеніе отъ Святой Горы,

чтобъ умножилось въ Россіи потомство твое, какъ звѣзды небесныя и песокъ на берегу морскомъ.

«Радуйся, второй Авраамъ, вмѣнившій себя за землю и пепель, и потому неисходно жившій въ землѣ.

«Радуйся, что изъ тебя, какъ изъ корня, во святой обители Печерской выросъ плодъ славы и богатства преподобныхъ.

«Радуйся, второй Геденъ: какъ онъ, въ знаменіе побѣды надъ Маделнитами, свелъ молитвами своими росу на руно, такъ и ты въ знаменіе основанія церкви своими молитвами низвелъ росу съ неба на землю.

«Радуйся, второй Илія: какъ онъ свелъ съ неба огонь для истребленія слугъ царя Охозіа, такъ и ты свелъ огонь съ неба для очищенія мѣста для церкви Богоматери.

«Радуйся, получившій извѣщеніе отъ Пресвятой Богородицы объ отходѣ твоёмъ отъ земли къ небу.

«Радуйся, столпъ крѣпости предъ лицомъ врага, на которомъ утверждена святая Печерская обитель.

«Радуйся, похвала наша.

«Радуйся, единственное прибѣжище наше по Богѣ и Пресвятой Богородицѣ и теплое заступленіе наше.

«Радуйся, испустившій нѣкогда пламень отъ святого твоего гроба, въ знаменіе любви твоей къ живущимъ въ твоей святой обители.

«Радуйся, молитвами твоими даровавшій Іоанну Многострадальному побѣду на страсти плотскія и одолѣніе на блуднаго бѣса.

«Радуйся, измѣрившій золотымъ поясомъ храмъ Богоматери, отъ Которой ты получилъ поясъ безсмертія.

«Радуйся, получившій вѣнецъ для украшенія церкви Печерской, а потомъ принявшій на главу свою неувядаемый вѣнецъ на небѣ!»

Украшивъ тебя, преп. отче нашъ Антоніе, этимъ вѣнцомъ радости, славы и чести, смиренно припадая къ

ракъ мощей твоихъ честныхъ, молимъ тебя прилежно, поминай насъ, отче нашъ, почитающихъ память твою. Кто вѣдь такъ предстательствуетъ о насъ предъ Богомъ какъ ты, породившій насъ духомъ. Знаемъ мы, преп. отче нашъ Антоній, что твоими молитвами и благословеніемъ, когда жилъ ты здѣсь, не погибъ ни одинъ изъ учениковъ твоихъ, но всѣ, какъ побѣдители страстей, увѣнчаны на небѣ вѣнцомъ.

А мы, хотя настолько же далеки отъ подвиговъ и прежнихъ учениковъ твоихъ, какъ небо отъ земли, но, чего не достигаемъ мы трудами, въ томъ помогай ты намъ молитвами своими, чтобъ намъ, представши на страшномъ судѣ съ древними учениками твоими, услышать отъ тебя гласъ хвалы: — «Вотъ я — и дѣти мои, которыхъ далъ мнѣ Господь! (Исаи 8, 18).

Тогда ученики твои, преп. отче нашъ Антоніе, имѣли отъ тебя великія благодѣянія: кто—власть на духовъ темныхъ, кто—силу на умерщвленіе похотей плотскихъ, кто—даръ исцѣленій. И мы наслаждаемся теперь великими твоими благодѣяніями. Чьи молитвы дѣлаютъ то, что мы пребываемъ безъ вреда, между тѣмъ какъ люди многимъ лучшіе насъ—въ эти лютыя времена—умерли различными смертями: отъ голода, отъ бѣдствій, отъ меча, въ плѣну? Это твои молитвы надъ нами.

И въ знакъ благодарности за твои благодѣянія мы надъ гробомъ твоимъ пишемъ тѣ слова, которыя написалъ нѣкогда Аристотель учителю своему Платону, воздвигая ему алтарь: «Тотъ, котораго по истинѣ всѣ должны величать и славить».

Какъ же мы не будемъ славить тебя, преподобный отче нашъ, когда славятъ тебя самыя небеса, по слову псалма: «Да торжествуютъ святыя во славу» (Псал. 149, 5). Какъ не величать тебя, возвеличившаго во всемъ людей твоихъ и прославившаго ихъ, и нигдѣ, никогда не презрѣвшаго ихъ при твоёмъ предстояніи престолу Божию?

Преп. отче нашъ Антоніе, ты знаешь немощи наши. Не можемъ мы, какъ хвалить, величать, такъ и достойно наслѣдовать тебѣ. Еслибы и хотѣли мы усердно и достойно славить тебя, то труды и подвиги твои превосходятъ нашъ разумъ; еслибы хотѣли явиться наслѣдниками тебѣ по жизни—нѣтъ въ насъ той крѣпости. Потому молимъ тебя: молись о насъ Владыкѣ и Богу нашему, чтобъ вразумилъ Онъ насъ и чтобъ мы могли славить, величать и достойными явиться тебѣ наслѣдниками. Христось—наша сила, Богъ и Господь. Потому, припадая усердно къ ракъ честныхъ мощей твоихъ, молимъ тебя: молись и о томъ, чтобъ подаль намъ силу и крѣпость на враговъ души нашей, удаляющихъ насъ всегда отъ путей преподобныхъ учениковъ твоихъ, — силу противъ похотей плотскихъ, силу на умерщвленіе всѣхъ страстей. Чтобъ явиться намъ побѣдителями ихъ и воспринять, въ день страшнаго суда, твоими молитвами побѣдный вѣнецъ съ древними учениками твоими отъ Побѣдителя враговъ, Христа, Сына Божія, и получить вмѣстѣ съ ними въ Царствіи Божіи наслѣдіе славы во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ Которому подобаеть слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и Пресвятымъ, благимъ и Животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
Теодосія, игумена Печерскаго, начальника ино-
ковъ русскихъ, которые стали подвизаться въ
монастыряхъ по уставу.**

*Онъ утвердилъ совершенное иноческое житіе, насажденное въ Рос-
сїи преп. Антоніемъ, переселилъ иноковъ изъ пещеръ въ монастырь
и ввелъ чинъ святаго Студійскаго монастыря, и упрочилъ Печерскую
Лавру неисповѣдимыми подвигами и чудесами.*

Теперь должно намъ увидать второе великое свѣтило
Россійскаго неба, святой чудотворной Лавры Печерской,
преподобнаго и богоноснаго отца нашего Теодосія. Отъ
преп. Антонія, какъ отъ свѣтозарнаго солнца, принявъ
свѣтъ равноангельской жизни, онъ явился прекрасною
луною со множествомъ звѣздъ добрыхъ дѣлъ своихъ и
умножившихся учениковъ и просвѣщаль ночь нерадѣнія
о добродѣтеляхъ. «Обратите взоръ къ нему и просвѣти-
тесь подражаніемъ въ дѣлахъ добрыхъ» (Пс. 33, 6).

«Узнайте, что Господь отдѣлилъ для Себя святаго
Своего» (Пс. 4, 4). О славномъ житіи его, украшенномъ
звѣздочисленными подвигами и чудесами, свидѣтель-
ствуетъ въ достаточномъ повѣствованіи своемъ вѣрный
свидѣтель, находящійся уже на небѣ, преп. отецъ нашъ
Несторъ. Но прежде предлагаетъ обстоятельное пре-
дисловіе, въ которомъ содержится слѣдующее:

«Благодарю Тебя, Владыко мой, Господи Иисусе Хри-
сте, что сподобилъ Ты меня недостойнаго быть свидѣ-

телемъ о святыхъ Твоихъ угодникахъ. Я понудилъ себя повѣдать о нихъ, хотя это выше моей силы и недостойнъ я, какъ человѣкъ грубый, неразумный и не наученный никакому искусству. Но вспомнилъ я слово Твое: «Если вы будете имѣть вѣру съ зерно горчичное, и скажете горѣ сей: перейди отсюда туда,—и она перейдетъ, и ничего не будетъ невозможнаго для васъ» (Матѣ. 17, 20). И я грѣшный Несторъ принялъ въ умъ мой слова эти и оградилъ себя вѣрою и упованіемъ, что все возможно Тебѣ,—и началъ писать слово о житіи преп. и богоноснаго отца нашего Θεодосія, игумена Печерскаго монастыря Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, начальнаго архимандрита всей Россіи. Постоянно печалился я, вспоминая о жизни преподобнаго и о томъ, что никѣмъ не описана она, и молился я Богу, сподобить меня написать все, какъ слѣдуетъ о дѣлахъ угодника Своего, чтобъ до тѣхъ черноризцевъ, которые будутъ послѣ насъ, дошло писаніе это и они, прочтя его и уразумѣвъ доблесть этого мужа, восхваляя Бога и прославляя угодника Его, стремились на тѣ же подвиги. Особенно же пусть восхвалятъ его за то, что въ странѣ этой явился такой угодникъ, о которомъ Господь сказалъ, что «много послѣднихъ будутъ первыми» (Матѣ. 20, 16). Ибо и этотъ послѣдній (по годамъ)—явился равнымъ первымъ отцамъ, подражая жизнью своею иноческому совершенству святаго первоначальника Антонія—не Печерскаго только, но и великаго Египетскаго Антонія, ближе же—тезоименитаго ему Θεодосія, архимандрита Іерусалимскаго. Эти праведники, проведя жизнь въ равныхъ подвигахъ, послужили Владычицѣ Богоматери, и, принявъ равную награду отъ Родившагося чрезъ Нее Бога, непрестанно молятся о насъ, чадахъ своихъ».

«Достойна удивленія такая жизнь, ибо въ отеческихъ книгахъ пишется, что послѣдній родъ будетъ слабымъ, а преп. Θεодосій въ этомъ послѣднемъ родѣ явилъ себя

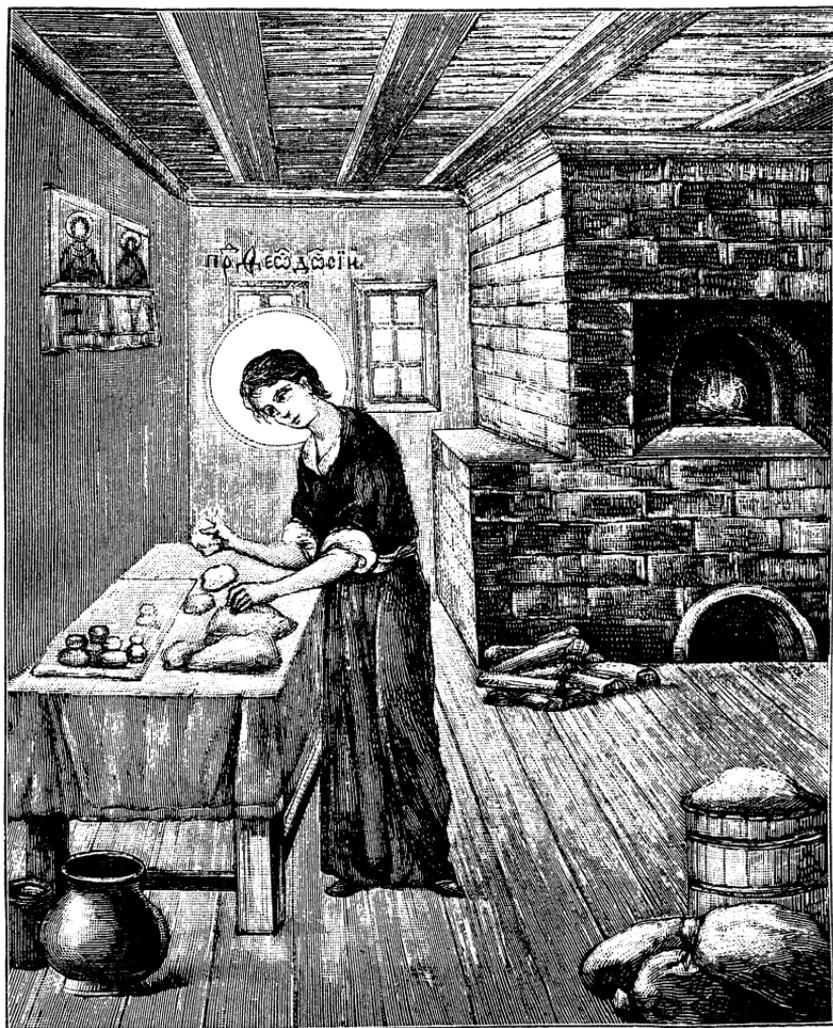
великимъ трудникомъ и пастыремъ овцамъ словеснымъ, наставникомъ и учителемъ инокамъ, который былъ украшенъ съ молодю чистою жизнію и равноангельскими дѣлами, просвѣщенными вѣрою и разумомъ».

«И вотъ, я начну описывать жизнь его отъ юныхъ путей его. Только, братіе, слушайте со всякимъ прилежаніемъ, ибо исполнено это слово пользы для всѣхъ внимающихъ ему.

«Прошу васъ еще: не осуждайте грубость мою, ибо любовь моя къ преподобному понудила меня написать это слово о немъ. Писалъ также потому, что опасался, чтобъ и мнѣ не было сказано: «Лукавый рабъ и лѣнивый надлежало тебѣ отдать серебро мое торгующимъ и, пришедъ, я получилъ бы свое съ прибылью» (Мѡ. 25, 26 и 27); почему, братіе, нехорошо утаивать чудеса Божіи, въ особенности помня слова Христовы: «То, что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ, и что слышите на ухо, проповѣдуйте на кровляхъ» (Мѡ. 10, 27). И такъ, хочу я писать на пользу и поученіе слушающимъ, чтобъ и вы, славя за это Бога, получили воздаяніе. Желая же положить начало слову и перейти къ повѣтствованію, прежде молюсь я Господу: Владыко мой Господи, Вседержителю, Податель блага, Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, приди на помощь мнѣ и просвѣти сердце мое къ разумѣнію заповѣдей Твоихъ и отверзи уста мои, чтобъ исповѣдать чудеса Твои и похвалить угодника Твоего, на славу имени Твоего святого, потому что Ты защищаешь всѣхъ уповающихъ на Тебя».

Сдѣлавъ такое вступленіе, блаженный лѣтописецъ начинаетъ складывать повѣствованіе о равночисленныхъ звѣздамъ подвигахъ преподобнаго такимъ образомъ.

Есть городъ, близъ стольнаго Россійскаго города Кіева, именемъ Васильевъ или Васильковъ. Въ немъ пребывали родители преподобнаго Θεодосія, живя въ вѣрѣ Христовой и украшаясь благочестіемъ.

Отроческіе труды преп. Θεодосія въ міру.

Когда родился у нихъ сей святой — они на восьмой день принесли его къ священнику, чтобъ назвать ему имя. Священникъ же, увидѣвъ дитя и сердечными очами прозрѣвая, что съ дѣтства отдастъ онъ себя Богу, назвалъ его Θεодосіемъ. Когда прошло сорокъ дней, младенца крестили, и онъ росъ у родителей, и была на немъ благодать Божія (Лук. 2, 40).

Вскорѣ родители его переселились далеко, въ другой городъ, именемъ Курскъ, по повелѣнію князя, но — скажу я — болѣе по Божію усмотрѣнію, чтобъ и тамъ просіяло житіе добраго отрока.

Въ томъ городѣ и росъ отрокъ тѣломъ, возрасталъ и духомъ въ премудрости и любви Божіей. Онъ самъ упросилъ родителей своихъ отдать его учиться Божественнымъ книгамъ, что они и сдѣлали. И скоро сталъ понимать онъ все Божественное Писаніе, такъ что всѣ удивлялись премудрости и разуму его, и скорому его ученію. Ежедневно ходилъ онъ въ церковь Божію, слушая внимательно Божественное Писаніе. Къ играющимъ дѣтямъ не приближался, какъ дѣлаютъ въ дѣтствѣ, но удалялся отъ игръ ихъ, не украшалъ себя великолѣпнѣемъ богатыхъ одеждъ, но былъ доволенъ худымъ рубищемъ.

Когда ему было тринадцать лѣтъ, умеръ отецъ его. И съ тѣхъ поръ еще болѣе сталъ подвижничать преподобный, такъ что выходилъ съ рабами своими на поле и работалъ смиренно. Мать его возбраняла ему въ томъ, приказывала ему одѣваться въ хорошее платье, и играть со сверстниками, и говорила: «Одѣваясь такъ, ты дѣлаешь укоризну себѣ и роду своему». Но онъ въ этомъ не слушался ея, но предпочиталъ ходить, какъ нищій, такъ что часто гнѣвалась она, приходила въ ярость и била его.

Блаженный юноша думалъ о томъ, какъ и какимъ образомъ спастись. Слыша о святыхъ мѣстахъ, гдѣ

Господь нашъ ходилъ во плоти и совершилъ дѣло спасенія нашего,—желалъ идти и туда, поклониться имъ,—и молился онъ о томъ: Господи Иисусе Христе, услышь молитву мою и сподобь меня посѣтить святыя мѣста и поклониться имъ.

Пришли въ Курскъ странники; встрѣтивъ ихъ, блаженный юноша обрадовался, подбѣжалъ къ нимъ и, привѣтствуя ихъ, спрашивалъ, откуда они и куда идутъ. Они отвѣчали, что они отъ святаго города Иерусалима, и съ Божьею помощью, хотятъ идти обратно. Тогда блаженный юноша сталъ просить ихъ взять его съ собою и довести до святыхъ мѣстъ, и обѣщали они взять его съ собою и довести, и съ радостью пошелъ онъ тогда домой. Когда странники стали собираться, они извѣстили юношу о своемъ уходѣ. И онъ ночью, такъ что никто не зналъ о томъ, всталъ, покинулъ домъ въ одной худой одеждѣ, и пошелъ вслѣдъ за странниками. Но не было въ волѣ всеблагого Бога, чтобъ тотъ, кому отъ чрева матерня Онъ назначилъ быть пастыремъ словесныхъ овецъ, постригаемыхъ въ чинъ ангельскій, иноческій, ушелъ изъ земли нашей Русской.

Черезъ три дня мать его узнала, что онъ ушелъ со странниками, и погналась вслѣдъ за нимъ, взявъ съ собою младшаго сына. Послѣ долгой погони, догнали ихъ и остановили преподобнаго. И тамъ, въ великомъ гнѣвѣ и ярости, мать схватила его за волосы, повалила на землю и топтала его ногами. Укоривъ странниковъ, она возвратилась домой, ведя сына, какъ злодѣя, связаннымъ. И такой гнѣвъ былъ въ ней, что, приведя его домой, она била его, пока онъ не изнемогъ, затѣмъ связала его и заперла въ особой горницѣ. Блаженный юноша принималъ все это съ радостью, и, молясь Богу, благодарилъ Его за все. Черезъ два дня мать вошла къ нему, развязала и дала ѣсть. Но, будучи еще раз-

гнѣвана, она наложила на ноги его тяжелыя желѣзныя оковы, опасаясь, что онъ опять убѣжитъ отъ нея, и такъ долго ходилъ онъ какъ узникъ. Потомъ мать смилостивилась и начала съ мольбами увѣщавать его, чтобъ онъ больше не бѣгалъ отъ нея; потому что она любила его больше другихъ дѣтей и тосковала безъ него. Когда онъ обѣщался ей, что не уйдетъ отъ нея (если это будетъ полезно), она сняла желѣзо съ ногъ его и просила его дѣлать, что хочетъ. А блаженный Θεодосій, вернувшись къ прежнему подвигу своему, ходилъ всякій день въ церковь Божию.

Видя, что часто не служатъ Божественную литургію изъ-за недостатка просфоръ, онъ много о томъ скорбѣлъ, и самъ рѣшился по смиренію своему исправлять то дѣло, и сдѣлалъ такъ. Сталъ онъ покупать пшеницу, молоть ее своими руками, печь просфоры и часть приносить въ церковь, остальные же продавать; и сколько денегъ оставалось лишнихъ, давалъ нищимъ, а на остальные покупалъ снова пшеницу и дѣлалъ просфоры. Такова была воля Божія, чтобъ отъ чистаго отрока приносимы были въ церковь чистыя просфоры. Въ этой работѣ провелъ онъ года два или болѣе.

Всѣ его сверстники, по наущенію врага, съ укорами ругались надъ нимъ за его дѣло; но съ радостью и въ молчаніи переносилъ то преподобный. Врагъ же, ненавистникъ добра, видя себя побѣждаемымъ смиреніемъ трудолюбиваго отрока, не могъ успокоиться, желая помѣшать ему въ такомъ трудѣ, и сталъ вооружать противъ него его мать, чтобъ воспрепятствовала она ему въ его дѣлѣ. И мать, страдавшая оттого, что сынъ ея выносилъ такія насмѣшки, стала съ любовью говорить ему: «Умоляю тебя, сынъ мой, брось эту работу, потому что ты наносишь укоризну своему роду. Не могу я слышать, какъ всѣ укоряютъ тебя за это дѣло, и не подобаетъ тебѣ, еще малолѣтнему, заниматься та-

кимъ дѣломъ.» Со смиреніемъ отвѣчалъ ей блаженный Теодосій: «Послушай, прошу тебя, мать моя, Господь Богъ нашъ принялъ на Себя видъ убожества и смирился, подавая намъ примѣръ, чтобъ и мы смирились ради Него. И былъ Онъ также поруганъ, оплеванъ и заушенъ, и все претерпѣлъ ради нашего спасенія; тѣмъ болѣе нужно терпѣть намъ, чтобъ приобрѣсти Христа. А о томъ, какое я дѣлаю дѣло, выслушай слѣдующее: Когда Господь нашъ Иисусъ Христосъ возлежалъ на Тайной Вечери съ учениками Своими, тогда, взявъ хлѣбъ, Онъ благословилъ, преломилъ, далъ ученикамъ и сказалъ: «Примите, ядите, сіе есть тѣло Мое, за васъ ломимое во оставленіе грѣховъ (Мѡ. 26, 26; 1 Корин. 11, 24). И, если Господь нашъ хлѣбъ, приготовленный къ Тайной Вечери, назвалъ Своимъ тѣломъ, радоваться нужно и мнѣ, что сподобилъ Онъ меня дѣлать такой хлѣбъ, на которомъ совершается это великая Тайна преложенія въ тѣло Христово».

Услыхавъ такой отвѣтъ, мать удивилась премудрости отрока, и предоставила ему свободу. Но врагъ не отступился отъ матери, внушая ей препятствовать сыну въ его смиреніи и его трудѣ.

Черезъ годъ, заставъ его опять пекущимъ просфоры и почернѣвшимъ отъ пламени, опять она пожалѣла его, и снова начала мѣшать ему, иногда ласкою, иногда угрозами, иногда и побоями, чтобъ онъ бросилъ это занятіе. А блаженный юноша былъ поверженъ тѣмъ въ великую скорбь и, недоумѣвая, что дѣлать ему, всталъ ночью, тайно вышелъ изъ дома своего и пришелъ въ другой городъ, недалеко отъ Курска, гдѣ жилъ у пресвитера, продолжая обычно заниматься своимъ дѣломъ. Мать же его, послѣ поисковъ по своему городу не найдя его, очень жалѣла его. По прошествіи многихъ дней услышала она, гдѣ онъ живетъ, и съ великимъ гнѣвомъ отправилась за нимъ. Достигнувъ того города, она нашла

его въ домѣ пресвитера, и, взявъ его, повлекла въ свой городъ, осыпая его побоями, а когда привела его домой, сказала: «Уже больше ты не отойдешь отъ меня, и, куда ты ни пойдешь, я найду тебя и приведу сюда».

А блаженный, какъ и прежде, цѣлыми днями молился Богу и ходилъ въ церковь.

Онъ былъ смиренъ сердцемъ, покоренъ предъ всѣми, такъ что начальникъ города Курска, узнавъ, что отрокъ этотъ съ такимъ смиреніемъ и послушаніемъ любить дѣло церковное, отличилъ его своимъ вниманіемъ и поручилъ ему смотрѣть за своею церковью. Онъ подарилъ ему для ношенія богатую одежду, но блаженный, походивъ въ ней немного дней, какъ бы нося на себя какую-то тяжесть, снялъ ее и отдалъ нищимъ, самъ же облекся въ худую одежду. Начальникъ же, увидѣвъ это, далъ ему снова другую лучшую первой одежду, прося его, чтобъ онъ ходилъ въ ней, но онъ и ее снялъ и отдалъ. И такъ дѣлалъ онъ много разъ. И, узнавъ о такихъ поступкахъ, начальникъ сталъ еще больше любить его и удивлялся смиренію его.

Черезъ нѣсколько времени блаженный Θεодосій пошелъ въ кузницу и приказалъ сковать вериги изъ желѣза, обвилъ ихъ вокругъ пояса и такъ ходилъ. Желѣзо было узко и вгрызалось въ тѣло, а онъ терпѣлъ, точно не чувствуя никакой боли. Черезъ нѣсколько времени мать его въ праздничный день стала принуждать его одѣться въ хорошую одежду, главнымъ образомъ потому, что всѣ вельможи должны были въ тотъ день собраться къ начальнику города, и блаженному Θεодосію велѣно было тамъ быть и служить. Когда онъ началъ надѣвать праздничное платье, мать его пристально слѣдила за одѣваніемъ, и не могъ онъ отъ нея утаиться: она увидѣла на рубашкѣ его кровь. Желая знать, откуда эта кровь, она нашла на немъ желѣзо и поняла, что кровь происходитъ оттого, что желѣзо врѣ-

зается въ тѣло. И, разгорясь гнѣвомъ, съ яростью она растерзала на немъ хитонъ и съ побоями сняла съ его пояса желѣзо. А блаженный отрокъ, какъ будто никѣмъ не обиженный, одѣлся и пошелъ съ кротостью прислуживать пирующимъ.

Черезъ нѣкоторое время услыхалъ онъ слова Господни въ Евангеліи: «Кто любитъ отца или мать болѣе нежели Меня, недостоинъ Меня.» (Мѡ. 10, 37). И еще: «Мать моя и братья мои суть слышащіе Слово Божіе и исполняющіе его.» (Лук. 8, 21) и кромѣ того слова: «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ.» (Мѡ. 11, 28—29). Эти слова разожгли душу Боговдохновеннаго Θεодосія и, горя рвеніемъ Божіимъ, онъ помышлялъ всякій день и часъ о томъ, какъ бы и гдѣ скрыться отъ матери и постричься во святой иноческій образъ. По Божію усмотрѣнію, случилось матери его выѣхать въ помѣстьѣ, и долго остаться тамъ. Въ радости помолился блаженный и тайно вышелъ изъ дома своего, не имѣя у себя ничего, кромѣ одежды на тѣлѣ и немного хлѣба для немощи тѣлесной. Итакъ, поспѣшилъ онъ въ городъ Кіевъ, такъ какъ слышалъ объ инокахъ, тамъ живущихъ. Онъ не зналъ дороги, и просилъ Бога послать ему въ помощь спутника. И вотъ, по Божію усмотрѣнію, приключилось идти тѣмъ путемъ купцамъ, везшимъ на возахъ тяжелую кладь. Когда блаженный узналъ, что они идутъ въ Кіевъ, онъ обрадовался и прославилъ Бога, исполнившаго желаніе сердца его, и онъ шелъ за ними, но вдалькѣ, не показываясь имъ. Когда же они останавливались на ночлегъ, блаженный ложился тамъ спать, не доходя до нихъ такъ, чтобъ не терять ихъ изъ глазъ. И единый Богъ хранилъ его. Такъ совершая путь, онъ въ три недѣли дошелъ изъ Курска до стольнаго города Кіева.

Придя въ Кіевъ, онъ обходилъ всѣ (еще не устроенные тогда по истинному уставу) монастыри и просилъ живущихъ въ нихъ принять его. Но они, видя убогаго юношу, одѣтаго въ худое платье, не хотѣли принять его. На то была Божья воля, чтобъ онъ шель на то мѣсто, куда отъ чрева матери призывалъ его руководившій имъ Богъ.

Тогда-то услыхалъ онъ о преп. Антоніи, проводившемъ жестокое житіе въ пещерѣ. Какъ бы крылья выросли у его ума, онъ устремился туда и пришелъ къ преподобному старцу. Увидавъ его, онъ поклонился ему, и со слезами просилъ его принять къ себѣ въ иночество.

Преп. Антоній сказалъ ему: «Чадо, видишь, что пещера эта скорбна и тѣсна, и не вынесешь ты всѣхъ трудностей этого мѣста». Говорилъ же онъ такъ, не столько искушая его, сколько пророчески провидя, что онъ распространитъ мѣсто то и создастъ славный монастырь, гдѣ соберется множество иноковъ. Съ умиле-ніемъ отвѣчалъ Богомъ вдохновенный Θεодосій: «Узнай, честной отецъ, что Христось Богъ, Промыслитель всего, привелъ меня къ твоей святынѣ, желая чтобъ спасся я чрезъ тебя. Потому я сдѣлаю то, что ты мнѣ велишь».

Тогда сказалъ ему преп. Антоній: «Благословенъ Богъ, укрѣпившій тебя, чадо, на такое стараніе, — вотъ тебѣ мѣсто, пребывай на немъ». Блаженный Θεодосій снова поклонился ему въ землю, чтобъ старецъ благословилъ его. И благословилъ его преп. Антоній и повелѣлъ постричь его блаженному Никону, который былъ іереемъ и опытнымъ черноризцемъ. И онъ, взявъ блаженнаго Θεодосія, какъ незлобиваго агнца, постригъ по обычаю святыхъ отцовъ и облекъ въ иноческую одежду, на двадцать четвертомъ его году, при благовѣрномъ князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ.

И весь предался Богу преподобный отецъ нашъ Θεодосій и своему Богоносному старцу Антонію, и подъялъ съ тѣхъ поръ великіе труды, какъ во истину принявшій иго. Онъ всѣ ночи проводилъ бодрствуя въ словесіи Божіи, побѣждая тяжесть сна, и повседневно удручалъ себя воздержаніемъ и постомъ, трудясь своими руками. Постоянно воспоминалъ онъ слово псалма: «Призри на страданіе мое и на изнеможеніе мое и прости всѣ грѣхи мои» (Пс. 24, 18). И потому смирялъ онъ воздержаніемъ и постомъ душу, бодрствованіемъ же и рукодѣліемъ утруждалъ тѣло, такъ что преп. Антоній и блаженный Никонъ дивились столь великому его въ юности благонравію, смиренію и покорности, бодрости и крѣпости, и много славили за то Бога.

Мать его много искала его не только въ своемъ городѣ, но и въ окрестныхъ, и, не найдя его, плакала по немъ горько, какъ по мертвомъ, ударяя себя въ грудь. И по всей той странѣ было указано, — если гдѣ увидятъ похожаго на него юношу, привести его и дать знать матери, и получать за это награду. И вотъ нѣкоторые люди, пришедши изъ Кіева, повѣдали ей, что четыре года назадъ видѣли его въ ихъ городѣ, гдѣ онъ хотѣлъ постричься въ одномъ изъ монастырей. Услыхавъ это, мать Θεодосія не облѣнилась идти туда на поиски за своимъ сыномъ и не побоялась долгаго пути. Ни мало не медля, прибыла она въ Кіевъ и обходила всѣ монастыри, ища его. На послѣдокъ увѣдомили ее, что онъ находится въ пещерѣ у преп. Антонія, и она пришла туда, чтобъ найти его, и начала обманомъ вызывать старца, говоря: «Скажите преп. Антонію, чтобъ онъ вышелъ ко мнѣ, я перенесла долгій путь, чтобъ прійти поклониться святынѣ его и получить отъ него благословеніе». Объ этомъ было доложено старцу, и онъ вышелъ къ ней изъ пещеры. Она, при видѣ его, поклонилась ему до земли. Старецъ, сотворивши молитву,

Юный Феодосій приходитъ къ преп. Антонію.

благословилъ ее, и, когда, послѣ молитвы, они сѣли, женщина начала съ нимъ долгую бесѣду, и, при концѣ ея, объяснила причину, ради которой пришла, и сказала: «Умоляю тебя, отче, повѣдай мнѣ, здѣсь ли мой сынъ, ибо великую тугу и скорбь перенесла я, не зная, живъ ли онъ». Старецъ, будучи незлобивъ и не предполагая ея обмана, отвѣтилъ ей: «сынъ твой здѣсь, не скорби, не безпокойся о немъ,—онъ живъ». Она сказала ему: «Почему же, отче, я не вижу его; много потрудилась я и пришла сюда только, чтобъ видѣть сына моего, а затѣмъ вернуться». Старецъ же сказалъ ей: «Если хочешь видѣть его,—отойди отсюда, я пойду, уговорю его, потому что онъ не хочетъ никого видѣть. А ты приходи завтра и увидишь его». Услышавъ это, она поклонилась старцу и ушла, надѣясь на другой день увидѣть сына своего. А преп. Антоній, войдя въ пещеру, рассказалъ обо всемъ блаженному Θεодосію, и тогда смутился блаженный, что не смогъ утаиться отъ матери своей. На слѣдующій день женщина пришла опять, и старецъ много уговаривалъ блаженнаго выйти къ матери, но онъ не захотѣлъ. Тогда старецъ вышелъ къ ней и сказалъ: «много молилъ я сына твоего, чтобъ вышелъ онъ къ тебѣ, и не хочетъ».

Не со смиреніемъ, а съ великимъ гнѣвомъ обратилась она тогда къ старцу и кричала: «Досаждаютъ мнѣ старецъ этотъ, что скрылъ въ пещерѣ моего сына и не хочетъ его показать мнѣ. Выведи мнѣ, старецъ, сына моего, чтобъ видѣть мнѣ его, потому что и жизни не хочу, если не увижу его. Покажи мнѣ сына моего, чтобъ не умереть мнѣ злою смертію,—ибо я наложу сама на себя руки предъ дверями этой пещеры, если ты не покажешь мнѣ его». Тогда преп. Антоній, находясь въ великой скорби, вошелъ въ пещеру и молилъ блаженнаго, чтобъ онъ вышелъ къ матери. А онъ, не желая оскорбить старца, послушалъ его и вышелъ къ ней.

Мать, видя сына въ такомъ скорбномъ видѣ, съ лицомъ, измѣнившимся отъ великаго воздержанія и труда,—упала на шею его и долго плакала горькими слезами; и какъ только немного успокоилась, стала увѣщавать его: «Вернись, дитя мое, домой — ты будешь дѣлать тамъ по волѣ своей все на пользу и спасеніе души; только не разлучайся со мной; когда же я отойду отъ жизни, ты предашь тѣло мое гробу, и тогда самъ возвратишься въ пещеру, ибо не могу я жить, не видя тебя». Блаженный сказалъ ей: «Мать моя, если хочешь видѣть меня, останься здѣсь въ Кіевѣ и постригись въ женскомъ монастырѣ, и, приходя сюда, можно тебѣ будетъ видѣть меня, вмѣстѣ же съ тѣмъ ты получишь и спасеніе души. Если же не сдѣлаешь такъ — правду говорю тебѣ—не увидишь больше лица моего». Такими и еще многими другими уговорами увѣщавалъ онъ свою мать въ продолженіе многихъ дней, когда она приходила къ нему. Но она не хотѣла и слышать его. Когда она уходила, блаженный, войдя въ пещеру, молился усердно Богу о спасеніи матери своей и о томъ, чтобъ сердце ея обратилось къ исполненію словъ его. И Богъ услышалъ молитву угодника своего, какъ сказалъ пророкъ: «Близокъ Господь ко всѣмъ призывающимъ Его въ истинѣ, желанія боящихся Его Онъ исполняетъ и вопль ихъ слышитъ» (Пс. 144, 18 -13).

Черезъ нѣсколько дней, придя къ блаженному, мать его сказала: «Дитя моя,—я исполню все сказанное тобою, и не возвращуся болѣе въ родной городъ. Но, по волѣ Божіей, поступлю въ женскій монастырь и, постригшись въ немъ, проведу остающіеся мнѣ дни, ибо изъ наставленій твоихъ я поняла, что этотъ маловременный міръ—ничто». Услыхавъ это, блаженный возрадовался духомъ и, войдя въ пещеру, повѣдалъ то преп. Антонію. Преподобный же прославилъ Бога, обратившаго ея сердце къ такому покаянію,—и, выйдя къ

ней, много училъ ее о полезномъ для души. Потомъ разсказаль о ней княгинѣ и устроилъ ее въ женскомъ монастырѣ святаго Николая, гдѣ она была пострижена и, проживъ много лѣтъ, въ добромъ исповѣданіи съ миромъ упокоилась въ Господѣ.

А эту часть житія блаженнаго отца нашего Θεодосія, съ юности доселѣ, разсказала мать его одному изъ братій (который былъ келаремъ при томъ же преподобномъ отцѣ нашемъ Θεодосіи), именемъ Θεодору; услыхавъ все это отъ него, блаженный Несторъ записаль на память и пользу всѣмъ читающимъ, какъ и самъ здѣсь о томъ говорить.

А о прочихъ подвигахъ святаго, которымъ и самъ былъ свидѣтель, такъ повѣствуетъ тотъ же составитель житія его.

Вскорѣ святой отецъ нашъ Θεодосій оказался въ пещерѣ побѣдителемъ злыхъ духовъ. По постриженіи матери своей и удаленіи отъ всякой мірской заботы, онъ сталъ подвизаться бѣльшими трудами на Божье дѣло. И были видны три святыхъ, сіяюще въ пещерѣ, молитвою и постомъ разгоняюще тьму бѣсовскую—именно преп. Антоній, блаженный Θεодосій и великій Никонъ. Они пребывали въ пещерѣ, молясь Богу, и Богъ былъ съ ними. «Ибо,—сказаль Онъ,—гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди нихъ» (Мѣ. 18, 20).

Когда блаженный Никонъ отошелъ отъ преп. Антонія съ однимъ инокомъ болгаринемъ, монастыря святаго Мины,—преп. отецъ нашъ Θεодосій, изволеніемъ Божиимъ, по желанію преп. Антонія поставленъ былъ іереемъ. И ежедневно, въ великомъ смиреніи, совершалъ литургію. Былъ онъ іерей кроткій нравомъ, тихій мыслию, простой сердцемъ, исполненный всякой духовной мудрости, имѣлъ нелицемѣрную любовь къ братіи, которую (числомъ двѣнадцать) собралъ преп. Антоній.

Когда же преп. Антоній поставилъ братіи въ пещерѣ,

вмѣсто себя, игуменомъ блаженнаго Варлаама, а самъ переселился на другой холмъ и, ископавъ пещеру, началъ жить въ ней, тогда этотъ благоговѣйный іерей, преподобный отецъ нашъ Θεодосій, съ блаженнымъ игуменомъ Варлаамомъ остался въ первой пещерѣ, и съ нимъ вмѣстѣ поставилъ надъ пещерою малую церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, чтобъ братія собиралась тамъ на Божественное славословіе.

Во время этой жизни братіи въ пещерѣ, сколько они приняли скорби и печали, по тѣснотѣ ея и подвигамъ своимъ, — невозможно повѣдать человѣческимъ языкомъ, но извѣстно только одному Богу. Пищею ихъ тамъ былъ только ржаной хлѣбъ и вода; иногда лишь въ субботу и воскресенье вкушали немного сочива, но часто и въ эти дни, за неимѣніемъ сочива, варили и ѣли одну зелень. Ежедневно работали они своими руками, плели волну и исполняли другія ручныя работы, которыя носили въ городъ и продавали; купивъ на вырученныя деньги жито, дѣлили его между собою, и всякій ночью мололъ свою часть зерна для приготовления хлѣбовъ. Затѣмъ, собравшись въ церковь, начинали утреннюю службу, и, совершивъ ее, трудились надъ работою, назначавшеюся въ продажу, иногда даже торговали въ оградѣ, пока подходило время часовъ и божественной литургіи, которыя совершались со всяческимъ вниманіемъ, причемъ всѣ собирались въ церковь. Потомъ вкушали немного хлѣба, и каждый шелъ на свое дѣло, до времени вечерни и повечерія. И такъ, постоянно трудясь, пребывали они въ любви Божіей. Преп. же отецъ нашъ Θεодосій, почтенный саномъ священства, превосходилъ всѣхъ въ постѣ, въ бодрости, въ ручныхъ работахъ, больше же всего въ смиреніи и послушаніи, и онъ служилъ помощію для всѣхъ, иногданося воду, иногда же дрова изъ лѣсу. Иногда, во время сна братіи, бралъ онъ ихъ раздѣленное жито, мололъ часть

каждаго, и ставилъ на свое мѣсто; и самъ цѣлыми ночами бодрствовалъ на молитвѣ.

Иногда, при множествѣ оводовъ и комаровъ, ночью выходилъ онъ на холмъ, надъ пещерами, и, обнаживъ тѣло до пояса, сидѣлъ, руками прядя волну, а устами воспѣвая псалтирь Давидовъ, и отъ множества оводовъ и комаровъ все тѣло его бывало обогрено кровью; а онъ оставался неподвиженъ, не вставая съ мѣста, пока не приходило время утрени. И онъ оказывался прежде всѣхъ первымъ въ церкви и, ставъ на своемъ мѣстѣ, не двигаясь, съ умомъ собраннымъ, совершалъ Божественное славословіе, и уже послѣ всѣхъ выходилъ изъ церкви. Потому всѣ любили его и считали за отца, дивясь болѣе всего смиренію и покорности его.

Когда блажен. Варлаамъ, игумень Печерской братіи, былъ переведенъ княземъ Изяславомъ въ монастырь святаго великомученика Димитрія и тамъ поставленъ игуменомъ, тогда Печерская братія, собравшись къ преподобному Антонію по общему согласію, просила поставить имъ игуменомъ преподобнаго Θεодосія, какъ искуснаго въ иноческомъ житіи и близко знающаго Божіи заповѣди. Преп. же Антоній, призвавъ святаго Θεодосія, благословилъ его на игуменство. Братіи тогда было числомъ двадцать.

Достохвальный же игумень, преп. отецъ нашъ Θεодосій, хотя и принялъ старѣйшинство, не измѣнилъ своего смиренія и своихъ обычаевъ. Но онъ имѣлъ въ памяти слова Господа: «Кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ». И потому онъ смирялся, дѣлая себя меньшимъ всѣхъ и служа всѣмъ, во всемъ подавая собою образецъ добрыхъ дѣлъ, прежде всѣхъ выходя на дѣло и прежде всѣхъ приходя въ церковь, а уходя послѣднимъ. И молитвою этого праведника умножалось и процвѣтало это мѣсто, по слову: «Праведникъ цвѣтетъ какъ пальма и возвышается по-

добно кедрѣ въ Ливанѣ» (Пс. 31, 13). При немъ умножалась братія въ пещерѣ, какъ въ землѣ доброй, потому что онъ во истину имѣлъ сѣмя благодати, приносящее плоды во сто кратъ; въ небольшое время собралъ онъ братіи сто челоуѣкъ, и всѣ они процвѣтали добрыми нравами и молитвами.

Преп. отецъ нашъ Θεодосій, воистину земной ангель и небесный челоуѣкъ, видя, что при великомъ умноженіи братіи мѣсто тѣсно и всѣ не могутъ помѣститься въ пещерѣ для безмолвной жизни, а въ малой церкви надъ пещерою—для соборной службы, видя кромѣ того скудость — не впалъ въ печаль. Онъ не скорбѣлъ о томъ, но ежедневно утѣшалъ братію, поучая ее не заботиться о внѣпнемъ, и напоминалъ слова Христа: «Въ домѣ Отца Моего обителей много» (Іоан. 19, 2), и еще: «Ищите прежде Царствія Божія и правды Его, и это все приложится вамъ» (Мѣ. 6, 33). Преподобный помнилъ эти слова, и Богъ щедро подавалъ ему все потребное.

Выбравъ прекрасное мѣсто близъ пещеры и разсудивъ, что его достаточно для устройства монастыря, онъ укрѣпилъ себя вѣрою и упованіемъ, и сталъ заботиться о томъ, какъ населить это мѣсто. И такъ, по благословенію преп. Антонія, испросивъ это мѣсто у христоролюбиваго князя Изяслава, вскорѣ, при помощи Божіей, онъ соорудилъ тамъ большую деревянную церковь Успенія Пресвятой Богородицы, поставилъ много келій и обвелъ все оградою. И тогда онъ переселился изъ пещеры на то мѣсто. И съ тѣхъ поръ, благодатию Божіею, возрасло то мѣсто, и прославился монастырь, который и донинѣ отъ прежняго жительства иноковъ въ пещерѣ называется Печерскимъ.

По переселеніи изъ затворничества, преп. Θεодосій сталъ искать, какъ бы положить для братіи уставъ твердаго иноческаго житія. И, по молитвѣ и благосло-

венію преп. Антонія, далъ ему Богъ узнать студійскій уставъ отъ честнаго Михаила, инока святой Студійской обители, пришедшаго съ митрополитомъ Георгіемъ изъ Греціи. Все то, что онъ разсказалъ о томъ богоугодномъ чинѣ, понравилось преп. Θεодосію. И потому онъ послалъ одного изъ братіи въ Константинополь къ блаженному евнуху Ефрему, который обходилъ святыя мѣста, чтобъ онъ, дошедши до святого Студійскаго монастыря, въ точности узналъ всѣ порядки его, и принесъ ему подробно списанный весь тамошній уставъ: какъ воспѣвають пѣснопѣнія, и читаютъ чтенія, и кладутъ поклоны, какъ стоятъ въ церкви и сидятъ въ трапезѣ, и какая въ какіе дни пища. Блаженный Ефремъ исполнилъ приказаніе преподобнаго отца, списалъ въ порядкѣ весь уставъ Студійскаго монастыря, котораго былъ самъ очевидцемъ, и принесъ къ нему. Принявъ это писаніе, преп. Θεодосій приказалъ прочесть предъ всею братіею и съ тѣхъ поръ началъ въ своемъ Печерскомъ монастырѣ устраивать все по уставу святой Студійской обители. Потомъ отъ Печерскаго монастыря всѣ русскіе монастыри приняли тотъ же, переданный преп. Θεодосіемъ, уставъ. И такъ начали содержать совершенный иноческій уставъ, какого прежде не было въ Россіи, и во всемъ смотрѣли на примѣръ Печерскаго монастыря, и чтили его за верховный монастырь.

Преп. отецъ нашъ Θεодосій во время игуменства своего въ примѣненіи устава имѣлъ слѣдующій добродѣтельный обычай. Всякаго, кто хотѣлъ быть инокомъ и шель къ нему, онъ не отгонялъ, ни богатаго, ни убогого, но принималъ всѣхъ съ полнымъ усердіемъ, вспоминая при этомъ, какъ скорбятъ тѣ, которые хотягь постричься и не встрѣчаютъ въ томъ сочувствія: вѣдь и самъ онъ претерпѣлъ это искушеніе, когда пришелъ изъ своего города въ Кіевъ, желая быть инокомъ, и обходилъ монастыри, а его не хотѣли принять. Но онъ

не тотчасъ постригалъ того, кого принялъ, но приказывалъ ему ходить въ его мірской одеждѣ, пока не привыкнетъ ко всему монастырскому чину; тогда онъ облачалъ его въ рясу. Затѣмъ, испытавъ во всѣхъ службахъ, постригалъ и облачалъ въ мантию; наконецъ, когда видѣлъ, что инокъ установился въ чистомъ житіи, сподоблялъ его принятія великаго ангельскаго образа и возлагалъ на него святую схиму.

Этотъ преподобный наставникъ наставлялъ учениковъ своихъ на истинное покаяніе. Онъ имѣлъ обычай всякую ночь обходить келіи всѣхъ, желая узнать образъ жизни и усердіе всякаго. И когда онъ слышалъ, что инокъ творитъ молитву, — тогда онъ въ радости прославлялъ за него Бога. Когда же слышалъ, что двое или трое, сошедшись послѣ вечерней молитвы, бесѣдуютъ, — тогда, ударивъ рукою въ дверь и обозначивъ тѣмъ свой приходъ, отходилъ въ смущеніи. Призвавъ ихъ на слѣдующій день, онъ обличалъ ихъ не прямо, но заговаривалъ съ ними издалека, притчами, чтобъ узнать ихъ усердіе къ Богу. И если братъ былъ смиренный сердцемъ и съ теплою любовью къ Богу, то, вскорѣ понявъ свою вину, онъ падалъ въ ноги и, кланяясь, просилъ прощенія. Если же чье сердце было покрыто бѣсовскимъ помраченіемъ, такой, считая себя невиновнымъ, думалъ, что старецъ бесѣдуетъ о другомъ, пока преподобный не обличалъ его, и тогда, наложивъ епитимію, онъ отпускалъ его. Итакъ онъ училъ всѣхъ прилежно молиться Богу, не бесѣдовать послѣ вечерней молитвы, не ходить изъ келіи въ келію, но молиться, кто какъ можетъ, Богу въ своей келіи, ежедневно заниматься ручною работою, имѣя на устахъ псалмы Давида. Вотъ какъ онъ поучалъ ихъ:

«Молю васъ, братіе, будемъ подвизаться въ постѣ и молитвѣ, позаботимся о спасеніи душъ нашихъ, отвратимся отъ злобы нашей и отъ лукавыхъ путей, кото-

Преп. Теодосій обходить келли.

рые суть — любодѣянiя, кража, празднословiе, ссоры, пьянства, объяденiе, братоненавистничество. Уклонимся, возгнушаемся всего этого, братiе, но пойдѣмъ путемъ Господнимъ, ведущимъ насъ въ небесную нашу отчизну. Будемъ искать Бога рыданiемъ, слезами, постомъ, бдѣнiемъ, покорностью и послушанiемъ, чтобъ тѣмъ прiобрѣсти у Него милость. Еще же возненавидимъ мiръ сей, всегда поминая слова о томъ Господа: «Кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены и дѣтей и братьевъ и сестеръ, а при томъ и самой жизни своей, — тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ» (Лук. 14, 26); и еще: «Сберегшiй душу свою, потеряетъ ее, а потерявшiй душу свою ради Меня, сбережетъ ее» (Мѣ. 11, 39). Потому и мы, братiе, отречшися отъ мiра, отречемся и того, чтѣ въ немъ. Возненавидимъ всякую неправду, всякое мерзкое дѣло, не будемъ возвращаться къ прежнимъ грѣхамъ нашимъ, какъ пѣсь на свою блевотину. Ибо какъ сказалъ Господь: никто, возложившiй руку свою на плугъ и озирающiйся назадъ, не благонадеженъ для царствiя Божiя (Лук. 9, 62). Какъ избѣгнемъ безконечной муки, кончая жизнь эту въ лѣности, безъ покаянiя. Надо намъ, братiе, назвавшися иноками, повседневно каяться въ грѣхахъ своихъ. Ибо покаянiе есть путь, приводящiй къ царству небесному. Покаянiе есть ключъ царства небеснаго, безъ котораго нельзя туда войти никому. Покаянiе есть путь, возвращающiй насъ въ отечество. Будемъ держаться, братiе, этого пути, прикрѣпимъ къ нему ноги наши. Къ этому пути не приближается змiй лукавый; шествiе по тому пути трудно, а потомъ будетъ радостно. И такъ, братiе, будемъ подвизаться прежде того послѣдняго дня, чтобъ получить благое, избѣжимъ злой участи, предстоящей нерадимымъ и живущимъ безъ покаянiя». Такъ этотъ святой наставникъ, прежде всего самъ исполнявшiй всякую

добродѣтель, училъ братію, а они, какъ добрая земля, принимали сѣмя его словъ и приносили плоды, достойныя покаянія,—одинъ сто, другой шестьдесятъ, третій же тридцать, какъ сказалъ Господь.

И можно было видѣть тогда на землѣ людей, равныхъ жизнию ангеламъ, и былъ монастырь Печерскій подобенъ небу, въ которомъ преп. отецъ нашъ Θεодосій ясно просіялъ свѣтомъ дѣлъ добрыхъ, какъ одно изъ великихъ свѣтилъ небесныхъ. И Богъ прославилъ его такъ, что онъ явился источникомъ свѣта вещественнаго.

Игумень монастыря архистратига Михаила, Софроній, шель въ свой монастырь. Была темная ночь. И вотъ, онъ увидаль чудесный свѣтъ, стоявшій только надъ монастыремъ преп. Θεодосія. Удивляясь тому, игумень прославилъ Бога, говоря: «О, сколь велика благодать Твоя, Господи, что показалъ Ты такого свѣтильника въ этомъ святомъ мѣстѣ, который такъ просвѣщаетъ монастырь свой». Также и многіе другіе многократно видѣли это и повѣдали всѣмъ, такъ что и князь и бояре услышали объ этомъ свѣтѣ, осѣняющемъ добрую жизнь преп. Θεодосія.

Тогда стали приходять къ преп. отцу нашему Θεодосію многіе, исповѣдуя грѣхи свои, и отходили, получивъ великую пользу. И, приходя къ нему, приносили ему часть имущества своего на содержаніе братіи и на устройство монастыря, другіе же давали и земли.

Особенно же любилъ святого христоролюбивый князь Изяславъ, владѣвшій въ Кіевѣ престоломъ отца своего, Ярослава. Часто онъ призывалъ его къ себѣ, много разъ приходилъ и самъ, насыщаясь его Боговдохновенными словами.

Преп. Θεодосіемъ сдѣланъ былъ наказъ вратарю, по окончаніи обѣда не отворять никому ворота, чтобъ никто не входилъ въ монастырь, пока не приблизится

вечерняя, чтобъ въ полуденное время братія могла отдыхать, ради утомленія отъ ночныхъ молитвъ и утренняго пѣнія. И въ одинъ день, въ полдень, пріѣхалъ христоролюбивый князь Изяславъ, по обычаю своему съ однимъ небольшимъ отрокомъ, потому что, когда онъ собирался къ преподобному, тогда отпускалъ своихъ бояръ по домамъ. Пріѣхавъ, онъ сошелъ съ коня, потому что никогда не вѣзжалъ въ монастырь на конѣ. Подойдя къ воротамъ, онъ постучалъ и приказалъ отворить, чтобъ ему войти. Но вратарь отвѣчалъ ему, что есть приказаніе великаго отца не отворять ворота никому до времени вечерни. Тогда христоролюбивый князь, указывая ему голосомъ, чтобъ вратарь зналъ, кто онъ такой, сказалъ: «Это я, мнѣ одному отвори». Тотъ же, не зная, что это князь, отвѣчалъ ему такъ: «Игуменомъ мнѣ приказано, если и князь придетъ, не отворять воротъ. Поэтому, если хочешь, потерпи немного, какъ придетъ время вечерни». Но князь отвѣтилъ: «Я князь, мнѣ ли ты не отворишь». Вратарь же посмотрѣлъ въ ворота, и узналъ, что онъ князь. Но не отперъ воротъ, а пошелъ къ преподобному, и возвѣстилъ ему, что князь стоитъ у воротъ и ждетъ. Тогда преподобный вышелъ и, увидавъ князя, поклонился ему. Князь же сталъ говорить: «Каково, отче, запрещеніе твое, о которомъ говоритъ этотъ инокъ, что если и князь придетъ, не пускай его?» Преподобный отвѣчалъ: «Ради того, господинъ, сдѣлано оно, чтобъ въ полуденное время братія, утрудившись отъ ночного славословія, могла спать. А твое усердіе къ Пресвятой Владычицѣ нашей Богородицѣ, приведшее тебя сюда—благо и на успѣхъ души твоей, и много радуемся мы о приходѣ твоемъ». Тогда пошли они въ церковь, преподобный сотворилъ молитву, и они сѣли; такъ христоролюбивый князь наслаждался медоточныхъ словъ, исходившихъ изъ устъ преп. отца нашего Θεодосія, и, получивъ отъ него ве-

ликую пользу, возвратился въ свой домъ, слава Бога, и съ того дня сталъ еще больше любить святаго, почитая его за одного изъ древнихъ святыхъ отцовъ, и во всемъ слушался его.

Преп. же отецъ нашъ Θεодосій не величался тѣмъ, что князь и вельможи почитали его, но былъ по истинѣ свѣтиломъ, которое сіяло тѣмъ ярче, что свѣтило какъ въ темнотѣ, въ смиреніи, въ поученіе всѣмъ ученикамъ. И тогда-то онъ еще больше смирялся, трудился цѣлыми днями ручнымъ трудомъ и повелѣвалъ дѣломъ, а не словомъ.

Часто онъ входилъ въ пекарню и, будучи самъ игуменомъ, работалъ съ пекарями, мѣся тѣсто, дѣлалъ хлѣбы, не зарывая таланта тѣлесной крѣпости, утѣшая и ободряя другихъ, не ослабѣвалъ въ своемъ дѣлѣ.

Однажды, наканунѣ праздника Успенія Богородицы, не было воды въ поварнѣ, и пришелъ къ преподобному названный выше келарь именемъ Θεодоръ, говоря, что некому носить воду. Тогда преподобный всталъ и началъ самъ носить воду изъ колодца, и одинъ изъ братіи, увидѣвъ его въ такомъ трудѣ, пошелъ немедленно рассказать это другимъ; они же поспѣшили съ усердіемъ наносить воды до избытка.

Въ другой разъ не было заготовлено дровъ для варки пици. Тотъ же келарь Θεодоръ пришелъ къ преподобному, говоря: «Повели, отче, одному изъ братій, который празднень, приготовить нужныя намъ дрова». Преподобный отвѣчалъ ему: «Я празднень, я пойду». Приближалось же время обѣда. Блаженный повелѣлъ братіи идти къ трапезѣ, а самъ взялъ топоръ и сталъ рубить дрова. И братія, вышедши послѣ трапезы, увидала преподобнаго своего игумена сѣкущимъ дрова; они тоже взяли топоры и нарубили столько дровъ, что ихъ хватило на много дней.

Когда блаженный Никонъ (который постригъ преподобнаго, а затѣмъ отошелъ отъ пещеры) возвратился въ Печерскій монастырь, тогда преп. отецъ нашъ Θεодосій, хотя и былъ игуменомъ, почиталъ его какъ отца. И часто, когда блаженный Никонъ сшивалъ и скрѣплялъ книги, будучи чрезвычайно искусенъ въ этомъ дѣлѣ, онъ прядъ для него веревки. Таковы были смиреніе и простота этого боговдохновеннаго мужа, такъ трудился онъ во всякомъ послушаніи. И въ этомъ подражалъ онъ Христу, истинному Богу, Который смирилъ Себя и былъ послушенъ.

Къ тому же и одежда его была смиренна и убога, не смотря на его санъ; на тѣлѣ его была колючая власяница, а сверху другая весьма худая одежда, которую онъ надѣвалъ на себя для того, чтобъ не показывать своей власяницы. И многіе непонимающіе люди укоряли и поносили его за эту одежду. Но онъ съ радостью принималъ поношеніе ихъ, вспоминая слова Господа: «Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ» (Мѣ. 5, 11).

Однажды преподобный отправился ко христолюбивому князю Изяславу, находившемуся тогда далеко отъ города, и остался тамъ до вечера. Когда же онъ хотѣлъ уходить, христолюбивый князь велѣлъ отвезти его въ монастырь на колесницѣ, чтобъ не лишать его ночного сна. И во время дороги прислужникъ, везшій его, видя его въ худой одеждѣ, и не думая, что онъ игумень, сказалъ ему: «Черноризецъ, ты всякій день праздненъ, а я постоянно въ трудахъ, и не могу держаться на конѣ; поэтому пусть я усну въ колесницѣ, а ты, такъ какъ можешь ѣхать на конѣ, сядь на коня». Преподобный, смиренно вставъ, сѣлъ на коня и повезъ прислужника, разлегшагося въ колесницѣ, радуясь и славя Бога. Когда же одолѣвала его дремота, тогда, сходя съ коня, шель онъ около него, пока не уставалъ, и снова

садился на коня. Когда уже сталъ заниматься день, вельможи, ѣхавшіе ко князю, издали узнавали преподобнаго, слѣзали съ коней и кланялись ему. Тогда преподобный сказалъ прислужнику: «Чадо, вотъ уже день. Встань и сядь на коня». А тотъ, видя, что всѣ кланяются преподобному, ужаснулся сердцемъ, въ трепетѣ всталъ, слѣлъ на коня, а преподобный слѣлъ въ повозку. Встрѣчныхъ бояръ, которые кланялись ему, было все больше, и оттого возницѣ становилось все страшнѣе. Когда подъѣхали къ монастырю, вся братія вышла и поклонилась преподобному до земли. Прислужникъ же, въ еще большемъ страхѣ, размышлялъ: кто это, что всѣ кланяются ему. А преподобный взялъ его за руку, ввелъ въ трапезу, и велѣлъ дать ему ѣсть и пить, потомъ, одаривъ, отпустилъ его.

Все это рассказалъ братіи тотъ самый отрокъ, преподобный же не говорилъ никому, но постоянно онъ училъ братію, что иноку не должно ничѣмъ возноситься, но быть смиреннымъ и считать себя ниже всѣхъ. Онъ училъ ихъ имѣть и внѣшній видъ смиренія, ходить со сложенными на груди руками и при встрѣчахъ кланяться другъ другу, какъ подобаешь инокамъ. Больше же всего поучалъ онъ ихъ смиренію въ томъ, чтобъ во всякомъ дѣлѣ брали сперва благословеніе отъ старшаго, ибо, говорилъ онъ, сѣющій такъ дѣла свои въ благословеніи, въ благословеніи и пожнетъ отъ нихъ сладкій плодъ. И такимъ образомъ показалъ онъ силу этого ученія.

Когда приходили къ нему благочестивые люди, ради пользы, тогда, по божественномъ поученіи, онъ предлагалъ имъ трапезу изъ монастырскихъ блюдъ, хлѣбъ и сочиво. Часто и самъ христоробивый князь Изяславъ приходилъ и вкушалъ этихъ блюдъ. Однажды, когда онъ съ удовольствіемъ ѣлъ ихъ, онъ сказалъ преподобному: «Ты знаешь, отче, домъ мой полонъ всѣми

благами міра, но никогда не ѣлъ я въ немъ всласть, какъ теперъ у тебя. Когда рабы мои приготавливаютъ мнѣ пищу, блюда разнообразны и многоцѣнны, но не такъ сладки, какъ эти. Прошу тебя, скажи мнѣ, откуда такая сладость вашихъ блюдъ». Боговдохновенный же отецъ Θεодосій, желая привлечь его къ Божьей любви, отвѣчалъ: «Если, милостивый владыка, хочешь узнать это, послушай, я объясню тебѣ. Когда у насъ братія собирается варить пищу и печь хлѣбы, на то у нихъ положенъ такой уставъ. Прежде всего, братъ, исполняющій это послушаніе, подходитъ къ игумену и принимаетъ отъ него благословеніе. Потомъ, поклонившись троекратно предъ святымъ алтаремъ, зажигаетъ свѣчу отъ святаго алтаря и тою свѣчею разводитъ огонь въ поварнѣ или пекарнѣ. Когда же надо вливать воду въ котель, послушникъ говоритъ старшему: «Благослови, отче», и тотъ отвѣчаетъ: «Богъ да благословитъ тебя, братъ!» и такъ все дѣло совершается съ благословеніемъ, потому и выходитъ въ сладость. Твои же рабы, думаю я, работаютъ, ссорясь, ропща и клевета другъ на друга; часто же приставники и бьютъ ихъ, и такъ все дѣло совершается съ грѣхомъ, и не бываетъ въ сладость». Услыхавъ это, сказалъ христілюбивый князь: «Воистину, отче, все такъ, какъ ты говоришь».

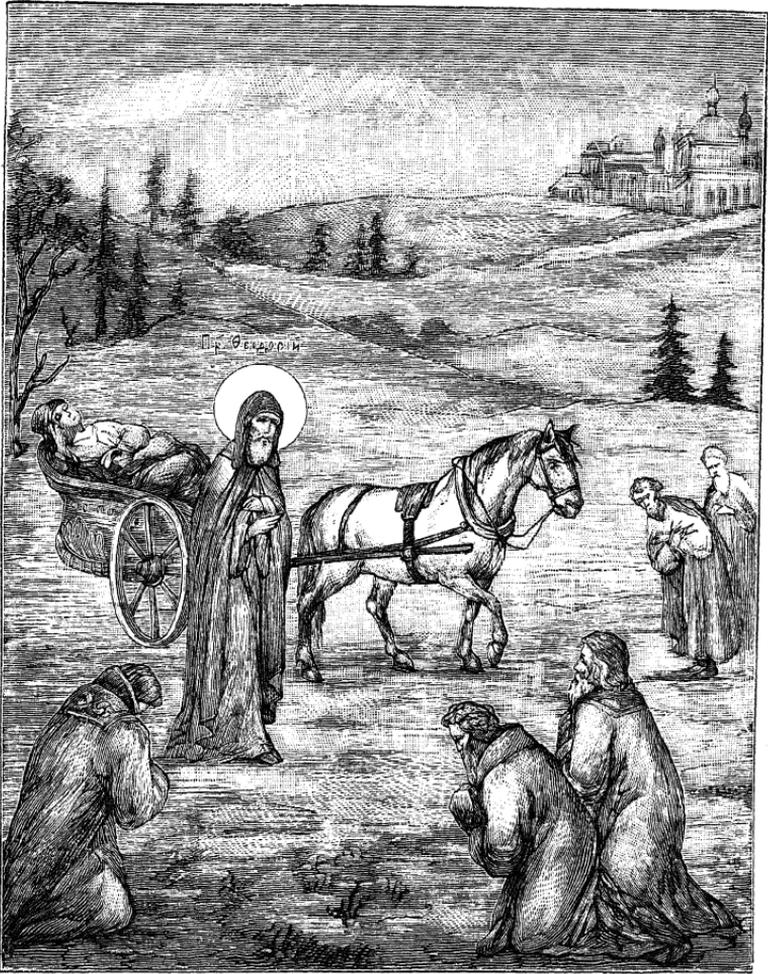
Когда случилось преподобному въ монастырѣ своемъ услышать, что послушаніе совершено не съ благословенія, а съ преслушаніемъ, онъ называлъ его «вражьей участью», и не позволялъ, чтобъ кто-нибудь изъ его благословеннаго стада вкусилъ отъ такой пищи, но приказывалъ выбрасывать иногда въ рѣчную глубину, иногда въ горящую печь, чему примѣромъ является слѣдующій случай.

Въ праздникъ святаго великомученика Димитрія, преп. отецъ нашъ Θεодосій пошелъ съ братією въ монастырь этого святаго. А передъ тѣмъ отъ нѣкото-

рыхъ благочестивыхъ людей ему принесли прекрасные хлѣбы, которые преподобный приказалъ келарю предложить на трапезу остававшейся дома братіи. Но келарь, не послушавшись его, разсудилъ: «когда завтра вернется вся братія, предложу ей хлѣбы; а теперь оставшаяся братія пусть ѣстъ монастырскіе хлѣбы». Такъ онъ и сдѣлалъ. Наутро, когда вся братія сѣла за трапезу и были предложены тѣ хлѣбы, разрѣзанные на куски, преподобный посмотрѣлъ, позвалъ келаря и спросилъ его: «Откуда хлѣбы эти?» Онъ же отвѣтилъ: «Принесены они вчера, но потому не подалъ я ихъ вчера, что было мало братіи и разсудилъ предложить ихъ сегодня всей братіи». Преподобный же сказалъ ему: «Лучше бы не заботиться тебѣ о наступающемъ днѣ, и сдѣлать по моему приказанію, а сегодня Господь Богъ, Который постоянно печется о насъ, подалъ бы намъ потребное, и позаботился бы еще и о большемъ». И тогда онъ приказалъ одному изъ братій собрать куски въ корзину и высыпать въ рѣку. На келаря же наложилъ епитимію, какъ виновнаго въ непослушаніи; такъ же поступалъ и въ иныхъ такихъ случаяхъ.

Преп. отецъ нашъ Θεодосій, видя, что попеченіе о будущемъ и любостыжаніе не бываетъ у иноковъ безъ послушанія, потому что противно ихъ обѣтамъ, старался прилежно учить свою братію добродѣтели нестяжанія, чтобъ укрѣплялись они вѣрою и надеждою на самого Бога, а не уповали на имѣнія. Потому часто ходилъ онъ по келіямъ, и если что у кого находилъ: пищу или одежду, лишнюю противъ положенной по уставу, — или иное имущество, отбиралъ то и бросалъ въ печь, какъ «часть вражію» и предметъ послушанія, и такъ увѣщевалъ ихъ:

«Не хорошо, братія, намъ, инокамъ, отвергшимся всего мірскаго, собирать что-нибудь снова въ своей келіи. Какъ можемъ приносить Богу чистую молитву,

Смиреніе преп. Теодосія.

держа въ келліи своей сокровище, когда слышимъ слово Господа: «Гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше» (Мѡ. 6, 21), и еще: «Безумный, въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя, — кому же достанется то, что ты заготовилъ» (Лук. 12, 20). И такъ, братіе, будьте довольны одеждою, положенною по уставу, и пищею, предложенною на трапезѣ, а въ келліи на надо имѣть ничего такого, — и тогда всеусердно, всею мыслию будете приносить чистую молитву Богу. Вотъ какими и многими другими увѣщаніями поучалъ онъ ихъ, со всякимъ смиреніемъ и слезами. Никогда не видали его придирчивымъ, гнѣвливымъ, съ сердитымъ взоромъ, но былъ онъ милосерденъ, тихъ, сострадательнъ ко всѣмъ. Если кто изъ его нестяжательнаго стада, ослабѣвъ сердцемъ, покидалъ монастырь, тогда преподобный ради него бывалъ въ великой печали и скорби, и до тѣхъ поръ молился Богу со слезами, чтобъ Онъ возвратилъ назадъ отставшую отъ его стада овцу, пока отошедшій не возвращался. И, съ радостью принимая его, преподобный поучалъ его, никакъ не ослабляться вражьими кознями, и не допускать побѣды ихъ надъ собою, но стоять крѣпко.

Былъ тамъ нетерпѣливый братъ, который часто убѣгалъ изъ монастыря, и, когда возвращался, преподобный съ радостью принималъ его и говорилъ, что Богъ не попуститъ, чтобъ онъ скончался гдѣ-нибудь внѣ этого монастыря, и хотя часто уходитъ онъ, но приметъ кончину въ монастырѣ, и со слезами молилъ Бога, чтобъ Онъ подалъ брату этому терпѣніе. Послѣ многократныхъ выходовъ своихъ, вернулся онъ однажды снова въ монастырь и просилъ преподобнаго принять его. Преподобный, будучи во-истину милостивъ, съ радостью принялъ его, какъ заблудшую и вернувшуюся овцу, и причислилъ къ своему стаду. Тогда этотъ братъ, который работалъ ризы, принесъ и положилъ

предъ преподобнымъ то, что скопилъ, выручая за свою работу. Преподобный же сказалъ ему: «Если хочешь быть совершеннымъ инокомъ, то возьми это и брось въ горящую печь, потому что это плодъ послушанія». Онъ же, какъ истинно кающійся, собралъ все, по повелѣнiю преподобнаго, снесъ къ печи и сжегъ, а самъ съ тѣхъ поръ жилъ неисходно въ монастырѣ, проводя остающіеся дни въ покаяніи, и здѣсь, по предсказанію преподобнаго, успокоился въ мирѣ. Итакъ, поучая нестяжанію, въ которомъ показывалъ вѣру и надежду,— показалъ преподобный и любовь, милосердую, чтобъ никто изъ стада его не былъ отверженъ.

Явилъ онъ и любовь, милосердную о бѣдныхъ. Если онъ видѣлъ какого-нибудь нищаго и убогаго, скорбнаго и въ дурной одеждѣ — онъ сожалѣлъ, печаловался о немъ и со слезами помогалъ ему. И ради нихъ устроилъ онъ дворъ у своего монастыря, съ церковью святаго первомученика Стефана, и тамъ приказалъ пребывать нищимъ, слѣпымъ, хромымъ, прокаженнымъ, которымъ онъ отъ монастыря подавалъ потребное, а отъ всего монастырскаго имѣнія удѣлялъ на нихъ десятую часть. Всякую субботу посылалъ онъ возъ хлѣбовъ сидящимъ въ темницахъ и заключеніи.

Преп. отецъ нашъ Θεодосій, какъ Отецъ небесный, былъ милосердъ не только къ бѣднымъ, но и къ обижавшимъ его монастырь. Къ нему привели однажды связанныхъ разбойниковъ, пойманныхъ на монастырской землѣ въ покушеніи на кражу. Преподобный, видя ихъ связанными и находящимися въ такой скорби, сжалился надъ ними, и, прослезясь, приказалъ развязать ихъ, накормить и напоить. Затѣмъ долго поучалъ онъ ихъ никому не дѣлать зла, никого не обижать, далъ онъ имъ въ помощь достаточно имущества и съ миромъ отпустилъ ихъ. Они же пошли, славя Бога и преподобнаго Θεодосія. Умиленіе согрѣло ихъ душу,

и съ тѣхъ поръ никому они не дѣлали зла, но были довольны тѣмъ, что приобрѣтали трудомъ. Такимъ милосердіемъ преподобный утвердилъ ученіе свое о нестяжаніи, и такъ помиловалъ и утѣшилъ тѣхъ, которыхъ для охраненія имущества обыкновенно не щадятъ. Онъ уповалъ, что Самъ Господь сохранить то, что нужно рабамъ его, отъ хищенія разбойниковъ. И Господь оправдалъ эту вѣру преподобнаго такимъ чудомъ.

При умноженіи братіи, нужно было преп. отцу Теодосію расширить монастырь, для устройства новыхъ келлій. И онъ началъ самъ трудиться съ братіею своими руками, и распространять ограду. И когда монастырь такимъ образомъ остался безъ ограды, и не было сторожей,—однажды ночью, въ глубокую темноту, пришли разбойники, которые думали, что въ палатахъ церковныхъ скрыто имущество монаховъ, и потому они не пошли ни къ кому въ келью, но бросились къ церкви. И тамъ они услышали изъ церкви голоса поющихъ. Думая, что это братія Печерская творить молитвы, они отошли, и, обождавъ немного въ чащѣ лѣса, полагая, что пѣніе уже кончилось, снова приблизились къ церкви и услышали тѣ же голоса и увидали въ церкви чудный свѣтъ, и оттуда лилось благоуханіе (ангелы пѣли въ церкви). Они же, думая, что это братія совершаетъ полунощное пѣніе, снова отошли и ожидали, пока кончится пѣніе, чтобъ тогда войти въ церковь и ограбить ее. Такъ много разъ приходили они, и слышали тотъ же ангельскій голосъ. Потомъ подошло время утреннему пѣнію. Пономарь по обычаю возгласилъ: благослови, отче, и, испросивъ благословеніе, сталъ ударять къ утрени. Разбойники, услышавъ это, отошли въ лѣсъ и говорили: «Что дѣлать, кажется, въ церкви было привидѣніе; но теперь, когда всѣ сберутся въ церковь, тогда мы обступимъ двери, пе-

ребьемъ ихъ всѣхъ и захватимъ все ихъ добро». Такъ внушалъ имъ врагъ, желая похитить съ этого мѣста не столько имущество, сколько святое собраніе спасающихся душъ; но это не только оказалось невозможнымъ, но онъ самъ былъ побѣжденъ молитвами преп. Θεодосія. Злые люди эти немного пождали, пока Богомъ собранное стадо съ блаженнымъ наставникомъ и пастыремъ своимъ Θεодосіемъ сошло въ церковь, и, во время пѣнія утреннихъ псалмовъ, бросились на нихъ какъ дикіе звѣри; и вотъ, внезапно совершилось страшное чудо: церковь съ находящимися въ ней поднялась съ земли и возшла на воздухъ, такъ что и стрѣлами они не могли попасть въ нее. А находившіеся съ преподобнымъ въ церкви не узнали и не слышали того. Разбойники, видя это чудо, пришли въ страхъ и въ трепетъ возвратились домой; и, умилившись душой, обѣщали никому не творить зла. А ихъ предводитель, и еще трое изъ нихъ, пришли къ преп. Θεодосію, каясь, и повѣдали ему все бывшее. Преподобный же, услыхавъ это, прославилъ Бога, не только сохранившаго достояніе церковное, но и спасающаго ихъ отъ такой смерти. Поучивъ ихъ о спасеніи души, онъ отпустилъ ихъ, и они славили и благодарили Бога и преподобнаго Его.

Такое же чудо случилось еще разъ, показывая, что воистину Богъ хранить въ монастырѣ эту церковь преподобнаго. Однажды случилось одному изъ бояръ христілюбиваго князя Изяслава ѣхать ночью чрезъ поле, въ пятнадцати поприщахъ отъ монастыря преп. отца нашего Θεодосія. И вотъ, издалека увидѣлъ онъ церковь, стоящую надъ облаками. Въ ужасѣ онъ поскакалъ съ отроками, чтобъ узнать, какая это церковь, и, когда доѣхалъ до монастыря преп. Θεодосія, то на его глазахъ церковь спустилась и стала въ монастырѣ на своемъ мѣстѣ. Онъ постучалъ въ ворота, и, когда вра-

тарь отворилъ, вошелъ и повѣдалъ преподобному то, что случилось. И съ тѣхъ поръ часто приходилъ къ нему, насыщаясь его боговдохновенными словами и подавая изъ имѣнія своего на устройство монастыря и украшеніе Богомъ хранимой церкви.

Было также явлено чудотворное промысленіе Божіе не только о самой церкви, но и объ имѣніяхъ, принадлежавшихъ монастырю Θεодосіеву. Однажды схватили разбойниковъ и связанными вели въ городъ, къ судіи. И когда, по изволенію Божію, случилось имъ идти мимо одного хутора Печерскаго монастыря, тогда одинъ изъ тѣхъ связанныхъ злодѣевъ кивнулъ на тотъ хуторъ, говоря: «однажды ночью пришли мы къ этому хутору, чтобъ разграбить его и похитить все то, что въ немъ есть. Но увидѣли здѣсь высоко огражденный городъ, такъ что нельзя намъ было приблизиться къ нему. Такимъ образомъ Богъ, благой хранитель, оградилъ имѣніе монастырское молитвами уповающаго на него пр. Θεодосія, который всякою ночью обходилъ монастырь, творя молитву и ограждая этою молитвою монастырь, со всѣмъ имѣніемъ его, какъ крѣпкою стѣною.

Этотъ наставникъ нестяжанія уповалъ, что самъ Господь попечется подать и то, что служить не столько къ удовлетворенію нужды, сколько къ украшенію. И это упованіе преподобнаго было подтверждено силою Пресвятой Матери Господа такимъ образомъ.

Бояринъ названнаго выше князя Изяслава, именемъ Судиславъ Геуевичъ, во святомъ крещеніи Климентъ, отправляясь однажды съ княземъ своимъ въ походъ, положилъ такой обѣтъ: «если я здоровъ возвращусь домой, то дамъ Пресвятой Богородицѣ, въ монастырь блаженнаго Θεодосія, двѣ гривны золота, скую еще вѣнецъ на Ея икону». Когда началась битва, много пало народу съ обѣихъ сторонъ, въ концѣ концовъ враги были побѣждены; и спасшіеся Кіевляне возвратились домой. Бо-

яринъ забылъ свой обѣтъ. И вотъ, чрезъ нѣсколько дней, когда онъ въ полдень спалъ въ домѣ своемъ, раздался страшный голосъ, звавшій его по имени—«Климентъ»!

Онъ всталъ, сѣлъ на постели и увидѣлъ икону Пресвятой Богородицы, изъ монастыря преп. Θεодосіа—стоящую предъ постелью его, и услыхалъ отъ иконы такой голосъ: «Отчего, Климентъ, не далъ ты мнѣ того, чтò обѣщалъ. Говорю тебѣ теперь: постарайся исполнить обѣщаніе свое». Послѣ этого гласа икона стала невидима. А бояринъ въ великомъ страхѣ взялъ столько золота, сколько обѣщался, и, сдѣлавъ золотой вѣнецъ для украшенія иконы Пресвятой Богородицы, отнесъ въ Печерскій монастырь къ преподобному Θεодосію, который и не помышлялъ о такомъ украшеніи, и отдалъ ему.

Въ скоромъ времени тотъ бояринъ, по Божію смотрѣнію, задумалъ дать евангеліе въ монастырь и пришелъ къ преподобному Θεодосію съ евангеліемъ, спрятаннымъ подъ платьемъ. Когда, по молитвѣ, хотѣли они сѣсть, и бояринъ не открылъ еще евангелія, преподобный сказалъ ему: «Братъ Климентъ, вынь прежде святое евангеліе, обѣщанное Пресвятой Богородицѣ», находящееся подъ твоимъ платьемъ, и тогда сядешь. Услыхавъ это, пораженъ былъ бояринъ прозорливостью преподобнаго, потому что никому еще о томъ не говорилъ; и, вынувъ святое евангеліе, онъ далъ его въ руки преподобному, и тогда уже, сѣвъ, насладился духовной бесѣды, а потомъ возвратился домой, разглашая, какъ нестяжатель, уповающій на украшенія отъ Бога, чудотворно украшается не только Богоугодными вещами, но и прозрѣніемъ.

Но больше всего упованіе свое на Бога въ пополненіи оскудѣнія и недостатковъ доказалъ этотъ преподобный нестяжатель многими безчисленными чудесами, изъ которыхъ вспомнимъ слѣдующія:

Повѣдалъ инокъ Иларіонъ, всякій день и ночь переписывавшій книги въ келліи преподобнаго отца нашего Θεодосія, который въ это время устами тихо пѣлъ псалтирь, а руками прялъ волну, или дѣлалъ какое другое дѣло. Однажды вечеромъ, когда они были заняты своимъ дѣломъ, пришелъ къ преподобному эконому Анастасій, говоря, что на слѣдующій день не на-что купить ни припасовъ для трапезы братій, ни другихъ нужныхъ предметовъ. Преподобный отвѣтилъ ему: «какъ ты видишь, теперь вечеръ, а завтрашній день далекъ; потому иди и потерпи немного, молясь Богу—не помилуетъ ли Онъ насъ и попечется о насъ, какъ Ему угодно.» Послѣ такого отвѣта экономъ ушелъ. Преподобный же всталъ, вошелъ вглубь келліи своей, пѣть обычное правило свое и послѣ молитвы вернулся и сѣлъ, продолжая свое дѣло. Снова вошелъ экономъ съ тѣми же словами; преподобный отвѣтилъ ему:

Не говорилъ ли я тебѣ—молись Богу. Завтра, отправляясь въ городъ, возьмешь въ долгъ у продавцевъ все нужное для братіи, а потомъ, по благодѣянію Божию, отдадимъ долгъ. Ибо вѣренъ Богъ, глаголющій: Не забѣтываете о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній самъ будетъ заботиться о своемъ». Богъ—и не оставитъ насъ благодатію своей.

Когда экономъ удалился, вошелъ свѣтлый отрокъ, одѣтый въ воинскую одежду; поклонясь, положилъ на столъ гривну золота и, ничего не сказавъ, вышелъ. Преподобный всталъ, взялъ золото и помолился со слезами, благодаря Бога. На утро, призвавъ вратаря, онъ спрашивалъ, входилъ ли кто въ эту ночь черезъ ворота; вратарь отвѣтилъ: «увѣряю тебя, какъ только зашло солнце, ворота были затворены, и съ тѣхъ поръ я не отворялъ ихъ, и никто къ намъ не приходилъ.» Тогда преподобный, призвавъ эконома, подалъ ему гривну золота, со словами: «вотъ говоришь ты, братъ Ана-

стасій, что не на-что купить братіи нужное. Теперь золото есть; купи, что требуется.» Уразумѣль экономя благодать Божию и, упавъ въ ноги, просилъ прощенія. Преподобный же наставилъ его, говоря: «никогда не отчаявайся, но крѣпись по вѣрѣ и всякую печаль возлагай на Бога—ибо по волѣ Своей Онъ печется о насъ. Сдѣлай сегодня для братіи угощеніе, ибо Господь посѣтилъ насъ; а когда оскудѣемъ мы, Богъ попечется о насъ». Такъ и случилось.

Однажды пришелъ къ преподобному келарь Феодоръ, говоря: «сегодня нечего предложить мнѣ братіи на трапезу». Преподобный отвѣчалъ ему: «иди, потерпи немного, молясь Богу; неужели Онъ не попечется о насъ. Если же не будемъ мы достойны, то свари пшеницу и, смѣшавъ съ медомъ, поставь братіи на трапезу. Но мы надѣмся на Бога, Который далъ въ пустынѣ непокорнымъ людямъ небесный хлѣбъ. Силенъ Онъ и намъ подать сегодня пищу». Тогда келарь ушелъ. Преподобный же сталъ на непрерывную молитву. И вотъ первый изъ бояръ князя Изяслава Іоаннь, которому Богъ положилъ эту мысль на сердце, наполнилъ три воза съѣстными припасами, хлѣбомъ, сыромъ, рыбою, сочивомъ пшеномъ и медомъ и послалъ въ монастырь къ преподобному. Увидавъ это, преподобный прославилъ Бога и сказалъ келарю: «видишь, братъ Феодоръ, не оставитъ насъ Богъ, если только надѣмся на Него всѣмъ сердцемъ. Иди, учреди братіи большое угощеніе въ этотъ день, ибо Богъ посѣтилъ насъ». И такъ преподобный возвеселился на трапезѣ съ братіею духовною радостью, благодаря Бога, что нѣтъ скудости у боящихся Его. (Пс. 33, 10). А Богъ, по молитвамъ преподобнаго, творилъ изобильно въ обители его подобныя чудотворенія.

Однажды пришелъ къ преподобному Феодосію изъ города пресвитеръ, прося вина для служенія Божественной литургіи, и преподобный, призвавъ строителя церков-

наго, велѣлъ ему налить вина въ сосудъ священника. Онъ же отвѣчалъ: «Немного у меня вина—едва на три или четыре литургіи». Преподобный же сказалъ ему: «Вылей все этому человѣку, а о насъ попечется Богъ». Тотъ же нарушилъ приказаніе святого и влилъ пресвитеру въ сосудъ мало вина, оставивъ на литургію слѣдующаго дня. Пресвитеръ же показалъ преподобному, какъ ему мало влили. Тогда преподобный снова призвалъ строителя и сказалъ ему: «Не сказалъ ли я тебѣ: вылей все, а о завтрашнемъ днѣ не безпокойся. Неужели же Богъ оставить здѣсь завтра церковь Матери Своей безъ службы; еще нынче подастъ Онъ намъ вина съ избыткомъ». И такъ, строитель пошелъ, вылилъ все вино священнику и отпустилъ его. И вотъ вечеромъ, когда кончилась трапеза, по предсказанію преподобнаго, привезли три воза съ бочками полными вина, которыя прислала одна женщина, распоряжавшаяся всѣмъ въ домѣ христіюбиваго князя Всеволода. Видя это, церковный строитель прославилъ Бога, удивляясь предсказанію преподобнаго Θεодосія, который сказалъ: «Сегодня Богъ пошлетъ намъ вина до избытка», что на самомъ дѣлѣ и случилось.

Тотъ же церковный строитель былъ свидѣтелемъ другого, равнаго этому чуду, бывшему по молитвамъ преподобнаго.

При приближеніи праздника Успенія Пресвятой Богородицы не было деревяннаго масла, чтобъ налить на этотъ день въ кандила, и церковный строитель задумалъ выжать масла изъ полевыхъ сѣмянъ, налить имъ кандила и зажечь. Спросивъ о томъ преп. Θεодосія и получивъ его позволеніе, строитель поступилъ, какъ задумалъ. Когда же онъ собирался уже лить масло въ кандила, увидалъ упавшую въ масло, уже мертвую, плавающую тамъ мышь. Тогда онъ поспѣшно пошелъ къ преподобному и объявилъ ему, что онъ со всякою осторожно-

стью накрылъ сосудъ съ елеемъ и не знаетъ, какъ туда влѣзла и утонула мышь. Преподобный же, понявъ, что это случилось по Божію усмотрѣнію, осудилъ свое невѣріе и сказалъ ему: «Нужно намъ, братъ, имѣть надежду на Бога и уповать, что Онъ силенъ подать намъ нужное; а не дѣлать по невѣрію то, чего не слѣдовало. Иди, вылей масло то на землю, и, молясь Богу, потерпимъ немного, и Онъ подастъ намъ сегодня масла въ изобиліи. Когда преподобный отдалъ строителю это приказаніе и помолился,—быль уже вечерній часъ. Одинъ богачъ въ это время привезъ большую бочку, наполненную деревяннымъ масломъ. Видя это, преподобный прославилъ Бога, что Онъ такъ скоро услышалъ молитву его. Масло наполнили всѣ кандила, и еще большая часть его осталась. И на другой день свѣтло отпраздновали праздникъ Пресвятой Богородицы.

И не оскудѣвали чудеса, молитвами преподобнаго пополнявшія оскудѣніе. Въ числѣ ихъ было и слѣдующее.

Христоробивый князь Изяславъ, который имѣлъ истинную христіанскую любовь къ преподобному отцу нашему Θεодосію и часто приходилъ къ нему, наслаждаясь медоносныхъ его рѣчей, пришедши однажды къ преподобному, остался въ духовной бесѣдѣ съ нимъ до времени вечерни. И такъ, онъ, вмѣстѣ съ братіею и преподобнымъ, присутствовалъ на вечернемъ пѣніи. Внезапно, по Божьей волѣ, — пошелъ сильный дождь. Преподобный, видя потоки дождя, призвалъ келаря и велѣлъ приготовить ему блюдо для ужина князю. Тогда явился къ нему ключарь и сказалъ:—Отче, нѣтъ у насъ меда для питья на ужинѣ князю и сопровождающимъ его. Преподобный отвѣчалъ: «Такъ ли, неужели нѣтъ ничего?» Отвѣчалъ келарь:—да, отче, ничего. Преподобный снова сказалъ ему:—Иди, посмотри потщательнѣе: если осталось хоть малое количество, хватить. Тотъ же отвѣ-

тиль: — Повѣрь мнѣ, отче, и сосудъ, въ которомъ былъ этотъ напитокъ, я перевернулъ, какъ пустой, и положилъ книзу. Преподобный же Θεодосій, исполненный воистину Божіихъ дарованій, сказалъ ему:—Иди, и по слову моему, во имя Господа нашего Іисуса Христа, найдешь ты медъ въ томъ сосудѣ. Онъ съ вѣрою пошелъ и, по слову преподобнаго, нашель бочку, поставленную прямо и полную меда. Въ страхъ, онъ вскорѣ пошелъ повѣдать преподобному о случившемся, и преподобный сказалъ ему:—Молчи, чадо, не говори о томъ никому ни слова, но принеси, сколько нужно для князя и его сопровождающихъ; подавай еще на питіе и братіямъ, потому что это Божіе благословеніе. Когда дождь пересталъ, князь отправился домой, а въ монастырѣ было столь великое благословеніе, что на долгое время того меду хватило братіи

Пришелъ однажды къ преподобному старшій по печенію хлѣбовъ и сказалъ:—Нѣтъ у меня муки, чтобъ печь братіи хлѣбы. Преподобный отвѣтилъ ему:—Пойди, осмотри житницу, не найдешь ли въ ней пока немного муки, а тамъ Господь попечется о насъ. А тотъ отвѣтилъ преподобному:—Воистину говорю тебѣ, отче, я самъ вымелъ закромя, въ немъ нѣтъ ничего, въ одномъ только углу немного отрубей, съ три или четыре горсти. И сказалъ ему преподобный:—Повѣрь мнѣ, чадо, Богъ можетъ и изъ того малаго количества отрубей подать намъ муки. Какъ при Іліи сдѣлалъ онъ для той вдовицы, которой изъ единой горсти подаль множество муки, такъ что она съ дѣтьми своими прокормилась въ голодное время, пока снова не вернулось изобиліе. И нынѣ Богъ тотъ же и можетъ намъ изъ не многаго сотворить много. Иди же и смотри, будетъ ли на томъ мѣстѣ благословеніе Божіе. Послѣ этихъ словъ братъ ушелъ и, войдя въ амбаръ, увидалъ закромя, который былъ прежде пустъ, и по молитвамъ преп. отца нашего Θε-

одосія теперъ полонъ муки, такъ что она просыпалась чрезъ верхъ на землю. И, въ ужасѣ видя это преславное чудо, вернулся онъ къ преподобному и разсказаль ему. Преподобный же сказалъ ему:—Иди, чадо, и не говори о томъ никому, но дѣлай для братіи хлѣбы по обыкновенію. Молитвою преподобныхъ братій нашихъ Богъ послалъ къ намъ Свою милость. Такъ велико было усердіе преп. отца нашего Θεодосія къ Богу и упованіе на Господа нашего Иисуса Христа, что онъ не имѣлъ никакой надежды на земную помощь и не уповалъ ни на что въ мірѣ этомъ, но во всемъ всею душою и мыслию обращался къ Богу и на Него возлагалъ все упованіе, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, но имѣя постоянно въ памяти слово Господа, Который сказалъ: «взгляните на птицъ небесныхъ—онѣ не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ? Итакъ, не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ (Матѳея 6, 26). Молясь о томъ, преподобный говорилъ съ несомнѣнною вѣрою: «Владыко святой, Ты собралъ насъ на этомъ мѣстѣ; если Твоей святой милости угодно, чтобъ мы еще жили здѣсь, будь намъ помощникъ и податель всѣхъ благъ. Во имя Пресвятой Матери Твоей воздвигнуть домъ этотъ, а мы въ Твое имя собраны въ немъ. И Ты, Господи, соблюди насъ и сохрани насъ отъ всякаго внушенія лукаваго врага и сподоби насъ получить вѣчную жизнь, всегда влагая въ сердца наши страхъ Твой, да имъ наслѣдуемъ тѣ блага, которыя уготованы праведнымъ».

И такъ ежедневно преподобный отецъ нашъ Θεодосій училъ свою братію, утѣшая и запрещаая ослабѣвать въ нестяжаніи и прочихъ добродѣтеляхъ, но все усиливать подвиги. А Господь помогаль ему и подтверждалъ слова его столь великими происходившими чудесами.

Всѣ ночи преподобный проводилъ безъ сна, со слезами воздавая хвалу Богу и часто преклоняя колѣна на землю, и часто слышали это церковные уставщики. Когда наступало время утреннему пѣнію, и уставщики приходили принять отъ него благословеніе, тогда тѣ изъ нихъ, кто приходили къ келліи его тихо, слышали, какъ онъ молится и много плачетъ и часто бьетъ о землю головою. Поэтому уставщикъ, отойдя немного, начиналъ ступать громко, и преподобный, услыхавъ топотъ, умолкалъ, притворяясь, что спитъ, когда же тотъ стучалъ и говорилъ: «Благослови, отче» преподобный продолжалъ молчать, такъ что лишь послѣ троекратнаго стука и словъ: «Благослови, отче»—святой, какъ бы вставъ отъ сна, говорилъ: Господь нашъ Иисусъ Христосъ да благословитъ тебя, чадо!—Раньше всѣхъ оказывался онъ въ церкви и такъ, по рассказамъ, дѣлалъ онъ всякую ночь.

Во время игуменства своего, кромѣ сказанныхъ подвижался онъ и другими трудами, не только ради своего спасенія, но и спасенія врученнаго ему стада.

Никогда не видали его лежащимъ, но когда, по тѣлесной немощи, хотѣлъ онъ уснуть послѣ повечерія, тогда онъ засыпалъ немного, сидя, и затѣмъ, вставъ на ночное пѣніе, клалъ поклоны.

Также никогда не видали, чтобъ онъ лилъ воду на свое тѣло, но умывалъ только руки и лицо.

Если же для братіи бывало угощеніе, то онъ самъ всегда ѣлъ сухой хлѣбъ, зелень, свареную безъ масла, и пилъ воду. Никогда не видали его сидящимъ на трапезѣ дряхлымъ или насупившимся, но съ лицомъ веселымъ, свѣтящимся благодатию Божіею.

Ежегодно, на постъ святой четыредесятницы, преп. отецъ нашъ Θεодосій уходилъ въ пещеру (гдѣ потомъ было положено честное его тѣло) и тамъ затворялся наединѣ, до наступленія цвѣтоносной недѣли. Въ пят-

ницу же предъ тою недѣлею, во время вечерни, приходилъ къ братіи и, ставъ въ церковныхъ дверяхъ, поучалъ ихъ и утѣшалъ за ихъ подвигъ въ постѣ и себя уничтожалъ передъ ними, какъ будто онъ въ сравненіи съ ними не постился и одной недѣли.

Часто преподобный отъ пещеры этой, въ которой, съ вѣдома братіи, затворялся, вставалъ ночью, тайно, и уходилъ одинъ на монастырскій хуторъ, и тамъ пребывалъ одинъ въ пещерѣ, въ сокровенномъ мѣстѣ, о чемъ зналъ одинъ Богъ. И оттуда, опять ночью предъ пятницу, раньше цвѣтоносной недѣли, приходилъ въ первую пещеру, и потомъ выходилъ изъ нея къ братіи, такъ что они думали, что онъ провелъ въ ней всѣ дни поста.

Великія скорби и искушенія творили тогда въ пещерѣ злые духи преподобному: наносили ему раны, какъ рассказываютъ о святомъ Великомъ Антоніи Египетскомъ. Но Тотъ, кто явился тому подвижнику, повелѣвая дерзать, Тотъ и преп. Θεодосію невидимо съ неба подаль силу на побѣду надъ ними. И, какъ ни гнали его враги, онъ пребывалъ одинъ въ такой темной пещерѣ и не убоялся множества волковъ князя тьмы, но стоялъ крѣпко, какъ добрый воинъ Христовъ, молитвою и постомъ отгналъ ихъ отъ себя, такъ что потомъ они не смѣли приступить къ нему, но только издали искупали его помыслами.

Однажды, когда по повечеріи, онъ хотѣлъ немного уснуть и сѣлъ (потому что никогда онъ не лежалъ)—раздался въ пещерѣ громкій вопль множества бѣсовъ, какъ будто одни ѣздили на колесницѣ, другіе били въ тимпаны, иные сопѣли въ сопѣлки и производили вмѣстѣ такой шумъ, что и пещера тряслась. Слыша все это, преподобный не убоялся, не ужаснулся, но, оградивъ себя оружіемъ креста и вставши, началъ пѣть псалтирь, и тогда тотъ шумъ и голоса притихали. Когда

же послѣ молитвы онъ садился, опять слышался, какъ и прежде, голосъ безчисленныхъ бѣсовъ. А преподобный вставалъ опять и начиналъ пѣніе псалмовъ. Такъ много дней и много ночей досаждали ему злые духи, не давая ему нисколько уснуть, пока онъ не побѣдилъ ихъ совершенно благодатію Божіею и получилъ надъ ними такую власть, что они и издали не смѣли приступить къ тому мѣсту, гдѣ преподобный творилъ молитву, но бѣгали отъ него. Это подтвердилось многими чудесами, изъ которыхъ скажемъ слѣдующее:

Въ келліи, гдѣ пеклись хлѣбы для братіи, бѣсы причиняли немалый вредъ: то разсыпали муку, то разливали дрожжи, приготовленные для хлѣбнаго тѣста, то дѣлали другія неприятности. Старшій изъ пекарей пришелъ къ преп. Θεодосію и разсказалъ ему все. Онъ же, въ тотъ же вечеръ, пошелъ въ ту келлію и, затворивъ за собою двери, пробылъ въ ней, молясь до утрени, и съ тѣхъ поръ бѣсы не являлись на томъ мѣстѣ и не причиняли больше вреда.

Однажды пришелъ къ преп. отцу нашему Θεодосію братъ изъ одного монастырскаго селенія и сказалъ. «Въ хлѣвѣ, куда запираемъ скотъ, теперь жилище бѣсовъ, и они дѣлаютъ большой ущербъ, не давая скоту ѣсть. Часто и священникъ читаетъ молитву, окропляя хлѣвъ святой водою, но нѣтъ никакого упѣха». Тогда преподобный вооружился молитвою и постомъ и пришелъ въ то село. И вечеромъ вошелъ въ хлѣвъ, затворивъ двери, и въ молитвѣ пробылъ тамъ до утра. И съ того часа бѣсы не являлись на томъ мѣстѣ, какъ и въ пекарнѣ, и никому не могли приносить въ томъ селѣ вреда.

Не только самъ преподобный побѣждалъ бѣсовскую силу, но если онъ слышалъ, что кто изъ братіи терпитъ брань отъ бѣсовскихъ мечтаній, онъ призывалъ его, поучалъ и наставлялъ стать крѣпко противу козней діавольскихъ, не колебаться и не ослабѣвать отъ напа-

денія ихъ, не отходить отъ того мѣста, но ограждаться молитвою и постомъ и призывать всегда Бога на побѣду злаго бѣса. Разказываль онъ имъ и случай, бывшій съ нимъ самимъ.

«Въ одну, говорилъ онъ, ночь, когда я въ келліи пѣлъ обычные псалмы, сталъ предо мною черный песъ, такъ что мнѣ нельзя было положить поклонъ. Долго стоялъ онъ предо мною и, когда я хотѣлъ ударить его, онъ сталъ невидимъ. Тогда страхъ и трепеть объялъ меня въ такой степени, что я бы захотѣлъ бѣжать съ того мѣста, если-бъ Господь не помогъ мнѣ. Немного приды въ себя отъ ужаса, началъ я прилежно молить Бога и класть частые поклоны, и такъ страхъ сошелъ съ меня, такъ что съ тѣхъ поръ я не сталъ бояться искушеній бѣсовскихъ, если они и являлись предъ глазами моими». Кромѣ этихъ, говорилъ онъ имъ и другія слова, укрѣпляя ихъ противъ злыхъ духовъ, и такъ отпускалъ ихъ, радующимися и славящими Бога за такое наставленіе доблестнаго наставника и учителя ихъ.

Вотъ что о томъ же самомъ разказаль блаженному Нестору одинъ изъ братіи, названный выше Иларіонъ: «Великое досажденіе причиняли мнѣ въ келліи злые бѣсы. Когда ложился я ночью на ложе мое,—являлось множество бѣсовъ, и взявши меня за волосы, топтали и волочили меня. Я, не могши болѣе терпѣть, разказаль объ этой пакости преподобному Θεодосію, и хотѣлъ съ того мѣста перейти въ другую келлію. Преподобный же умолялъ меня, говоря: «Нѣтъ, братъ, не уходи, чтобъ не похвалились надъ тобою злые бѣсы, что побѣдили тебя и обратили въ бѣгство, и тогда начнутъ дѣлать тебѣ еще большее зло, какъ получившіе власть надъ тобою. Но молись прилежно Богу въ келліи своей, и Богъ, видя терпѣніе твое, подастъ тебѣ побѣду, такъ что они не посмѣютъ и приблизиться къ тебѣ:» Я же снова сказаль ему: прошу тебя о томъ,

отче, потому что съ этихъ поръ не могу оставаться въ этой келліи, ради множества живущихъ въ ней бѣсовъ. Тогда преподобный перекрестилъ меня и сказалъ: иди, братъ, въ келлію свою, и съ этихъ поръ лукавые бѣсы не будутъ болѣе издѣваться надъ тобою, и не будешь ты болѣе видѣть ихъ. Я же съ вѣрою поклонился преподобному и ушелъ, и съ тѣхъ поръ пронырливые бѣсы не смѣли приблизиться къ моей келліи, бывъ изгнаны молитвами преп. Θεодосія.

Съ такимъ мужествомъ противъ враговъ невидимыхъ соединялъ препод. отецъ нашъ Θεодосій мужество и противъ видимыхъ враговъ Божіихъ.

Имѣлъ онъ обычай часто вставать ночью и тайно ходить къ жидамъ, и мужественно препираться съ ними за Христа, укоряя и досаждая имъ, нарицая ихъ отступниками закона и богоубійцами. Много желалъ онъ быть убитымъ за исповѣданіе вѣры Христовой, особенно же, какъ истинный подражатель Христовъ, отъ руки тѣхъ, которые убили Христа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мужественный сей преподобный желалъ пострадать и за исповѣданіе правды, и вотъ чтò достовѣрно было.

Спустя не малое время послѣ того, какъ сталъ онъ игуменомъ, случилась, по наущенію лукаваго врага, вражда между тремя русскими князьями, братьями по рожденію. Именно, два брата, Святославъ, князь Черниговскій, и Всеволодъ, князь Переяславскій, вступили оба въ борьбу со старшимъ братомъ своимъ, христолюбивымъ княземъ Кіевскимъ Изяславомъ, прогнали его изъ стольнаго города Кіева и сами заняли этотъ городъ. Преподобному отцу нашему Θεодосію они послали приглашеніе прійти къ нимъ на обѣдъ, но преподобный, видя, что несправедливо изгнанъ христолюбивый князь Изяславъ, съ дерзновеніемъ отвѣчалъ посланному: неприлично мнѣ идти на пиръ Іезавели и вкусить блюдо,

полныхъ крови и убійства. Послѣ длиннаго наставленія, онъ отпустилъ посланнаго, говоря: прошу тебя передать все это пославшимъ тебя. Услыхавъ это, князья не разгнѣвались на него, зная его за праведника, но и не послушались его и устремились изгонять брата своего, и выгнали его вовсе изъ той области, затѣмъ возвратились назадъ, и Святославъ сѣлъ въ Кіевѣ на престолѣ Изяслава, а Всеволодъ, какъ младшій, отправился въ свою Переяславскую область. Тогда преп. отецъ нашъ Θεодосій, исполненный Духа Святаго, началъ непрестанно обличать князя Святослава за то, что онъ сдѣлалъ неправду, занялъ незаконно престолъ и, изгнавъ старѣйшаго своего брата, какъ бы изгналъ родного своего отца. Иногда преподобный посылалъ къ нему письма, иногда же предъ вельможами, приходящими въ монастырь, укорялъ его за неправильное изгнаніе брата, прося передать князю эти укоры. Наконецъ, написалъ ему длинное письмо, обличая его словами: гласъ крови брата твоего вопіетъ къ небу, какъ кровь Авеля на Каина. Привелъ онъ также имена многихъ другихъ древнихъ братоненавистниковъ, гонителей и убійць, выставилъ на видъ всѣ его дѣла. Написавъ такъ, онъ отправилъ письмо князю. Князь, прочтя это посланіе, разгнѣвался и, бросивъ его на землю, рыкалъ какъ левъ надъ преподобнымъ, и оттого разнесся слухъ, что преп. Θεодосій будетъ осужденъ на заточеніе; тогда братія, находясь въ великой печали, молила преподобнаго, перестать обличать князя, также и многіе бояре приходили, и рассказывали о гнѣвѣ княжескомъ, совѣтовали не противиться ему, ибо—говорили они—онъ пошлетъ тебя въ заточеніе. Преподобный же, слыша, что ему говорятъ о заточеніи, возрадовался духомъ и сказалъ:—«Много радуюсь я о томъ, братіе, и нѣтъ для меня ничего блаженнѣе въ этой жизни, какъ быть изгнаннымъ ради правды. Развѣ смутить меня лишеніе

богатства и имѣній или опечалить меня разставаніе съ дѣтьми или селами моими; ничего изъ этого не внесли мы съ собою въ этотъ міръ, но родились нагими, и такъ же надо намъ нагими отойти изъ этого міра. Поэтому я готовъ или на заточеніе, или на смерть». И съ тѣхъ поръ началъ онъ еще болѣе укорять князя за братоненавистничество, желая быть заточеннымъ. Но князь, хотя и сильно былъ разгнѣванъ на преподобнаго, но не дерзнулъ сдѣлать ему никакого зла, ибо зналъ его за мужа праведнаго и преподобнаго, такъ что и прежде завидовалъ часто брату своему Изяславу, имѣвшему въ своей области такого свѣтильника, какъ о томъ повѣдалъ слышавшій самъ отъ князя инокъ Павелъ, игумень одного изъ монастырей Святославовой области. Наконецъ, преп. отецъ нашъ Θεодосій, по многократнымъ мольбамъ братіи и вельможъ, главнымъ же образомъ понявъ, что не успѣетъ ничего сдѣлать съ княземъ такими укорами, пересталъ обличать его и съ тѣхъ поръ задумалъ убѣдить его мольбами возвратить брату его область.

Черезъ нѣсколько дней князь Святославъ, узнавъ, что преподобный Θεодосій преложилъ свой гнѣвъ или, лучше сказать, обличенія свои, былъ очень тѣмъ обрадованъ, ибо уже давно желалъ бесѣдовать съ нимъ и насладиться его боговдохновенными словами. Поэтому онъ послалъ къ преподобному спросить, позволить ли онъ прійти ему въ свой монастырь. Когда же преподобный благословилъ прійти, онъ съ радостью отправился въ путь и пришелъ съ боярами въ его монастырь. А преподобный съ братією, выйдя изъ церкви, встрѣтилъ его по обычаю, причемъ всѣ, какъ слѣдуетъ, поклонились князю. Князь же, послѣ привѣта преподобному, сказалъ ему: «Я не дерзнулъ прійти къ тебѣ безъ позволенія, думая, что, гнѣваясь на меня, ты меня непустишь въ свой монастырь. Преподобный же отвѣчалъ ему: Развѣ

можетъ что-нибудь, благій господинъ, сдѣлать гнѣвъ нашъ съ державою твоею? Но намъ подобаесть обличать и говорить то, что на спасеніе души, а вамъ должно повиноваться тому. Войдя въ церковь, они сотворили молитву, и послѣ молитвы сѣли. Тогда преп. отецъ нашъ Θεодосій, начавъ говорить отъ Божественныхъ писаній, много поучалъ князя о братской любви. А князь взводилъ много вины на своего брата, и потому не хотѣлъ мириться съ нимъ. И послѣ долгой душеполезной бесѣды отошелъ князь въ свой домъ, славя Бога, что сподобился бесѣдовать съ такимъ мужемъ, и съ тѣхъ поръ часто приходилъ къ нему, наслаждаясь духовною его пищею больше меда и сота.

Часто потомъ и самъ преп. отецъ нашъ Θεодосій ходилъ къ державному этому князю Святославу, напоминая ему о страхѣ Божиемъ и о любви къ брату.

Однажды пришелъ къ нему преподобный и, вступивъ въ покой, гдѣ сидѣлъ князь, увидѣлъ многихъ играющихъ предъ нимъ; одни извлекали звуки изъ гуслей, другіе играли на органахъ, третьи еще на другихъ инструментахъ, и всѣ веселились, какъ это бываетъ обыкновенно предъ княземъ. Преподобный же смотрѣлъ на это, поникнувъ головою. Потомъ, немного поднявъ голову, сказалъ ему: «будетъ ли такъ въ томъ, будущемъ вѣкѣ?» Князь умилился словамъ преподобнаго, прослезился и велѣлъ играющимъ замолчать, и съ тѣхъ поръ, если когда, по его приказанію, играла музыка, а онъ узнавалъ о приходѣ преподобнаго, всегда повелѣвалъ музыкантамъ стоять тихо и молчать.

Часто, когда князю объявляли о приходѣ преподобнаго, то онъ выходилъ на встрѣчу ему, встрѣчалъ его предъ дверями храма—и такъ, радуясь, входили они во храмъ. Разъ, когда этотъ князь веселился, и пришелъ преподобный, князь сказалъ: Воистину говорю тебѣ, отче, еслибъ мнѣ сказали, что мой родной отецъ вос-

кресъ изъ мертвыхъ, я бы тому не такъ радовался, какъ твоему приходу, и не боялся бы такъ, и не почиталъ бы его, какъ твою преподобную душу. Преподобный же отвѣчалъ ему: Если ты такъ боишься меня, сдѣлай волю мою, и возврати брату твоему престолъ, который далъ ему благовѣрный твой отецъ. Князь на это молчалъ, не зная, что отвѣтить. Ибо врагъ такъ распалилъ его на брата, что онъ не хотѣлъ и слышать о немъ.

А преп. отецъ нашъ Θεодосій всѣ дни и ночи молилъ Бога о христіилюбивомъ князѣ Изяславѣ, велѣлъ также поминать его на ектеніяхъ, какъ стольнаго князя и старѣйшаго изъ всѣхъ, а этого, какъ не по закону сѣдшаго на томъ престолѣ, не велѣлъ поминать въ своемъ монастырѣ. Потомъ, едва умоленный братією, повелѣлъ и этого князя поминать съ тѣмъ, но сперва Изяслава, а потомъ Святослава.

Видя такіе раздоры между русскими князьями, вышеназванный святой Никонъ (который во всемъ содѣйствовалъ постриженному имъ преп. Θεодосію), ушелъ съ двумя иноками на островъ Тмутараканскъ, гдѣ поставилъ монастырь. Преп. же Θεодосій много молилъ его не разлучаться съ нимъ, пока они оба живы; но, не умоливъ его, остался на прочіе труды жизни своей безъ него.

Такъ, исполненный добродѣтелями и наполнивъ монастырь братією, уже невмѣщавшеюся въ первоначальномъ монастырѣ, преп. отецъ нашъ Θεодосій началъ подвизаться, прилежно моля Бога, какъ и куда бы переселиться на болѣе просторное мѣсто, и соорудить большую каменную церковь, тоже во имя Пресвятой Богородицы; Богъ же явилъ, что молитва его о томъ — благоприятна, а мѣсто на переселеніе и сооруженіе церкви проявилъ дивными чудесами. Къ числу ихъ относится слѣдующее:

Одинъ благочестивый и богобоязненный человекъ

шелъ горою мимо первоначальнаго Печерскаго монастыря; была темная ночь. И вотъ увидѣлъ онъ чудесный свѣтъ только надъ тѣмъ монастыремъ (какъ и прежде игумень Софроній, но еще бѣльшій того)—и посреди того свѣта увидѣлъ преп. Θεодосія, стоящимъ предъ церковью, съ руками воздѣтыми на небо, творящимъ прилежно молитву къ Богу. Пока онъ смотрѣлъ и изумлялся, явилось другое чудо: громадное пламя вышло изъ церковнаго верха и, принявъ видъ дуги, перешло на другой холмъ, и тамъ стало тѣмъ концомъ, гдѣ впослѣдствіи преп. отецъ нашъ Θεодосій началъ строить новою каменную церковь. А пламя казалось дугою, стоящею однимъ концомъ на верху старой церкви, а другимъ на мѣстѣ новой, пока человекъ тотъ не зашелъ за гору. Потомъ онъ все это правдиво разсказалъ въ монастырѣ преподобнаго. Богъ показалъ также и другое чудо, о томъ же самомъ, людямъ, близъ живущимъ.

Однажды ночью они слышали безчисленные поющіе голоса. Поднявшись съ постелей, они вышли изъ домовъ и, ставъ на высокомъ мѣстѣ, смотрѣли, откуда тѣ голоса. Надъ Печерскимъ (старымъ) монастыремъ сіялъ великій свѣтъ, и въ этомъ свѣтѣ они увидѣли множество иноковъ, выходящихъ изъ старой церкви и идущихъ на мѣсто новой. Одни изъ нихъ несли икону Пресвятой Богородицы, а прочіе, идя вслѣдъ, пѣли, держа въ рукахъ своихъ горящія свѣчи; предъ ними же шелъ преподобный отецъ ихъ и наставникъ Θεодосій. Дойдя до того мѣста, отправивъ на немъ пѣніе и молитву, они возвратились назадъ и снова съ пѣніемъ вошли въ старую церковь. Видѣніе это видѣли не одинъ, не два, но много людей и разсказывали о немъ. Такъ какъ ни одного изъ братіи тамъ не было, поняли, что видѣли ангеловъ, такъ входящихъ и исходящихъ, и потому прославили Бога, прославляющаго то мѣсто мо-

литвами преподобнаго Θεодосія, и говорили съ Іаковомъ патриархомъ: Господь присутствуетъ на мѣстѣ семъ, и страшно сіе мѣсто! это не иное что, какъ домъ Божій, это врата небесныя» (Бытіе, 28, 16, 17.).

Не будемъ здѣсь пространно вспоминать о томъ, какъ преп. отецъ нашъ Θεодосій, находясь въ своемъ монастырѣ, поглащенный богопріятною молитвою о переселеніи монастыря—въ то же время въ Константинополѣ съ преп. Антоніемъ явился мастерамъ, которыхъ призвалъ на строеніе той Богомъ предзнаменованной церкви; какъ для начала дѣла на то поле, гдѣ совершились знаменія о переселеніи преподобнаго и гдѣ тогда собралось множество людей, а преподобный избралъ удобное мѣсто для основанія церкви; какъ самъ князь Святославъ, пріѣхавъ случайно, даровалъ ему по Божію внушенію на своемъ полѣ такое мѣсто. Потомъ это избраніе подтверждено было сухостью, росой и огнемъ съ неба, павшими по молитвѣ преп. Антонія, но и не безъ участія и этого блаженнаго строителя преп. Θεодосія—что подробно описано, вмѣстѣ съ другими удивительными дѣлами, въ сказаніи о той святой церкви. Итакъ, неисповѣдимою благодатью Божіею, преп. отецъ нашъ Θεодосій основалъ во имя Небесной Царицы небеси подобную церковь. Первый копалъ землю для основанія благовѣрный князь Святославъ и далъ на то дѣло сто гривенъ золота, въ руки преподобнаго Θεодосія.

И самъ преподобный всякій день прилежно подвизался съ братіею, трудясь надъ сооруженіемъ того святаго храма и, вмѣстѣ съ тѣмъ, созидаль въ себѣ храмъ Святому Духу, все болѣе возрастая изо дня въ день въ добродѣтеляхъ, являясь отцомъ сиротамъ, заступникомъ вдовицамъ, помощникомъ обижаемымъ; а внѣшнимъ благообразіемъ храма тѣла своего совершенно пренебрегалъ, такъ что тѣ, кто видѣлъ его подходящимъ къ рабочимъ, не думали, что онъ самъ игумень, но одинъ

изъ кухонныхъ послушниковъ. Однажды преп. отецъ нашъ Θεодосій шелъ къ рабочимъ, трудившимся надъ стройкою церкви, и его встрѣтила убогая вдова, которую обидѣлъ судья, и сказала ему: черноризецъ, скажи мнѣ, въ монастырѣ ли вашъ игумень. Преподобный отвѣтилъ ей: зачѣмъ онъ нуженъ тебѣ, онъ человѣкъ грѣшный. Женщина сказала ему: не знаю, грѣшенъ ли онъ; знаю только то, что многихъ избавляетъ онъ отъ печали и напасти. Потому и я пришла къ нему, чтобъ онъ помогъ мнѣ въ обидѣ, нанесенной мнѣ противъ справедливости судіею. Узнавъ причину обиды ея, преподобный жжалился и сказалъ ей: женщина, иди теперь въ домъ свой. Когда же придетъ нашъ игумень, я расскажу ему о тебѣ, и онъ избавитъ тебя отъ печали. Послѣ этого отвѣта женщина вернулась домой. Преподобный же пошелъ къ судѣѣ и, рассказавъ ему о женщинѣ, избавилъ ее отъ насилія, и судья велѣлъ возвратитъ ей все, что у нея съ обидою было отнято.

Вотъ какими достойными неба дѣлами занимался преп. Θεодосій во время построения небеси подобной церкви, и если онъ при жизни своей не соорудилъ ея до конца, то по смерти своей молитвами своими, близкими къ Богу, помогаль блаженному Стефану, который послѣ него принялъ игуменство и довершилъ его дѣло.

Когда преп. отецъ нашъ Θεодосій, послѣ богоугодной жизни, приблизился къ концу, тогда, предузнавъ отшествіе свое къ Богу и день покоя своего, повелѣлъ собрать всю братію, находившуюся не только въ монастырѣ, но и на хуторахъ, или при иныхъ послушаніяхъ, и всѣхъ служителей. И сталъ наставлять всѣхъ, чтобъ всякій проходилъ со всевозможнымъ прилежаніемъ и страхомъ Божиимъ порученную ему службу; со слезами поучаль всѣхъ о спасеніи души и богоугодной жизни, о постѣ и усердіи къ церкви, и стояніи въ ней со страхомъ, и любви и покорности не только стар-

Видѣніе великой церкви Печерской.

шимъ, но и сверстникамъ. Послѣ этихъ словъ онъ благословилъ и отпустилъ ихъ.

Пришелъ и благочестивый князь Святославъ посѣтить преподобнаго, и онъ, открылъ уста свои, изливающія благодать, началъ поучать его о благочестіи, какъ надо держаться православія и имѣть попеченіе о святыхъ церквахъ. Между прочимъ сказалъ: Молюсь Господу Богу и Всенепорочной Матери Его о твоёмъ благочестіи, да подастъ Онъ тебѣ тихую и безмятежную державу. И вотъ, поручаю твоему благочестію этотъ святой Печерскій монастырь, Домъ Пресвятой Богородицы, который Сама Она изволила создать. Пусть не властвуетъ надъ нимъ ни архіепископъ Кіевскій, никто другой изъ софійскихъ клировъ, но пусть завѣдуетъ имъ твоя держава, а по тебѣ дѣти твои, и такъ до послѣднихъ изъ рода твоего.

Потомъ, ознобляемый холодомъ и распалляемый огнемъ, изнемогъ преподобный и легъ на одрѣ, на который никогда прежде не ложился, говоря: «Да будетъ воля Божія. Какъ благоволилъ Онъ обо мнѣ, такъ и да сотворить. Но молюсь тебѣ, Владыко мой Иисусе Христе, милостивъ будь къ душѣ моей, да не устрашитъ ее лукавство враговъ, но да примутъ ее ангелы Твои, проводящіе чрезъ темныя мытарства и приводящіе къ свѣту милосердія Твоего». Сказавъ это, онъ умолкъ. Братія же была въ великой скорби и печали, что онъ не могъ три дня ни съ кѣмъ говорить, ни поднять глаза, такъ что многіе могли бы думать, что онъ умеръ, если-бъ не видѣли еще въ немъ легкаго дыханія.

Послѣ трехъ дней болѣзни своей, преп. отецъ нашъ Θεодосій всталъ съ одра и говорилъ всей собравшейся братіи:

«Братіе мои и отцы, вотъ уже кончается время житія моего, какъ открылъ мнѣ Богъ въ дни поста моего въ пещерѣ. Вы же обдумайте между собою, кого хотите,

чтобъ я вамъ поставилъ вмѣсто себя игуменомъ». Услышавъ это, братія опечаленная стала плакать, но все-таки, выйдя отъ старца и посовѣтовавшись, рѣшили назвать себѣ игуменомъ Стефана, церковаго уставщика. На другой день, призвавъ опять всю братію, преп. Θεодосій сказалъ имъ: «Что же рѣшили между собою, чада; кто изъ васъ достоинъ быть игуменомъ?» Они же всѣ сказали, что достоинъ Стефанъ. Подозвавъ Стефана, преподобный благословилъ его вмѣсто себя на игуменство и сказалъ: «Передаю тебѣ, чадо, монастырь, блюди его съ усердіемъ, и какъ я установилъ службы, такъ и держи преданія монастырскія; не измѣняй устава, но твори все по закону и по чину монастырскому. Братію же учи покоряться ему». Затѣмъ преподобный отпустилъ ихъ, обозначивъ день преставленія своего — что (сказалъ онъ) въ субботу, когда взойдетъ солнце, душа моя отойдетъ отъ тѣла. И, снова призвавъ одного Стефана, поручалъ его, какъ пасти святое стадо; и Стефанъ не отлучался уже отъ преподобнаго, служа ему со смиреніемъ, потому что преподобный уже сильно изнемогъ отъ болѣзни.

Когда пришла суббота, и стало уже свѣтать, преподобный велѣлъ созвать всю братію и облобызалъ всѣхъ ихъ по очереди; а они плакали и рыдали, что разлучаются съ такимъ пастыремъ. И сталъ говорить онъ имъ такъ: «Любимыя мои чада и братія, съ любовью простился съ вами, такъ какъ я отхожу ко Владыкѣ моему Иисусу Христу. Вотъ вамъ игумень, избранный по вашей волѣ; считайте его за духовнаго отца, почитайте, бойтесь его и дѣлайте все по его повелѣнію; Богъ же, сотворившій все словомъ и повелѣніемъ Своимъ, Онъ да благословитъ васъ и сохранить безъ бѣды отъ лукаваго врага, и да соблюдетъ твердою и непоколебимою вѣру вашу въ единомысліи и любви, чтобъ вамъ до послѣдняго издыханія быть вмѣстѣ, да подастъ вамъ

благодать трудиться для Него безъ порока, и быть каждому изъ васъ въ такомъ со всѣми единеніи, чтобъ было одно тѣло и одна душа въ смиреніи и послушаніи, да будете вы совершенны, какъ совершенъ Отець вашъ Небесный. Господь же да будетъ съ вами! Молю васъ и заклинаю о томъ, чтобъ вы въ той одеждѣ, въ которой я теперь, положили меня въ той пещерѣ, въ которой проводилъ я дни поста. Не омывайте моего убогаго тѣла; пусть никто изъ любви не видитъ меня, но вы одни погребите въ указанномъ мѣстѣ тѣло мое». Слыша эти распоряженія изъ устъ святаго, братія проливали изъ глазъ своихъ слезы горькаго плача.

Преподобный, утѣшая ихъ, говорилъ: «Объщаю вамъ, братія и отцы, что если тѣломъ отхожу отъ васъ, то духомъ всегда буду съ вами.

Послѣ этого наставленія, преподобный отпустилъ всѣхъ, не оставивъ у себя никого.

Одинъ изъ братіи, который всегда служилъ ему, сдѣлалъ маленькую скважинку и смотрѣлъ въ нее, и вотъ преподобный всталъ, палъ ницъ на колѣни и молился со слезами милостивому Богу о спасеніи души своей, призывая на помощь всѣхъ святыхъ, особенно же Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, Которой онъ поручалъ свое стадо и то мѣсто. Послѣ молитвы онъ легъ опять на ложе свое и, по короткомъ снѣ, посмотрѣлъ на небо и сказалъ громогласно, съ веселымъ лицомъ: «Благословенъ Богъ! Если это такъ, то я уже не боюсь, но въ радости отхожу отъ этого міра». Такъ сказалъ онъ, видѣвъ, какъ кажется, нѣкоторое явленіе. Потомъ онъ правильно легъ, вытянувъ ноги и крестообразно положивъ руки на грудь, и предалъ святую душу свою въ руки Божіи, и соединился со святыми отцами, въ годъ отъ сотворенія міра 6582, отъ Рождества же Христа въ 1074, мѣсяца мая въ 3 день, въ субботу, какъ предсказалъ самъ, послѣ солнечнаго восхода.

Тогда братія подняла по немъ великій плачь, и потомъ, взявъ его, понесли въ церковь и по обычаю отравили священное пѣніе. Какъ будто по какому-то божественному явленію стекло множество вѣрныхъ, которые съ усердіемъ собрались сами и сидѣли предъ монастырскими воротами, ожидая, пока вынесутъ преподобнаго. Братія же, затворивъ ворота, не пускали никого и ожидали, пока разойдутся всѣ, чтобъ тогда погребсти его, какъ онъ самъ заповѣдалъ.

Пришло также много бояръ, но и они стояли предъ воротами; и вотъ, по Божію смотрѣнію, небо внезапно помрачилось, и пошелъ сильный дождь, и тѣ всѣ разошлись. Потомъ дождь пересталъ и засіяло снова солнце, и тогда братія понесли преподобнаго въ прежде указанную пещеру, положили его въ ней съ почетомъ и, закрывъ ее, удалились. Этотъ день они провели безъ пищи.

Благовѣрный же князь Святославъ былъ тогда недалеко отъ Печерскаго монастыря, и онъ видѣлъ огненный столпъ отъ земли до неба, надъ монастыремъ, и черезъ то онъ понялъ, что преподобный преставился, и сказалъ тѣмъ, кто былъ съ нимъ: «мнѣ кажется, что сегодня преп. Θεодосій преставился отъ земли на небо.» Князь раньше этого дня былъ у него и видѣлъ, что болѣзнь его очень тяжкая. Пославъ туда и узнавъ навѣрное о преставленіи, онъ сильно оплакивалъ преподобнаго.

Въ тотъ годъ, молитвами преп. отца нашего Θεодосія, умножились всякія блага въ монастырѣ его, и на земляхъ его было обиліе, и приплодъ скота въ небывалыхъ размѣрахъ. Видя это и поминая обѣтъ святаго отца, братія прославила Бога, что ихъ учитель и наставникъ сподобился такой благодати. Но не только тогда, но и донинѣ Богъ молитвами преп. отца нашего Θεодосія не оставляетъ его обители. Ибо

истинно то, что говоритъ Божественное писаніе: «Праведники живутъ во вѣки, и мзда ихъ отъ Господа, и Вышній печется о нихъ» (Премудр. 5,15). И по истинѣ, если этотъ преподобный отлучился отъ насъ тѣломъ, то, какъ сказалъ онъ самъ, духомъ онъ всегда съ нами, что можно видѣть изъ многихъ чудесъ его по смерти.

Одинъ бояринъ подпаль подъ великій гнѣвъ князя. Многіе приходили и говорили ему: князь хочетъ послать тебя въ заточеніе. Онъ же молился прилежно Богу и призывалъ на помощь преп. отца нашего Θεодосія, говоря: знаю я, отче, что ты святъ, вотъ, настало время напасти, умоли небеснаго Владыку избавить меня отъ нея. И вотъ, когда однажды онъ въ полдень спалъ, явился къ нему преп. отецъ нашъ Θεодосій и сказалъ: Что такъ печалишься? Или думаешь, что я отошелъ отъ васъ. Если тѣломъ моимъ я отлучился отъ васъ, духомъ всегда съ вами. На слѣдующій день князь призоветъ тебя, уже вовсе не держа на тебя гнѣва, и снова поставитъ тебя на прежнее твое мѣсто.—Бояринъ же, хотя онъ и не былъ во снѣ, очнувшись, увидѣлъ преподобнаго, выходящимъ сзади изъ дверей; и слово его исполнилось на самомъ дѣлѣ, и бояринъ съ тѣхъ поръ имѣлъ еще большую любовь къ монастырю преподобнаго.

Одинъ человѣкъ, собираясь въ дорогу и имѣя у себя ковчежець полный серебра, принесъ его въ монастырь преподобнаго отца нашего Θεодосія и далъ его на сохраненіе одному черноризцу, именемъ Конону, какъ своему знакомцу и другу. Это видѣлъ одинъ изъ братій, именемъ Николай, и, соблазненный бѣсомъ, укралъ и скрылъ серебро. Войдя въ келлію свою и осмотрѣвъ ее, Кононъ не нашелъ того серебра. Поверженный въ великое безпокойство, со слезами молился онъ Богу, призывая часто преп. Θεодосія, чтобы помощью его не быть посрамленнымъ предъ тѣмъ,

кто далъ ему серебро на сохраненіе. Послѣ молитвы, онъ немного уснулъ и видѣлъ во снѣ преп. Θεодосія, говорящаго ему:—то, о чемъ ты безпокоишься, по дьявольскому наущенію взялъ черноризецъ Николай и скрылъ въ пещерѣ. Преподобный показалъ ему и мѣсто, говоря: «Иди и, никому не говоря о томъ, возьми свое». Проснувшись, онъ былъ въ великой радости и, послѣшно вставъ и зажегши огонь, пошелъ на указанное мѣсто, гдѣ нашель по слову святого отца. Взявъ серебро, онъ принесъ его въ свою келлію, хваля и славя Бога и прославляя угодника Его преп. Θεодосія.

Было и такое событіе. Одинъ изъ клириковъ святой великой Софійской церкви тяжело болѣлъ, сжигаемый огненнымъ недугомъ; придя немного въ себя, онъ молилъ Бога и преп. отца нашего Θεодосія объ ослабленіи болѣзни; и, едва онъ уснулъ, увидѣлъ преп. Θεодосія, дающаго ему свой жезлъ, со словами: «возьми и ходи съ нимъ». Проснувшись, онъ почувствовалъ, что горячка покинула его, и болѣзненность его прекратилась, и повѣдалъ бывшимъ съ нимъ о явленіи преподобнаго. Такимъ образомъ, придя въ силу, онъ пошелъ въ Печерскій монастырь и рассказалъ братіи, какъ исцѣлился отъ болѣзни молитвами преп. Θεодосія. Они, слыша это, прославили Бога, давшаго такую благодать своему рабу, ихъ отцу.

Вотъ еще чтó произошло силою преподобнаго спустя немалое время отъ кончины его, о чемъ и вспомнимъ при концѣ этого нашего повѣствованія.

Когда блаженный игумень Стефанъ, по дьявольскому наводенію, былъ изгнанъ изъ монастыря преп. отца нашего Θεодосія и преп. Никонъ, который, по преставленіи преподобнаго, пришелъ снова съ выше-названнаго острова Тмутараканска,—принялъ игуменство, въ это время приспѣли дни великаго поста. Въ первую седмицу столь строгаго воздержанія, по уставу

преп. отца нашего Θεодосія, въ пятницу для братіи, какъ для подвижниковъ, столь много потрудившихся, должны были предлагаться на трапезѣ хлѣбы изъ чистой муки, и къ нимъ медъ и макъ. Также и блаженный Никонъ приказалъ келарю сдѣлать по обычаю. Онъ же, въ преслушаніе игумену, солгалъ, говоря, что не имѣетъ муки, чтобъ сдѣлать эти хлѣбы. Но Богъ не презрѣлъ труда и молитвъ рабовъ своихъ и не попустилъ, чтобъ было нарушено уставленное преп. Θεодосіемъ. Когда, послѣ святой литургіи, иноки шли къ трапезѣ на постный обѣдъ, привезли, откуда совсѣмъ нельзя было ожидать, возъ такихъ хлѣбовъ. Видя это, братія прославила Бога и святаго Θεодосія, изумляясь, какъ Богъ всегда печется о нихъ и подаетъ все нужное, молитвами преп. отца и наставника Θεодосія. Черезъ два дня келарь приказалъ пекарямъ печь обычные для братіи хлѣбы изъ той муки, о которой онъ прежде сказалъ, что ея нѣтъ. Когда они стали работать и уже мѣсить тѣсто, тамъ оказалась жаба, какъ бы сваренная во влитой ими водѣ, и такъ ихъ работа была осквернена ради преслушанія. Такъ благоизволилъ Богъ, въ сохраненіе святаго стада молитвами преп. Θεодосія, чтобъ тѣ, которые ту святую седмицу провели въ столь великихъ подвигахъ—не могли вкусить отъ такихъ хлѣбовъ, сдѣланныхъ со грѣхомъ, какъ носящихъ печать врага; и чтобы всѣ цѣломудренно слѣдили за собою во всемъ.

Давъ въ этомъ повѣствованіи уже довольно указаний, съ блаженнымъ лѣтописцемъ оставимъ здѣсь разсказъ. Лѣтописецъ, вмѣстѣ радуясь и благодаря Бога за такую добродѣтельную жизнь преп. и богоноснаго отца нашего Θεодосія, что онъ подвизался такъ въ послѣднее время, а также плача и скорбя, что житіе его не было никѣмъ описано (какъ самъ изъясняетъ

здѣсь) — возбужденный своею любовью къ преп. отцу своему, потрудился отъ избытка сердца своего; и то, что видѣлъ и слышалъ — то, малую часть изъ многаго, запечатлѣлъ на письмѣ — во славу и честь великому Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, съ Которымъ Отцу слава вмѣстѣ съ пресвятымъ Духомъ, нынѣ и присно и въ безконечныя вѣки вѣковъ. Аминь.

СКАЗАНИЕ

**о перенесеніи честныхъ мощей преп. и богонос-
наго отца нашего Θεодосія Печерскаго и о про-
чихъ, по перенесеніи ихъ, событіяхъ.**

Въ осьмнадцатый годъ по переселеніи преп. отца нашего Θεодосія отъ земли на небо душою, Богъ благоволилъ ему быть перенесеннымъ тѣломъ изъ пещеры во святую небеси подобную церковь. Это произошло такъ.

Вся братія святой великой чудотворной лавры Печерской, съ наставникомъ своимъ, игуменомъ Іоанномъ, собравшись, единодушно положили совѣтъ, перенести изъ пещеры во святую великую каменную церковь честныя мощи блаженнаго и доблестнаго мужа, высокаго житіемъ, чуднаго въ добродѣтеляхъ, дивнаго въ чудесахъ, преп. Θεодосія. Они разсуждали въ себѣ: «Напрасно лишены мы отца и учителя своего. Не хорошо намъ быть лишенными пастыря, и не подобаетъ пастырю оставлять своихъ Богомъ порученныхъ овецъ, чтобъ не пришли дикіе звѣри расхитить словесное стадо Христово. Слѣдуетъ намъ, братіе, всегда имѣть предъ глазами нашими честную раку нашего отца, и всегда приносить ему достойное поклоненіе. Неудобно ему пребывать въ другомъ мѣстѣ, кромѣ монастыря и

своей церкви, потому что онъ основаль ее и собралъ иночествующихъ». Поэтому всѣ, какъ одними устами, сказали: «Возьмемъ честныя мощи любимаго отца нашего и перенесемъ ихъ изъ пещеры сюда, ибо, какъ говорить Господь, зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ» (Маттея, 5, 15). Сказавъ такъ, они приготовили мѣсто для положенія честныхъ мощей святаго, и поставили каменную раку.

Подошелъ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы, и, за три дня до праздника, игумень велѣлъ идти въ пещеру и раскопать мѣсто, гдѣ были положены честныя мощи преп. отца нашего Θεодосія.

Первый помощникъ въ этомъ дѣлѣ и первый видѣвшій честныя мощи святаго, былъ блаженный Несторъ, составитель этого сказанія, который самъ о себѣ свидѣтельствуеть такъ:

«Разскажу вамъ истинно и достовѣрно, не услышалъ я это отъ другихъ, но самъ былъ въ дѣлѣ распорядителемъ. Пришелъ я къ игумену, и онъ сказалъ мнѣ: «идемъ, чадо, къ преп. отцу нашему Θεодосію», и мы, невѣдомо для всѣхъ, пришли въ пещеру; осмотрѣвшись, сдѣлали знакъ, гдѣ копать, и ушли. Тогда игумень сказалъ мнѣ: «возьми, кого хочешь, чтобъ помочь тебѣ, и, кромѣ его, не разсказывай никому, чтобъ никто изъ братіи не узналъ, пока не вынесемъ изъ пещеры честныя мощи святаго». Я въ тотъ день приготовилъ орудія для копанія. Былъ вторникъ. Глубокимъ вечеромъ я взялъ съ собою двоихъ братьевъ, мужей чудныхъ въ добродѣтеляхъ, и никто другой объ этомъ не зналъ. Когда мы пришли въ пещеру, сотворивъ молитву съ поклонами и воспѣвъ псалмы, мы приступили къ дѣлу. Началъ копать я и, потрудившись много, передалъ другому брату. Мы копали до полуночи и не могли обрѣсти честныхъ мощей святаго и начали силь-

но скорбѣть и проливать слезы. Мы думали, что свя-
тый не хочетъ явить намъ себя, и намъ пришла мысль,
не копать ли на другой сторонѣ. Тогда снова взялъ я
орудіе и началъ копать прилежнѣе. Другой же изъ
бывшихъ со мною братій находился предъ пещерою.
Услыхавъ церковное било, ударяющее къ утрени, онъ
закричалъ мнѣ, что уже ударили въ церковное било.
Я же прокопалъ тогда землю надъ честными мощами
святаго, и отвѣчалъ ему: «И я уже, братъ, прокопалъ».
Когда же я докопался до гроба, объялъ меня великій
страхъ, и я началъ звать: «Господи, помилуй меня ради
преп. Θεодосія». Потомъ послалъ я къ игумену ска-
зать: «Приди, отче, чтобъ изнести честныя мощи пре-
подобнаго». И пришелъ игумень съ двумя братьями,
а я прокопалъ еще больше, и, преклонившись къ зем-
лѣ, мы увидали его мощи, святолѣпно лежащія. Всѣ
составы были цѣлы и непричастны тлѣнію, лицо свѣтло,
очи сомкнуты, уста соединены, головные волосы при-
липли ко главѣ. Возложивъ на одръ тѣ честныя и
святыя мощи, мы изнесли ихъ изъ пещеры».

Разказавъ о своемъ участіи въ дѣлѣ, — святыи
Несторъ свидѣтельствуеть о дивныхъ дѣлахъ Божи-
ихъ, которыя были при обрѣтеніи честныхъ тѣхъ
мощей.

Въ ту ночь въ святомъ Печерскомъ монастырѣ бодр-
ствовали два брата, ожидая, когда игумень съ нѣкото-
рыми иноками тайно перенесеть честныя мощи препо-
добнаго, и глядѣли пристально на пещеру. И, когда
раздались звуки церковнаго била къ утрени, они уви-
дѣли три столпа, какъ дуги свѣтозарныя, которыя
стояли надъ пещерою преп. Θεодосія и перешли на
вершину святой великой церкви, куда должны были
перенести преподобнаго. Это видѣли и другіе иноки,
шедшіе въ церковь къ утрени, и много благочестивыхъ
въ городѣ лицъ.

Досточудный же Стефанъ, который послѣ преп. Θεодосія былъ игуменомъ печерскимъ, потомъ устроилъ на Кловѣ свой монастырь, затѣмъ же, изволеніемъ Божиимъ, былъ епископомъ града Владиміра, находился тогда въ Кловѣ, въ своемъ монастырѣ. Онъ въ ту же ночь видѣлъ чрезъ поле, надъ пещерою великую зарю. Думая, что переносятъ честныя мощи преп. Θεодосія, — онъ былъ объ этомъ наканунѣ извѣщенъ — сильно жалѣлъ, что это происходитъ безъ него. Сѣдши на коня, онъ поѣхалъ къ пещерѣ, взявъ съ собою Климента, котораго поставилъ вмѣсто себя на Кловѣ. Ъдучи, они увидали издали яркую зарницу и, когда приблизились, увидали надъ пещерою много свѣчей; когда же подошли къ пещерѣ, уже не видѣли ничего. Тогда поняли они, что это было божественное сіяніе отъ честныхъ мощей преп. Θεодосія. Придя ко дверямъ пещеры, они застали св. Нестора съ братією, окружающихъ честныя мощи. Преп. Несторъ о прочихъ тѣхъ событіяхъ свидѣтельствуешь такъ.

На другой день по обрѣтеніи честныхъ мощей, по изволенію Божию, собрались боголюбивые епископы, которымъ имена суть: Ефремъ Переяславскій, Стефанъ Владимірскій, Іоаннъ Черниговскій, Маринъ Юрьевскій, Антоній Порозскій и всѣ игумены ото всѣхъ монастырей, со множествомъ черноризцевъ; также и множество благовѣрныхъ людей изъ города, со свѣчами и еиміамомъ. Придя къ пещерѣ, они взяли изъ пещеры честныя мощи святаго Θεодосія и перенесли въ Богомъ созданную и пречестную церковь, и возрадовалась пречестная церковь, принявъ своего свѣтильника, и можно было видѣть въ церкви дневной свѣтъ, покрываемый свѣтомъ свѣчей; и святители окружали, іереи припадали, иноки съ народомъ стекаясь лобызали съ усердіемъ мощи святаго, возсылая Богу духовныя пѣсни и принося преподобному благодарственныя

хваленія. И такъ положили его въ близкой ему церкви Успенія Пресвятой Богородицы, на правой сторонѣ, мѣсяца августа въ четырнадцатый день, въ четвергъ, въ первый часъ дня, и радостно праздновали тотъ день.

Не слѣдуетъ намъ здѣсь умолчать и о томъ, что въ третій день по перенесеніи мощей преп. отца нашего Θεодосія сбылось одно его пророчество; совершилось же это такъ.

Когда преп. отецъ нашъ Θεодосій былъ еще живъ и содержалъ игуменство, его единственною заботою было, какъ бы лучше пасти врученное ему Богомъ стадо, и онъ заботился не только о черноризцахъ, но и о мірскихъ душахъ, какъ бы имъ спастись, особенно же о своихъ духовныхъ дѣтяхъ, наставляя и утѣшая приходящихъ къ нему, иногда же приходя и въ ихъ дома и подавая имъ благословеніе. Былъ одинъ вельможа, духовный сынъ святаго, именемъ Іоаннъ и супруга его, Марія, оба благочестивые, живущіе въ цѣломудріи. Къ нимъ пришелъ однажды блаженный въ домъ (онъ любилъ ихъ, потому что они жили въ заповѣдяхъ Господнихъ и въ любви между собою), — и, придя, поучалъ ихъ о милостынѣ убогимъ, о царствіи небесномъ уготованномъ праведнымъ и о мукахъ грѣшнымъ, и многое другое отъ Божественныхъ писаній говорилъ онъ имъ, пока рѣчь не дошла и до положенія тѣла во гробѣ. Благочестивая же жена Іоанна, прервавъ преподобнаго, сказала ему: «Отче честный, кто знаетъ, гдѣ мое тѣло будетъ положено?» Боговдохновенный же Θεодосій, исполненный пророческаго дара, отвѣчалъ ей: «Поистинѣ говорю тебѣ: гдѣ будетъ положено мое тѣло—тамъ и ты по прошествіи годовъ—упокоишься». Такъ и сбылось въ восемнадцатый годъ по преставленіи святаго, когда принесли его честныя мощи, ибо тогда скончалась жена Іоаннова, Марія: и

преподобный, по перенесеніи своемъ, положенъ былъ въ четырнадцатый день августа, а она въ шестнадцатый въ той же церкви Пресвятой Богородицы Печерской, противъ гроба преп. Θεодосія, на лѣвой сторонѣ. Потомъ, въ пятнадцатый годъ по перенесеніи преп. Θεодосія, преставился въ маститой старости, девяноста лѣтъ, и мужъ той женщины, великій бояринъ Іоаннъ, сынъ Вышаты, храбраго воеводы, внукъ воеводы Острамира, который и самъ воеводствовалъ не малое время и жилъ по закону Божию, праведностью не хуже предковъ, благій, смиренный, воздерживающійся отъ всякой злой вещи; онъ былъ положенъ у главы жены своей, противъ гроба того же преп. Θεодосія. Такъ что и на немъ сбылось предсказаніе преподобнаго, что положенъ онъ будетъ тамъ же, гдѣ и самъ преподобный.

Слѣдуетъ вспомнить здѣсь и то, что Господь, прославляющій прославляющихъ его и благоволившій, чтобъ преп. отецъ нашъ Θεодосій былъ перенесенъ тѣломъ изъ темной пещеры во святую Печерскую церковь, въ восемнадцатый годъ отъ преставленія его: Господь, желая еще болѣе прославить угодника Своего, благоволилъ, чтобъ изъ темнаго невѣдѣнія преподобный былъ перенесенъ и именемъ и почитаніемъ во всѣ православныя церкви тоже въ осмнадцатый годъ отъ перенесенія мощей его, чтобъ онъ сталъ свѣтильникомъ всемірнымъ, просвѣщающимъ всѣхъ добрыми дѣлами.

Произошло же это такъ. Сердцевидецъ положилъ на сердце блаженному Θεоктисту, который былъ тогда игуменомъ Печерскимъ,—постараться, чтобъ имя преп. Θεодосія было вписано въ синодикъ или сборникъ церковный, и чтобъ этотъ преподобный былъ причтенъ къ лику древнихъ преподобныхъ отцовъ и всѣхъ святыхъ, которымъ повсюду святая православная Церковь совершаетъ празднество. Началь напоминать объ

этомъ блаженный Θεоктистъ благовѣрному великому князю Михаилу Святополку Изяславичу, и молилъ его, повелѣть преосвященному митрополиту Никифору собрать освященный соборъ епископовъ, игуменовъ и весь клиръ церковный, и огласить это, чтобъ устроить дѣло, какъ будетъ имъ угодно. Великій же князь Святополкъ, будучи боголюбивъ, и вѣдая, что житіе преподобнаго свято и богоугодно, со сладостью принялъ сказанное и въ радости призвалъ преосвященнаго митрополита и просилъ его, собрать боголюбивыхъ епископовъ на соборъ и совѣщаться о томъ. Митрополитъ, выслушавъ это сочувственно, собралъ епископовъ, игуменовъ и весь клиръ церковный и объяснилъ имъ дѣло. И самъ великій князь Святополкъ началъ рассказывать всѣмъ житіе преп. Θεодосія. И такъ, всѣ единодушно и единогласно согласились и установили, чтобъ преподобный былъ почитаемъ во святой православной Церкви, какъ равный всѣмъ празднуемымъ прежнимъ святымъ. И повелѣлъ преосвященный митрополитъ епископамъ, чтобъ каждый въ своей епархіи по всѣмъ церквамъ вписалъ имя преп. Θεодосія въ сборникъ святыхъ. Съ радостью сдѣлали то епископы: вписали имя преп. отца нашего Θεодосія и начали поминать его по всѣмъ церквамъ, молясь къ нему и съ похвалою совершая ежегодно день торжества его, во славу Вседаровитому Богу и угоднику Его дароименитому Θεодосію.

Блаженному же Θεоктисту, который съ такимъ усердіемъ постарался послужить отцу своему, преп. Θεодосію, чтобъ вписать имя его въ сборникъ—Богъ воздалъ прее выше трудовъ его. Въ скоромъ времени избранъ онъ былъ на степенъ епископа богоспасаемаго града Чернигова и рукоположенъ тѣмъ же преосвященнымъ митр. Никифоромъ. Когда же вступилъ онъ на свой престоль, тогда христоробивый князь Давидъ и княгини, бояре и всѣ люди съ неистовѣдимою радостью приняли его,

какъ давшаго церкви неисповѣдимую радость вписаніемъ въ сборникъ имени преп. Θεодосія, чрезъ котораго съ блаженнымъ Θεоктистомъ ожидаемъ и мы услышать эту радость: «радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесахъ» (Луки, 10, 20)

Помѣстимъ здѣсь и сказаніе блаженнаго епископа Симона о чудесномъ украшеніи золотомъ и серебромъ честной раки преп. отца нашего Θεодосія, который украсилъ святую Печерскую церковь, какъ золотомъ и серебромъ нетлѣннымъ, честными своими перенесенными мощами, а всѣ прочія православныя церкви почитаніемъ святаго имени своего. Было же это такъ.

По немаломъ времени отъ перенесенія мощей преп. отца нашего Θεодосія, тысяцкій Георгій, сынъ Симона, внукъ Африкана, князей Варяжскихъ, имѣвшій княжескую область отъ князя Георгія Владиміровича Мономаховича въ землѣ Суздальской, въ знакъ великой любви своей къ преподобному, пожелалъ украсить честную его раку. И онъ послалъ изъ града Суздаля въ богоспасаемый городъ Кіевъ, въ Печерскій святой монастырь, одного изъ бояръ своихъ именемъ Василія, и далъ ему пятьсотъ гривень серебра и пятьдесятъ гривень золота, чтобъ оковать честную раку преподобнаго. Взявъ все это съ собою, Василій съ неудовольствіемъ отправился въ путь, проклиная свою жизнь и день рожденія своего и говоря себѣ: «Что это умыслилъ нашъ князь потратить такое богатство, и какая будетъ ему за это награда, что онъ оковалъ гробъ мертвеца; какъ безъ толку собиралъ онъ, безъ толку и расточаетъ. Тяжко мнѣ одному, что не посмѣлъ я послушаться господина моего; къ чему покинулъ я свой домъ, и ради кого иду въ этотъ горькій путь, отъ кого приму я честь; не посланъ я ни къ князю, ни ко одному изъ вельможъ, что скажу я той каменной горсти, и кто дастъ мнѣ отвѣтъ, кто не посмѣется безумному моему приходу!» Вотъ, что говорилъ онъ со-

Обрътненіе мошей преп. Θεοδοсіа.

провождавшимъ его, и многое еще другое. Святый же Θεодосій явился ему во снѣ, говоря съ кротостью: «О чадо, я хотѣлъ воздать тебѣ награду ради труда твоего, но, если ты не покаешься, то потерпишь много зла». Но Василій ропталъ, не переставая, и Господь навелъ на него великую бѣду за его грѣхи. Всѣ кони пали, а остальное все украли у нихъ воры, кромѣ того сокровища, которое они везли.

И, открывъ посланное съ нимъ сокровище, для окованія раки преподобнаго, Василій взялъ оттуда пятую часть золота и серебра и истратилъ это на расходы для себѣ и на коней и не уразумѣлъ струсшагося надъ нимъ, за хулу его, гнѣва. Когда же былъ онъ въ Черниговѣ, упалъ съ коня и разбился. Сопровождавшіе его положили его въ повозку и привезли въ Кіевъ. Былъ уже вечеръ. Въ ту ночь явился ему святый Θεодосій, говоря: «Василій, не слыхалъ ли ты словъ Господнихъ: «Пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобъ они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители» (Луки, 16, 9). И еще: «кто принимаетъ праведника во имя праведника, получить награду праведника» (Матѳея, 11, 41). Хорошо раздумалъ объ этомъ сынъ мой Георгій, съ нимъ и ты долженъ былъ быть увѣнчанъ за трудъ твой, и не всякій получить такую славу, какую ты долженъ былъ раздѣлить съ нимъ. Теперь же ты лишенъ всего. Но не отчаявайся въ жизни своей; иначе ты не можешь исцѣлиться, какъ покаявшись въ согрѣшеніи твоёмъ. Прикажи нести себя въ Печерскій монастырь, въ церковь Пресвятой Богородицы, пусть положатъ тебя на раку мою, и ты будешь здоровъ и найдешь въ цѣлости растроченное тобою серебро и золото». Все это не во снѣ, а на яву говорилъ въ ту ночь Василію явившійся ему преп. Θεодосій. Утромъ пришелъ къ Василію великій князь Георгій Владиміровичъ со всѣми боярами и, видя, что онъ

сильно разбить, былъ тѣмъ опечаленъ и ушелъ. Василій же, повѣривъ видѣнію святаго, велѣлъ везти себя въ Печерскій монастырь. Когда они были на берегу, кто-то неизвѣстный вошелъ къ игумену Печерскому со словами: «Иди скорѣй на берегъ, принеси Василю и положи его на гробѣ преп. Θεодосіа». Когда же онъ подастъ тебѣ сокровище, обличи его предъ всѣми, что онъ взялъ изъ него пятую часть, и, если покается, прости его». Сказавъ это, онъ сталъ невидимъ. Игумень Тимоѣей сталъ искать явившагося ему человѣка, но никто не видалъ его входящимъ или выходящимъ. Выйдя къ Днѣпру, онъ ввелъ Василю на гору и положилъ его на ракъ св. Θεодосіа, и тотъ всталъ здоровый и цѣлый тѣломъ. Потомъ онъ началъ передавать игумену врученное ему сокровище, говоря: «вотъ четыреста гривенъ серебра и сорокъ золота». Игумень же сказалъ ему: «Чадо, гдѣ еще сто гривенъ серебра и десять золота?» И Василій началъ каяться, говоря: «Я взялъ и истратилъ. Потерпи на мнѣ, отче, я все отдамъ тебѣ. Я думалъ утаить это отъ всевидящаго Бога». Тогда высыпали сокровище изъ сосуда, въ которомъ оно было запечатано, и, когда предъ всѣми сосчитали, оно оказалось совершенно цѣлымъ, пятьсотъ гривенъ серебра и пятьдесятъ золота, и всѣ прославили Бога и святаго Θεодосіа. И тогда Василій сталъ исповѣдовать по порядку явленіе святаго и свои дѣла. На слѣдующій день князь, взявъ съ собою врачей, пришелъ на то мѣсто, гдѣ видѣлъ Василю разбитымъ, чтобъ уврачевать его, и не нашелъ его. Услыхавъ, что его отвезли въ Печерскій монастырь и думая, что онъ уже умеръ, князь поѣхалъ поскорѣе въ монастырь и засталъ его здоровымъ, какъ будто онъ вовсе не болѣлъ. Услыхавъ отъ него дивныя чудеса, князь ужаснулся и, полный духовной радости, пришелъ поклониться чудотворному гробу преп. отца нашего Θεодосіа и потомъ уѣхалъ.

Узнавъ обо всемъ случившемся, тысяцкій Георгій Симоновичъ еще болѣе возымѣлъ въ душѣ усердіе къ Пресвятой Богородицѣ и ко св. Θεодосію, и къ своему богатому кладу приложилъ еще гривну, которую носилъ самъ и въ которой было сто гривенъ золота, и написалъ такъ:

«Я, Георгій, сынъ Симоновъ, рабъ Пресвятой Владычицы Богородицы и св. Θεодосія, былъ благословенъ святою его рукою. Нѣкогда болѣлъ я три года глазами, не видѣлъ и лучей солнечныхъ, и по слову его былъ исцѣленъ, услыхавъ изъ устъ его «прозри» — и прозрѣлъ. И потому пишу я грамоту эту послѣднимъ потомкамъ рода моего. Пусть никто изъ нихъ не оставитъ обитель Пресвятой Владычицы Богородицы и преп. отцовъ Антонія и Θεодосія Кіево-Печерскихъ. Если кто изъ нихъ дойдетъ до крайняго убожества и ничего не будетъ въ состояніи дать — пусть хоть будетъ положенъ въ вотчинахъ той церкви, ибо и тамъ заступаетъ молитва преп. Антонія и Θεодосія. Когда мы съ Половцами пришли на князя Изяслава Мстиславича, видѣли мы издалека высокій городъ и направились къ нему. Но никто не зналъ, какой это городъ. Половцы, сразившись у него, были много поранены, и мы побѣжали отъ того города. Потомъ же мы узнали, что это село Пресвятой Богородицы, Печерской обители, а города тамъ никогда не было, и даже жители того села не поняли того, что произошло, и выйдя поутру и увидавъ разлитую кровь, изумлялись. Пишу я вамъ потому, что всё вы вписаны въ молитву св. Θεодосія, ибо онъ обѣщался отцу моему Симону молиться о насъ, какъ о своихъ черноризцахъ, и написалъ молитву, которую отецъ мой приказалъ вложить себѣ въ руку, когда предстояло ему быть положеннымъ во гробъ, ожидая исполненія обѣта святаго. И мой отецъ являлся одному изъ

богоносныхъ отцевъ, и сказалъ ему: «Передай сыну моему Георгію, что я получилъ вѣчныя блага ради молитвъ святаго. Постарайся и ты, чадо, прійти ко мнѣ добрыми дѣлами. Кто не захочетъ молитвъ и благословія св. Θεодосія и уклонится отъ него—тотъ изберетъ себѣ проклятіе—и да падетъ оно на него».

Здѣсь кончается грамота названнаго христороубца Георгія. И мы, кончая сказаніе это, примемъ отъ него наставленіе, не уклоняться отъ благословія и многопоспѣшествующей молитвы преп. отца нашего Θεодосія; но будемъ приближаться къ нему добрыми дѣлами, и приблизится онъ къ намъ.

Итакъ, да убоимся мы проклятія, но получимъ благословіе, и будемъ наслѣдники Царствія, уготованнаго отъ сложенія міра, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которымъ и съ Которымъ Отцу вмѣстѣ со Святымъ Духомъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Похвала преподобному и богоносному отцу нашему **Θеодосію**, игумену, начальнику иноческаго устава въ Россіи.

«Когда умножаются праведники, веселится народъ» (Притч. 29, 2), говоритъ премудрый Соломонъ о преставившихся святыхъ. Ибо—день радости и веселія, когда праведный и преподобный мужъ приходитъ къ послѣдному дню своему, ибо окончены труды, и начинается для него покой, отвержены печали, и находитъ онъ веселіе: оставивши землю, идетъ на небо; разлученный съ людьми и лишенный ихъ временнаго видѣнія, вселяется съ ангелами и сподобляется видѣть Бога.

Въ этотъ день воспоминаемъ мы, что учитель нашъ, наставникъ и пастырь преставился въ вѣчную жизнь— великій во отцахъ отецъ **Θеодосій**, неугасающій свѣтильникъ, трудоположникъ и чудотворецъ земли Россійской. Гдѣ же радость больше той, что мы сподобились видѣть отца и учителя нашего отошедшимъ къ Господу и принявшимъ вѣнецъ нетлѣнія, стоящимъ всегда у престола Владыки и имѣющимъ дерзновеніе молить о насъ Владыку.

Не только сынъ, но и рабы радуются тому, что господинъ ихъ приближенъ къ земному царю послѣ мно-

гихъ трудовъ и побѣдъ надъ врагами царскими. И мы, какъ сыновья и рабы, ликуемъ и весело празднуемъ, зная, что преподный отецъ и господинъ нашъ получилъ великую честь у Господа Вседержителя и исхода-тайствоваль многимъ вѣчную жизнь. Возвеличимъ же похвалами подвиги его и побѣды надъ духами не-пріязни.

Но кто изъ земныхъ людей достойно восхвалить или возвеличить этого небеснаго человѣка и земнаго ангела, чиноначальника инокамъ, ведущимъ ангельскую жизнь. Мы, люди русскіе, сидѣвшіе во тьмѣ, увидѣли свѣтъ вѣры и начало пути къ Богу, то-есть святое креще-ніе—чрезъ апостола, посланнаго намъ отъ Бога, благо-вѣрнаго князя Владиміра, который самъ позналъ Бога, и, указавъ намъ на него, снялъ покровъ невидѣнія съ глазъ нашихъ, и мы были озарены свѣтомъ Тріипостас-наго Божества. Другой же путь къ Богу есть ближай-шій, и это святой ангельскій иноческій чинъ. На него показалъ Христось ученикамъ Своимъ, говоря: «Всякій, кто оставитъ домъ или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли ради имени Мо-его, получить во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную» (Мѡ. 19, 29). Чрезъ кого же въ землѣ Русской узнали мы объ этомъ ближайшемъ къ Богу пути, и кто тотъ, кто показалъ намъ, какъ подъять бремя легкое и послѣ-довать тѣмъ путемъ Христу? Кто, какъ не преп. отецъ нашъ Θεодосій, наставленный учителемъ своимъ, преп. Антоніемъ? И прежде него были люди, уходившіе отъ міра, чтобъ идти узкимъ путемъ; но чрезъ него пере-данъ всѣмъ русскимъ монастырямъ чинъ и уставъ. И никто другой не показалъ прежде въ такомъ совершен-ствѣ умерщвленіе земнаго человѣка, какъ онъ съ учите-лемъ своимъ преп. Антоніемъ, ибо онъ исполнилъ притчу Господа, сказавшаго: «Если зерно пшеничное, падши въ землю не умретъ, то останется одно, а если

умреть, то принесетъ много плода» (Іоанна, 12, 24). Онъ умеръ для міра и былъ въ пещерѣ какъ зерно въ землѣ—ожилъ же во Христѣ и принесъ много плодовъ—иноковъ, порожденныхъ имъ духомъ и упасенныхъ въ благочестіи и правдѣ. Онъ умножилъ талантъ, данный ему отъ Бога, и слышитъ слова: «Добрый и вѣрный рабъ! въ маломъ ты былъ вѣренъ; надъ многимъ тебя поставлю» (Матѳея, 25, 21).

Объ этомъ воистину сказала Господь: «Многіе послѣдніе будутъ первыми» (Матѳея, 19, 30). И хотя онъ жилъ въ послѣднія времена, но крѣпостію и любовію Божіею, сіявшими въ немъ, онъ превзошелъ многихъ, жившихъ прежде него.

Еще въ юности своей онъ отвращался отъ всего земного и думалъ о небесномъ; отъ чрева матери былъ чистымъ сосудомъ Святому Духу, не возлюбилъ славу міра этого и принялъ вольную нищету, подражая Господу своему; ни во что вмѣнилъ сокровища мимотекущія, желая одного только того, чтобъ стать предъ лицомъ Божіимъ и въ уединенной молитвѣ бесѣдовать съ Нимъ Единымъ.

Много тяжкихъ ранъ принялъ онъ отъ матери, навожденіемъ злого нашего врага, который хотѣлъ отвлечь его отъ добрыхъ помысловъ, зная, что имъ онъ будетъ побѣжденъ. Но благодать Божія вела святаго отрока, и, какъ солнце на тверди небесной, онъ дѣлами и ученіемъ своимъ просвѣтилъ весь міръ, изо дня въ день становясь все лучшимъ, по Апостолу: «забывая прошедшее, и простираясь впередъ» (Филип., 3, 13).

Былъ онъ твердъ въ послушаніи матери, но больше всего исполнялъ Божественныя повелѣнія, понявъ, мудростью Святаго Духа, что трудно заботящимся о мірѣ исполнить заповѣди Господни. Потому, отвергнувъ все, онъ бѣжалъ, думая, что лучше на недолго оскорбить

мать,—чрезъ то Господь вразумилъ ее покинуть суетный міръ,—чѣмъ лишиться царства Господня.

Придя въ Кіевъ, онъ искалъ руководителя, который бы показалъ ему путь незаблуждающихся, путь ангельскій и, много поискавъ, нашель, такъ какъ не оставляетъ Господь ищущихъ полезнаго—чуднаго мужа, совершеннаго смысломъ и многоразумнаго, имѣющаго даръ пророчества: Антонія.

Придя къ нему, блаженный Θεодосій, юный возрастомъ и старый разумомъ, творилъ усердно приказанное имъ, исполнялъ же многое и сверхъ того. Служа немощнымъ, онъ былъ, по Іову, «глазами слѣпому и ногами хрому» (Іовъ, 29, 15). Всегда держалъ онъ въ сердцѣ апостольское слово: «Носите бремена другъ друга и такимъ образомъ исполните законъ Христовъ» (Галат., 6, 2). И онъ понесъ тяготу не одного или двухъ, но, взявъ на себя служеніе всей братіи, всѣмъ собою подавалъ облегченіе, и всѣ чрезъ него получали немалое успокоеніе его подвигами, и Богъ помогаль ему и подавалъ тѣлесную крѣпость. И исполняя все это ежедневно, онъ никогда не пропускалъ общей службы, не нарушилъ никогда келейнаго правила и смиренно прилежалъ исполненію устава отческаго, который былъ написанъ для приходящихъ къ доброму труду и благому послушанію.

Потому и превознесъ его Богъ, и тѣмъ, на которыхъ онъ работалъ, вмѣняя себя за послѣдняго и худшаго изо всѣхъ и за слугу всѣмъ: надъ тѣми онъ былъ поставленъ пастыремъ, отцомъ и учителемъ. Когда игумень Варлаамъ былъ взятъ изъ монастыря княземъ и устроенъ въ другомъ мѣстѣ, Θεодосій много отказывался отъ этого сана. Но не будучи въ состояніи послушаться учителя своего преп. Антонія и уразумѣвъ, что такъ рѣшилъ Богъ, былъ избранъ, хотя и по неволѣ. Тогда онъ предался еще бѣльшимъ трудамъ, думая въ себѣ:

если много было заботъ о спасеніи себя одного, насколько больше о спасеніи многихъ. И говорилъ себѣ: «*Θεοδοσίη*, прибавь къ трудамъ труды, и къ подвигамъ подвиги; какъ явишься ты къ своему Владыкѣ, не управивъ хорошо Его стадомъ, какъ скажешь: «*Вотъ я и дѣти, которыхъ далъ мнѣ Господь*» (*Исаи*, 8, 18). Поэтому проводилъ онъ безъ сна всѣ ночи, отчасти стоя на молитвѣ, отчасти ходя по келліямъ и будя братію на молитву. И, будучи старшимъ, не оставлялъ добраго обычая быть первымъ на работахъ; иногда носилъ воду, иногда рубилъ дрова, подавая собою образецъ всей братіи.

Когда начинался святой великій постъ, тогда храбрый Христовъ воинъ, гнушавшійся всѣхъ земныхъ вещей и отлучаясь отъ общенія съ людьми, отходилъ отъ братіи и затворялся одинъ въ пещерѣ, гдѣ проводилъ всю святую четьредесятницу и одинъ бесѣдовалъ въ молитвѣ съ единымъ Богомъ. Кто расскажетъ о томъ, какіе онъ тамъ претерпѣвалъ труды и болѣзни, рыданія и слезы, постъ крѣпкій и брань съ лукавыми духами! Когда же приближался свѣтлый день воскресенія Господа нашего Иисуса Христа, тогда преподобный приходилъ, какъ Моисей съ горы Синайской, сіяя сильнѣе чѣмъ лицо Моисея. И никогда не нарушилъ онъ этого устава своего. Потому и сподобился тамъ откровенія Божія и узналъ объ исходѣ своемъ, что изъ этого свѣта повелѣно ему перейти въ безконечный. Не утаилъ онъ этого отъ друзей и учениковъ своихъ. Но обѣщался молить Бога объ обители Пречистой Богоматери и о чадахъ своихъ до пришествія Господня. И какъ обѣщалъ онъ, такъ и сдѣлалъ. И, чѣмъ бѣльшаго сподобился онъ дерзновенія къ Богу, тѣмъ бѣльшую милость Господню подаетъ намъ во всякое время и всякій годъ, посѣщая и заступая, сохраняя и соблюдая стадо свое отъ враговъ душъ нашихъ. Ибо когда кто-нибудь

просиль у честной его раки полезнаго къ спасенію, и былъ посрамленъ въ упованіи своемъ или кто призы-валъ съ вѣрою его святое имя, и не былъ избавленъ отъ душевной язвы и тѣлесной болѣзни? Онъ намъ апостоль и проповѣдникъ, онъ намъ вождь и правитель, онъ намъ стѣна и огражденіе, онъ намъ похвала предъ Богомъ и дерзновение къ Богу.

Днесь, братіе, нужно намъ веселиться духовно и праздновать всею душою, имѣя предъ глазами своими честную раку преп. отца нашего Θεодосія, въ которой положено было утружденное святое его тѣло, изводящее лучи чудесъ во всѣ концы Россійской земли. Эта рака приняла въ себя сокровище некрадомое, сосудъ святаго Духа и органъ Божественный, честное тѣло отца нашего и учителя. Всмотриваясь въ нее, увидѣли какъ бы самого преподобнаго, неразлучнаго духомъ отъ тѣла, ибо въ гробѣ положенъ онъ тѣломъ, а съ нами всегда пребываетъ духомъ. И если видить, что мы живемъ по завѣту его, радуется и милостиво приближается къ намъ, хранить и соблюдаетъ, какъ возлюбленныхъ дѣтей; если же начнемъ нерадѣть о своемъ спасеніи, и не хранить наставленій его, тогда лишаемся его помощи.

Но, о святыи отче Θεодосіе, самъ восполни недостатки наши добродѣтелями своими: безъ твоей помощи не можемъ мы сотворить ничего добраго. И вотъ, въ день преставленія твоего, собравшись въ одинъ ликъ, съ любовью взываемъ тебѣ:

Радуйся, просвѣщеніе Россійской земли, просіявшее какъ десница съ востока и просвѣтившее всѣхъ насъ свѣтомъ дѣлъ добрыхъ.

Радуйся, описатель и образъ, путь и вождь, правитель и наставникъ иноческому житію.

Радуйся, начальникъ и поборникъ, помощникъ и пособникъ хотящимъ спастись.

Радуйся, умножившій стадо словесныхъ овецъ во

дворѣ Божіей Матери, какъ ни одинъ ни прежде, ни послѣ тебя, по всей Россійской землѣ.

Радуйся, насадитель винограда Христова; вѣтви твои простерлись до моря и отрасли до рѣкъ.

Радуйся тому, что тебѣ открыты были откровенія Божіи, и что ты былъ строитель обители Пречистой Божіей Матери, которую создалъ ты въ величественной красотѣ и принесъ въ даръ Божіей Матери.

Радуйся, умножившій талантъ Господину своему, получилъ ты десять и приобрѣлъ тысячу.

Радуйся, пажить Христова, напитавшая до избытка словесное стадо; и вкусившіе чужестранныхъ ученій, затворясь во дворѣ Матери Божіей, соединились вмѣстѣ съ твоими чадами.

Радуйся, сладкій источникъ, пивъ изъ котораго, монашескіе полки чувствовали Божественную прохладу и безъ труда прошли тѣсный путь и вселились при ключахъ высокихъ водъ.

Радуйся, пастырь и учитель, сохранившій стадо Христово отъ мысленнаго волка непорочно и невредимо, и приведшій къ начальнику пастырей, Христу.

Радуйся, огненный столпъ, свѣтящій ярче того, который былъ при Моисеѣ, ибо тотъ свѣтилъ тѣлесно, а ты духовно: тотъ вывелъ Израиля изъ пустыни, а ты вѣрныхъ изъ соблазновъ суетной жизни; тотъ утратилъ Амалика, а ты — діавола; тотъ ввелъ въ землю обѣтованную, а ты въ райскія пажити, гдѣ твои ученики ликуютъ.

Радуйся, земной ангелъ и небесный человекъ, рабъ и слуга Пречистой Божіей Матери, ибо она не нашла иного строителя обители своей, какъ тебя, котораго возлюбила, и обѣщала посѣщать благодатію даровъ, что и сбылось.

Радуйся, отче Θεодосіе, наша похвала и велелѣшіе.

Лавра твоя хвалится тобою, и въ концахъ вселенной славно имя твое.

Страны дивятся отцамъ, бывшимъ въ ней, что просіяли они, какъ звѣзды на тверди небесной, явились исполнителями заповѣдей Божіихъ, прославились чудотворцами, приняли отъ Святаго Духа даръ прозрѣнія и были учителями Божественнаго слова. Стеклись цари, поклонились князья, припали вельможи, вострепетали сильные, ужаснулись иноязычные, видя въ твоей лаврѣ небесныхъ жителей, ходящихъ по землѣ и собирающихся въ домъ Божіей Матери, какъ къ Престолу Господню, непрестанно поющихъ ангельскую пѣснь и водворяющихся вмѣстѣ съ ангелами. Одни изъ нихъ видѣли ясно ангеловъ, другіе же бесѣдовали съ ними мысленно и душевно и знали духомъ, когда бываетъ приходъ благихъ ангеловъ, иные же чувственно прогоняли лукавыхъ духовъ. Таковы отрасли твоего винограда, таковы вѣтви твоего корня, таковы столпы твоей храмины, таковы чада твоего порожденія, таковы отцы твоей лавры, и подобало такимъ ученикамъ произойти отъ такого учителя.

По истинѣ рѣка Святаго Духа истекла изъ устъ твоихъ, о которой училъ Самъ Христосъ Сынъ Божій, говоря Іудеямъ: «Кто вѣруетъ въ Меня, у того изъ чрева потекутъ рѣки воды живой». Сіе сказалъ Онъ о Духѣ, котораго имѣли принять вѣрующіе въ Него». (Іоан. 7, 38, 39). Та рѣка течетъ и поить чадъ твоихъ до вѣка. Изведя ту рѣку, апостолы привели всѣ народы къ Богу. Ту рѣку пили мученики и небрегли о тѣлѣ своемъ и давали себя на раны и различныя муки. Пивъ этой рѣки, отцы оставили города и села, богатства и дома и поселились въ горахъ и въ вертепахъ и въ пещерахъ земныхъ. Пили этой рѣки ученики твои, и небрегли о земномъ, но вперили весь умъ къ небу, приобрѣли, что желали и вселились въ Божественномъ свѣтѣ, гдѣ лики безплотныхъ. Послѣдую имъ, прибѣгли мы въ обитель Божіей Матери, въ твою надежду и огражденіе, воз-

ложивъ все упованіе наше на Пречистую Дѣву Богородицу и на тебя, преблаженный отче Θεодосіе.

Если и не достигнемъ мы того, чтобъ идти путемъ прежнихъ учениковъ твоихъ, то мы поминаемъ, что обѣщали неложныя твои уста, что всякій, кого постигнетъ смерть въ обители Пречистой Богоматери и въ надеждѣ на тебя, если и несовершенно будетъ въ подвигахъ — ты восполнишь это и умолишь о немъ Бога. Надѣясь на то слово, молитвенно призываемъ тебя.

Самъ знаешь ты, преподобный, если и молчимъ мы о томъ, что дни наши прошли въ пустотѣ міра сего, и, опомнясь немного, прибѣгли мы въ обитель Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и въ твою святую ограду и приняли на себя иго Христово. Не предай же насъ врагамъ душъ нашихъ, ибо они вооружились на насъ и плѣняютъ насъ всякій часъ и порождаютъ различными помыслами сердца наши, и отводятъ насъ отъ Божія разумѣнія и принуждаютъ насъ любить мимо-текущее, тлѣнное и погружаютъ насъ до конца въ глубину грѣховную. Но мы обрѣли въ тебѣ кормчаго, направь насъ къ пристанищу тихому, и утиши мысленную бурю, и умоли о насъ общаго Владыку, чтобъ подалъ намъ мысль, слово и дѣло, творить все по Его и по твоему завѣту.

Если же уклонимся съ пути заповѣдей его и не соблюдемъ тобою переданнаго устава, то ради вѣры нашей къ Пречистой Дѣвѣ и къ тебѣ, отче святыи, да причтетъ насъ милосердый Владыка къ лику чадъ твоихъ, ходившихъ безъ порока по стезямъ правды, и не отлучить насъ отъ зрѣнія свѣтообразнаго своего лица, когда возьметъ насъ отсюда. Но прежде, отче святыи, посѣщай насъ, находящихся въ жизни этой, и соблюди отъ козней непріязни и отъ дѣлъ, отводящихъ насъ отъ Бога; подай намъ молитвами твоими

житіе чистое и богоугодное, воздвигни умъ нашъ, падшій лѣнною къ землѣ, и испроси бодрость и стражу духовную и прощеніе прежнимъ грѣхамъ. Если одолѣла насъ разсѣянность ума нашего, мы, имѣя въ тебѣ пособника и помощника, пребывая въ твоей лаврѣ, надѣемся чрезъ тебя явиться свободными предъ Богомъ и не быть подъ властью враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Ты самъ сказалъ ученикамъ твоимъ: если по отшествіи твоёмъ къ Богу, въ этомъ мѣстѣ будутъ умножаться иноки, и станетъ оно изобиловать всѣмъ нужнымъ — изъ этого будетъ извѣстно намъ, что ты имѣешь дерзновеніе къ Богу и что молитва твоя къ Нему благоприятна. Мы же, преподобный отче, знаемъ по равноапостольному житію и по страсотерпческому подвигу твоему, что и прежде исхода твоего имѣлъ ты дерзновеніе ко Вседержителю Богу, а тѣмъ болѣе по исходѣ. Но ты сказалъ пророчество, указывая, что мѣсто Пресвятой Богородицы и святая твоя лавра возвеличатся и возрастутъ славою и силою, и предзнаменовывая, что безпрестанно будешь молиться о святой оградѣ твоей, какъ и совершилось истинное твое и неложное обѣщаніе. Ибо по преставленіи твоёмъ твое мѣсто не принадлежало никому и не было никѣмъ разрушено, но росло и возвышалось изъ года въ годъ. Но вотъ, умножились грѣхи наши, совершились беззаконія наши и злоба наша прогнѣвала Бога и Божиимъ посѣщеніемъ, ради человѣческихъ грѣховъ, многіе храмы Божіи были разрушены, монастыри разорены и города покорены, и села опустѣли отъ набѣга народа незнаемаго, народа немилостиваго, народа ни людей не стыдящагося, ни Бога не боящагося, не имѣющаго въ себѣ челоуѣколюбія. И мы, будучи повинны этой казни, и уже наказанные многими бѣдами и томленіемъ, припадаемъ къ тебѣ, принося мольбу — воздвигни руки твои отъ насъ ко Владычицѣ нашей Богородицѣ и присно Дѣвѣ Маріи, чтобъ воспомянула она свои древнія милости

къ монастырю этому, который данъ былъ ей въ достояніе. И да подасть Она намъ облегченіе въ горькой печали нашей, отженеть лукавыхъ враговъ и хулителей православной нашей вѣры, и сотворить святую церковь Свою, которую Сама воздвигла въ жилище Себѣ —необоримую, и да умножить стадо монастыря Своего, и посѣщаетъ какъ прежде, соблюдая и утверждая, заступая и храня отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, чтобъ, свободные душею и тѣломъ, въ этомъ мірѣ жить богоугодно, какъ и прежніе отцы наши, не зная надъ собою никакой власти, развѣ воли Пресвятой Владычицы и твоей, преподобне отче Θεодосіе.

Вѣдая, отче, твое благосердіе, мы дерзнули, отче, направить языкъ нашъ на похвалу тебѣ, не потому что приносимъ тебѣ достойную хвалу, но надѣясь пріобрѣсти отъ тебя помощь, прощеніе грѣховъ нашихъ и сохраненіе отъ прочихъ дурныхъ увлеченій.

Прославили тебя безплотныя силы, приняли тебя апостолы, прославили тебя пророки, обняли тебя мученики, срадуются тебя святители, встрѣтили тебя лики черноризцевъ, возвеличила тебя сама Царица Пречистая Матерь Господня и превознесла тебя, и сдѣлала тебя извѣстнымъ по всей землѣ и въ концахъ вселенной.

Какъ же достойно можемъ восхвалить тебя, вѣрный рабъ Господень, мы, имѣя скверныя уста и нечистый языкъ. Но, не имѣя, что принести тебѣ въ день представленія твоего, приносимъ тебѣ эту малую похвалу, какъ малый и смердящій потокъ, вливающійся въ широту морскую,—не для того, чтобъ наполнить море, но чтобъ избавиться отъ своего смрада. Итакъ, о честная глава, преподобне отче нашъ Θεодосіе, не прогнѣвайся, но моли о насъ, грѣшныхъ рабахъ твоихъ, чтобъ не осудилъ насъ въ день пришествія Своего Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Которому слава со безначальнымъ Отцомъ и съ единосущнымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С К А З А Н І Е

о святой чудотворной церкви Печерской, каменной, Успенія Пресвятой Богородицы, какъ была она создана, украсилась и освящена, написанное блаженнымъ Симономъ, епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ.

Пусть всѣ знаютъ, что волею и промысленіемъ Самого Господа, ходатайствомъ и молитвами Его Пречистой Матери была создана, украсилась и освящена Святая Боголѣпная небесиподобная Богородичная церковь каменная въ святой великой чудотворной лаврѣ, преп. и богоносныхъ отцовъ нашихъ Антонія и Феодосія Печерскихъ, которая есть Архимандрія всей Россійской земли. Сначала съ блаженнымъ епископомъ Симономъ начинаемъ такъ слово о чудотворномъ началѣ созданія ея.

Былъ въ землѣ Варяжской князь Африканъ, братъ слѣпого Якуна, того, который нѣкогда бился съ полкомъ своимъ за Ярослава, съ лютымъ Мстиславомъ, братомъ его. У этого Африкана были два сына, Фриандъ и Шимонъ. По смерти отца ихъ, Якунъ изгналъ обоихъ изъ области ихъ. Шимонъ пришелъ въ Россію къ благовѣрному князю Ярославу, который принялъ его и держалъ въ чести и помѣстилъ его у сына своего Всеволода, чтобъ онъ былъ старѣйшимъ у него. Этотъ Шимонъ получилъ у Всеволода великую власть,

Явленіе Пресв. Владычицы зодчимъ во Влахернѣ.

и потомъ имѣлъ великую любовь къ святому Печерскому монастырю. Причина же любви этой была слѣдующая.

Въ княженіе Изяслава Ярославича въ Кіевѣ, когда пришли на Русскую землю Половцы,—собрались противъ нихъ три князя Ярославича: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, имѣя съ собой и этого Шимона. Онъ пришелъ къ преп. Антонію для молитвы и благословенія на брань. Старецъ же, открывъ неложныя свои уста, ясно предсказалъ ожидающую ихъ гибель. Тогда Варягъ палъ къ ногамъ старца и молилъ, чтобъ ему спастись отъ такой бѣды. Блаженный же сказалъ ему: «О, чадо, многіе изъ васъ падутъ отъ острія меча, и, обращенные въ бѣгство супостатами, будутъ истоптаны, переранены, утонуть въ водѣ; ты же будешь спасенъ и положенъ здѣсь, въ церкви, которая здѣсь создастся». Когда они пришли къ рѣкѣ Альтѣ, обѣ рати сошлись, и христіане были побѣждены гнѣвомъ Божиимъ: князя побѣжали, и многіе воеводы были убиты со множествомъ воиновъ. Шимонъ лежалъ раненый среди нихъ. Посмотрѣвъ въ высокое небо, онъ увидалъ великую церковь, какъ и прежде видѣлъ на морѣ, и вепомнилъ слова Христовы, которыя нѣкогда слышалъ и сказалъ: «Господи, избави меня отъ этой горькой смерти, молитвами Пречистой Твоей Матери и преп. отцовъ нашихъ Антонія и Θεодосія».—И тутъ какая-то сила исторгла его изъ среды мертвыхъ, и онъ исцѣлился отъ ранъ и нашелъ всѣхъ своихъ цѣлыми и здоровыми. Возвратясь въ Кіевъ, онъ пришелъ опять къ преп. Антонію и рассказалъ ему, кромѣ послѣднихъ событій, еще дивную вещь.

«Отецъ мой Африканъ сдѣлалъ громаднѣйшій крестъ, въ десять локтей, и изобразилъ на немъ Богочеловѣческое подобіе Христа, и, почитая его, возложилъ на чресло Его поясъ, въ которомъ 50 гривенъ золота и

золотой вѣнецъ на главу Его. Когда Якунъ изгналъ меня изъ моей области, я взялъ поясъ съ Иисуса и вѣнецъ съ главы Его, и слышалъ гласъ отъ образа, который обратился ко мнѣ и сказалъ: «Не возлагай, человѣкъ, этого вѣнца на Мою главу, но неси на приготовленное мѣсто, гдѣ преподобнымъ созидается церковь Матери Моей—и дай ему въ руки, чтобъ повѣсилъ надъ жертвенникомъ Моимъ». Въ страхѣ упалъ я и, оцѣпенѣвъ, лежалъ какъ мертвый. Потомъ же всталъ и сѣлъ на корабль. Когда же мы плыли, поднялась большая буря, такъ что всѣ мы отчаявались въ своей жизни. Тогда вспомнилъ я о поясѣ, о которомъ ничего не слыхалъ, и сталъ вопить: «Господи, прости мнѣ; я погибаю ради пояса, который взялъ съ Твоего честнаго и человѣкоподобнаго образа». И вотъ, я увидѣлъ высоко церковь, и думалъ—какая это церковь? и былъ свше голосъ, говорящій: «Та, которая созидается преподобнымъ во имя Божіей Матери,—и какъ видишь ты ее въ величіи и красотѣ,—ее размѣритъ онъ тѣмъ золотымъ поясомъ, въ 20 поясовъ въ ширину, и 30 въ длину, въ вышину же стѣны съ верхомъ на 50. И въ ней ты будешь положенъ». Послѣ того на море легла тишина. Мы всѣ прославили Бога и утѣшались безграничною радостью, что спаслись отъ горькой смерти. Разказавъ все это, Симонъ прибавилъ: «Доселѣ, отче, я не зналъ, гдѣ создается показанная мнѣ церковь, пока не услышалъ изъ честныхъ твоихъ устъ, что я буду положенъ здѣсь въ церкви, которая создается». И, взявъ золотой поясъ, онъ далъ его преп. Антонію со словами: «вотъ мѣра основанія церкви той»; далъ и вѣнецъ, говоря: «пусть этотъ вѣнецъ будетъ повѣшанъ надъ святымъ жертвенникомъ». Старецъ прославилъ за то Бога, и сказалъ: «Чадо, съ этихъ поръ пусть не будетъ тебѣ имя Симонъ, но Симонъ». Призвалъ св. Антоній блаженнаго

Θеодосія и сказалъ: «Симонъ—это онъ воздвигнетъ такую церковь»—и передалъ блаженному тотъ поясъ и вѣнецъ. И съ тѣхъ поръ Симонъ имѣлъ великую любовь къ св. строителю Θеодосію, и жертвовалъ ему много на возведеніе Богомъ указанной церкви, и часто приходилъ къ нему.

Однажды пришелъ этотъ Симонъ къ преп. Θеодосію и, послѣ обычной бесѣды, сказалъ ему: «отче, прошу у тебя одного дара». Θеодосій же отвѣчалъ: «чадо, чего просить твое величіе у нашего смиренія?» Симонъ же сказалъ: «Я требую отъ тебя дара великаго и превосходящаго мои силы». Θеодосій же снова отвѣтилъ: «Ты знаешь, чадо, убожество наше, что часто у насъ и не найдется хлѣба на дневную пищу, а о другомъ и не знаю, есть ли у насъ что». Симонъ же сказалъ ему: «Если хочешь, подай мнѣ: ты можешь по данной тебѣ благодати отъ Господа, Который назвалъ тебя преподобнымъ. Когда я снималъ вѣнецъ съ главы Іисусовой, Онъ сказалъ мнѣ: «неси на приготовленное ему мѣсто и дай въ руки преподобному, который воздвигнетъ церковь Матери Моей». И я прошу тебя дать мнѣ слово, чтобъ душа моя благословляла тебя какъ при жизни, такъ и по смерти моей и твоей». Отвѣчалъ ему святой: «О, Симонъ, выше силы прошеніе, но если ты увидишь мое отшествіе отъ міра и по моемъ отшествіи увидишь, что церковь здѣсь воздвигнута, и переданные мною уставы здѣсь сохранены—тогда знай, что я имѣю дерзновеніе къ Богу. А теперь не знаю еще, пріятна ли моя молитва Богу». Симонъ же снова сказалъ: «О тебѣ свидѣтельствовалъ Господь, ибо я самъ слышалъ Его слова о тебѣ отъ Пречистыхъ устъ святаго Его образа. И поэтому молю тебя, какъ о своихъ черноризцахъ, такъ и о мнѣ грѣшномъ помолись, такъ и о сынѣ моемъ Георгіи, и до послѣднихъ потомковъ рода моего». Святой же, подкрѣпляя обѣщаніе свое, сказалъ: «Не о

нихъ только молюсь, но и о всѣхъ, любящихъ это святое мѣсто». Тогда Симонъ, поклонясь до земли, сказалъ: «Отче, чтобъ мнѣ не уходить отъ тебя неуспокоеннымъ,—не подтвердишь ли ты это грамотою?» Принужденный любовью къ нему, преподобный написалъ такъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, молитвами Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и присно Дѣвы Маріи, и святыхъ силъ безплотныхъ,» — и прочія слова разрѣшительной іерейской молитвы, и кончилъ такъ: «Да будешь прощенъ въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ, когда придетъ праведный Судія судить живымъ и мертвымъ». Эту молитву съ тѣхъ поръ начали вложить въ руки умершимъ, какъ первый приказалъ вложить себѣ Симонъ. При этой молитвѣ Симонъ приписалъ слѣдующее: «Помяни мя Господи, егда придеши во Царствіи Твое, воздать каждому по дѣламъ его, тогда, Владыко, и рабовъ твоихъ Симона и Георгія сподоби стать во славу Твоею одесную Тебя, и услышать благодій Твой гласъ: Приидите, благословенніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра» (Матеея, 25, 34). И сказалъ опять Симонъ: «Помолись еще, отче, чтобъ были отпущены грѣхи и родителямъ моимъ и ближнимъ моимъ». Преп. же Θεодосій, воздѣвъ руки свои, сказалъ: «Да благословитъ васъ Господь съ Сіона и увидите благоденствіе Іерусалима во всѣ дни жизни нашей» (Псал. 127, 6). Симонъ же принялъ благословеніе и молитву отъ святаго, какъ нѣкій многоцѣнный бисеръ, и желалъ не разставаться съ писаніемъ этимъ, отходя и во гробъ, какъ впоследствии и сбылось. И такъ какъ онъ прежде былъ варягъ — съ тѣхъ поръ благодатію Божіею, и наставленіями св. Θεодосія, оставилъ латинскую ересь, и принялъ истинную православную Христову вѣру со всѣмъ домомъ своимъ, въ которомъ было до трехъ тысячъ душъ, и съ іереями своими; и сдѣлалъ такъ ради чудесъ преп. отецъ на-

шихъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ. По немаломъ времени, когда соорудилась святая Печерская церковь, первымъ положенъ въ ней былъ Симонъ, по откровенію свыше и по предсказанію преп. Антонія.

Этотъ достохвальный Симонъ ясно показалъ, благодатными явленіями, что созданіе святой Печерской церкви, прежде чѣмъ совершилось на землѣ, изобразилось и предначерталось на небѣ, такъ что здѣсь исполнилось слово псалма. «Самъ Вышній укрѣпилъ ее» (Псаломъ 86, 5). Ходатайствомъ Царицы небесной это впоследствии подтвердилось еще явственнѣе такимъ образомъ.

Когда прошло нѣсколько лѣтъ съ того дня, какъ Симонъ далъ поясъ и вѣнецъ, пришли изъ Царьграда мастера, четверо очень богатыхъ церковныхъ зодчихъ, къ преп. Антонию и Θεодосію Печерскимъ, и сказали: «Гдѣ хотите начать строить церковь?» Они отвѣчали:— «Гдѣ Господь укажетъ это мѣсто». Мастера сказали на это: «Чудная вещь; вы узнали время своей смерти, а еще не назначили мѣста для церкви, давъ намъ за работу столько золота». Тогда преп. Антоній и Θεодосій, призвавъ всю братію, спросили грековъ: «Скажите намъ правду, что значать ваши слова?» Мастера отвѣчали: «Однажды рано, когда мы спали въ нашихъ домахъ, на восходѣ солнца, къ каждому изъ насъ пришли благообразные юноши, говоря: «Зоветь васъ Царица во Влахерну». Мы же пошли, взявъ съ собою друзей и родственниковъ своихъ, и встрѣтились во Влахернѣ, придя всѣ въ одно время. И, когда поговорили другъ съ другомъ, узнали, что слышали тотъ же зовъ къ Царицѣ и что одни и тѣ же юноши звали насъ. Мы увидѣли Царицу и множество воиновъ вокругъ Нея, и поклонились Ей. И она сказала намъ: «Хочу Церковь воздвигнуть Себѣ въ Россіи, въ Кіевѣ, повелѣваю вамъ взять съ собою золота на три года и идти строить ее». Мы же, поклонясь, сказали Ей: «О,

Госпоже Царице, Ты посылаешь насъ въ чужую страну, къ кому туда идемъ мы?» Она же сказала: «Я посылаю здѣсь предстоящихъ, Антонія и Θεодосія». Мы спросили: «Ты на три года даешь намъ золота, Госпоже; такъ скажи имъ, чтобы у насъ была пища и все нужное. Сама знаешь Ты, чѣмъ насъ наградить». Царица же сказала: «Этотъ Антоній только благословить васъ на дѣло, а самъ отойдетъ въ вѣчный покой. Θεодосій же пойдетъ за нимъ на второй годъ. И такъ, возьмите золота до избытку, и идите. А наградить никто не можетъ такъ, какъ Я. Я дамъ вамъ то, что́ глазъ не видѣлъ, ухо не слышало, что не приходитъ на сердце человѣку (1 Кор. 2, 9). Прииду Я и Сама видѣть церковь, и хочу въ ней жить». Дала же Она намъ и мощи св. мучениковъ — Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Ареѡы, Іакова, Θεодора, говоря: положите это въ основаніе церкви. Мы же, взявъ святыя мощи, золото и прочее нужное намъ, спросили Царицу о *величинѣ* церкви. И Она сказала намъ: «Въ мѣру послала Я поясъ Сына моего, по Его повелѣнію; но войдите на открытое мѣсто и увидите размѣры ея». Мы вышли и увидѣли церковь на воздухѣ и, вернувшись, поклонились опять Царицѣ и спросили: «Госпоже, въ чье имя будетъ церковь»? Она сказала: «Хочу назвать ее въ Мое имя». Мы не дерзнули спросить Ее, какъ Ея имя. Царица же сказала сама: «Церковь будетъ Богородичная». И Она дала намъ эту святую икону, говоря: «Она да будетъ Намѣстницею!» Мы, поклонясь, пошли въ дома свои имѣя съ собою эту икону, которую приняли изъ рукъ Царицы». Услыхавъ этотъ рассказъ, всѣ прославили Бога и Матерь Его. И отвѣчалъ мастерамъ св. Антоній: «Чада, мы никогда не выходили къ вамъ съ этого мѣста». Греки же сказали съ клятвою: «Отъ вашихъ рукъ приняли мы Царицино золото, предъ многими свидѣтелями. Мы проводили васъ съ ними до корабля,

и пробывъ, по отбѣздѣ вашемъ, дома одинъ мѣсяцъ, отправились въ путь, и теперь десятый день, что мы вышли изъ Царьграда». И отвѣчалъ имъ тогда преп. Антоній: «О, чада, великой благодати сподобилъ васъ Христось, потому что вы исполнители Его воли. Тѣ благообразные юноши, звавшіе васъ — пресвѣтлые ангелы, а Царица во Влахернѣ,—это явилась вамъ видимо Сама Пресвятая, Чистая и Непорочная Владычица наша Богородица и Приснодѣва Марія. А воины, которые окружали Ее—это тоже безплотныя силы ангельскія. Относительно же нашего сходства и врученія вамъ золота — Богъ Одинъ знаетъ, какъ сотворилъ Онъ съ рабами своими. Благословенъ приходъ вашъ, и добрая съ вами Сопутница—эта честная икона Госпожи Богородицы: Она да даруетъ вамъ, какъ обѣщалась, то, что глазъ не видѣлъ и ухо не слышало, и что не пришло на сердце человѣческое (1 Кор. 2, 9). Ибо этого никто не можетъ дать; только Онъ и Сынъ Ея Господь Богъ и Спасъ нашъ Иисусъ Христось, чей поясъ и вѣнецъ принесенъ здѣсь варягомъ, и сказана была мѣра ширины, длины и вышины той пречестной церкви, о чемъ былъ съ неба, отъ велелѣпной славы, голосъ Симону варягу, давшему намъ этотъ поясъ».

Со страхомъ поклонились греки святымъ и просили ихъ, какъ и прежде, показать мѣсто для строенія церкви. Преп. же Антоній сказалъ: «Мы проведемъ три дня въ молитвѣ, и Господь покажетъ намъ».

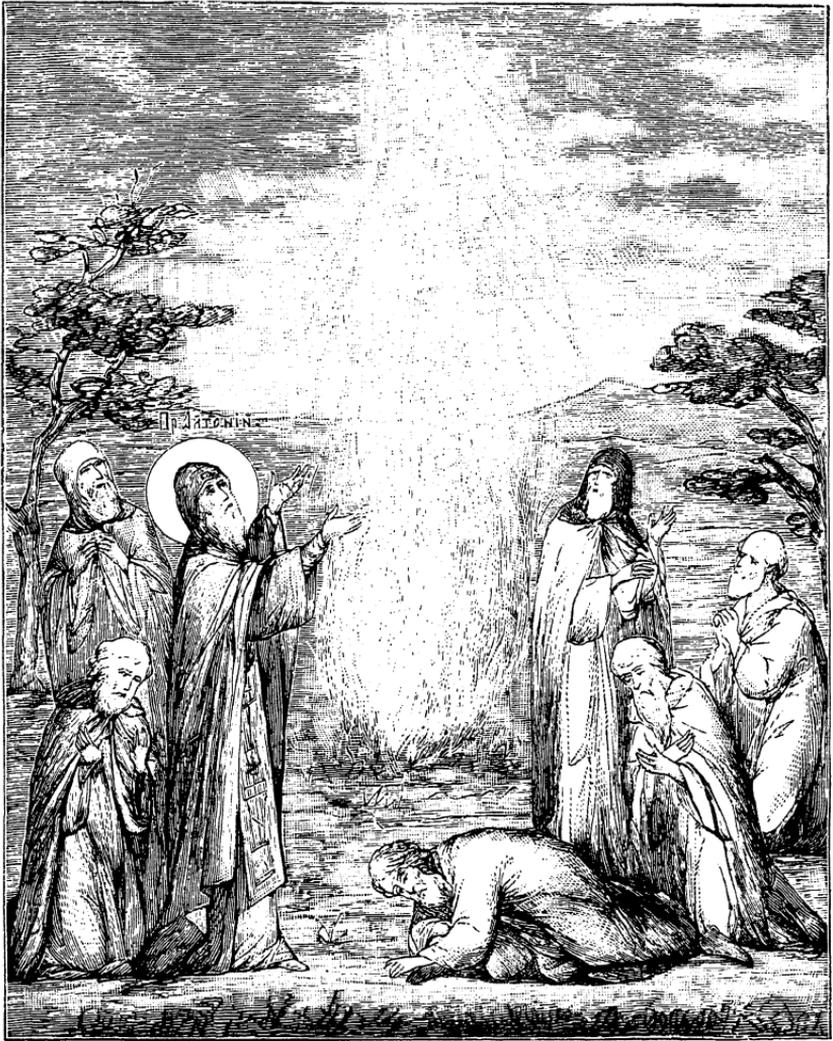
Для начала такого дѣла, по внушенію Божию, собралось на поле множество людей, никѣмъ не званныхъ, и стали выбирать мѣсто для созданія церкви. Одни говорили — здѣсь, другіе — тамъ, но удобнаго мѣста не находилось. Около была земля князя. И, по строенію Божию, въ это время мимо проѣзжалъ самъ благовѣрный князь Святославъ. Увидавъ много народу, онъ спросилъ, что они здѣсь дѣлаютъ, и, узнавъ, — свер-

нулъ коня съ дороги, подѣхалъ къ нимъ и, какъ бы руководимый Богомъ, показалъ имъ мѣсто на своемъ полѣ и велѣлъ имъ воздвигнуть тамъ зодчимъ церковь, о которой они говорили.

Молились преподобные до трехъ дней. И когда молился преп. Антоній въ первую ночь, явился ему Господь, говоря: «Антоній, ты обрѣлъ благодать предо Мною». Преподобный же Антоній сказалъ Ему: «Господи, если обрѣлъ благодать предъ Тобою—да будетъ по всей землѣ роса, а на мѣстѣ, которое Ты благоволишь освятить, пусть будетъ сухо». И на другой день нашли то мѣсто, гдѣ теперь церковь—сухимъ, а по всей землѣ вокругъ—росу. Въ другую же ночь, тоже помолясь, преп. Антоній сказалъ: «Господи, да будетъ по всей землѣ суша, а на мѣстѣ святомъ роса!» И когда пришли туда, такъ и оказалось.

Въ третій же день, ставъ на мѣстѣ томъ, они помолились, преп. Антоній благословилъ мѣсто, и размѣрили ширину его и длину Христовымъ золотымъ поясомъ, принесеннымъ Симономъ изъ Варяжской земли, по той мѣрѣ, которую Симонъ на морѣ слышалъ съ неба.

Тогда преп. Антоній, поднявъ руки къ небу, воззвалъ громкимъ голосомъ, какъ нѣкогда Илія: «Услыши меня, Господи, услыши меня днесь огнемъ, да познаетъ народъ сей, что Ты хочешь сего» (3 Царствъ, 18, 37). И упалъ огонь съ небесъ и пожогъ весь хворостъ и терніе, и истребилъ росу—и сдѣлалъ углубленіе, подобную рву на размѣренномъ мѣстѣ. Тѣ, кто были со святымъ, пали отъ страха, какъ мертвые. И такъ, благодатію Божіею было утверждено то Богомъ избранное мѣсто подъ руководствомъ и при молитвахъ св. первоначальника Антонія. Какъ и прежде, благодать, сошедшая на мѣсто это, продолжала проявляться—то пламенемъ, исходящимъ на нее отъ старой церкви какъ бы дугою, иногда же

Огонь нисходитъ на мѣсто Печерской церкви.

появленіемъ ангеловъ съ иконою. Это было отвѣтомъ на моленіе преп. строителя Θεодосія, какъ и пишется въ житіи его.

Когда мѣсто такимъ образомъ опредѣлилось, была основана святая чудотворная Богородичная Печерская каменная церковь преп. отцами нашими, Антоніемъ и Θεодосіемъ Печерскими, въ годъ отъ созданія міра 6581, отъ Рождества же Христова 1073, при боголюбивомъ епископѣ Михаилѣ, во время пребыванія въ Греціи митрополита Георгія, во дни благовѣрнаго князя Святослава Ярославича, который началъ своими руками копать ровъ на основаніе и далъ сто гривенъ золота въ помощь блаженному строителю Θεодосію.

Въ основаніе подъ стѣнами положили и мощи святыхъ мучениковъ, данныя мастерамъ во Влахернѣ отъ Пресвятой Богородицы. По Ея пророчеству, преп. Антоній, проживъ потомъ недолго, въ тотъ же годъ отошелъ на вѣчный покой. Блаженный же Θεодосій тщательно заботился о созданіи церкви, но во второй годъ послѣ преп. Антонія, когда уже вывелъ церковь изъ основанія, самъ вознесенъ былъ отъ земли на небо. Когда же блаженный Стефанъ, послѣ преп. Θεодосія, принялъ игуменство—онъ совершенно отстроилъ святую Печерскую церковь въ третій годъ. Этотъ блаженный Стефанъ видѣлъ самъ тѣ преславныя чудеса: какъ пришли мастера съ иконою и повѣдали видѣніе Царицы во Влахернѣ. Потому, по выходѣ своемъ изъ Печерскаго монастыря, въ память преславныхъ тѣхъ чудесъ создалъ Влахернскую церковь на Кловѣ.

Благовѣрный князь Владиміръ Мономахъ Всеволодовичъ, еще юный, былъ тоже очевидцемъ тому дивному чуду, какъ огонь спалъ съ неба, и выгорѣла яма тамъ, гдѣ было положено церковное основаніе золотымъ поясомъ.

Слухъ объ этомъ распространился по всей землѣ

Русской. Поэтому и князь Всеволодъ съ сыномъ своимъ Владиміромъ пріѣхалъ изъ Переяслава узнать подробнѣе о столь великихъ чудесахъ. Въ это время Владиміръ былъ боленъ и, опоясанный этимъ золотымъ поясомъ, тутъ же исцѣлился, молитвами св. отецъ нашихъ Антонія и Θεодосія. И христоробивый Владиміръ, взявъ мѣру этой Богомъ знаменованной Печерской церкви, и въ своемъ княженіи, въ городѣ Ростовѣ, создалъ церковь, подобную вышиною, шириною и длиною, и записалъ себѣ на хартію, гдѣ изображенъ каждый праздникъ въ этой святой церкви, и по этой записи устроилъ все въ своей церкви.

Сынъ его, князь Георгій, услыхавъ отъ отца своего, Владиміра, чудеса, бывшія въ этой церкви, создалъ церковь въ ту же мѣру въ своемъ княжествѣ, въ городѣ Суздаль.

Но всѣ тѣ церкви, созданныя людьми, послѣ многихъ лѣтъ распались, а эта единая церковь, Богомъ созданная, пребываетъ неразоримой.

Но перейдемъ теперь къ повѣствованію объ иконномъ украшеніи этой святой церкви.

Объ иконномъ украшеніи.

Чрезъ десять лѣтъ отъ пришествія мастеровъ церковныхъ зодчихъ, изъ того же богохранимаго Константина града пришли мастера иконнаго писанія къ блаженному Никону, тогда бывшему игуменомъ Печерскимъ, и сказали: «Дай намъ видѣть тѣхъ, которые уговаривались съ нами о работахъ по иконному писанію; хотимъ мы съ ними счестья—они показали намъ для росписанія малую церковь, и мы уговорились съ ними предъ многими свидѣтелями, а эта церковь очень велика. Или возьмите ваше золото, а мы возвратимся въ Царьградъ».

Слышавъ это, усумнился игумень и сказалъ иконописцамъ: «Каковы на видъ были уговаривавшіеся съ вами?» Иконописцы рассказали ему о ихъ внѣшности и лицахъ, и объ ихъ именахъ—одинъ Антоній, другой Θεодосій. И сказалъ имъ игумень: «О чада, невозможно вамъ ихъ показать, ибо болѣе десяти лѣтъ отошли они къ Богу, и непрестанно молятся за насъ, храня эту церковь, соблюдая свой монастырь и заботясь о живущихъ въ немъ».

Иконописцы ужаснулись этому отвѣту. Они привели многихъ купцовъ, пришедшихъ съ ними оттуда же, и сказали игумену: «Предъ ними сговаривались мы съ тѣми иноками и приняли золото изъ рукъ ихъ; а ты не хочешь намъ показать ихъ. Если же они преставились, покажи намъ образъ ихъ—чтобъ и купцы могли

видѣть, тѣ ли это были». Тогда игумень предъ всѣми вынесъ икону преп. отцовъ нашихъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ.

Греки, видя образъ ихъ, поклонились со словами: «Это были воистину они, и мы вѣруемъ, что они живы и по смерти, и могутъ помогать, заступать и спасать прибѣгающихъ къ нимъ». И купцы дали мусію, привезенную ими на продажу и украшавшую впоследствии святой алтарь.

Иконописцы же стали каяться въ своемъ согрѣшеніи и повѣдали слѣдующее.

«Когда,—говорили они,—приплыли мы на ладѣ въ Каневъ, мы увидѣли эту великую церковь на высотѣ и спросили бывшихъ тамъ людей, какая это церковь. Они отвѣчали—Печерская, которой вы—украшители. Мы, недовольные тѣмъ, что она такъ велика, хотѣли плыть назадъ, внизъ. И въ ту ночь была сильная буря на рѣкѣ. Вставъ же поутру, мы очутились близъ Треполя.

Ладья сама шла вверхъ, противъ воды, какъ будто какая-то сила влекла ее; съ трудомъ мы удержали ее и стояли весь день, размышляя, что это значитъ, что за одну ночь, не гребя, проѣхали мы такой путь, который другіе съ трудомъ совершаютъ въ три дня. Въ слѣдующую ночь мы видѣли въ видѣніи эту церковь и въ ней намѣстную чудотворную икону Пресвятой Богородицы, говорящую намъ: «Люди, что вы мятетесь все, не покоряясь волѣ Сына Моего и Моей. Если слушаетесь Меня и задумаете плыть внизъ,—Я возьму всѣхъ васъ и поставлю у церкви Моей; и знайте, что вы не выйдете оттуда, но постригшись тамъ въ монастырѣ, кончите свою жизнь,—и Я вамъ дамъ милость въ будущемъ вѣкѣ, ради этихъ строителей Антонія и Θεодосія...» Вставъ поутру, мы опять хотѣли плыть внизъ, и много потрудились надъ веслами, но ладья шла вверхъ, наперекоръ намъ. Тогда, покорившись, предали мы себя

волѣ и силѣ Божіей и скоро ладья пристала сама подъ монастыремъ».

Когда они кончили рассказъ, тогда все вмѣстѣ, черноризцы и греческіе зодчіе и иконописцы, прославили великаго Бога и Пречистую Его Матерь, и чудотворную Ея икону, и преподобныхъ отцовъ Антонія и Θεодосія.

Иконописцы принялись за дѣло украшенія святой церкви, а Господь помогаль имъ прочими, послѣдовавшими затѣмъ дивными знаменіями, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго.

Когда эти мастера украшали мусіею алтарь Богомъ созданной этой церкви, тогда образъ Пресвятой Владычицы нашей Богородицы самъ изобразился въ алтарѣ, въ то время, какъ все иконописцы находились внутри алтаря (тогда имъ помогаль, учась у нихъ, и преп. Алипій), и все видѣли то дивное и страшное чудо. И, когда смотрѣли они на образъ, внезапно образъ просіяль ярче солнца, такъ что не могли они вынести и въ ужасѣ пали ницъ. Поднявшись немного, они хотѣли видѣть то чудо, и вотъ, изъ устъ того образа Пресвятой Богородицы вылетѣль бѣлый голубь, взлетѣль высоко къ образу Спасителя и тамъ скрылся. Все находившіеся въ церкви смотрѣли, не изъ церкви ли онъ вылетѣль, и, въ виду всѣхъ, голубь опять вылетѣль изъ устъ Спасителя и леталь по всей церкви, подлетая къ каждому образу святыхъ и садясь—одному на руку, другому же—на голову. Потомъ, слетѣвъ внизъ, онъ сѣлъ за намѣстною чудотворною иконою Пресвятой Богородицы. Стоявшіе внизу хотѣли поймать голубя, и приставили лѣстницу, но не нашли его ни за иконою, ни за завѣсою. Осмотрѣвъ всюду, они не отыскали, гдѣ скрылся голубь. И все стояли, взирая на икону, явившуюся въ алтарѣ, и снова предъ ними вылетѣль голубь изъ устъ того образа Пресвятой Богородицы и полетѣль вверхъ, къ образу Спасителя.

Стоявшіе же внизу закричали къ расписывавшимъ верхъ храма: «Ловите его!» И тѣ вытянули руки, чтобъ поймать его, а голубь снова влетѣлъ въ уста Спасителя. И вотъ, свѣтъ ярче солнца осіялъ ихъ, и они, падши ницъ, поклонились Господу, что сподобились видѣть дѣйство Пресвятаго Духа, пребывающаго въ той святой церкви Печерской. Украшая, среди такихъ чудотвореній, святую небеси подобную церковь, мастера иконнаго писанія украшали и самихъ себя различными добродѣтелями и, богоугодно поживъ въ иноческомъ образѣ, окончили жизнь свою въ томъ же святомъ Печерскомъ монастырѣ, какъ и мастера каменнозодчіе; и тѣ и другіе были положены въ своемъ притворѣ въ пещерѣ преп. Антонія, гдѣ и донинѣ лежатъ нетлѣнно.

Итакъ, исполнилось предсказаніе, которое слышали тѣ блаженные иконописцы, когда они хотѣли идти въ Царьградъ, и имъ явилась святая Печерская церковь и ея Пречестная икона, и сказала: «Не уйдете оттуда, но, постригшись тамъ, окончите свою жизнь».

Замѣчательно и другое чудо, надъ тою же святой, Богомъ созданной и Богомъ украшенной каменной Печерской церковью Успенія Пресвятой Богородицы и надъ пречестной Ея чудотворной иконой, бывшее въ тѣ времена, о чемъ намъ слѣдуетъ вспомнить.

Были двое славныхъ мужей въ городѣ Кіевѣ, друзья между собою, Іоаннъ и Сергій. Придя въ Богомъ нареченную Печерскую церковь, они увидѣли свѣтъ ярче солнца на чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы, и предъ нею заключили духовное братство. Черезъ много лѣтъ Іоаннъ заболѣлъ къ смерти. Оставляя сына своего Захарію пятилѣтнимъ, онъ призвалъ игумена Печерскаго, блаженнаго Никона, и, въ его присутствіи

раздавъ имѣніе свое нищимъ, сыновнюю часть — тысячу гривенъ серебра и сто гривенъ золота — далъ Сергію, ему же поручилъ растить юнаго сына своего Захарію, какъ другу своему и брату вѣрному, заповѣдавъ ему, когда сынъ его выростетъ, тогда отдать ему серебро и золото. Распорядившись такъ, онъ вскорѣ умеръ.

Когда Захаріи исполнилось 15 лѣтъ, онъ захотѣлъ взять у Сергія свое серебро и золото. Но Сергій, уязвленный дьяволомъ и рассчитывая пріобрѣсти богатство, рѣшилъ погубить и жизнь и душу свою. Онъ отвѣчалъ юношѣ: «Твой отецъ все имѣніе отдалъ Богу, у Него проси серебра и золота, Онъ долженъ тебѣ, если сжалятся; я же неповиненъ ни твоему отцу, ни тебѣ ни въ одной златницѣ. Это сдѣлалъ отецъ твой своимъ безуміемъ, роздалъ все имѣніе свое на милостыню, тебя же оставилъ нищимъ и убогимъ».

Слыша это, юноша началъ плакать о своей бѣдности. Онъ послалъ къ Сергію и предложилъ: «дай мнѣ хоть половину наслѣдія моего, а тебѣ да будетъ равная часть». Но Сергій жестокими словами укорялъ отца его и его самого. Захарія сталъ просить третью часть, даже десятую, и, увидавъ себя лишеннымъ всего, сказалъ Сергію: «Если ты ничего не принималъ — иди, клянись мнѣ въ церкви Печерской, предъ чудотворной иконою Пресвятой Богородицы, гдѣ заключилъ ты съ моимъ отцомъ союзъ братолюбія». Сергій, не отказываясь, пошелъ въ церковь и, ставъ предъ иконою Пресвятой Богородицы, сказалъ съ клятвою: «Не бралъ я тысячи гривенъ серебра, ни ста гривенъ золота». Онъ намѣревался поцѣловать икону, но не могъ приблизиться къ ней. Выходя изъ дверей, онъ началъ вопить: «Преподобные отцы Антоній и Θεодосій, запретите этому немилостивому ангелу губить меня, молитесь Пресвятой Госпожѣ Богородицѣ, чтобъ отогнала Она

отъ меня многихъ бѣсовъ, которымъ я преданъ, — и пусть возьмутъ серебро и золото, скрытое въ клѣти моей...» На всѣхъ напалъ страхъ.

И съ тѣхъ поръ не давали никому клясться предъ иконою Пресвятой Богородицы. Послали въ домъ Сергія и взяли запечатанный сосудъ, и нашли въ немъ двѣ тысячи гривенъ серебра и двѣсти гривенъ золота. Такъ усугубилъ Богъ, воздаятель милостивымъ. Захарія же отдалъ все игумену—тогда былъ уже Іоаннъ,—чтобъ израсходовать ихъ, какъ хочетъ; а самъ постригся и кончилъ жизнь свою въ святомъ Печерскомъ монастырѣ. На это серебро и золото была устроена церковь святаго Іоанна Предтечи — тамъ, гдѣ находится лѣстница на хоры святой великой церкви Печерской, въ память боярина Іоанна и сына его Захаріи, которымъ принадлежало серебро и золото.

Изложивъ все это о чудесахъ при иконномъ распisanіи, расскажемъ, какъ Вышній освятилъ селеніе Матери Своей.

Въ первый годъ игуменства, носившаго имя благодати, блаженнаго Іоанна, при митрополитѣ того же имени, благодать Божія благоволила освятить при такихъ чудесахъ чудотворно созданную и чудотворно украшенную Печерскую церковь.

Когда дѣлали приготовленія къ чину освященія,— не было каменной доски для устроенія святаго престола; много хлопотали о томъ, чтобъ сдѣлать каменную доску, но не нашлось тогда ни одного мастера, и потому сдѣлали деревянную доску. Преосвященный же митрополитъ Іоаннъ не захотѣлъ, чтобъ на святомъ престолѣ въ такой великой церкви была деревянная доска; и игумень съ братією были въ сильной печали; прошло нѣсколько дней, и освященія все не было.

Въ тринадцатый день августа иноки вошли въ цер-

ковъ пѣть по обычаю вечерню. И увидѣли они наложенную у алтарной перегородки каменную доску и столбы для устройства святаго престола, и немедленно извѣстили о томъ митрополита. Онъ же похвалилъ Бога и приказалъ, чтобъ вечерня служилась, какъ предъ освященіемъ. Много искали повсюду, по водѣ и по сушѣ, откуда и кѣмъ могла быть привезена такая доска, и какъ внесена была въ запертую церковь, но не нашли никакого слѣда. Послали туда, гдѣ дѣлались такіе предметы, три гривны серебра за труды тому мастеру, но, при повсемѣстныхъ поискахъ, не оказалось на землѣ человѣка, сработавшаго эту вещь. Но Самъ небесный Дѣлатель и Промыслитель всего благого сдѣлалъ ее и положилъ ее тамъ, гдѣ должны были предлагаться Его Пречистое Тѣло и честная Кровь, благоволя быть заколаемъ всякій день за весь міръ на той трапезѣ, которую Самъ даровалъ,—въ домѣ Матери Своей. Но не конецъ еще чудесамъ.

На слѣдующій по чудотворномъ обрѣтеніи той доски день преосвященный митрополитъ Іоаннъ былъ въ великой печали, что приспѣло время освященію церкви Печерской, и съ нимъ не было на освященіи ни одного епископа, потому что разстояніе между ними было далекое. И вотъ, внезапно силою Божіею предстали епископы Іоаннъ Черниговскій, Исаія Ростовскій, Антоній Юрьевскій, Лука Бѣлгородскій, не званые никѣмъ изъ людей,—и были какъ разъ къ чину освященія. Преосвященный митрополитъ Іоаннъ сильно удивился тому, потому что не посылалъ никого за епископами, и спросилъ ихъ: «Отчего вы пришли, не будучи званы?» Они отвѣчали: «Посланный отъ тебя, владыко, юноша пришелъ къ намъ и сказалъ: «Въ четырнадцатый день августа будетъ освящаться Печерская церковь. Будьте тогда готовы къ литургіи». Мы, услыжавъ это приглашеніе, теперь пришли сюда.

Антоній, епископъ Юрьевскій, отвѣчалъ: «Я былъ боленъ. Въ эту ночь вошелъ ко мнѣ черноризецъ и сказалъ мнѣ: «Заутра будетъ освящаться Печерская церковь. Будь тамъ!»—и какъ только услыхалъ я это—сдѣлался здоровъ,—и вотъ я здѣсь по повелѣнію вашему». Митрополитъ хотѣлъ найти людей, которые звали ихъ, и тогда внезапно раздался гласъ: «Дѣлають разслѣдованіе за разслѣдованіемъ» (Пс., 63, 7). Онъ поднялъ рука къ небу и сказалъ: «О Пресвятая Госпожа Богородица, какъ къ Своему преставленію Ты собрала апостоловъ изъ концовъ вселенной, для честнаго погребенія Твоего, такъ и нынѣ для освященія церкви Своей собрала Ты ихъ намѣстниковъ и нашихъ сослужебниковъ. Благослови насъ на дѣло это и помоги намъ ради славы Сына Твоего и Твоей». Тогда всѣ были въ ужасѣ отъ столь великихъ чудесъ, которыя тѣмъ еще не кончаются.

Трижды обошли церковь, и, придя къ дверямъ, начали пѣть: «Поднимите, врата, верхи ваши и поднимитесь» (Пс., 23, 7), и некому было въ отвѣтъ пропѣть въ церкви: «Кто сей Царь славы?»—потому что въ ней не оставили никого. И было общее молчаніе, вдругъ изнутри церкви послышался голосъ, какъ ангельскій, говорящій: «Кто есть сей Царь славы?» Стали искать этихъ пѣвцовъ, откуда и какъ вошли они въ церковь, когда всѣ двери были затворены; но никого въ церкви не нашлось. И поняли всѣ, что все устраивается Божиимъ о той святой церкви Промысломъ, такъ что всѣ говорили о ней съ апостоломъ: «О бездна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія! Какъ непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его! Ибо кто позналъ умъ Господень или кто былъ Ему совѣтникомъ» (Римлян., 11, 33—34). И такъ совершилось освященіе святой Печерской церкви въ годъ отъ созданія міра 6597, а отъ Рождества Христова 1089, въ 14 день августа, при благовѣрномъ князѣ кіевскомъ Всеволодѣ Ярославичѣ,

при помощи во всемъ Господа Бога и чудесахъ Его, молитвами Пречистой Его Матери и преп. отецъ нашихъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ.

Что же, братіе, удивительнѣе этого сказать? Прочтя книги Ветхаго и Новаго Завѣта, нигдѣ не найдешь такихъ чудесъ, бывшихъ надъ святыми церквами, какъ надъ этою. Еще прежде начала своего она была предзнаменована и въ землѣ Варяжской Самимъ Господомъ, Который прислалъ ей вѣнецъ и поясъ отъ честнаго Своего образа, и показалъ подобіе ея, и въ землѣ Греческой Пресвятою Богородицею, Которая прислала ей икону Свою и мощи св. мучениковъ, и тоже показала подобіе ея. Въ началѣ и во всемъ сооруженіи ея, которое состояло изъ трехъ частей—построенія, украшенія и освященія—всюду явилось дѣйствіе Св. Троицы, и здѣсь ясно видна скинія, которую сооружалъ Господь, а не человѣкъ. Такъ, въ началѣ созданія этой церкви, Самъ Богъ Отецъ, Который называется Ветхій деньми, знаменовалъ мѣсто сушью, потому что сухость слѣдъ ветхости или старости; Сынъ, Который сошелъ какъ роса на руно, низвелъ росу; Духъ Святой, Который сошелъ огненными языками,—ниспослалъ огонь съ неба. Также и во время украшения—Отецъ, Который по образу Своему создалъ человѣка, изобразилъ въ алтарѣ мусіею образъ Пресвятой Богородицы безъ руки иконописцевъ; Сынъ, Который есть Солнце Правды, наполнилъ тогда церковь сіяніемъ; Духъ Святой, Который явился во образѣ голубя, показалъ видѣніе голубя, вылетѣвшаго изъ устъ образа. Наконецъ, во время освященія, Отецъ, Который нѣкогда на скрижаляхъ каменныхъ передалъ законъ,—даровалъ камень на Святой Престолъ; Сынъ, Который есть Архіерей превысшій небесъ—собралъ архіереевъ вышеестественнымъ образомъ; Духъ Святой, Который есть языкъ, изглаголавшій вѣщаніе во всю землю, произнесъ отвѣтъ изъ середины церкви, когда тамъ никого не было.

Если же, среди столь великихъ знаменій Богъ, въ Троицѣ покланяемый, возлюбилъ соорудить Себѣ здѣсь пречестную церковь эту во имя любимой Имъ Царицы Небесной, ясно, что Богъ и пребываетъ въ ней съ любовью, а съ Нимъ и Царица, предстоящая одесную Его, заступница и прибѣжище всѣхъ христіанъ, Пресвятая Богородица, какъ Сама Она общала то во Влахернѣ, говоря мастерамъ: «Приду Сама видѣть церковь, и хочу въ ней вселиться». А святые Божіи, честныя мощи которыхъ подъ всѣми стѣнами лежатъ неподвижнымъ основаніемъ, пребываютъ тоже неотступно въ этой церкви. Что же скажемъ о ней? Поистинѣ дивная церковь эта свята, и не одолѣютъ Ея врата адавы, потому что во всемъ она подобна небесамъ... Посему должно намъ похвалять прежде отошедшихъ благовѣрныхъ князей и христіолюбивыхъ бояръ, честныхъ иноковъ и всѣхъ православныхъ, которые сподобились погребенія въ этой святой чудотворной церкви Печерской и вокругъ церкви. Блаженъ и преблаженъ всякій изъ нихъ, потому что сподобился онъ отъ Господа великой благодати и милости. Блаженъ и преблаженъ и тотъ, кто сподобился быть здѣсь вписанъ, чтобъ творилась о немъ молитва въ этой святой небесамъ подобной церкви, потому что получить онъ оставленіе грѣховъ, не лишится небеснаго воздаянія, но услышитъ гласъ Господень къ Себѣ: «Радуйтесь, яко имена ваша написана суть на небесехъ». Слышать это и всѣмъ намъ, чадамъ всей православной церкви, за молитвы преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ, да подастъ благодатію Своею Глава Церкви, Христось, Ему же подобаеть честь и слава со безначальнымъ Его Отцомъ и съ Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Стефана, бывшаго игуменомъ Печерскимъ, послѣ преп. Феодосія.

(27 апрѣля).

Онъ довершилъ построеніе святой Печерской церкви; претерпѣвъ изнаніе, основалъ монастырь на Кловѣ, и потомъ былъ епископомъ во Владимірь.

«Тотъ, кто стяжалъ терпѣніе, достигаетъ всякой добродѣтели: радуется въ скорбяхъ, искусень въ бѣдахъ, веселится въ напасти»,—говоритъ Боговдохновенный Ефремъ Сиринь. Такимъ явился преп. отецъ нашъ Стефанъ, который, хотя и поскорбѣлъ, пострадавъ чрезъ свою братію,—но Богъ его много возвеселилъ. Ибо преподобный вспоминалъ слова пророка и царя Давида: «При умноженіи скорбей моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твои улаждаютъ душу мою (Псаломъ 93, 19).

Поэтому онъ съ радостью принималъ все скорбное, какъ посылаемое Богомъ.

Онъ привыкъ и прошелъ искусъ всякой добродѣтели, ибо съ дѣтства своего возросъ подъ рукою достохвальнаго во игуменахъ преп. отца нашего Феодосія Печерскаго, и былъ его постояннымъ ученикомъ, всегда наслаждаясь и питаясь Боговдохновенными его словами, отъ его медоточивыхъ устъ, какъ младенецъ отъ сосца, и сроднился съ нимъ, какъ сынъ съ отцомъ, подражаніемъ во всѣхъ добродѣтеляхъ.

Потому любили его вся братія. Сперва онъ былъ избранъ ими «доместикомъ» — или распорядителемъ церковнаго устава, и, когда самъ игумень преп. Θεодосій поучалъ братію въ церкви, духовными словами, достойно училъ ее и онъ. Потомъ, когда преп. Θεодосій долженъ былъ принять кончину временной этой жизни, всѣ единогласно молили его: «Стефанъ достоинъ принять послѣ тебя игуменство, Стефанъ да будетъ намъ игуменомъ». Преклонился преп. Θεодосій къ мольбамъ братіи и, призвавъ любимаго своего ученика блаженнаго Стефана, вручилъ ему предъ всѣми оградю, полную Боговдохновенныхъ словесныхъ овецъ, и церковь, стоящую на чудесномъ основаніи, и молилъ его, довершить. Долго онъ поучалъ его хранить монастырскій уставъ, любить братію отъ чистаго сердца, держать очи сердца неусыпаемыми предъ Богомъ, не забывать страннолюбія; и затѣмъ, представился онъ къ вѣчнымъ обителямъ, обѣщаясь всегда быть въ помощь во своей Печерской обители, врученной этому блаженному Стефану.

По преставленіи преп. Θεодосія, принявъ игуменство святой чудотворной лавры Печерской, — блаженный Стефанъ много подвизался, заботясь о построеніи святой Богомъ знаменованной церкви, которую началъ строить преп. Θεодосій, и обо всемъ устроеніи монастырскомъ. И благодатію Божіею и молитвою преп. отцовъ нашихъ Антонія и Θεодосія, онъ въ немного лѣтъ и довершилъ церковь и воздвигъ новый монастырь, и поселилъ туда братію изъ стараго монастыря. А въ старомъ монастырѣ оставилъ изъ нея немногихъ — тѣхъ, которые обыкновенно погребали тамъ умершую братію. И установилъ преп. отецъ нашъ Стефанъ, чтобъ въ монастырѣ его совершалась Божественная литургія за умершую братію и блаженныхъ ктиторовъ. А Богъ неоскудно подавалъ ему все

нужное, и такъ процвѣтало то мѣсто благодатію Божіею.

Врагъ же, ненавидящій добро и всегда борющійся съ рабами Божіими—позавидоваль столь великому попеченію блаженнаго о святой обители и, вооружась противъ него злыми своими кознями—произвелъ такое смущеніе въ нѣкоторыхъ изъ братій, что они не только низложили его изъ игуменства, хотя прежде сами единогласно избрали его, но и неповинно изгнали изъ монастыря.

Все это преп. Стефанъ, сынъ незлобія, доблестно претерпѣлъ отъ своей братіи и не удалялся любовью своею отъ тѣхъ, отъ которыхъ удаленъ былъ тѣломъ, но прилежно молился о нихъ Богу, подражая въ этомъ св. первомученику Стефану, имя котораго носилъ, и говоря: «Господи, не вмѣни имъ грѣха сего!» (Дѣянія, 7, 60). Ибо любовь, бывшая въ преп. Θεодосіи, привлекла его къ себѣ, какъ желѣзо магнитный камень.

Когда же многіе бояре и вельможи узнали о такой бѣдѣ преп. Стефана, они, будучи его духовными дѣтьми, порученными ему преп. Θεодосіемъ, сильно жалѣли его, что такъ пострадалъ духовный отецъ ихъ и, побуждаемые милосердіемъ, оказывали ему изъ имѣнія своего достаточную помощь.

И въ это время преп. Стефанъ, вспоминая тѣ преславныя чудеса, которымъ былъ онъ свидѣтель,—какъ пришли мастера изъ Константинополя къ преп. отцамъ нашимъ Антонію и Θεодосію Печерскимъ, принеся икону Пресвятой Богородицы и повѣдали видѣніе Царицы, бывшее во Влахернѣ, — при помощи Божіей и молитвами преп. отцовъ Антонія и Θεодосія создалъ себѣ монастырь недалеко отъ Печерскаго, на Кловѣ, и соорудилъ въ немъ каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы, въ память положенія честной ризы

Ея, праздника, установленнаго въ Константинополѣ, именно въ Влахернѣ. И всякій годъ, торжественно праздновался тотъ праздникъ, во второй день мѣсяца Іюля. Собравъ въ Кловѣ много братіи, преп. Стефанъ жилъ богоугодно. Какой уставъ церковный и весь чинъ устроенія монастырскаго принялъ онъ отъ преп. Θεодосія въ монастырѣ Печерскомъ — тотъ же самый повелѣлъ соблюдать и въ своемъ монастырѣ. Явивъ на пользу правовѣрнымъ много подвиговъ, онъ шелъ изъ силы въ силу, такъ что и въ далекихъ странахъ знали и славили его за добродѣтельную жизнь. И потому, когда преставился епископъ славнаго города Владиміра (этотъ городъ своего имени построилъ самъ великій тотъ самодержецъ Владиміръ) — тогда преподобный былъ избранъ на архіерейскій престолъ того города и рукоположенъ преосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ Іоанномъ. И съ благостію пасъ онъ врученныхъ ему Богомъ овецъ, «подавая примѣръ стаду—словомъ, житіемъ, любовью, духомъ, вѣрою, чистотою (I Петра 5, 3. Титу, 2, 2). Когда же, благоволеніемъ Божиимъ и по рѣшенію блаженнаго Іоанна, игумена Печерскаго и всей братіи, мощи преп. отца нашего Θεодосія должны были перенесены изъ пещеры въ Богомъ-зданную церковь—въ то-же время досточудный этотъ епископъ Стефанъ, прибывъ изъ Владиміра, находился въ своемъ монастырѣ. И, видѣвъ ночью черезъ полѣ громадную зарницу, сіяющую надъ пещерою и думая, что уже переносятъ честныя мощи преп. Θεодосія (онъ зналъ объ этомъ намѣреніи) — сильно опечалился, что переносятъ ихъ безъ него и сейчасъ же сѣлъ на коня и погналъ къ пещерѣ, взявъ съ собою Климента, котораго онъ поставилъ вмѣсто себя игуменомъ на Кловѣ.

Во время пути, онъ видѣлъ издалека блеснувшую ему надъ пещерою зарницу; приблизившись увидалъ

тамъ много свѣчей; но когда подошелъ къ пещерѣ, уже не видѣлъ ничего такого. И понялъ онъ, что воистину сподобился видѣть свѣтъ Божественной славы отъ честныхъ мощей преп. Θεодосія—потому что уже прокопали землю надъ честными его мощами и вынесли ихъ ко дверямъ пещеры.

На другой день по видѣннн этомъ, вмѣстѣ съ прочими епископами, послужилъ перенесенію честныхъ мощей отца и учителя своего преп. Θεодосія и блаженный Стефанъ.

Возвратившись къ себѣ на Владимірскій престолъ, онъ явилъ многія добродѣтели, къ пользѣ словеснаго своего стада, и ради нихъ удостоился неувядаемаго вѣнца славы, который отъ молодыхъ лѣтъ своихъ онъ знаменовалъ именемъ, и искалъ дѣлами. Итакъ, послѣ многихъ лѣтъ жизни, онъ отошелъ, чтобъ принять тотъ вѣнецъ, ко Христу, Начальнику пастырей, въ годъ отъ сотворенія міра 6602, отъ Рождества же Христова 1094, мѣсяца Апрѣля въ 27 день. Молитвами сего преп. вѣнценосца Стефана и насъ, Христе Боже, сподоби вѣнца славы, во славу Тебѣ самому, со безначальнымъ Твоимъ Отцомъ и единосущнымъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Никона, игумена Печерскаго.

(23 марта).

Онъ сперва при св. Антоніи постригалъ братію въ пещерѣ, затѣмъ основалъ монастырь въ Тмутаракани; потомъ же принялъ послѣ святаго Стефана игуменство Печерское и чудотворно украсилъ иконами святыю Печерскую церковь.

Когда Господь благоволилъ сдѣлать многоплодную насажденную въ Россіи вѣтвь житія иноческаго: Онъ привелъ къ искусному и трудолюбивому насадителю, копающему землю, этого добраго сотрудника прежде другихъ, то есть ко святому первоначальнику Антонію, начавшему подвизаться въ пещерѣ, — преп. Никона. Успѣшно проходя степени иноческихъ добродѣтелей, онъ такъ подражалъ во всемъ наставнику и учителю своему, что преп. Антоній нашелъ его достойнымъ быть поставленнымъ вождемъ, вводящимъ прочихъ дѣлателей въ мысленный виноградъ постническаго подвижничества.

Когда кто приходилъ, желая подражать ихъ равноангельскому житію, самъ преп. Антоній поучалъ ихъ добродѣтелямъ, преп. же Никону повелѣвалъ постригать, какъ іерею и опытному черноризцу. И можно было видѣть тогда Моисея и Аарона въ мысленномъ виноградѣ, приносящемъ плоды покаянія, достойные

перенесенія изъ Египта здѣшняго міра въ небесную обѣтованную землю. Ибо преп. Антоній принесъ законъ со св. Аѳонской горы, какъ Моисей съ Синайской, а преп. Никонъ дѣйствовалъ отъ имени его, какъ Ааронъ, почтенный саномъ священства. Дѣйствовалъ же онъ со всякою покорностью, получая отъ дѣлъ своихъ не только радостное, но терпя мужественно и скорби, благодаря за все Бога.

Онъ сподобился великой духовной радости, когда постригъ преп. отца нашего Θεодосія, который вскорѣ явился великимъ наставникомъ иноческаго житія въ Россіи. Возрадовался духомъ и тогда, когда постригъ родовитаго боярина, блаженнаго Варлаама; также и завѣдывавшаго всеѣмъ у князя, имъ очень любимаго, блаженнаго Ефрема. Но за нихъ обоихъ претерпѣлъ онъ и немалую скорбь. Когда князь Изяславъ узналъ объ ихъ постриженіи, онъ разгнѣвался на преподобныхъ и повелѣлъ привести къ себѣ того изъ нихъ, кто дерзнулъ постричь ихъ. И слуги вскорѣ привели къ нему блаженнаго Никона. Съ гнѣвомъ посмотрѣвъ на святого, князь сказалъ ему: «ты ли постригъ боярина и Ефрема безъ позволенія моего?» Преп. Никонъ мужественно отвѣчалъ: «благодатію Божіей я постригъ ихъ, по повелѣнію небеснаго Царя Иисуса Христа, призвавшаго ихъ на такой подвигъ». Князь же, разгнѣвавшись еще больше, сказалъ: «Или убѣди ихъ вернуться домой, или я тебя съ монахами пошлю въ заточеніе и велю раскопать вашу пещеру». Блаженный Никонъ отвѣчалъ: «Сдѣлай все то, что угодно тебѣ; а мнѣ не подобаешь отвлекать воиновъ отъ небеснаго Царя». Послѣ этого событія св. Антоній и его иноки вышли изъ пещеры, собираясь идти въ иную область, такъ какъ князь продолжалъ гнѣваться и укорять блаженнаго Никона. И одинъ отрокъ повѣдалъ то князю; слышала это и княгиня. Она напомнила князю о гнѣвѣ

Божемъ, бывшемъ въ отечествѣ ея, землѣ Ляховъ, когда черноризцы были изгнаны отцомъ ея, Болеславомъ Храбрымъ, за постриженіе преп. Моисея Угрина и сказала ему: «Послушай меня, господинъ мой, и не гнѣвайся; ибо также были изгнаны изъ страны нашей вотъ такіе же черноризцы, и изъ-за того произошло много зла. Смотри, чтобъ не было того же и въ твоей области». Слыша это, князь побоялся гнѣва Божія и отпустилъ блаженнаго Никона, велѣвъ ему идти въ пещеру. А за покинувшими пещеру послалъ вслѣдъ, съ мольбою, чтобъ вернулись назадъ; едва упросили ихъ чрезъ три дня, и тогда они вернулись въ свою пещеру,—какъ о томъ было рассказано въ житіи преп. Антонія. Послѣ такой напасти преп. отецъ нашъ Никонъ жилъ въ пещерѣ жестокою жизнію и показалъ много побѣдъ надъ злыми духами, молитвою и постомъ, единонравно съ преп. отцами Антоніемъ и Θεодосіемъ, такъ что были они тремя Тройческими свѣтилами, сіяющими въ томъ темномъ мѣстѣ и разгоняющими тьму бѣсовскую.

Такъ какъ братія въ пещерѣ умножалась, блаженный Никонъ пожелалъ отойти въ уединеніе и безмолвствовать наединѣ съ собою. Поэтому, по совѣту преп. Антонія, сговорясь съ другимъ черноризцемъ (болгариномъ, со Святой горы, изъ монастыря святого Мины)—онъ ушелъ съ нимъ, и, дойдя до моря, они разстались. Болгаринъ, направлясь къ Константинополю,—нашелъ островъ посреди моря и поселился на немъ, прожилъ тамъ много лѣтъ, терпя стужу и голодь, и съ миромъ почилъ,—и донинѣ называется тотъ островъ Болгаровъ.

Великій же Никонъ удалился на островъ Тмутараканскій—и, найдя чистое мѣсто у города, поселился тамъ, безмолвствуя и нелѣнною службою Богу, прибавляя труды къ трудамъ, и удивляя народъ строгою своею жизнью, такъ что слава его протекала повсюду, и

приходили къ нему граждане и многіе другіе и дивились. Ибо они не были еще утверждены въ вѣрѣ, и о монашеской жизни даже не слыхали. Но, наставляемые Богомъ, они хотѣли послѣдовать иноческому благодравію и молили преп. Никона, постричь ихъ. Онъ же поучалъ ихъ и постригалъ, и соорудилъ тамъ церковь Пресвятой Богородицы, и такъ, благодатію Божіею и молитвами преп. Никона возрасло то мѣсто, и образовался тамъ славный монастырь во всемъ подобный Печерскому.

Когда же умеръ Ростиславъ Владиміровичъ, князь острова того и люди той страны умолили преп. отца нашего Никона, пойти къ Святославу Ярославичу, князю Черниговскому и просить его, чтобъ онъ отпустилъ къ нимъ сына своего Глѣба на престоль Тмутараканскій. И когда онъ, дойдя до Чернигова,—благополучно и хорошо исполнилъ порученное ему дѣло—онъ вернулся въ Кіевъ и пришелъ въ Печерскій монастырь ко блаженному игумену Θεодосію. Когда они увидались, оба упали и поклонились до земли, потомъ, вставъ, обнялись и много плакали, что долго не видались. Потомъ преп. Θεодосій молилъ, чтобъ блаженный Никонъ не разлучался съ нимъ, пока они оба живы, и обѣщался тотъ игумену, говоря: «Я только пойду, устрою мой монастырь и потомъ, съ изволенія Божія, вернусь назадъ!» Такъ онъ и сдѣлалъ. Дойдя до острова Тмутараканска, съ княземъ Глѣбомъ Святославичемъ, который и занялъ престоль,—онъ, какъ обѣщался, устроилъ монастырь свой и возвратился назадъ. Придя въ Печерскій монастырь, онъ отдалъ всего себя преп. Θεодосію и съ радостью покорялся ему. Преп. же Θεодосій очень любилъ его и почиталъ его, какъ отца. Когда самъ преп. Θεодосій уходилъ куда,—поручалъ братію блаженному Никону, чтобъ поучать ихъ и соблюдать, такъ какъ онъ былъ старѣйшій изъ всѣхъ. И, какъ самъ

преп. Θεодосій поучаль братію духовными словами, также приказываль блаженному Никону, читая книги, дѣлать братіи поученіе.

Часто, когда блаженный Никонъ сшиваль и переплеталь книги,—онъ былъ искусенъ въ томъ ремеслѣ—самъ преп. Θεодосій, сидя около него, дѣлаль веревки для этого дѣла. Такое было въ нихъ смиреніе и обоюдная любовь.

Потомъ блаженный безмолвникъ этотъ, видя смуту между князьями Россійскими, наступившую послѣ того какъ Изяславъ былъ изгнанъ изъ Кіева, и братъ его Святославъ сѣлъ тамъ—тяготился тѣмъ и не могъ переносить молвы житейской, боясь нарушить духовное трезвеніе свое, и пожелаль снова отойти на вышеназванный островъ. Преп. же Θεодосій много молилъ его, какъ и прежде, не разлучаться съ нимъ, пока они живы; но блаженный Никонъ, испросивъ прощеніе, (говоря, что молва больше всего вредитъ уму его, при-выкшему къ уединенію)—отошелъ съ двумя черноризцами и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ въ обычныхъ своихъ подвигахъ.

Когда же, по преставленіи преп. Θεодосія,—блаженный Стефанъ принялъ игуменство, опять пришелъ преп. Никонъ, побуждаемый братолюбіемъ, чтобъ посѣтить преп. Θεодосія, и, пожалѣвъ, что не засталъ въ живыхъ любимаго своего друга,—рѣшилъ прочее время жизни своей, до смерти, провести въ его монастырѣ. И, часто приходя къ его гробу, онъ плакаль радостными слезами, и скорбя о разлученіи съ любимымъ своимъ братомъ и благодаря Бога, что просіялъ въ Россіи равноангельскою жизнью такой свѣтильникъ, на котораго онъ руками своими возложилъ святой ангельскій иноческій образъ. Послѣ блаженнаго игумена Стефана, братія, зная, что преп. Никонъ старше всѣхъ, и что преп. Θεодосій принялъ постриженіе отъ его

рукъ—изволеніемъ Божиимъ, по общему рѣшенію, избрали его себѣ игуменомъ, какъ единоправнаго преп. отцамъ Антонію и Θεодосію. Въ немъ одномъ видѣли они образъ тѣхъ двухъ, и съ любовью покорялись ему, и во всемъ слушали его, какъ отца и наставника. Часто покушался врагъ-ненавистникъ добра, какъ и блаженному игумену Стефану, помѣшать въ попеченіи его о душахъ Богомъ врученнаго ему стада, и хотѣлъ возмутить его гнѣвомъ на преподобнаго, но ничего не успѣлъ онъ, и, посрамленный, бѣжалъ. Не одолѣла его тьма свѣта добрыхъ дѣлъ блаженнаго.

Такъ угодилъ Богу этотъ блаженный игумень, который былъ стаду своему образцомъ чудныхъ добродѣтелей, что, во время трудовъ его, чудотворно украсилась образами святая Богомъ созданная Печерская церковь. Къ земной молитвѣ этого блаженнаго строителя присоединились други его, преп. отцы, Антоній и Θεодосій, своими небесными молитвами и прислали къ нему иконописцевъ, изъ Константинополя, и дали имъ при наймѣ золота. Блаженный игумень показаль тѣмъ иконописцамъ образъ любимыхъ друзей своихъ, преп. отцовъ Антонія и Θεодосія,—преставившихся за десять лѣтъ до того,—и иконописцы признали, что именно они явились, наняли и послали ихъ къ игумену. вмѣстѣ съ тѣмъ повѣдали они и другія дивныя чудеса: какъ, когда они хотѣли вернуться,—имъ явилась святая Печерская церковь и икона Пресвятой Богородицы, отъ которой они слышали запрещеніе не возвращаться, и какъ, направляя веслами ладью внизъ по теченію—они силою неслись вверхъ, противъ теченія воды.

Иконописцы, явившіеся послѣ такого чудотворенія, поспѣшно, при усердіи блаженнаго игумена, приступили тогда къ дѣлу украшенія святой церкви, и чудеса все не оскудѣвали. Сама икона Пресвятой Бого-

родицы изобразилась въ алтарѣ мусією, просіяла ярче солнца, изъ усть ея вылетѣлъ голубь, какъ подробно описано въ сказаніи о церкви Печерской. Все это было по небеснымъ молитвамъ преп. отцовъ Антонія и Θεодосія и—еще тогда по земнымъ—блаженнаго игумена Никона.

Когда и самъ приснопамятный игумень, преп. отецъ нашъ Никонъ,—различными подвигами равноангельскаго житія своего украсилъ уже всю Печерскую обитель, онъ, по долговременныхъ трудахъ, почилъ въ Господѣ—въ годъ отъ созданія міра 6596, отъ Рождества же Христова 1088, при великомъ князѣ Кіевскомъ Всеволодѣ Ярославичѣ. И былъ онъ положенъ тѣломъ въ той же своей святой Печерской обители, въ пещерѣ, гдѣ чудотворнымъ нетлѣніемъ мощей своихъ свидѣлствуетъ о блаженствѣ своемъ, которымъ и по смерти чудотворно украшаетъ свою святую обитель. А духомъ переселился онъ къ обителямъ небеснымъ, чтобъ наслаждаться пречуднымъ зрѣлищемъ Бога, уже не во образахъ, но лицомъ къ лицу, съ единомравными своими друзьями, преп. отцами Антоніемъ и Θεодосіемъ, гдѣ они, какъ три свѣтильника, предстоятъ престолу трисіятельнаго Божества, просвѣщаемые вѣчною славою—и молятся о насъ, чадахъ своихъ, какъ отцы, да сподобимся мы быть наслѣдниками ихъ благодати и славы, будучи угодны Господу,—Ему же слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Преп. Варлаамъ приходитъ къ преп. Антонію.

Житіе преп. отца нашего Варлаама игумена.

(19 ноября).

Онъ былъ игуменомъ въ пещерѣ еще прежде сложенія монастыря Печерскаго, а потомъ игуменомъ монастыря св. великомученика Димитрія. Онъ много потерпѣлъ отъ родителей своихъ за иночество и былъ странникомъ ко святымъ мѣстамъ.

Когда преп. отцы наши Антоній, Θεодосій и Никонъ въ темной пещерѣ, какъ три свѣтильника, сіяли добрыми дѣлами, достойнымъ предстояніемъ предъ престоломъ Святой Троицы — приходилъ къ нимъ часто, наслаждаясь медоточныхъ словъ, исходящихъ изъ устъ ихъ, этотъ блаженный Варлаамъ. Происходя отъ благородныхъ и Христолюбивыхъ родителей, онъ былъ сынъ Іоанна, перваго боярина князя Изяслава, и жены его Маріи, внукъ славнаго и храбраго Вышаты, правнукъ Острамира—воеводъ. Онъ сіялъ въ юности своей и тѣлесною крѣпостью и душевною чистотою. Сильно возлюбилъ онъ тѣхъ преподобныхъ отцовъ, такъ что захотѣлъ жить съ ними и бросить все въ жизни этой, не вмѣняя ни во что славу и богатство. Его утратило слышанное имъ, среди прочихъ словъ—слово Господне: «Удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе» (Матѳея 19, 24). И вотъ, онъ пришелъ однажды къ преп. Антонію и открылъ ему свою мысль, говоря: «хотѣлъ бы я, отче, если Богу угодно, быть инокомъ и жить

съ вами». Отвѣчалъ ему старецъ: «Хорошо желаніе твое, чадо, и мысль твоя исполнена благодати, но смотри, чтобъ богатство и слава міра этого не возвратила тебя назадъ. Ибо (по слову Господню)—«никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божія» (Луки, 9, 62). И о многомъ другомъ бесѣдоваль старецъ на пользу блаженнаго, и сердце его распалалось еще болѣе любовью къ Богу, и такъ ушелъ онъ домой.

На другой же день послѣ бесѣды со старцемъ, онъ оставилъ не только родителей, но и обрученную уже съ нимъ жену; одѣтый въ свѣтлую и богатую одежду, сѣлъ на коня и, окруженный шедшими вокругъ него многочисленными слугами, ведшими коней, нагруженныхъ добромъ, въ великой славѣ подѣхалъ къ пещерѣ. Когда преподобные вышли и поклонились ему, какъ кланяются вельможамъ, онъ также поклонился имъ до земли. И тогда, снявъ съ себя боярскую одежду, положилъ ее предъ ногами преп. Антонія и также поставилъ предъ нимъ нагруженныхъ коней, говоря: «Это, отче, все сокровища, прелесть міра этого, дѣлай съ ними, что хочешь, а я отъ всего отказался и все—считаю за соръ, чтобъ приобрѣсть Христа (Филип., 3, 8), и хочу жить съ вами въ этой пещерѣ, и уже не возвращусь въ мой домъ. Преп. же Антоній сказалъ ему: «Подумай, чадо, кому обѣщаешься ты и чѣмъ хочешь быть воиномъ. Ибо невидимо предстоятъ ангелы Божіи, принимая обѣщанія твои. Смотри, какъ бы отецъ твой, придя сюда съ великой силою, не увелъ бы тебя противъ воли, и мы не будемъ въ состояніи тебѣ помочь; ты же явишься предъ Богомъ лжецомъ, отметникомъ Его». Отвѣчалъ ему блаженный: «Вѣрую Богу моему, отче, что, если мой отецъ захочетъ и мучить меня, я не вернусь къ мірской жизни, и только прошу тебя, скорѣе постричь меня».

Тогда преп. Антоній приказалъ блаженному Никону постричь его и облечь въ монашескую одежду; и тотъ, сотворивъ обычныя молитвы, постригъ блаженнаго Варлаама и облекъ его въ монашескія одежды.

Когда бояринъ Іоаннъ узналъ, что его любимый сынъ постригся въ иночество, въ пещерѣ,— онъ разгнѣвался на преподобныхъ и, взявъ много слугъ,— напалъ въ пещерѣ на то святое стадо и всѣхъ разогналъ. И онъ выволокъ оттуда сына своего Варлаама, сорвалъ съ него святую мантию и бросилъ. Также снялъ и бросилъ шлемъ спасенія, бывшій на головѣ его.

Онъ одѣлъ его въ свѣтлую и дорогую одежду, какъ одѣваются вельможи; но блаженный снова скинулъ ее на землю, не хотя и видѣть ея, и сдѣлалъ это много разъ. Тогда отецъ приказалъ связать ему руки и одѣть его въ ту одежду, и такъ идти ему чрезъ городъ въ его домъ. А онъ, горя истинною любовью къ Богу, по пути увидѣлъ навозную кучу и, сейчасъ же войдя въ нее,— съ помощью Божіею сбросилъ съ себя одежду и своими ногами попиралъ ее въ навозѣ, попирая съ нею и злые помыслы лукаваго врага. Когда они вошли въ домъ, отецъ велѣлъ ему сѣсть съ собою за столъ, а онъ, хотя и сѣлъ поневолѣ, но не ѣлъ ничего отъ блюдъ и сидѣлъ, поникнувъ головой и смотря внизъ. По окончаніи ѣды, отецъ отпустилъ его въ его покои, приставивъ слугъ сторожить его, чтобъ онъ не ушелъ и женѣ его велѣлъ убрать себя всякими украшеніями, чтобъ прельстить блаженнаго, и служить предъ нимъ. Истинный же угодникъ Христовъ Варлаамъ, войдя въ одну изъ комнатъ, сѣлъ въ углу. А жена его, какъ было ей приказано, расхаживала предъ нимъ и просила его сѣсть на ложѣ своемъ. Онъ, видя неистовство жены и понявъ, что отецъ поручилъ ей прельстить его, началъ молиться непереставая, втайнѣ сердца своего, всемилостивому Богу, чтобъ Онъ спасъ его отъ этого

искушенія. Онъ пробыль на томъ мѣстѣ три дня, не вставая съ него, не принимая отца, не надѣвая одежду и терпя на себѣ власяницу. Преп. же Антоній и бывшіе съ нимъ въ пещерѣ сильно печалились о немъ и молились за него Богу.

Богъ же услышалъ молитву ихъ («Взываютъ—сказалъ Онъ, праведные—и Господь слышитъ ихъ, и отъ всѣхъ скорбей ихъ избавляетъ ихъ») (Пс. 33, 18)—и, видя терпѣніе и смиреніе блаженнаго, обратилъ жестокое сердце отца его на милость къ сыну своему. Когда слуги доложили отцу, что уже четвертый день блаженный не вкушаетъ пищи и не одѣвается въ одежду—сжалился надъ нимъ отецъ, и, боясь, чтобъ не умеръ онъ отъ голода и холода,—призвалъ его, и, нѣжно простившись съ нимъ, отпустилъ въ пещеру. И было тогда удивительное явленіе—слышался великій плачь, рыданіе и вопль какъ по мертвомъ. Отецъ и мать плакали горько по сынѣ, такъ какъ лишились его, жена неутѣшно рыдала по мужѣ, что разлучилась съ нимъ; рабы и рабыни съ воплемъ стонали по господинѣ, что онъ покинулъ ихъ,—и такъ всѣ со слезами провожали его. Блаженный же Варлаамъ, избавившись, какъ птица изъ сѣти ловцовъ, вскорѣ дошелъ до пещеры. Увидѣвъ его, преподобные отцы возрадовались великою радостью и прославили Бога, что Онъ услышалъ ихъ молитвы о немъ.

Когда число братіи въ пещерѣ умножилось до двѣнадцати, преп. Антоній, зная великую душу Варлаама и превосходныя его добродѣтели, благодарилъ Бога, что въ цвѣтущей юности являлись старческіе плоды, и столь великая благодать, что онъ могъ быть вождемъ и другимъ. Потому по рѣшенію всей пещерной братіи, онъ поставилъ его имъ вмѣсто себя игуменомъ, а самъ, такъ какъ привыкъ жить одинъ, не вынося суеты и молвы,—переселился на другой холмъ, который подъ

новымъ монастыремъ и, выкопавъ тамъ пещеру, поселился въ ней, упражняясь въ безмолвіи и бесѣдуя всегда съ единымъ Богомъ. Тамъ и теперь лежитъ его честное тѣло. Преп. же отецъ нашъ Варлаамъ, принявъ начальствованіе, сталъ подвизаться еще въ бѣльшихъ трудахъ. Такъ какъ братіи собралось уже до двадцати, и они не могли вмѣщаться во время соборнаго словословія въ пещерѣ, то онъ, принявъ благословеніе отъ преп. Антонія, построилъ надъ пещерою маленькую деревянную церковь Успенія Пресвятой Богородицы, чтобъ братія, безмолвствующая въ пещерѣ, собиралась въ ней на Божественное пѣніе. И съ тѣхъ поръ было открыто ихъ мѣсто, а прежнее житіе ихъ въ пещерѣ было никому не вѣдомо.

Черезъ нѣсколько лѣтъ великій князь Изяславъ Ярославичъ, названный во святомъ крещеніи Димитріемъ, создалъ во имя ангела своего, святого великомученика Димитрія, каменную церковь и при ней устроилъ монастырь. А преп. отца нашего Варлаама, какъ человѣка близкаго и искуснаго въ добродѣтеляхъ иноческихъ, взялъ изъ пещеры и поставилъ игуменомъ въ своемъ монастырѣ, гдѣ преподобный хорошо и Богоугодно пасъ стадо Христово, не оставляя своего прежде начатаго правила, къ которому привыкъ въ пещерѣ. Въ особенности поучалъ онъ и молилъ всѣхъ, подвизаться и заботиться о спасеніи души, со всякимъ прилежаніемъ, и имѣть всегда совѣсть непорочную предъ Богомъ и ближними. И Богъ, видя стараніе и попеченіе преподобнаго о братіи, обогащалъ ихъ всѣми добродѣтелями.

Ко многимъ подвигамъ своимъ, преп. отецъ нашъ Варлаамъ предпринялъ и то, что пожелалъ посѣтить святой градъ Іерусалимъ. И, выбравъ удобное время, поѣхалъ туда и, посѣтивъ святыя мѣста, возвратился въ свой монастырь.

И снова чрезъ нѣсколько времени отправился онъ въ Константинополь, и, обойдя тамъ все монастыри и купивъ все для нуждъ монастырскихъ, — возвращался назадъ. По пути, находясь уже на родинѣ, впалъ онъ въ тяжкій недугъ, и, достигнувъ города Владиміра, вошелъ въ монастырь находящійся около того города и называемый Святая Гора, — и тамъ съ миромъ уснулъ въ Господѣ и принялъ кончину жизни, заповѣдавъ предъ концомъ спутникамъ своимъ, отвезти тѣло его въ Печерскій монастырь и тамъ положить, а иконы и все, что купилъ онъ для монастыря, передать въ руки преподобному Θεодосію. Такъ они и сдѣлали по заповѣди преподобнаго. Честныя мощи его лежатъ донинѣ нетлѣнными въ пещерѣ.

Его молитвами да сподобимся и мы на путяхъ жизни этой, творя все по заповѣди Господней, — быть наследниками нашего небеснаго отечества, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Ефрема.

(28 января).

Онъ, странствуя до святыхъ мѣстъ, принесъ уставъ Студійскій по желанію преп. Θεодосія, потомъ же былъ епископомъ Переяславскимъ.

По примѣру блаженнаго Варлаама, сына боярскаго, блаженный Ефремъ, извѣстный и родовитый человѣкъ, весьма отличаемый княземъ Изяславомъ и завѣдывавшій у него всѣмъ,—пришелъ изъ княжьяго дома въ пещеру къ преп. Антонію, прося его — причестъ, вмѣсто службы князю — ко слугамъ небеснаго Царя и возложить на него святой ангельскій образъ иноческаго чина. Преп. же Антоній, поучивъ его о спасеніи души, поручилъ блаженному Никону постричь его; онъ же, исполняя приказаніе, постригъ блаженнаго Ефрема и облекъ его въ иноческую одежду.

Какую же скорбь навелъ на преподобнаго ненавистникъ добра дьяволъ за постриженіе этого блаженнаго Ефрема, какъ и за блаженнаго Варлаама, — было сказано въ житіи преп. Антонія и Никона. Князь тьмы, видя себя побѣждаемымъ тѣмъ святымъ стадомъ, которое собиралось въ темной пещерѣ, и понявъ, что тѣмъ будетъ прославлено святое то мѣсто, плакался о своей гибели и началъ злыми своими кознями раздражать сердце князя Изяслава противъ пре-

подобныхъ, чтобъ искоренить то святое мѣсто. Но не смогъ онъ этого, былъ самъ прогнанъ молитвами преподобныхъ и упалъ въ яму, которую копалъ. И постригшій этого блаженнаго, преп. Никонъ, который былъ приведенъ къ князю и имъ укоряемъ, и самъ первоначальникъ, преп. Антоній, изгнанный съ братією гнѣвомъ княжымъ изъ пещеры — въ скоромъ времени, по ходатайству княгини предъ княземъ Изяславомъ, — больше же, скажу, моленіемъ небесной Царицы Пресвятой Богородицы къ Царю славы, Христу Богу — возвратились въ пещеру свою, какъ храбрые воины съ битвы, побѣдивъ супостата своего, дьявола, и пребыли въ пещерѣ, хваля и благославляя Бога.

Преп. отецъ нашъ Ефремъ, видя, что за его постриженіе такое смущеніе врагъ навелъ на святое стадо, — вооружился на него Богоугодною жизнію въ пещерѣ, молитвами, постомъ и всенощнымъ бдѣніемъ.

Повинуясь во всемъ наставленіямъ отца и руководителя своего, преп. Антонія, онъ съ великимъ рвеніемъ подражалъ всѣмъ его добродѣтелямъ. И какъ преп. Антоній странствовалъ и ходилъ изъ Россіи ко Святой Горѣ: такъ и преп. отецъ нашъ Ефремъ горѣлъ духомъ видѣть святыхъ мѣста, чтобъ тамъ, бывъ свидѣтелемъ равноангельской жизни святыхъ отцовъ, понудить себя съ любовью на добродѣтельные ихъ труды. И онъ молилъ преп. Антонія дать ему благословеніе, идти въ Греческую страну — и тотъ, не желая лишать его мзды подвига странничества, — отпустилъ его съ благословеніемъ и молитвою, какъ нѣкогда Ной голубя изъ ковчега, чтобъ она принесла вѣтку маслины. Тогда преп. отецъ нашъ Ефремъ, принявъ, какъ два крыла, молитву и благословеніе старца, — отправился въ путь и, достигнувъ Константинополя, посѣщалъ и приглядывался повсюду къ жилищамъ небесныхъ людей, земныхъ ангеловъ, — и на-

сыщался богатою духовною пищею, душеполезными словами и наставленіями тѣхъ святыхъ отцовъ, такъ что онъ и замедлилъ тамъ нѣкоторое время. Когда же любовь къ отечеству призвала его опять назадъ— тогда, чтобъ не возвратиться къ мысленному своему ковчегу безъ масличной вѣтви, — онъ списалъ уставъ святаго Студійскаго монастыря, и принесъ въ Печерскій монастырь, за которымъ посылалъ къ нему отъ имени преп. Антонія, — блаженный игумень Θεодосій.

По возвращеніи отъ святыхъ мѣсть, онъ прожилъ въ Печерскомъ монастырѣ немного, но былъ образцомъ многихъ добродѣтелей, къ душевной пользѣ братіи, такъ что всѣ за него благодарили Бога.

Въ то время преставился блаженный епископъ Переяславскій Петръ; по благословенію Божію и общему рѣшенію, и по желанію великаго князя Всеволода Ярославича, преп. отецъ нашъ Ефремъ былъ поставленъ, преосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ Іоанномъ во епископа Переяславскаго.

Принявъ этотъ великій санъ святительства, онъ сталъ прилагать особую заботу къ дѣлу церковнаго строительства въ епископіи своей, считая долгомъ лучшимъ и самымъ дорогимъ для себя—умножать хваленіе пресвятому имени Божію. Богъ помогаль ему въ томъ дѣлѣ. Въ немного лѣтъ воздвигъ онъ великую прекрасную церковь святаго архистратига Михаила, которую сдѣлалъ престольною Переяславской епископіи. Также выстроилъ церковь св. Θεодора на вратахъ и св. апостола Андрея первозваннаго при вратахъ, изъ каменныхъ стѣнъ.

И различными зданіями церковными онъ украсилъ городъ Переяславль, все каменными, чего прежде тамъ не было. Но все это впослѣдствіи исчезло, когда попущеніемъ Божіимъ, въ наказаніе за грѣхи наши, — вся Россійская земля была предана злочестивому царю

Батью. Тогда палъ жребій и на славный городъ Переяславль.

Этотъ преподобный, во время епископства своего, присутствовалъ при перенесеніи честныхъ мощей преп. отца нашего Θεодосія Печерскаго.

Поживъ праведно и Богоугодно, принялъ онъ конецъ временной жизни. Честное тѣло его положили съ честію въ созданной имъ церкви, въ которой установилъ онъ быть каѳедрѣ Переяславской епископіи; душою-же возшелъ онъ къ нерукотворенному престолу Владыки. Да будемъ тамъ и мы, собранные какъ овцы гласомъ пастырскихъ молитвъ преп. отца нашего Ефрема, чтобъ съ нимъ вмѣстѣ прославить Начальника пастырей Исуса, и съ Нимъ и въ Немъ Бога Отца и Святаго Духа въ безконечные вѣки. Аминь.

Житіе преподобнаго отца нашего Исаіа чудотворца.

(15 мая).

Онъ изъ Печерскаго монастыря сперва взятъ былъ на игуменство монастыря св. великомученика Димитрія, потомъ на епископство Ростовское. Здѣсь, приводя народъ къ вѣрѣ, сотворилъ онъ много чудесъ и перенесенъ былъ ангелами на освященіе церкви Печерской.

Блаженный Исаія былъ рожденъ и воспитанъ въ Россійской землѣ, въ Кіевской области, благородными и Христолюбивыми родителями. Съ юныхъ лѣтъ возлюбивъ Христа и оставивъ сладость міра, онъ пришелъ въ Печерскій монастырь къ преп. Θεодосію, желая быть черноризцемъ. Преп. Θεодосій, прозрѣвая духомъ, что онъ будетъ трудолюбивымъ работникомъ въ подвижнической жизни, возложилъ на него иноческій образъ. Онъ же, стремясь къ добродѣтелямъ и прилагая труды къ трудамъ, — возлагалъ на себя такія страданія, что всѣ дивились жестокому его житію, и горѣли любовью къ нему. Ибо онъ былъ кротокъ, смиренъ, послушенъ, нестяжателенъ, братолюбивъ. Будучи во плоти, являлъ ангельское житіе, — великимъ воздержаніемъ и терпѣніемъ умерщвляя въ себѣ всѣ страсти и похоти плотскія. Украшенный и какъ бы стоя на четвероконной колесницѣ добродѣтелей мудрости, правды, мужества и цѣломудрія, — онъ шель къ горнему Іерусалиму, показывая себя небеснымъ гражданиномъ. И всюду раз-

неся слухъ о его добродѣтели—ибо «не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы». (Матѳея, 5, 14).

Поэтому благовѣрный князь Изяславъ Ярославичъ, слышавъ о Богоугодной жизни его, молилъ преп. Θεодосіа, чтобъ онъ благословилъ преп. Исаію принять игуменство въ монастырѣ св. великомученика Димитрія, ибо преп. Варлаамъ, бывшій тамъ игуменомъ, принялъ кончину временнаго житія.

Преп. же Θεодосій, преклоняся къ просьбѣ благовѣрнаго князя,—благословилъ преп. Исаію и послалъ его на игуменство въ тотъ монастырь. Блаженный, не желая ослушаться преподобнаго, волѣ котораго подчинилъ всѣ свои желанія,—принялъ начальнической санъ и сталъ опытнымъ наставникомъ братіи, и добрымъ пастыремъ, мудро пасшимъ врученное ему стадо. Если измѣнился его санъ, то не измѣнилъ онъ вниманія своего и дѣланія, но всегда имѣя умъ, направленный къ Богу, прилежалъ обычному смиренію и тѣлеснымъ трудамъ. Чтобъ быть полезнымъ братіи, онъ приходилъ первымъ на послушанія и, что приказывалъ другимъ, то сперва исполнялъ самъ, подавая собою примѣръ всѣмъ, чтобъ ввести всѣхъ на гору добродѣтелей. А обучаемые обыкновенно слѣдуютъ не столько словамъ, сколько дѣламъ учителя.

Благовѣрный князь Изяславъ, видя, что пріобрѣлъ для монастыря своего такого святаго мужа, — радовался и благодарилъ за него преп. Θεодосіа.

Всесильный же Богъ, строящій все по мановенію Своему, чтобъ еще больше прославить угодника Своего (какъ и тотъ прославилъ Зиждителя своего добрыми дѣлами), почтилъ его саномъ святительства. Когда отошелъ къ Богу блаженный Леонтій чудотворецъ, епископъ Ростовскій, преп. игуменъ Исаія судомъ Божиимъ и общимъ избраніемъ поставленъ былъ во епископа Ростовскаго.

Принявъ такой великій санъ, онъ перешелъ на свой престолъ въ Богохранимый городъ Ростовъ, и видя тамъ своихъ свирѣпѣющихъ овецъ, т.-е. новокрещенныхъ людей, не утвержденныхъ еще твердо въ вѣрѣ,— содрогался сердцемъ, помышляя, что долженъ дать за нихъ отвѣтъ въ день суда Начальнику пастырей Иисусу. Итакъ, съ опасеніемъ приступилъ онъ къ пастырскимъ трудамъ, уча и моля Христоименитое стадо быть утвержденнымъ въ вѣрѣ и подражать жизни Христу. «Всѣ вы,—говоритъ онъ,—во Христа крестившіеся, во Христа облеклись (Галат., 3, 27), потому должны вы во всемъ слѣдовать Христу и ученію Его, чтобъ имя Христово похваляемо, а не хулимо было среди христіанъ».

Обходилъ онъ и другіе города и селенія въ Ростовской и Суздальской области, распалемый рвеніемъ къ благочестію. И гдѣ находилъ идоловъ и капище, раззорялъ ихъ и предавалъ огню, а людей училъ и наставлялъ вѣровать православно во Святую и Единую Троицу. Принимающихъ вѣру, онъ крестилъ во имя Отца и Сына и Святаго духа, а не хотящихъ вѣровать удивлялъ многими знаменіями, чтобъ и ихъ могъ приклонить къ вѣрѣ. Итакъ, благодатію Божіею, вскорѣ привлекъ всѣхъ ко Христу.

Былъ онъ милостивъ къ убогимъ, сирымъ и вдовамъ, былъ голодныхъ питатель, печальнымъ утѣшитель, бѣднымъ помощникъ и заступникъ, по Іову—глазъ слѣпымъ и нога хромымъ (Іова, 29, 15), такъ что всѣ радовались имъ и повсюду прославляли Бога, даровавшаго такого отца, учителя и наставника той странѣ.

Въ годы благочестивой державы благовѣрнаго князя Кіевского Всеволода Ярославича, когда Богъ благоволилъ устроить освященіе небесиподобной Печерской церкви, и преосвященный Іоаннъ, митрополитъ Кіевскій былъ удрученъ великою печалью, что пришло время

освященія, а онъ не успѣлъ собрать для сослуженія Боголюбивыхъ епископовъ, изъ-за далекаго разстоянія до ихъ каедръ;—тогда Богомъ посланные юноши, святые ангелы, возвѣстили время освященіи епископамъ и собрали ихъ на это освященіе, какъ апостоловъ, собранныхъ на погребеніе Пресвятой Богородицы. Подобно прочимъ, и преп. епископу Исаи, находившемуся въ престольномъ городѣ своемъ, Ростовѣ, предстали въ видѣ юношей Божественные ангелы и, возвѣстя ему ту же вещь,—подняли его, и, несомый ими какъ на облакахъ, преподобный очутился вмѣстѣ съ прочими архіереями въ чинѣ освященія.

Эту дивную вещь открыто самъ отъ себя съ благодареніемъ повѣдалъ преп. отецъ нашъ Исаія и преосвященному митрополиту въ Богоспасаемомъ городѣ Кіевѣ, и когда, по освященіи небесиподобной Печерской церкви, возвратился на свою каедру, и весь церковный клиръ и Христоименитые люди вышли съ радостью къ нему навстрѣчу изъ Ростова.

Послѣ того онъ пробылъ на престолѣ своемъ одинъ годъ и, благодно пасши свое стадо, обративъ къ Богу много невѣрныхъ, воздвигши много церквей и сотворивъ много чудесъ, въ добромъ исповѣданіи кончилъ временную жизнь, въ годъ отъ созданія міра 6598, отъ Рождества же Христова 1090, мѣсяца Мая 15 дня.

И такъ онъ, восхищенный раньше на время святыми ангелами къ небесиподобной церкви—перенесенъ былъ теперь ими душою въ самыя небеса на вѣчность. Туда и мы да будемъ перенесены молитвами преп. отца нашего Исаи, ходатайствомъ Пречистой Богоматери, благодатію Самого Творца Небеснаго, Единаго въ Троицѣ Бога, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіє преподобнаго отца нашего Даміана пресвитера и цѣлебника Печерскаго.

(5 октября).

Онъ исцѣлялъ больныхъ молитвою и святымъ елеемъ; умирая же, видѣлъ ангела въ образѣ святаго Θεодосія, извѣстившаго его о царствіи небесномъ.

Страдая различными болѣзнями—и душевными, и тѣлесными, будемъ призывать на помощь пресвитеровъ для помазанія елеемъ, по слову Писанія (Іакова, 5, 14) — и блаженнаго Даміана, угодившаго Богу цѣлебника и пресвитера, подвизавшагося въ святомъ Печерскомъ монастырѣ во время игуменства преп. Θεодосія.

Этотъ достойный удивленія инокъ со всякимъ рвеніемъ, всякими добродѣтелями, подражалъ житію преп. отца и наставника своего Θεодосія. Многіе свидѣтельствуя о добромъ его житіи, смиреніи и послушаніи, что онъ стяжалъ покорность ко всѣмъ; въ особенности же жившіе съ нимъ въ келліи видѣли кротость его, воздержаніе отъ сна во всю ночь, прилежное чтеніе святыхъ книгъ, частое вставаніе на молитву. И еще много рассказывали о немъ—онъ былъ такой воздержный постникъ, что кромѣ хлѣба и воды ничего не ѣлъ до дня смерти своей.

Потому онъ и сподобился дара чудотворенія отъ Господа, въ особенности же дара, даннаго древнему Даміану, котораго носилъ онъ имя, т. - е. дарованія

исцѣленій. Если кто приносилъ дитя, одержимое какимъ-либо недугомъ, или взрослый человѣкъ, страдавшій какою-нибудь болѣзнью,—приходилъ или бывалъ привозимъ въ монастырь къ преп. Θεодосію, — онъ повелѣвалъ преп. Даміану творить молитву надъ больнымъ, и тотъ, съ покорностью и смиреніемъ, считая себя недостойнымъ дара чудотворенія, — творилъ молитву надъ больнымъ, помазывалъ его святымъ елеемъ, и благодатію Божіею всѣ получали исцѣленіе и уходили здоровыми.

Когда же блаженный Даміанъ, поживъ довольно лѣтъ Богоугодно въ иноческихъ трудахъ и показавъ къ пользѣ душевной свѣтлыя дѣла,—уже былъ достоинъ жизни вѣчной—тогда, достигнувъ конца временной этой жизни, впалъ въ болѣзнь и, близкій къ смерти, молился Богу со слезами: «Господь мой Іисусъ Христосъ, сподоби меня быть сообщникомъ славы святыхъ Твоихъ, и съ ними быть причастнымъ Царствія Твоего, не отлучи меня—молюсь Тебѣ, Владыко—отъ отца и наставника моего, преп. Θεодосія,—но съ нимъ вмѣстѣ причти меня къ избраннымъ, въ томъ сіяніи, которое уготовалъ Ты праведнымъ...» Когда онъ молился такъ, внезапно предсталъ у одра его ангелъ во образѣ преп. Θεодосія и, наклонившись ко груди его, и давъ ему цѣлованіе, сказалъ ему: «Господь послалъ меня извѣстить тебѣ, что то, о чемъ молишься ты Господу—будетъ тебѣ по твоему прошенію; ты будешь причтенъ съ его святыми и водворишься съ ними въ царствіи небеснаго Владыки. Когда же Господь Богъ повелитъ тебѣ преставиться отъ этой жизни, и прійти къ Себѣ—тогда мы не разлучимся другъ отъ друга, но будемъ вмѣстѣ въ томъ свѣтѣ». Сказавъ это, онъ сталъ невидимъ для преподобнаго.

Преп. Даміанъ понялъ, что это было явленіе ему отъ Бога, такъ какъ онъ не замѣтилъ, чтобъ говорившій съ

нимъ вошелъ чрезъ двери или вышелъ чрезъ двери, но онъ сталъ невидимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ явился. Поэтому немедленно онъ позвалъ келейника и послалъ его къ преп. Θεодосію, прося его прійти къ нему. Когда же святой пришелъ, блаженный Даміанъ сказалъ ему съ веселымъ лицомъ: «Отче, будетъ ли такъ, какъ ты обѣщаль сегодня, явившись мнѣ?»—Преподобный, такъ какъ не зналъ объ этомъ, отвѣтилъ: «Не знаю, чадо, что я обѣщаль тебѣ». Тогда открылъ ему блаженный Даміанъ, какъ онъ молился, и какъ явился къ нему нѣкто съ обѣщаніемъ, въ образѣ преподобнаго. Услыхавъ это, Боговдохновенный Θεодосій восхвалилъ Бога и, прослезясь, сказалъ блаженному: «Да, чадо, будетъ такъ, какъ онъ тебѣ обѣщаль—ибо ангелъ Божій явился тебѣ во образѣ моемъ, а я, грѣшный, какъ могу обѣщать такую славу, которая уготована праведнымъ!» Блаженный Даміанъ, получивъ такое извѣщаніе, былъ въ радости и въ благой надеждѣ.

Собралась вся братія; онъ простился со всѣми и въ добромъ исповѣданіи съ миромъ предаль душу свою въ руки Господа, ангеламъ, пришедшимъ за нимъ, и просвѣтлѣлъ лицомъ, показывая, какъ радостно разлученіе души съ тѣломъ.

Тогда преп. Θεодосій приказаль ударить въ било, чтобъ собралась и прочая братія,—и съ пѣніемъ и великою честью погребли честное тѣло угодника Христова въ пещерѣ, въ честь славимаго въ Троицѣ Бога, Который, молитвами цѣлителя Даміана, да сподобить и насъ быть общниками Царствія Своего, гдѣ нѣтъ болѣзни, въ безконечные вѣки. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Іереміа прозорливаго.

(5 октября).

*Онъ предсказывалъ будущее и провидѣлъ помышленія чело-
вѣческія.*

Пророкомъ Іереміею почтена и наша земля; говоримъ не о древнемъ, но по правдѣ сказать—не можемъ назвать его и юнымъ. Ибо этотъ блаженный Іеремія Печерскій достигъ такой старости, что помнилъ крещеніе Русской земли, бывшее во дни благовѣрнаго великаго князя Владиміра; и самъ блаженный былъ просвѣщенъ тогда купелью святого крещенія. Спустя долгое время, пришелъ онъ во святой Печерскій монастырь, къ преп. отцамъ нашимъ Антонію и Θεодосію и принялъ великій ангельскій схимническій образъ, въ которомъ подвизался Богоугодно, ревнуя житію святыхъ отцовъ.

За великую добродѣтель его, данъ былъ ему отъ Бога даръ пророчествовать будущее, и провидѣть помышленія людей. Если въ комъ онъ видѣлъ злую мысль,—обличалъ его наединѣ и наставлялъ беречься навожденій дьявольскихъ. Особенно же, если какой братъ думалъ покинуть монастырь, онъ, прозрѣвая то, приходилъ къ этому брату, обличалъ мысль его и утѣшалъ, увѣщавая долготерпѣть и крѣпко стоять въ подвигѣ борьбы противъ ненавистника добра, врага нашего, и быть непоколебимымъ. И на столько укрѣ-

плялъ брата, что тотъ уже больше никогда и не думалъ объ этомъ.

Если кому блаженный говорилъ, что какое - нибудь рѣшеніе хорошо или дурно, слово старца всегда сбывалось. Итакъ, проживъ много лѣтъ и принеся прозрѣніемъ своимъ пользу многимъ, — онъ преставился въ глубокой старости и, оставивъ покровъ души своей, тѣло, въ пещерѣ — отошелъ ко древнимъ пророкамъ на созерцаніе лицомъ къ лицу открытыхъ тайнъ Самого Ветхаго деньми Бога Отца, Ему же слава съ Единороднымъ Его Сыномъ и единосущнымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіє преподобнаго отца нашего Матѳея прозорливаго.

(5 октября).

Онъ ясно видѣлъ бѣсовскія мечты и помышленія человѣческія.

Этотъ блаженный отецъ нашъ Матѳеѣй Печерскій не именемъ только поревновалъ первому изъ евангелистовъ; но, какъ тому было дано видѣть Эѳіопскую страну, и обличать ее въ невѣріи: такъ и этотъ блаженный, иночествуя въ Печерскомъ святомъ монастырѣ,—во дни святыхъ первоначальниковъ той святой обители — за великіе свои подвиги получилъ отъ Бога дарованіе, — видѣть ясно лица подземныхъ эѳіоповъ, бѣсовъ,—обличать ихъ затаенныя козни и открывать на великую пользу спасающимся.

Этотъ блаженный старецъ, стоя однажды въ церкви на своемъ мѣстѣ, — обвелъ глаза свои и посмотрѣлъ на братію, которая стояла по всеѣмъ сторонамъ и пѣла. И онъ увидѣлъ бѣса, который обходилъ ихъ въ образѣ воина; онъ на воскресиліи ризъ своихъ носилъ липкіе цвѣты — и, кладя на цвѣтокъ что-то злое, — бросалъ его на кого-нибудь. И, если цвѣтокъ приставалъ къ кому-нибудь изъ поющей братіи, въ томъ послѣ малого стоянія разслабѣвало вниманіе и, найдя себѣ какой-нибудь предлогъ, онъ выходилъ изъ церкви, и шелъ въ келлію, гдѣ спалъ, не возвращаясь больше

въ церковь на пѣніе. Если же бросаль на кого, но цвѣтокъ не приставаль,—тотъ стояль крѣпко на пѣніи, пока не отпѣвали утреню, и тогда отправлялся въ свою келлію. Видѣвъ это, старецъ разсказаль о томъ братіи, и всѣ остерегались выходить изъ церкви.

У этого старца былъ обычай, что, когда, послѣ утрени, братія расходилась по келліямъ, онъ послѣднимъ выходилъ изъ церкви. Однажды, когда онъ вышелъ такъ, онъ сѣлъ подъ церковнымъ биломъ, желая немного уснуть, потому что келлія его было далеко отъ церкви. И онъ увидалъ, что большая толпа идетъ отъ монастырскихъ воротъ и, присмотрѣвшись, увидалъ одного бѣса, съ гордостью сидящаго на свиньѣ, и множество другихъ, идущихъ вокругъ него. И сказаль имъ старецъ: «куда идете вы?» Бѣсъ, сидящій на свиньѣ — отвѣчалъ: «За Михаиломъ Тоболковичемъ». Старецъ же, осѣнивъ себя крестомъ, пошелъ въ келлію; уже былъ разсвѣтъ дня, — и, уразумѣвъ видѣніе, старецъ сказаль ученику своему: «Пойди спросить, въ келліи ли Михаилъ». Тотъ пошелъ спросить, и ему отвѣчали: «Сегодня послѣ утрени вышелъ онъ за монастырскую ограду». Старецъ повѣдалъ видѣніе игумену и старѣйшей братіи. Призвавъ брата, игумень разспросилъ брата о его поведеніи и, наставивъ его словомъ назиданія, отпустилъ его въ его келлію. Преп. же Матѳеѣй, будучи прозорливъ, и прочію братію съ любовью научаль сидѣть въ келліи, постоянно помянуть Бога и молиться о своихъ грѣхахъ.

При этомъ преп. Матѳею преставился блаженный игумень Θεодосій, — и Стефанъ сталъ игуменомъ на его мѣсто, а послѣ Стефана Никонъ. При немъ случилось Матѳею такое видѣніе. Однажды, стоя за утреню, онъ поднялъ глаза, желая видѣть игумена, блаженнаго Никона, и увидѣлъ осла, стоящаго на игуменскомъ мѣстѣ; онъ понялъ, что игумень не пришелъ къ утренѣ, и

разказалъ ему о томъ. Игумень принявъ это откровеніе, какъ наказаніе, много каялся и съ тѣхъ поръ, отлагая не только лѣность, но и всякое нужное дѣло монастырское, старался имѣть обычай прежде всѣхъ быть въ церкви, такъ что послѣ этого вразумленія онъ скорѣе достигъ блаженной святости.

Также и много другихъ видѣній провидѣлъ этотъ блаженный старецъ и рассказывалъ ихъ на пользу братіи. Достигнувъ доброй старости, онъ почилъ о Господѣ въ добромъ исповѣданіи; его честныя мощи лежатъ нетлѣнно въ пещерѣ со святыми отцами, а самъ онъ молится о насъ, предстоя престолу Владыки, чтобъ избавиться намъ отъ навѣтовъ вражїихъ и получить вѣчную жизнь, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ Ему же слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Исаакія, затворника пещернаго.

(14 февраля).

Онъ прельщенъ былъ діаволомъ, явившимся во образъ Іисуса Христа, и мною пострадалъ, измученный прельстителемъ пляскою и потомъ сталъ юродивымъ Христа ради.

Невозможно, чтобъ искушенія не приходили на человѣка. Ибо, если искушитель дерзнулъ приступить въ пустынь къ Самому Господу (Матѳея, 4, 1 и 4)—тѣмъ болѣе дерзнетъ онъ искушать Господняго раба. Но, какъ золото прошедшее чрезъ огонь,—кажется человѣку свѣтлымъ, такъ и самъ человѣкъ, искушенный напастями врага, преданнаго вѣчному огню, возсіяетъ предъ Богомъ добрыми дѣлами своими, какъ солнце (Матѳея, 14, 44), что сбылось надъ преп. отцомъ нашимъ Исаакіемъ, затворникомъ Печерскимъ.

Преподобный родомъ Торопчанинъ, по жизни въ міру купецъ, былъ богатъ. Рѣшившись быть инокомъ, онъ роздалъ все имѣніе свое нуждающимся и монастырямъ, и пришелъ въ пещеру къ преп. Антонію, прося принять его въ чинъ иноческій. Преп. Антоній, провидя, что добродѣтельная жизнь его будетъ равноангельна и совершенно достойна ангельскаго образа, исполнилъ его просьбу.

Тогда преп. отецъ нашъ Исаакій, ставъ инокомъ, принялъ жестокой образъ жизни. Ему казалось недостаточнымъ одѣваться во власяницу, но онъ велѣлъ купить себѣ козла и содрать мѣхъ, и онъ покрылъ власяницу свою тою кожею, еще сырою и мокрою, и она высохла на его тѣлѣ. Потомъ въ одномъ пещерномъ проходѣ онъ затворилъ себя въ малой келліи, протяженіемъ въ четыре локтя, и тутъ молился Богу со слезами. Его пищею была одна просфора, и то черезъ день, и воду онъ пилъ мѣрою. Это приносилъ ему преп. Антоній и подавалъ ему въ окно столь малое, что едва проходила рука. Онъ никогда не ложился, но, сидя, недолго засыпалъ, и въ такомъ образѣ жизни провелъ семь лѣтъ, не выходя изъ келліи.

Однажды, когда насталъ вечеръ, онъ началъ по обыкновенію класть поклоны, и пѣть до полночи псалмы. Утрудившись, онъ погасилъ свѣчу и сѣлъ на своемъ мѣстѣ. И вотъ, внезапно засіялъ въ пещерѣ яркій свѣтъ, какъ отъ солнца, невыносимый для глазъ, и пришли къ нему два бѣса въ образѣ прекрасныхъ юношей;— лица ихъ сіяли какъ солнце, и они сказали ему: «Исаакій, мы ангелы, а вотъ идетъ къ тебѣ Христось съ прочими ангелами». Вставъ, Исаакій увидалъ множество бѣсовъ, лица которыхъ свѣтились, какъ солнце. Одинъ изъ нихъ сіялъ ярче всѣхъ, и отъ лица его исходили лучи, и сказали они святому: «Исаакій, это Христось, припади и поклонись ему». Исаакій, не понявъ дѣйствія бѣсовскаго, и не вспомнивъ, что нужно оградить себя крестнымъ знаменіемъ—поклонился ему, какъ Христу. Бѣсы тогда подняли громкій крикъ и вопили: «ты нашъ, Исаакій». И, посадивъ его, они стали сами садиться около него, и вся келлія и весь проходъ пещерный были полны бѣсовъ. И сказалъ одинъ изъ бѣсовъ, мнимый Христось: «Возьмите дудки, тимпаны, и гусли, и ударяйте. Пусть Исаакій пляшетъ для насъ».

И тотчасъ ударили въ дудки, тимпаны и гусли, и, взявъ Исаакія, стали съ нимъ скакать и плясать много часовъ и, обезсиливъ его, оставили едва живымъ и, наругавшись такъ надъ нимъ, исчезли. На слѣдующій день, когда пришло время вкушенія хлѣба, преп. Антоній пришель по обычаю къ оконцу и сказалъ: «Благослови, отче Исаакій»—и не было отвѣта. Много разъ онъ повторялъ это, но его не услышали, и отвѣта не было. Тогда онъ сказалъ въ себѣ: «Не преставился ли онъ уже?» И послалъ въ монастырь за преп. Θεοδοсіемъ и за братією. Братія пришла и откопала тамъ, гдѣ былъ заграждень входъ и взяла Исаакія, думая, что онъ мертвъ. Вынеся его, положили его предъ пещерою, и тогда увидѣли, что онъ живъ. И сказалъ игумень, преп. Θεодосій: «Воистину, это случилось съ нимъ отъ бѣсовскаго дѣйствія». Его положили на одръ, и св. Антоній служилъ ему. Въ тѣ же дни, случилось, князь Кіевскій Изяславъ возвратился въ Кіевъ изъ Ляшской земли и началъ по наговорамъ гнѣваться на преп. Антонія за Всеслава, князя Полоцкаго, который во дни преподобнаго владѣлъ нѣкоторое время Кіевскимъ княженіемъ. Князь же Святославъ ночью прислалъ изъ Чернигова за св. Антоніемъ и тотъ, придя къ Чернигову, полюбилъ мѣсто, называемое гора Болдынь, и выкопавъ пещеру, поселился въ ней—тамъ и понынѣ есть монастырь. Преп. же игумень Θεодосій, узнавъ, что св. Антоній удалился въ Черниговъ, пришель съ братією къ пещерѣ и, взявъ Исаакія, принесъ его въ свою келлію и служилъ ему, потому что тотъ былъ разслабленъ умомъ и тѣломъ, такъ что не могъ ни сѣсть, ни встать, ни повернуться, но лежалъ на одной сторонѣ. Часто черви копошились подъ бедрами его, преп. же Θεодосій самъ своими руками мылъ и оправлялъ его—и такъ два года, пока тотъ лежалъ, служилъ ему.

Удивительно то, что въ продолженіе двухъ лѣтъ не вкусилъ онъ ни хлѣба, ни воды, никакого овоща, ни пици — и могъ быть живъ, лежа нѣмымъ и глухимъ. Преп. же Θεодосій творилъ надъ нимъ молитву день и ночь, и, наконецъ, на третій годъ онъ заговорилъ, и просилъ, чтобъ его поставили на ноги, и началъ ходить какъ дитя, но не заботился о томъ, чтобъ идти въ церковь, такъ что едва силою принесли его, и такъ началъ онъ понемногу ходить въ церковь; потомъ началъ ходить въ трапезу, гдѣ сажали его отдѣльно отъ братіи, и клали предъ нимъ хлѣбъ, но онъ не хотѣлъ брать его. Братія клала ему въ руку, но преп. Θεодосій говорилъ: «положите передъ нимъ хлѣбъ и не кладите ему въ руки, чтобъ онъ самъ ѣлъ» — и цѣлую недѣлю не позволялъ класть ему въ руки. Онъ, смотря на другихъ, сталъ понемногу вкушать хлѣба и научился ѣсть. И такъ избавилъ его преп. Θεодосій отъ козней дьявола и отъ прелести его.

Когда же преп. Θεодосій преставился, и блаженный Стефанъ сталъ вмѣсто него игуменомъ, — Исаакій снова началъ жестокою жизнь, говоря искусителю: «Ты уже прельстилъ меня, дьяволь, когда я сидѣлъ въ пещерѣ наединѣ. Отнынѣ я не буду затворяться, но побѣжду тебя, благодатію Божіею, живя въ монастырѣ». Тогда онъ снова одѣлся во власяницу, на власяницу же надѣлъ узкій кафтанъ и началъ помогать поварамъ и работать на братію, раньше всѣхъ приходилъ на утреню и стоялъ крѣпко и неподвижно. Когда же наступала зима, и бывали лютые морозы, тогда на утренѣ стоялъ онъ въ обуви столь разорванной, что часто ноги его примерзали къ камню, и онъ не двигалъ ногами, пока не отпѣвали утреню. Послѣ же утрени онъ прежде всѣхъ входилъ въ поварню и приготавлилъ дрова, огонь и воду, и тогда уже приходили прочіе изъ братій-поваровъ.

Однажды одинъ изъ поваровъ, именемъ тоже Исаакій, сказалъ, насмѣхаясь, блаженному: «Исаакій, вотъ сидитъ воронъ—поди, возьми его». Онъ же, поклонясь до земли, пошелъ, взялъ ворона и принесъ его предъ всѣми поварями. Они ужаснулись случившемуся и повѣдали игумену и братіи, и съ тѣхъ поръ братія стала почитать его. А онъ, не желая славы отъ людей,—принялъ на себя юродство и сталъ дѣлать непріятности—то игумену, то братіи, а то и мірскимъ людямъ, бродя по міру, такъ что многіе били его до ранъ. И, сдѣлавшись юродивымъ,—поселился опять, гдѣ прежде,—въ пещерѣ преп. Антонія, уже преставившагося, и началъ собирать къ себѣ мальчиковъ изъ мірскихъ дѣтей, и возлагалъ на нихъ чернеческое рубище—и тогда сталъ принимать то наказаніе отъ игумена—тогда былъ уже блаженный Никонъ,—то раны отъ родителей тѣхъ дѣтей, и все терпѣлъ онъ съ радостью, подьменя наготу и холодъ дня и ночи.

Однажды ночью, когда преподобный зажегъ печь въ пещерѣ, и печь, которая была ветха, разгорѣлась, и пламя стало выходить наружу языками,—онъ, не имѣя чѣмъ прикрыть скважины,—сталъ босыми ногами на пламя, и стоялъ, пока не выгорѣла печь. И потомъ сошелъ, ничѣмъ не поврежденный. Онъ творилъ много подобныхъ удивительныхъ дѣлъ. Итакъ, получилъ онъ побѣду надъ бѣсами,—и, какъ мухъ, считалъ за ничто ихъ устрашенія и мечтанія.

Часто дѣлали бѣсы пакости ему и говорили: «Ты нашъ, Исаакій, потому что поклонился нашему князю», а онъ говорилъ къ нимъ: «Князь вашъ есть бѣсовскій Веельзевулъ, котораго я не боюсь, какъ идола мухъ (какъ называютъ его), не боюсь и васъ, рабовъ его. Если вы въ первый разъ прельстили меня, то потому, что я не зналъ козней вашихъ и лукавствъ, но нынѣ—силою Господа моего Іисуса Христа и молитвами преп.

отцовъ Антонія и Θεодосія я побѣжду васъ»—и онъ знаменовалъ себя крестомъ, и такъ отгонялъ тѣхъ Веельзевуловыхъ мухъ.

Иногда на блаженнаго видѣнїями бѣсовскими было такое страхованіе, что они въ ночи приходили къ нему, какъ толпа людей, съ мотыками и заступами, говоря: «Раскопаемъ эту пещеру и зароемъ его здѣсь». Другіе говорили: «Выйди, Исаакій, тебя хотятъ зарыть». А онъ говорилъ имъ: «Если бы вы были люди, то ходили бы во дни, вы же—тьма и въ тьмѣ ходите». Тогда, какъ и во всѣхъ мечтанїяхъ, знаменовалъ онъ себя крестомъ, и бѣсы исчезали.

Иногда же они устрашали его въ образѣ медвѣдей или львовъ, или другихъ дикихъ звѣрей, иногда ползли къ нему, какъ змѣи, какъ жабы, мыши и всякіе гады; но ничего не могли сдѣлать ему, и говорили: «Исаакій, ты побѣдилъ насъ». Онъ же отвѣчалъ—«И вы побѣдили меня, явившись во образѣ Іисуса Христа и ангеловъ, будучи недостойны такого сана. Но теперь хорошо дѣлаете, являясь въ образѣ звѣрей и скотовъ, змѣй и гадовъ, потому что и сами вы скверны». И съ тѣхъ поръ не было ему никакихъ досажденій отъ бѣсовъ послѣ трехлѣтней съ ними борьбы, по второмъ поселеніи въ пещерѣ—какъ самъ онъ повѣдалъ. И потомъ началъ онъ снова еще болѣе крѣпкое житіе; имѣлъ еще большее воздержаніе, пощеніе и бдѣніе. И, среди такихъ подвиговъ, приспѣлъ конецъ жизни его и онъ разболѣлся въ пещерѣ. Братія отнесла его, больного, въ монастырь,—гдѣ онъ проболѣлъ до восьми дней и въ добромъ исповѣданіи отошелъ вѣрнымъ путемъ къ Богу. Игуменъ же—уже Іоаннъ—и вся братія, опрятавъ тѣло его, погребли честно со святыми отцами въ пещерѣ.

Такъ этотъ добрый воинъ Христовъ, который сперва былъ побѣжденъ врагомъ, потомъ стяжалъ побѣду и

получилъ Царствіе небесное. Его святыми молитвами да сподобимся и мы, побѣдивъ враговъ душъ нашихъ, царствовать съ Побѣдителемъ ада, Іисусомъ, Царемъ славы, Которому подобаеъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцомъ и со Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно и въ безконечныя вѣки. Аминь.

Свидѣтельство преподобнаго отца нашего Нестора

о святыхъ блаженныхъ первыхъ черноризцахъ Печерскихъ, изъ коихъ житія нѣкоторыхъ онъ описалъ въ этой первой части.

Воистину было дивное чудо, видѣть братію святаго Печерскаго монастыря. Ибо Господь собралъ такихъ черноризцевъ, въ обители Матери Своей, которые сіяли добродѣтелями въ Русской землѣ, какъ свѣтлыя свѣтила,—одни предавались бдѣнію, иные колѣнопреклоненію, одни лишали себя пищи чрезъ день или чрезъ два дня, иные ѣли хлѣбъ съ водою, иные вареную зелень, а иные — сырую,—и всѣ пребывали въ любви. Младшіе покорялись старшимъ, не смѣя говорить передъ ними, развѣ только съ великою покорностью и послушаніемъ. Также и старшіе имѣли любовь къ меньшимъ, наставляли ихъ и утѣшали, какъ своихъ возлюбленныхъ чадъ. И, если кто изъ братіи впадалъ въ какое нибудь согрѣшеніе,—утѣшали его, и ради великой любви епитимію его одного раздѣляли трое или четверо. Если же какой-нибудь братъ отходилъ изъ монастыря, вся братія печалилась тѣмъ и посылала за нимъ, призывая его возвратиться въ монастырь. Когда же братъ приходилъ, всѣ шли къ игумену, кланялись за него и умоляли игумена, и съ радостью принимали въ монастырь. Таковы были Божественная любовь, смиреніе и воздержаніе среди той святой братіи, ко-

торая и по смерти сіяеть какъ негаснуція свѣтила различными чудесами и молитъ Бога за находящуюся здѣсь братію и за чадъ мірскихъ, за всѣхъ работающих въ обители Божіей Матери и за подающихъ тамъ изъ своего имущества въ монастырь... Въ немъ и доннынѣ сіяеть добродѣтельное житіе, въ пѣніи, молитвахъ и послушаніи, во славу Всемогущему Богу и Пречистой Его Богоматери и св. отцамъ Антонію и Теодосію.

Призовемъ же, братіе, тѣхъ блаженныхъ отцовъ и чудотворцевъ на помощь, да молитвами ихъ — и насъ сподобитъ Господь избавиться отъ сѣтей ловящаго насъ діавола, и не отлучитъ насъ отъ участи тѣхъ преп. черноризцевъ, и не отторгнетъ отъ блаженства того святого мѣста, жилища Пречистой Дѣвы, которое Сама Она обѣщала охранять. Но да подастъ Онъ намъ прочіе дни провести въ покаяніи, и пожить Богоугодно, и всѣмъ намъ получить милость во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава со Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

СОДЕРЖАЩАЯ

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

ПРЕПОДОВНЫХЪ И БОГОНОСНЫХЪ ОЦОВЪ НАШИХЪ

ПЕЧЕРСКИХЪ,

КОТОРЫЯ ПРЕПОДОВНЫЙ ОТЕЦЪ НАШЪ

ПОЛИКАРПЪ,

БЫВШІЙ ВПОСЛѢДСТВІИ АРХИМАНДРИТОМЪ

ПЕЧЕРСКИМЪ,

ЛИЧНО СЛЫШАЛЪ ОТЪ

СВЯТАГО СИМОНА, ЕПИСКОПА ВЛАДИМИРСКАГО и СУЗДАЛЬСКАГО,

И ОПИСАЛЪ ВЪ ПОСЛАНИИ СВОЕМЪ

НЪ БЛАЖЕННОМУ АКИДИНУ, ТОГДАШНЕМУ АРХИМАНДРИТУ
ПЕЧЕРСКОМУ.

Житіе преп. отца нашего Никиты затворника.

(31 января).

Онъ прельщенъ былъ діаволомъ, явившимся ему въ образъ ангельскомъ, и сталъ тогда премудрымъ и пророкомъ; когда же покаялся, забылъ все; потомъ же былъ епископомъ и чудотворцемъ Новгородскимъ.

Больше другихъ бываютъ почитаемы такіе храбрые воины, которые привыкли сражаться не въ полку, но въ одиночку устремляются на врага; и, если Господь часто и попускаетъ ихъ пасть на время, чтобъ не превозносились — но, видя ихъ прежнее рвеніе и мужество, не оставляетъ ихъ до конца, возставляетъ ихъ и дѣлаетъ непобѣдимыми. Изъ такихъ храбрыхъ воиновъ Христовыхъ въ Печерскомъ святомъ монастырѣ были преп. Исаакій затворникъ и этотъ блаженный Никита, о которомъ достохвальный Поликарпъ, по разказу св. Симона, свидѣтельствуеть такъ.

Во время игуменства преп. Никона былъ въ Печерскомъ святомъ монастырѣ братъ, именемъ Никита. Онъ началъ просить игумена, благословить ему подвизаться наединѣ, войдя въ затворъ. Игумень препятствовалъ ему, говоря: «Чадо, нѣтъ тебѣ пользы, будучи юнымъ, сидѣть въ праздности. Лучше тебѣ будетъ остаться съ братією и работать на нее, и ты не лишишься награды своей. Ты самъ видѣлъ нашего брата Исаакія Печерскаго, какъ въ затворѣ онъ былъ прельщенъ бѣ-

сами, еслибы не спасла его великая благодать Божія, ради молитвъ преп. отецъ нашихъ Антонія и Θεодосія!> Никита же отвѣчалъ: «Никакъ, отче, не прельщусь я такою вещью; но желаю стать крѣпко противъ козней бѣсовскихъ, и буду молить челоуѣколюбца Бога, чтобъ и мнѣ подалъ даръ чудотворенія, какъ Исаакію затворнику, который и донинѣ творить много чудесъ». Игумень снова сказалъ ему: «Свыше силъ желаніе твое. Берегись, чадо, чтобъ, превозносясь, не ниспасть; я повелѣваю тебѣ служить лучше братіи, и за послушаніе твое ты будешь увѣнчанъ отъ Бога».

Никита же никакъ не могъ послушаться словъ игумена, не могъ подавить въ себѣ великаго рвенія къ затворническому житію, и сдѣлалъ то, что замыслилъ. Затворился, крѣпко заградилъ дверь, и пребывалъ наединѣ, въ молитвѣ, не выходя.

Но чрезъ нѣсколько уже дней не избѣжалъ онъ дьявольскихъ сѣтей. Во время пѣнія своего, услышалъ онъ голосъ, молящійся вмѣстѣ съ нимъ и обонялъ неслезанное благоуханіе. И, прельстившись этимъ, сказалъ въ себѣ: «Еслибъ не былъ это ангелъ, то онъ не молился бы со мною, и не было бы здѣсь обонянія Святаго Духа». И началъ онъ прилежно молиться, говоря: «Господи, явися мнѣ самъ, чтобъ я увидѣлъ тебя!» Тогда былъ къ нему голосъ: «Не явлюся я тебѣ, потому что ты юнъ, чтобъ ты не ниспалъ превознесшись». Затворникъ же со слезами сказалъ: «Не прельщусь я, потому что игумень научилъ меня не внимать прелести бѣсовской; я сдѣлаю все то, что ты велишь!» Тогда душегубительный змѣй, получивъ власть надъ нимъ, сказалъ: «Невозможно челоуѣку, находящемуся въ тѣлѣ, видѣть меня. Но я посылаю ангела моего, чтобъ онъ былъ съ тобою, а ты твори волю его». И предъ нимъ сталъ бѣсъ въ образѣ ангела. Никита же палъ ницъ и поклонился ему, какъ

ангелу, и сказалъ ему бѣсъ: «Съ этихъ поръ ты уже больше не молись, но читай книги, и такъ ты будешь бесѣдовать съ Богомъ,—и подавай полезныя слова проходящимъ къ тебѣ. Я же всегда буду молить Творца всѣхъ о спасеніи твоёмъ». Повѣривъ этимъ словамъ, еще больше прельстился затворникъ, и уже больше не молился, но прилежалъ чтенію книгъ и видѣлъ постоянно бѣса, молящагося о немъ, и радовался, думая, что ангель творить за него молитву. Много онъ бесѣдовалъ съ проходящими къ нему, изъ Писаній, о пользѣ души. Началъ онъ и пророчествовать, и шла о немъ великая слава, такъ что всѣ дивились, какъ сбываются слова его.

Однажды послалъ онъ къ князю Изяславу, говоря: «Сегодня въ Зоволочьи убить князь Глѣбъ Святославичъ. Скорѣй пошли сына своего Святополка на престоль Новгородскій». И какъ онъ сказалъ, такъ и случилось—чрезъ нѣсколько дней пришла вѣсть объ убіеніи князя Глѣба. И оттого еще сильнѣе прослылъ онъ за пророка, и много слушали его князь и бояре. Если бѣсъ и не знаетъ того, что будетъ; но, что сдѣлалъ онъ самъ, или чему научилъ злыхъ людей, убить или украсть—то онъ можетъ указать; также, когда приходили къ затворнику за словомъ утѣшенія,—тогда бѣсъ, мнимый ангель, рассказывалъ ему все случившееся съ ними, а онъ пророчествовалъ, и такъ сбывалось.

Никто не могъ состязаться съ нимъ въ книгахъ Ветхаго Завета, ибо онъ зналъ наизусть: Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числь, Судей, Царствъ и всѣ пророчества по порядку, и хорошо зналъ всѣ еврейскія книги, евангельскихъ же и апостольскихъ святыхъ книгъ, преданныхъ намъ благодатію, чтобъ исправиться и утвердиться намъ—никогда не хотѣлъ видѣть, или слышать, не только что читать, и не позволялъ бесѣдовать съ

собою изъ Новаго завѣта. Потому всѣ понимали, что онъ прельщенъ врагомъ.

Встревоженные тѣмъ, пришли къ прельщенному преп. отцы Никонъ игумень, Иоаннъ, который былъ послѣ него игуменомъ,—Пимень постникъ, Исаія, который былъ епископомъ Ростовскимъ, Матеей прозорливый, Исаакій, затворникъ пещерный, Агапитъ врачъ, Григорій чудотворецъ, Николай, который былъ епископомъ Тмутараканскимъ, Несторъ лѣтописецъ, Григорій, творецъ каноновъ, Θεоктистъ, который былъ епископомъ Черниговскимъ, Онисифоръ прозорливый. Всѣ они, сіяющіе добродѣтелями, придя, сотворили молитву къ Богу о Никитѣ и отогнали отъ него бѣса, такъ что онъ больше не видалъ его.

Выведа его изъ пещеры, они просили его сказать имъ что нибудь изъ Ветхаго Завѣта; онъ же клялся, что не читалъ никогда тѣхъ книгъ, которыя прежде зналъ наизусть. А не зналъ онъ ни одного слова, потому что едва былъ обученъ грамотѣ.

Тогда, придя въ себя молитвами преп. отцовъ, онъ исповѣдалъ великій свой грѣхъ и горько оплакивалъ его, и принялъ на себя великое воздержаніе и послушаніе, начавъ чистое и смиренное житіе, такъ что онъ превзошелъ всѣхъ добродѣтелю. Человѣколюбивый же Господь, видя такое подвижничество блаженнаго и не презирая прежнихъ его добродѣтелей,—къ которымъ приучалъ онъ себя въ юности,—принялъ его истинное покаяніе. И, какъ принимая покаяніе Петра три раза отвергшагося отъ Него, сказалъ ему: «Паси агнцевъ Моихъ, паси овецъ Моихъ, паси избранныхъ Моихъ (Іоанна, 21, 15 и 16),—то же знаменіе благопріятнаго покаянія подалъ и блаженному этому Никитѣ. За многую любовь къ храненію всѣхъ заповѣдей, Онъ сдѣлалъ его пастыремъ словеснаго Своего стада, возведя на престолъ епископства Новгородскаго. И тамъ, въ увѣ-

реніе и ясное доказательство прощенія святому того, бывшаго раньше, паденія—прославилъ его добродѣтельную жизнь дарами чудотворенія. Разъ, во время бездождія, помолился онъ, и свель дождь съ неба. Также угасилъ онъ пожаръ въ городѣ, и творилъ много другихъ чудесъ. И, упасши мудро словесную свою паству, преставился ко Господу. И, такъ какъ искушенъ онъ былъ, какъ золото, оказался достоинъ вѣнца вѣчной жизни. Да сподобимся его и мы, молитвами преп. отца нашего Никиты, благодатію Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, Которому со безначальнымъ Его Отцемъ и со Пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Духомъ—честь, хвала и слава подобаеть, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Лаврентія затворника.

(29 января.)

Онъ принудилъ бѣса исповѣдаться, сколько въ Печерскомъ монастырѣ святыхъ, могущихъ словомъ изгонять бѣсовъ, и какъ бѣсы боятся пещеры.

По искушеніи преп. затворниковъ Печерскихъ, Исаакія и Никиты, нашелся—подвизавшійся въ томъ же Печерскомъ святомъ монастырѣ блаженный Лаврентій, который дерзнулъ, какъ добрый воинъ Христовъ, самъ одинъ бороться съ ополчающимся врагомъ душепагубнымъ. И сильно возжелалъ онъ, молиться Богу въ затворѣ, помышляя всегда, что о затворническомъ житіи говоритъ Богъ: «Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою, и затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно». (Матѳея, 6, 6). Но преп. отцы возбраняли ему сдѣлать это въ святомъ Печерскомъ монастырѣ, какъ болѣе другихъ терпящемъ брань отъ прельщающаго врага—и вспомнили, какъ тамъ врагъ одолѣлъ Исаакія и Никиту, боровшихся съ нимъ наединѣ, такъ что они едва воздвигли ихъ, помогая многими молитвами.

Тогда Лаврентій, испросивъ прощеніе, ушелъ въ монастырь св. великомученика Димитрія, который созданъ былъ княземъ Изяславомъ, и тамъ иночествовалъ въ затворѣ. Началъ онъ жить подвижнически, и прилагать великое тщаніе о спасеніи своемъ, со всякимъ

днемъ предпринимая все бѣльшіе труды, умерщвляя всѣ страсти похотей—голодомъ воздержанія, и посякая ихъ мечемъ духовнымъ, то есть голосомъ молитвы, а разженныя стрѣлы лукаваго угашая водою слезъ. Итакъ, благодатию Божіею—не только самъ былъ предохраненъ отъ уязвленія бѣсовскаго, но получилъ отъ вседаровитаго Бога даръ исцѣлять чудотворно различныя язвы и недуги въ людяхъ и изгонять бѣсовъ. Къ этому блаженному, между прочимъ, приведенъ былъ однажды, для исцѣленія,—изъ Кіева человекъ, одержимый бѣсомъ, лютымъ и сильнымъ, такъ что дерево, которое съ трудомъ несли десять человекъ, онъ поднималъ и забрасывалъ одинъ. Блаженный же затворникъ, желая, чтобъ была прославлена благодать духовнаго его отечества, т. е. Печерскаго святаго монастыря, повелѣлъ вести туда этого человекъ. Тогда бѣсноватый сталъ вопить: «Къ кому посылаешь меня, я не смѣю и приблизиться къ пещерѣ, ради святыхъ, положенныхъ въ ней. Въ монастырѣ есть 30 живущихъ черноризцевъ, которыхъ я боюсь, съ прочими я веду борьбу». Когда онъ исповѣдалъ это о благодати Печерскаго святаго монастыря, снова приказалъ блаженный силою влачить его туда, чтобъ то, что онъ сказалъ, было доказано. Провожатые, зная, что бѣсноватый никогда не бывалъ въ Печерскомъ монастырѣ,—и никого не знаетъ въ немъ, спросили его,—кто тѣ, кого ты боишься,—всѣхъ братій было тогда въ монастырѣ 118. Бѣсноватый перечелъ по имени тридцать и сказалъ: «Эти всѣ могутъ меня изгнать единымъ словомъ». И сказали опять ведущіе: «Мы хотимъ затворить тебя въ пещерѣ». Онъ же отвѣчалъ: «Какая мнѣ польза бороться съ мертвыми? Ибо тѣ имѣютъ теперь большее дерзновеніе молиться Богу о своихъ черноризцахъ и проходящихъ къ нимъ. Но, если хотите видѣть борьбу мою, ведите меня въ монастырь, ибо,—кромѣ тридцати (какъ я сказалъ) могу

боротся со всѣми прочими». И началъ показывать онъ силу свою, говоря по еврейски, потомъ по римски, и по гречески, и коротко говоря—всѣми языками, которыхъ тотъ человѣкъ никогда и не слышалъ, такъ что ведшіе его сильно устрашились, дивясь измѣненіямъ языка его и разногласію.

Прежде чѣмъ войти имъ въ монастырь, нечистый тотъ духъ покинулъ человѣка, и исцѣлѣвшій сталъ понимать все. Сопровождавшіе его въ радости вошли во святую чудотворную Печерскую церковь, чтобъ воздать хвалу Богу. Узнавъ объ этомъ, игумень со всею братією пришелъ туда же въ церковь, и исцѣлѣвшій не зналъ ни игумена, ни одного изъ тѣхъ тридцати, кого онъ назвалъ бѣснуясь. Тогда спросили его: «Кто исцѣлилъ тебя?» Онъ же, смотря на чудотворную икону Пресвятой Богородицы, сказалъ: «Съ нею встрѣтили насъ святые отцы, тридцать числомъ, и такъ я исцѣлился». Имена всѣхъ изъ нихъ онъ помнилъ, въ лицо же не зналъ ни одного. Тогда всѣ вмѣстѣ воздали славу Богу и Его Пречистой Матери и блаженнымъ Его угодникамъ.

И такъ прославилось то святое мѣсто,—по Божію устроенію, бывшему чрезъ этого блаженнаго затворника Лаврентія, который, какъ Варнава отъ Павла (Дѣянія, 15, 36), разлучившись на время съ братіей Печерской,—принесъ бѣльшій плодъ, и оставивъ много свидѣтельствъ различныхъ добродѣтелей своихъ,—равноангельскихъ, въ Изяславовомъ монастырѣ, возвратился опять въ святой Печерскій монастырь. И тамъ, по богоугодной кончинѣ своей, какъ нехудшій прежнихъ затворниковъ, узкими вратами вошедшихъ въ жизнь вѣчную,—положенъ съ честью въ пещерѣ, въ которой доселѣ нетлѣнно пребываютъ его чудотворныя мощи, въ честь видящаго въ тайнѣ и воздающаго затворникамъ явно, хвалимаго въ Троицѣ Бога, Которому слава во вѣки. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Алипія иконописца.

(17 августа).

Онъ безмездно писалъ иконы для церквей и былъ чудотворный врачъ иконописными красками; за него невидимо были написаны чудотворныя иконы, потомъ же и видимо ангель написалъ икону.

Преп. отецъ нашъ Алипій Печерскій явился подражателемъ Божественному Евангелисту Лукѣ. Ибо онъ такъ же трудился для Господа, сотворившаго насъ по образу и подобию Своему, изображая чудотворно не только лица святыхъ на иконахъ, но и добродѣтели ихъ на своей душѣ. Кромѣ того, показался онъ и чудеснымъ врачомъ. Его благочестивое житіе передано намъ такъ.

Во дни благовѣрнаго князя Кіевскаго Всеволода Ярославича, при игуменѣ преп. Никонѣ, по устроению Божію и заботамъ преп. отцовъ Антонія и Θεодосія, явившихся десять лѣтъ спустя отъ преставленія своего въ Константинополѣ, — блаженный Алипій былъ отданъ родителями на обученіе къ греческимъ иконописцамъ, пришедшимъ для украшенія святой Печерской церкви. И онъ былъ свидѣтелемъ того дивнаго чуда, которое описано въ сказаніи о святой Печерской церкви, — когда во время работъ иконописцевъ по украшенію алтаря мусією — въ немъ изобразилась сама собою икона Пресвятой Богородицы, просіяла ярче солнца, затѣмъ голубъ вылетѣлъ изъ ея

устъ и послѣ долгаго летанія влетѣлъ въ уста стоявшей высоко иконы Спасителя. Въ то время этотъ блаженный Алипій, учась, помогаль своимъ мастерамъ, и запечатлѣлъ въ умѣ своемъ, что дѣйствіе Пресятаго Духа пребываетъ въ той святой Печерской церкви.

Когда иконописцы кончили свое дѣло, и украсили живописными образами святую церковь;—Алипій украшенъ былъ тогда, преп. игуменомъ Никономъ, добродѣтельнымъ образомъ святаго ангельскаго иноческаго чина. И онъ, уже умѣвшій хорошо изображать вещественныя лица святыхъ,— началъ обучаться изображать въ себѣ духовныя добродѣтели святыхъ.

И сталъ онъ такимъ искуснымъ художникомъ въ своемъ дѣлѣ, что черезъ работу свою надъ вещественными иконами, благодатію Божіею, тѣмъ самымъ уже являлъ образъ духовной добродѣтели; онъ научился искусству иконнаго писанія не ради богатства, а ради добраго употребленія своего дара, ибо онъ работалъ, рисуя иконы, сколько кому надо было, — всѣмъ, игумену и братіи, ничего не беря за свой трудъ.

Въ особенности же онъ молилъ многихъ, чтобъ, увидавъ въ какой-нибудь церкви обветшавшія иконы, — говорили ему; и онъ, не требуя себѣ на землѣ никакой мзды,—украшалъ ихъ своимъ письмомъ. Когда же не для кого ему было исполнять это дѣло — тогда, занимая золото и серебро, нужное для иконъ, — принимался за работу и отдавалъ иконами, кому былъ долженъ. Такъ дѣлалъ онъ, чтобы не быть празднымъ, потому что древніе отцы сказали, что великъ предъ Богомъ инокъ, всегда занимающійся рукодѣліемъ и равенъ верховному апостолу Павлу, который сказалъ о себѣ: «моимъ нуждамъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послужили руки мои сіи» (Дѣянія, 30, 24).

Если же ему случалось выручить что нибудь за

руководѣліе — онъ раздѣлялъ то на три части: первую часть откладывалъ на все, нужное для иконъ, вторую — въ милостыню нищимъ, третью на нужды монастырскія. Постоянно поступая такъ, онъ не давалъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Ночью занимался онъ бдѣніемъ, молитвою и поклонами; когда же наступалъ день, то со смиреніемъ, безкорыстіемъ, чистою, терпѣніемъ, въ постѣ, Богомыслии прилежалъ руководѣлію, празднымъ никогда нельзя было его видѣть; но ради дѣла никогда не опускалъ онъ соборной молитвы.

Игуменъ же, видя столь великій успѣхъ этого преподобнаго иконописца въ добродѣтеляхъ, что онъ, нося ангельскій иноческій образъ, изображаетъ на себѣ дѣйствіе и единосущнаго образа Божія, Иисуса, іерея по чину Мельхиседекову — постарался возвести его на степень іерейства. Тогда преподобный, поставленный какъ свѣтильникъ на свѣщникъ, — или, лучше сказать — какъ образъ на высококомъ мѣстѣ — просіялъ красотою двойныхъ добродѣтелей, иноческихъ и іерейскихъ, такъ что явился онъ образомъ не простымъ, но чудотворнымъ. И изъ многихъ чудотвореній его нѣкоторыя слѣдуетъ помянуть здѣсь.

Нѣкто изъ богатыхъ Кіевскихъ гражданъ былъ въ проказѣ, и много лѣчился у врачей, волхвовъ и иновѣрныхъ людей, ища помощи, но не получалъ его, а впалъ въ худшее еще состояніе. Тогда кто-то изъ друзей понудилъ его идти въ Печерскій монастырь, и просить печерскихъ отцовъ, помолиться о немъ; онъ едва на это согласился. Когда онъ былъ приведенъ, игуменъ приказалъ напоить его водою изъ колодца и помазать ему голову и лицо. И онъ переполнился весь гноемъ за свое невѣріе; съ плачемъ, въ сѣтованіяхъ возвратился онъ въ свой домъ, и много дней не выходилъ на свѣтъ, стыдясь своего срама, и говорилъ

друзьямъ своимъ: «Покры срамота лице мое, чуждъ былъ брати моей и страненъ сыномъ матери моея», за то, что не съ вѣрою пришелъ я къ преп. отцамъ Антонію и Θεодосію,—и всякій день онъ ожидалъ смерти. Но, придя въ себя, задумалъ онъ исповѣдать всѣ свои согрѣшенія, и потому снова прибылъ въ Печерскій монастырь къ преп. Алипію и исповѣдовался предъ нимъ. Преподобный же сказалъ ему: «Хорошо сдѣлалъ ты, чадо, исповѣдавъ Богу грѣхи твои предъ моимъ недостойнствомъ; такъ и пророкъ исповѣдуетъ Богу: «Я сказалъ: «Исповѣдую Господу преступленія мои, и Ты снялъ съ меня вину грѣха моего» (Пс. 31, 5). Онъ много поучалъ его о спасеніи души, и взявъ иконописныхъ красокъ, разрисовалъ его лицо, помазавъ гнойные струпы. Потомъ, введя его въ церковь, причастилъ его Божественныхъ Тайнъ, и приказалъ умыться водою, которою обыкновенно умываются священники послѣ причастія, и тутъ спали съ него струпы, и вернулось къ нему благообразіе прежнихъ дней, когда онъ былъ здоровъ. И въ чудотвореніи этомъ препод. отецъ нашъ Алипій подражалъ Самому Христу. Какъ Христось, исцѣля прокаженнаго, — велѣлъ показаться ему іерею (Матѳея 8, 4), и принести даръ за очищеніе свое;—такъ и этотъ преподобный приказалъ прокаженному своему показаться предъ нимъ, когда онъ будетъ одѣтъ по чину іерейства, и принести даръ, о которомъ говоритъ пророкъ: «Что воздамъ Господу за всѣ благодѣянія Его ко мнѣ? Чашу спасенія прииму». (Пс. 115, 3 и 4). Тутъ же помянемъ и о дарѣ: правнукъ этого прокаженнаго, за его очищеніе, оковалъ кіотъ надъ святымъ престоломъ въ церкви Печерской золотомъ.

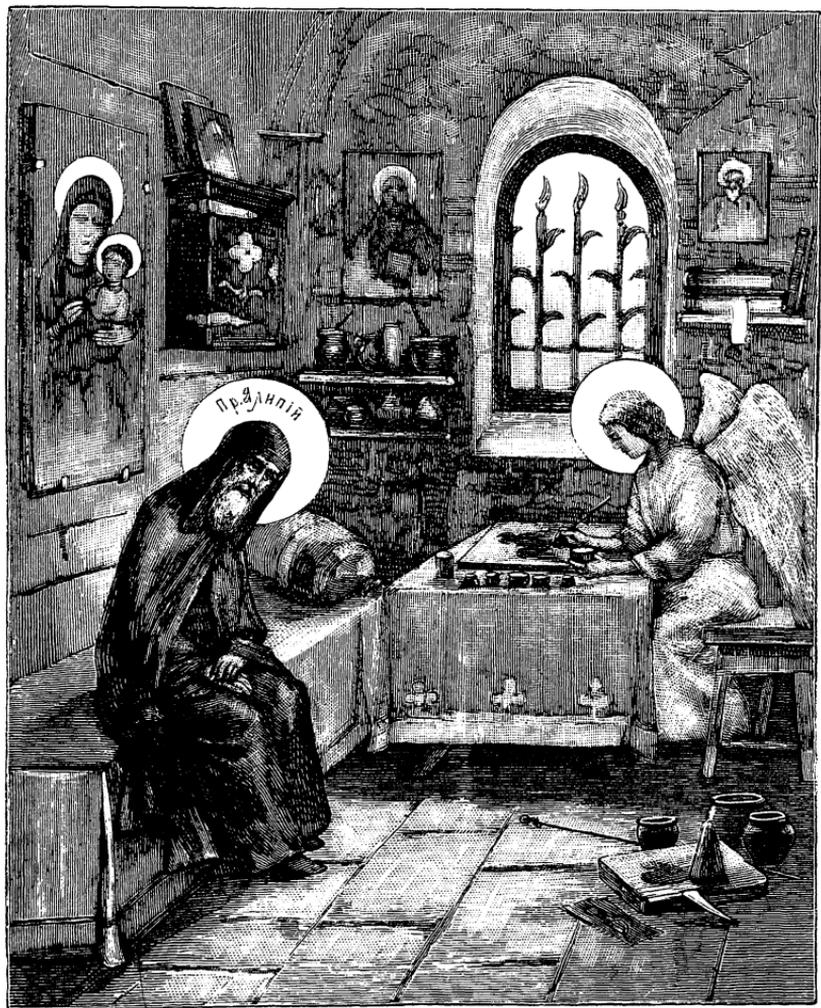
Преподобный явился тутъ также отраженіемъ Христа, исцѣлившаго слѣпорожденнаго (Іоанна 9, 6—7). Ибо, какъ Христось, исцѣля его, сперва помазалъ

ему глаза брениемъ, а потомъ велѣлъ умыться въ купели Силоамской, что значитъ *Посланъ*: такъ и этотъ преподобный сперва помазалъ струпы своего прокаженного иконописными красками, потомъ же велѣлъ ему умыться водою, какою обычно умываются по причастіи, посланники Божіи, архіереи. И такъ исцѣлилъ его отъ темной проказы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ слѣпоты грѣховной. Этому скорому исцѣленію сильно удивлялись всѣ, пришедшіе тогда изъ города.

Но преп. Алипій сказалъ имъ: «Братіе — внимайте словамъ — «никто не можетъ служить двумъ господамъ» (Матѳея, 6, 24). Ибо этотъ человѣкъ сперва поработился грѣхомъ чарованія — врагу; а потомъ пришелъ сюда къ Богу, отчаяваясь, по навѣтамъ вражимъ, въ спасеніи своемъ, и не вѣруя, что одинъ Господь можетъ спасти; поэтому еще бѣлая проказа пала на него за его невѣріе. Ибо сказалъ Господь — «просите (и не просто «просите» — но «съ вѣрою») и дастся вамъ». (Матѳея 7, 7). Когда же теперь онъ, обратившись, покаялся въ томъ грѣхѣ предъ Богомъ, въ чемъ я былъ свидѣтелемъ — Богъ, богатый милостью, исцѣлилъ его». Услышавъ это, всѣ поклонились и пошли съ исцѣленнымъ назадъ, славя Бога и Матерь Его, преп. отцовъ Антонія и Θεодосія, и ученика ихъ, преп. отца нашего Алипія, и говорили о немъ: «По истинѣ, онъ для насъ новый Елисей (IV Царствъ, 5, 14) и исцѣлилъ этого мужа какъ Неемана Сиріянина отъ проказы».

Еще былъ христоробивый мужъ изъ того же города Кіева, который поставилъ церковь и захотѣлъ устроить для украшенія ея семь большихъ иконъ; съ этою цѣлью онъ далъ серебра и иконныя доски двумъ знакомымъ инокамъ Печерскаго монастыря, прося ихъ сговориться о написаніи тѣхъ иконъ съ Алипіемъ. Но тѣ монахи не сказали ничего Али-

пю, а серебро присвоили себѣ. Чрезъ нѣкоторое время закащикъ послалъ къ монахамъ узнать, написаны ли его иконы. Они же отвѣчали, что Алипій требуетъ больше серебра. И опять получили присланное этимъ человѣкомъ серебро, и присвоили его себѣ, и, такъ какъ они были безстыдны, опять послали къ нему, говоря на святаго неправду, что онъ требуетъ еще столько же, сколько получилъ. Христолюбивый тотъ мужъ далъ и въ третій разъ говоря — «я хочу только молитвы и благословенія отъ дѣлъ рукъ его». Алипій не зналъ ничего о поступкѣ тѣхъ монаховъ. Послѣ всего этого, прислалъ тотъ человѣкъ, желая узнать навѣрное, готовы ли иконы. Монахи же не найдя, что отвѣтить, сказали ему: «Алипій троекратно взялъ у тебя серебро, а теперь не хочетъ писать иконъ». Поэтому тотъ христолюбивый мужъ съ многочисленными вооруженными людьми пришелъ въ Печерскій монастырь къ преп. Никону и повѣдалъ ему, какъ опечалилъ его Алипій. Игуменъ призвалъ его и сказалъ: «Зачѣмъ, братъ, сдѣлалъ ты такую неправду вотъ этому сыну нашему? Много разъ просилъ онъ тебя, и давалъ, сколько ты требовалъ; ты же обѣщался и, взявъ столько серебра, не пишешь ему иконъ, между тѣмъ какъ иногда ты пишешь ихъ даромъ». Алипій отвѣчалъ ему: «Отче честный, твоя святыня знаетъ, что я никогда не лѣнился въ этомъ дѣлѣ; а теперь не знаю, о чемъ ты говоришь». Игуменъ снова сказалъ ему: «Трижды бралъ ты цѣну за семь иконъ, и доселѣ не написалъ ихъ» — и на обличеніе святаго послалъ принести доски тѣхъ иконъ, которыя предъ тою ночью видѣли не зарисованными въ одной монастырской келліи. Также велѣлъ онъ призвать тѣхъ монаховъ, чрезъ которыхъ закащикъ давалъ деньги святому, чтобъ они показали противъ него. Посланные за досками пришли и нашли на доскахъ прекрасно изображенныя иконы,

Ангель пишетъ иконы, заказанныя преп. Алипію.

и принесли ихъ къ игумену съ его окружающими. Видя это, всѣ изумились, и въ ужасѣ трепетно пали на землю, и поклонились тѣмъ нерукотвореннымъ образамъ — Господа, Пречистой Богоматери и святыхъ Его. Потомъ пришли и два монаха, оклеветавшіе Алипія, и, не зная о происшедшемъ чудѣ, — начали обвинять святаго, говоря: «Ты взялъ три цѣны, а иконъ не пишешь».

Всѣ тамъ находящіеся, слыша эти обвиненія, показали имъ иконы, говоря: «Эти иконы написаны Самимъ Богомъ, свидѣтельствующимъ незлобіе Алипія». Они, увидѣвъ ихъ, ужаснулись чуда. Обличенные игуменомъ въ кражѣ и лжи, — они были изгнаны изъ монастыря, и лишились всего, что прикопили. Но не оставили свою злобу и, продолжая свою ложь на преп. Алипія, разглашали въ Кіевѣ, что сами написали тѣ иконы, а что закацикъ, не желая заплатить имъ и лишая ихъ договоренной цѣны — выдумалъ это и солгалъ на иконы, будто они написаны Богомъ, въ оправданіе Алипія. И такимъ образомъ они остановили народъ, стекавшійся посмотрѣть тѣ иконы и хотѣвшіе поклониться имъ. Но, если народъ и повѣрилъ тогда тѣмъ монахамъ, оболгавшимъ преп. Алипія, то Богъ прославляющій святыхъ Своихъ (какъ Онъ Самъ сказалъ въ Евангеліи: «Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы. И, зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникъ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ» (Матѳея, 5, 14, 15), не утаилъ добродѣтельныхъ подвиговъ преп. мужа. Даже до князя Владиміра Мономаха дошло чудо, бывшее ради святаго надъ тѣми иконами — и было подтверждено еще такъ.

Однажды попущеніемъ Божиємъ выгорѣлъ отъ пожара въ Кіевѣ весь Подоль, сгорѣла тамъ и церковь, въ которой стояли тѣ иконы, но послѣ пожара, всѣ семь иконъ были найдены цѣлыми и невидимыми.

Услыхавъ это, князь пришелъ самъ посмотрѣть на это чудо. И, увидавъ уцѣлѣвшія иконы, услышалъ, какъ раньше онѣ были написаны въ одну ночь, Божиимъ мановеніемъ, избавившимъ отъ напасти преп. Алипія. Тогда князь Владиміръ Мономахъ прославилъ Бога, Творца всего, сотворившаго столь великія чудеса ради добродѣтелей преп. Алипія. И взявъ одну изъ иконъ, икону Пресвятой Богородицы,—послалъ въ городъ Ростовъ, въ каменную церковь, которую онъ самъ создалъ. Случилось упасть и той церкви въ Ростовѣ, но эта икона осталась невредимою. Тогда внесена она была въ деревянную церковь, но и та со временемъ сгорѣла отъ пожара, а икона опять осталась безъ вреда, не получивъ даже слѣдовъ отъ огня. Всѣ эти событія свидѣтельствовали о добродѣтельной жизни преп. отца нашего Алипія, ради котораго нерукотворенно изобразились тѣ иконы.

Перейдемъ къ чуду, повѣдующему о кончинѣ преподобнаго: какъ этотъ человѣкъ, чудотворный художникъ иконъ, перешелъ отъ жизни временной къ вѣчной.

Одинъ благочестивый мужъ далъ преп. отцу нашему написать намѣстную икону Успенія Пресвятой Богородицы, и просилъ приготовить ее къ празднику Успенія. Черезъ немного дней преподобный разболѣлся и приближался уже къ своему смертному успенію; икона была не написана, и человѣкъ тотъ докучалъ и скорбѣлъ на святаго. Но Алипій сказалъ ему: «Чадо, не докучай, ходя ко мнѣ, но возложи на Господа печаль твою, и Онъ сдѣлаетъ, какъ хочетъ. Твоя икона въ свой праздникъ встанетъ на своемъ мѣстѣ. Человѣкъ тотъ повѣрилъ слову преподобнаго и въ радости ушелъ въ свой домъ. Пришелъ онъ опять уже въ навечеріе праздника Успенія Пресвятой Богородицы. Видя же, что икона не написана, и что преп. Алипій еще сильнѣе боленъ,—досаждалъ ему, говоря: «Зачѣмъ не из-

вѣстилъ ты меня о столь сильной твоей болѣзни, я бы далъ написать икону другому, чтобъ праздникъ былъ свѣтель и честень, а теперь ты посрамилъ меня». Отвѣчалъ ему съ кротостью преподобный: «Чадо, развѣ изъ лѣности не исполнилъ я этого? Но вѣдь Богу возможно единымъ словомъ написать икону Своей Матери; я отхожу отъ міра сего, какъ открылъ мнѣ Господь, но не оставлю тебя скорбнымъ». Закащикъ ушелъ въ великой печали. И, по его уходѣ,—вошелъ нѣкій свѣтлый юноша къ преп. Алипію и началъ писать икону для того мужа. Алипій же, думая, что закащикъ иконъ разгнѣвался на него и прислалъ другого живописца,—сперва думалъ, что это человѣкъ, но скорость и красота работы обнаружили въ немъ ангела. То клалъ онъ золото на икону, то теръ на камнѣ различныя краски и ими писалъ, и такъ въ три часа изобразилъ прекрасную икону. Потомъ сказалъ онъ преподобному: «Отче, не достаетъ ли здѣсь чего, или не ошибся ли я въ чемъ?» Преподобный же отвѣчалъ: «Хорошо сдѣлалъ ты. Богъ помогъ тебѣ написать такъ благолѣпно, и Онъ Самъ сдѣлалъ это тобою». Когда наступилъ вечеръ, живописецъ съ тою иконою сталъ невидимъ. Закащикъ иконы провелъ всю ночь безъ сна отъ печали, что не успѣла икона къ празднику, называлъ себя недостойнымъ этой благодати и многогрѣшнымъ. Вставши, онъ пошелъ къ церкви, чтобъ оплакивать тамъ свои согрѣшенія. Отворивъ двери церкви, онъ увидѣлъ икону на своемъ мѣстѣ, ярко сіяющую. Тогда упалъ онъ отъ страха, думая, что ему явилось нѣкое привидѣніе. Приподнявшись и взглянувшись, онъ узналъ, что это его икона. Находясь въ великомъ трепетѣ и ужасѣ,—онъ вспомнилъ слова преп. Алипія — который сказалъ, что его икона будетъ готова къ своему празднику; и онъ успѣшилъ разбудить домашнихъ своихъ и они съ радостью немедленно по-

шли за нимъ въ церковь, со свѣчами и кандилами и, видя икону, сіяющую какъ солнце,—пали ницъ на землю, поклонились ей и прикладывались къ ней съ веселіемъ на душѣ. Потомъ благочистивый этотъ мужъ пришелъ къ игумену и началъ рассказывать ему чудо, бывшее съ иконою. Они пошли вмѣстѣ къ преп. Алипію, и застали его уже отходящимъ отъ этого міра. Но игумень спросилъ его: «Отче, какъ и кѣмъ была написана икона для этого мужа?» Онъ же повѣдалъ имъ все, что видѣлъ,—и сказалъ: «Ее написалъ ангель, и вотъ, онъ стоитъ тутъ, чтобы взять меня». Съ этими словами онъ предалъ духъ свой въ руки Господа, мѣсяца августа семнадцатаго дня. Братія, опрятавъ его тѣло,—принесли его въ церковь, и сотворивъ надъ нимъ обычное пѣніе, положили его въ пещерѣ преп. Антонія.

Итакъ, украсилъ этотъ святой иконописецъ и чудотворецъ небо и землю,—вознесясь туда добродѣтельною душою, а здѣсь пребывая тѣломъ, въ честь начальнаго иконописца, Бога Отца, Который сказалъ, «Сотворимъ человѣка по образу и подобію Нашему» (Бытія, 1, 26), также и въ честь образа Ипостаси Его (Евр., 1, 3), Бога Сына, Который по виду сталъ какъ человѣкъ (Филип., 2, 7), и Святаго Духа, Который сходилъ въ образѣ голубя (Матеея, 3, 16) и огненныхъ языковъ (Дѣяніе, 2, 3). Да будемъ и мы, соединившись съ преп. отцомъ нашимъ Алипіемъ, хвалить Ихъ, сущихъ во единомъ Существовѣ — въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Агапита, врача безмезднаго.

(1 іюня).

Онъ исцѣлялъ молитвою недугующихъ, подавая имъ зеліе отъ своей тищи, и спасъ врача армянина.

Когда преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій былъ прославленъ даромъ исцѣленій, пришелъ къ нему изъ Кіева въ пещеру блаженный Агапитъ, ища душевнаго исцѣленія чрезъ постриженіе во святой иноческій чинъ, и получилъ его.

И послѣдовалъ онъ всею душою равноангельной жизни преп. Антонія, подвиговъ котораго онъ былъ свидѣтелемъ; какъ тотъ великій мужъ, онъ самъ служилъ больнымъ и исцѣлялъ ихъ своею молитвою,—но, скрывая даръ, данный его молитвѣ, онъ подавалъ имъ зеліе отъ своего кушанья, какъ будто оно было лѣкарственное. Блаженный Агапитъ видѣлъ это, и трудился много лѣтъ, соревнуя въ подвигахъ святому старцу. Когда кто изъ братіи заболѣвалъ, преп. оставлялъ свою келлію (въ ней не было ничего такого, что можно было бы украсть), приходилъ къ больному брату и служилъ ему, подымая его, укладывая, вынося на своихъ рукахъ и непрестанно моля Бога о спасеніи больного, если болѣзнь и длилась—по волѣ Божіей, чтобъ умножить зѣру и молитву раба Божія Агапита. Итакъ,

подражая подвигамъ преп. Антонія, блаженный Агапитель сподобился быть причастникомъ той же благодати: онъ исцѣлялъ молитвою своею всѣхъ больныхъ и подавалъ имъ также зелье, которое варилъ себѣ для пищи. И за то онъ былъ названъ *врачемъ*. Слухъ о немъ распространился въ городѣ, и многіе больные приходили къ нему и уходили здоровыми.

Въ то время жилъ въ Кіевѣ одинъ врачъ, родомъ и вѣрою армянинъ, искусный во врачеваніи, такъ что прежде него не было никогда такого. Осмотрѣвъ лишь больного, близкаго къ смерти, онъ узнавалъ и говорилъ ему день и часъ смерти и никогда не ошибался онъ, такъ что такого человѣка онъ не хотѣлъ и лѣчить. Изъ такихъ больныхъ былъ принесенъ одинъ въ Печерскій монастырь; онъ былъ первымъ бояриномъ князя Всеволода, и армянинъ привелъ его въ отчаяніе, предсказавъ ему черезъ восемь дней смерть. Блаженный же Агапитель, сотворивъ молитву о немъ, далъ ему принять зелья, которое онъ самъ ѣлъ, и сдѣлалъ его здоровымъ, и слава о преподобномъ промчалась по всей землѣ русской. Армянинъ, уязвленный стрѣлою зависти, сталъ укорять блаженнаго, послалъ въ Печерскій монастырь одного осужденнаго на смерть, которому велѣлъ дать смертнаго зелья, чтобъ онъ выпилъ его предъ Агапитомъ и умеръ. Блаженный же, видя его умирающимъ, далъ ему лакого зелья, которое онъ самъ ѣлъ, творя о немъ молитву, и такъ избавилъ отъ смерти осужденнаго на смерть. И съ тѣхъ поръ еще больше того иновѣрный армянинъ былъ возбужденъ противъ преподобнаго. И научилъ единовѣрцевъ своихъ подать ему самому выпить смертнаго зелья. Блаженный же выпилъ и остался невредимъ. Ибо Господь, сказавшій: «Если и что смертоносное выпьютъ, не повредитъ имъ», знаетъ какъ избавлять благочестивыхъ отъ искушенія (2 Петра, 2, 9).

Послѣ этого заболѣлъ въ Черниговѣ князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, котораго усердно лѣчилъ армянинъ, но безъ успѣха, и недугъ усиливался. Поэтому князь, уже находясь при кончинѣ, — послалъ къ Печерскому игумену (тогда игуменомъ былъ Іона), прося прислать къ нему въ Черниговъ блаженнаго Агапита, чтобъ лѣчить его. Призвавъ его, игумень передалъ ему просьбу князя. Но блаженный Агапитъ, котораго никогда не видали выходящимъ изъ воротъ, и врачующимъ, кромѣ какъ въ монастырѣ, отвѣчалъ со смиреніемъ: «Если я съ такимъ дѣломъ пойду ко князю — долженъ идти и ко всѣмъ. Прошу тебя, отче, позволить мнѣ не выходить изъ монастырскихъ воротъ, для славы людской, отъ которой бѣгать до послѣдняго моего издыханія я обѣщался передъ Богомъ; если хочешь — я лучше уйду въ другую страну и возвращусь сюда, когда минуетъ эта нужда». Посланный же княземъ, понявъ, что не удастся ему призвать къ своему господину самого блаженнаго Агапита, сталъ просить его, дать хоть зелія для исцѣленія. По уговору игумена, блаженный далъ посланному зелія отъ своей пищи; и когда оно было принесено къ князю, и онъ принялъ его — онъ сталъ здоровъ молитвами блаженнаго.

Тогда князь Владиміръ Мономахъ пришелъ самъ въ Печерскій монастырь, чтобъ видѣть, кто тотъ, чрезъ кого Господь даровалъ ему здоровье: онъ никогда не видалъ блаженнаго и хотѣлъ почтить его подаркомъ. Но Агапитъ, не желая быть прославляемымъ на землѣ, скрылся и принесенное для него золото князь отдалъ игумену. Въ скоромъ времени тотъ же Владиміръ снова послалъ одного изъ бояръ своихъ со многими дарами къ блаженному Агапиту. Посланный, найдя его въ келліи, положилъ предъ нимъ принесенное. Блаженный же сказалъ ему: «Чадо, я никогда ни отъ кого не бралъ ничего, потому что никогда не исцѣлялъ силою моею,

но Христовою; и теперь не нуждаюсь въ этомъ». Бояринъ отвѣчалъ: «Отче, пославшій меня знаетъ, что ты не берешь ничего, но, прошу тебя, чтобъ утѣшить сына своего, которому Богъ даровалъ чрезъ тебя здравіе,—прими это и отдай, если хочешь, нищимъ». Отвѣчалъ ему старецъ: «Если такъ ты говоришь,—возьму съ радостью. Передай же пославшему тебя, что и все прочее, что онъ имѣетъ — чужое, и ничего не можетъ онъ взять съ собою, отходя изъ жизни, такъ пусть раздастъ то нищимъ. Ибо Господь, Который Самъ находится среди нихъ,—избавилъ его отъ смерти. Я же не сдѣлалъ ничего. Прошу его не ослушаться меня въ томъ, чтобъ не потерпѣть бѣдшійхъ страданій». Сказавъ это, Агапить взялъ принесенное золото, какъ бы для того, чтобъ спрятать, вынесъ его изъ келліи, бросилъ, а самъ побѣжалъ и скрылся. Бояринъ же, вышедшій вскорѣ, увидѣлъ всѣ дары брошенными предъ вратами. Онъ подобралъ ихъ и отдалъ игумену Іоанну. Вернувшись къ князю, онъ разсказалъ ему о блаженномъ все, что видѣлъ и слышалъ, и всѣ поняли, что онъ истинный рабъ Божій, ожидающій награды только отъ Него одного, а не отъ людей. И князь, не осмѣливаясь ослушаться святаго, сталъ щедро раздавать имѣніе свое нищимъ.

Послѣ многихъ трудовъ и богоугодныхъ подвиговъ, разболѣлся самъ безмездный врачъ этотъ, блаженный старецъ Агапить. Узнавъ это, вышеупомянутый врачъ армянинъ пришелъ посѣтить его и завелъ съ нимъ разговоръ о врачебномъ искусствѣ, спрашивая его, какимъ зелиемъ лѣчится такой недугъ. Отвѣчалъ блаженный: «Тѣмъ, которымъ самъ Господь, какъ врачъ души и тѣла,—подастъ здравіе». Армянинъ понялъ, что онъ не свѣдущъ во врачеваніи и сказалъ своимъ: «Ничего не умѣетъ этотъ человѣкъ въ нашемъ искусствѣ». Потомъ, взявъ его за руку, сказалъ: «Истину говорю я—

на третій день онъ умереть. Если же перемѣнится мое слово, тогда я перемѣню свою жизнь и стану самъ такимъ же монахомъ». Блаженный же со гнѣвомъ сказалъ: «Таковъ ли способъ твоего лѣченія, что больше говоришь ты о смерти, чѣмъ о помощи. Если ты искусень—дай мнѣ жизнь. Если же это не въ твоей власти, что досаждаешь мнѣ, приговаривая меня къ смерти чрезъ три дня. Богъ оповѣстилъ меня, что я отоюду къ нему по истеченіи трехъ мѣсяцевъ». Армянинъ снова сказалъ: «Ты уже весь измѣнился; такіе, какъ ты, не живутъ никогда дольше третьяго дня». Старецъ такъ изнемогъ, что уже самъ собою не могъ двигаться. Между тѣмъ, къ преп. Агапиту, самому столь тяжело больному, принесли изъ Кіева другого больного, для исцѣленія. Блаженный, пречудною Божіею помощію, всталъ, какъ будто бы не болѣлъ, и, взявъ свое обычное зеліе, которое употреблялъ въ пищу, показалъ армянину со словами: «Вотъ зеліе, которое служить мнѣ лѣкарствомъ. Смотри и разумѣй». Тотъ же, посмотрѣвъ, сказалъ святому: «Оно не изъ нашихъ, но, думаю, изъ Александріи». Блаженный посмѣялся надъ невѣжествомъ его, далъ больному выпить того зелія, и, помолившись, сдѣлалъ его здоровымъ. Потомъ онъ сказалъ армянину: «Чадо, прошу тебя, поѣшь этого зелія со мною, если хочешь; потому что мнѣ нечѣмъ угостить тебя». Отвѣчалъ ему армянинъ: «Мы, отче, постимся четыре дня этого мѣсяца, и теперь постъ». Услыхавъ это, блаженный спросилъ: «Кто ты и какой вѣры?» Онъ отвѣчалъ: «Развѣ ты не слыхалъ о мнѣ, что я армянинъ?» Блаженный сказалъ ему: «Какъ же ты осмѣлился войти сюда, осквернить мою келлію и держать мою грѣшную руку. Выйди отъ меня, иновѣрецъ и нечестивецъ!»

Послѣ этого блаженный Агапиту, какъ предсказывалъ, прожилъ три мѣсяца и, немного поболѣвъ, ото-

шелъ къ Господу мѣсяца іюня въ первый день. И за то, что онъ былъ на землѣ безмезднымъ врачомъ,—получилъ великую мзду уже на небѣ, гдѣ нѣтъ болѣзни. Братія, опрятавъ его честныя мощи, по обычаю, положили съ пѣніемъ въ пещерѣ преп. Антонія.

По смерти святаго, армянинъ пришелъ въ Печерскій монастырь и сказалъ игумену: «Съ этихъ поръ я оставляю армянскую ересь и истинно вѣрую въ Господа Іисуса Христа, Которому желаю работать въ иноческомъ святомъ чинѣ. Ибо мнѣ явился блаженный Агапитей, говоря: «Ты обѣщался принять иноческій образъ, если же солжешь—то съ жизнью погубишь и душу». И я вѣрую, что явившійся ко мнѣ—святъ; потому что, еслибъ хотѣлъ онъ долго жить здѣсь, Богъ даровалъ бы это ему; я думалъ, что онъ не проживетъ и трехъ дней, Богъ же прибавилъ ему три мѣсяца, и, еслибъ я сказалъ, что ему не прожить трехъ мѣсяцевъ, онъ жилъ бы три года. И я думаю теперь, что онъ самъ хотѣлъ уйти отъ насъ—какъ святой, желая Царствія святыхъ. И, если Богъ взялъ его изъ временной жизни въ этой обители—Онъ далъ ему жизнь вѣчную въ небесныхъ обителяхъ. Поэтому я желаю исполнить скорѣе приказаніе этого святаго мужа». Выслушавъ эти слова отъ армянина, игумень постригъ его въ иноческій святой чинъ, давъ наставленіе врачу чужихъ тѣлъ, быть искуснымъ во врачеваніи своей души, подражая блаженному Агапиту. Онъ провелъ жизнь свою въ Богоугодныхъ подвигахъ, и въ томъ же Печерскомъ монастырѣ принялъ блаженную кончину—въ честь врача душъ и тѣлесъ, Господа нашего Іисуса Христа, со безначальнымъ его Отцомъ, и со пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Григорія чудотворца.

(8 января).

Онъ издали былъ страшенъ бѣсамъ, и вразумилъ воровъ великими чудесами; потомъ предсказалъ князю потопленіе, самъ былъ за то потопленъ, а тѣло его чудотворно нашли въ его келліи.

Не только Неокесарія хвалится Григоріемъ чудотворцемъ, но и святая великая чудотворная лавра Печерская величается преподобнымъ, носившимъ то же имя. Когда Богъ показалъ Себя дивнымъ въ Своихъ святыхъ, Антоніи и Θεодосіи Печерскихъ, сіяющихъ различными чудесами, въ то же время избралъ Онъ на чудотвореніе и преп. Григорія и призвалъ его въ ту же святую Свою лавру.

Когда преп. Антоній безмолвствовалъ въ пещерѣ, этотъ блаженный пришелъ къ преп. Θεодосію, строящему монастырь, и, принявъ отъ него иноческій образъ,—былъ наученъ нестяжанію, чистотѣ, смиренію съ послушаніемъ и прочимъ добродѣтелямъ, въ особенности же прилежалъ молитвѣ. Итакъ—по многихъ подвигахъ, но не по многому времени — онъ сподобился имѣть дарованіе чудотворенія. Прежде всего получилъ онъ отъ Бога побѣду надъ бѣсами, такъ что, видя святаго издалека, они вопили: «Григорій, ты изгонишь насъ молитвою твоею!» Григорій имѣлъ обычай, послѣ всякаго пѣнія, читать запретительныя молитвы.

Побѣжденный врагъ, не вынося того изгнанія, кото-

рому подвергаетъ его святой, помышлялъ, какимъ злымъ дѣломъ нанести ему вредъ въ его добродѣтельной жизни, и, не въ состояніи самъ сдѣлать этого ничѣмъ, внушилъ злымъ людямъ обокрасть его, не имѣвшаго ничего, только книги для молитвы и чтенія. Въ одну ночь пришли воры къ келліи Григорія и, спрятавшись, выжидали, пока старецъ выйдетъ на утреню въ церковь, чтобъ тогда войти и взять все его имущество. Блаженный же ощутилъ ихъ приходъ. Ибо всѣ ночи онъ проводилъ безъ сна и, стоя посреди келліи, безпрестанно молился Богу. Тогда онъ помолился и о нихъ, говоря: «Господи, подай сонъ рабамъ Твоимъ, которые потрудились напрасно, угождая врагу». И услышанъ былъ онъ отъ Бога, и воры спали пять дней и пять ночей, пока не разбудилъ ихъ блаженный при многихъ братьяхъ, говоря: «Доколѣ будете стеречь вы напрасно, чтобъ обокрасть меня? Идите въ дома свои». Они, вставши, не могли идти, такъ какъ не ѣли столько времени. Блаженный же поставилъ имъ пици и, накормивъ, отпустилъ ихъ. Узнавъ объ этомъ, властитель города приказалъ мучить ихъ, и Григорій, печалась, что изъ-за него они преданы мученіямъ, пошелъ къ властителю, подарилъ ему нѣкоторыя свои книги и освободилъ воровъ, другія же книги продалъ и вырученные деньги роздалъ убогимъ, говоря себѣ такъ: «Пусть никто другой не впадетъ больше въ бѣду, желая обокрасть меня. Ибо и Господь сказалъ: «Продавайте имѣнія ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себѣ власяница неветшающія, сокровище неоскудѣвающее на небесахъ, куда воръ не приближается, и гдѣ моль не съѣдаетъ» (Луки 12, 33). А воры, послѣ этого чуда, бывшаго надъ ними, уже не возвращались больше къ прежнимъ дѣламъ своимъ, но, придя съ покаяніемъ въ Печерскій монастырь, посвятили себя работѣ для братіи.

Но врагъ не оставилъ злого умысла своего. У этого блаженнаго Григорія былъ маленькій садикъ, въ которомъ онъ сѣялъ растенія и садилъ плодовые деревья. Однажды, по наущенію того же врага, пришли другіе воры и, влѣзши въ тотъ садъ, наполнили свои мѣшки овощами; когда же подняли ношу на себя и хотѣли идти, не могли сдвинуться и стояли неподвижно, подъ тяжестью ноши, два дня и двѣ ночи. Наконецъ, они стали вопить: «Отче святой, Григорій, пусти насъ, мы покаемся въ нашемъ грѣхѣ и болѣе не будемъ дѣлать такой вещи». Услышавъ это, черноризцы пришли и захватили ихъ, но не могли свести съ того мѣста. Тогда спросили ихъ: «Когда вы сюда пришли?» Воры же отвѣчали: «Два дня и двѣ ночи стоимъ мы здѣсь». Черноризцы сказали имъ: «Постоянно проходя здѣсь, мы не видѣли васъ». Они же отвѣчали: «И мы, еслибъ видѣли васъ проходящими, просили бы у васъ со слезами ходатайства къ старцу, и, уже въ изнеможеніи, начали мы вопить: просимъ васъ, умолите святаго чудотворца, чтобъ отпустилъ насъ». Григорій пришелъ и сказалъ имъ: «Такъ какъ вы пробыли праздными всю вашу жизнь и крали чужіе труды, сами же не хотѣли трудиться, отнынѣ стойте здѣсь праздными прочіе годы, до кончины жизни вашей». Они со слезами молили старца отпустить ихъ, обѣщаясь не дѣлать больше такого грѣха. Старецъ умилился надъ ними и сказалъ: «Если хотите трудиться своими руками, и трудомъ вашимъ питать другихъ, тогда пущу васъ». Воры съ клятвою сказали: «Никогда не преступимъ твоего слова». И сказалъ имъ Григорій: «Благословенъ Богъ, укрѣпляющій васъ. Отнынѣ вы будете работать на святую братію и отъ своего труда приносить имъ нужное», и съ тѣмъ отпустилъ ихъ. И воры, за злое дѣло въ томъ маломъ саду, много трудились, работая на земляхъ Печерскаго монастыря до конца жизни.

И въ третій разъ покушался соблазнитель и искушитель чрезъ воровъ приступить ко блаженному съ такимъ искушеніемъ. Пришли однажды къ Григорію трое людей не тайно, какъ воры, но открыто, какъ просящіе помощи и хотѣли искушить его. Двое изъ нихъ стали просить святаго, ложно говоря на третьяго: «Отче, этотъ другъ нашъ осужденъ на смерть. Молимъ тебя, постарайся избавить его, дай ему что нибудь, чтобъ онъ выкупомъ освободился отъ смерти. Блаженный, провидя духомъ, что то, чтò они солгали, сбудется на самомъ дѣлѣ, жалостливо прослезился и сказалъ: «Горе этому человѣку, потому что пришелъ день погибели его». Они же сказали: «Если ты, отче, дашь что нибудь, онъ не умретъ». Такъ говорили они, желая взять у него что нибудь и раздѣлить между собою. Чудотворецъ же, какъ прозорливый, сказалъ имъ: «Если я и дамъ, онъ умретъ. Но спрошу у васъ, на какую смерть онъ осужденъ?» Они отвѣчали: «Онъ будетъ повѣшенъ на деревѣ». И сказалъ имъ прозорливецъ: «Правильно судите—завтра это сбудется». Съ этими словами, онъ сошелъ въ пещеру, гдѣ, храня себя отъ того, чтобы видѣть и слышать суету земную, онъ имѣлъ обычай творить молитву и, вынеся оттуда оставшіяся, послѣднія свои книги, далъ имъ, говоря: «Возьмите ихъ—и, если онѣ не будутъ вамъ нужны, верните мнѣ». Они взяли книги и вышли, и стали смѣяться, говоря: «Продадимъ ихъ и раздѣлимъ то, чтò выручимъ». Видя еще у святаго плодовая деревья, они сказали: «Придемъ въ эту ночь и сберемъ эти плоды». Ночь настала, и эти три вора пришли. Григорій молился тогда въ пещерѣ. Они загородили извнѣ дверь пещеры, въ которой старецъ молился. И одинъ изъ нихъ, который называлъ себя повѣшеннымъ, взлѣзши на дерево, сталъ рвать яблоки и вѣтвь, за которую онъ держался, отломилась, онъ упалъ, а стерегшіе въ страхъ убѣжали. Упавшій, въ

то время какъ летѣлъ къ низу, былъ защемленъ другою вѣтвію и, не имѣя помощи, задохнулся. Григорій же, будучи запертъ, не могъ быть съ братією на утренѣ въ церкви. Братія, вышедши изъ церкви, пошла по-смотреть, отчего его нѣтъ, — что было для него необычно. Они увидѣли на деревѣ висящаго мертвымъ человѣка и устрашились; потомъ, поискавъ, нашли Григорія, запертымъ въ пещерѣ. Онъ вышелъ и велѣлъ снять висящаго; увидѣвъ его товарищей, пришедшихъ вмѣстѣ съ другими и смотрящихъ на мертвеца, сказалъ имъ: «Смотрите, какъ окаянная ваша ложь сдѣлалась правдою. Богъ не бываетъ поругаемъ (Галат. 6, 7). Еслибъ вы не затворили меня, то я бы пришелъ помочь вамъ, чтобъ онъ не умеръ. Но, такъ какъ врагъ пріучилъ васъ къ обманамъ и ко лжи, поэтому вы лишены теперь милосердія». И ругатели, видя, что сбывлись слова блаженнаго, пали къ ногамъ его, прося прощенія. Григорій же осудилъ ихъ работать Печерскому монастырю, чтобъ съ тѣхъ поръ, въ поту лица трудясь, они ѣли хлѣбъ, и даже питали прочихъ трудами своими, и такъ и они окончили съ дѣтьми своими жизнь, работая въ Печерскомъ монастырѣ рабамъ Пресвятой Богородицы и ученикамъ преп. отцовъ нашихъ Антонія и Феодосія.

Но надо разсказать о смертномъ страданіи, которое потерпѣлъ святой.

Однажды, случилось, монастырскій сосудъ былъ оскверненъ тѣмъ, что въ него попало нечистое животное. Чтобъ очистить его, блаженный спустился къ Днѣпру почерпнуть воды. И вотъ князь Ростиславъ Всеволодовичъ очутился тамъ въ то же время. Онъ направляясь въ Печерскій монастырь, для молитвы и благословенія, такъ какъ шелъ съ братомъ своимъ Владиміромъ Мономахомъ въ походъ противъ Половцевъ. Ростиславовы оруженосцы, увидавъ старца, начали глу-

миться надъ нимъ и досаждаютъ ему срамными словами, по наущенію исконнаго врага. Старець же, понявъ пророческимъ духомъ, что они близки къ смерти, сказалъ: «О чада! когда вамъ нужно имѣть въ себѣ миръ душевный и просить у всѣхъ молитвъ, тогда-то и дѣлаете вы зло, неугодное Богу. Плачьте о своей гибели, кайтесь въ своихъ согрѣшеніяхъ, чтобы получить облегченіе въ страшный день. Уже постигъ васъ судъ, и всѣ вы съ княземъ вашимъ будете затоплены водою». Услышавъ это, князь Ростиславъ не принялъ къ сердцу своему сильнаго слова преподобнаго и, считая, что онъ говорить не пророчество, а укоры, сильно разгнѣвался и сказалъ: «Мнѣ ли предсказываешь смерть отъ воды, когда я умѣю плавать въ ней. Самъ попробуешь этой смерти!» И, не имѣя страха Божія, онъ приказалъ связать старцу руки и ноги, повѣсить ему камень на шею и бросить его въ воду; и такъ онъ былъ потопленъ. Братія же искали его два дня и не находила. На третій день пришли въ его келлію, чтобъ взять, если осталось что годнаго послѣ святого; и преподобный оказался въ келліи мертвымъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ, съ камнемъ, привѣшеннымъ къ шеѣ; одежда его была еще мокра, лицо свѣтло и тѣло, какъ живое. Удивлялись иноки, какъ и кѣмъ онъ внесенъ, такъ какъ келлія была затворена. И воздали они хвалу Богу, сотворившему дивное чудо надъ святымъ Своимъ, съ честью изнесли чудотворныя мощи и положили въ пещерѣ, гдѣ и донинѣ пребываютъ они неслѣнно.

Ростиславъ же, не чувствуя вины въ своемъ грѣхѣ и дыша яростью, даже не вошелъ въ монастырь, какъ общался, не захотѣлъ принять благословенія, которое и удалилось отъ него. Только Владиміръ Мономахъ, братъ его, былъ въ монастырѣ, прося молитвъ и благословенія. Когда они были у Триполя и перешли рѣку Стуг-

ну—они вступили съ полками своими въ битву съ Половцами и не одолѣли ихъ, но Россійскіе князья побѣжали отъ враговъ. Тогда Владиміръ во время бѣгства, ради молитвъ и благословенія Печерскихъ святыхъ,—переправился черезъ рѣку Стугну. Ростиславъ же со всѣмъ своимъ воинствомъ утонулъ въ ней. И такъ сбылось предсказаніе святого—и ему отмѣрено было тою же мѣрою, какою мѣрилъ злой убійца. Незлобивый же чудотворецъ Григорій обрѣлъ источникъ жизни и, наслаждаясь потокомъ сладости вѣчной,—при водахъ, которыя превыше небесъ, хвалить имя Господне, Которому подобаешь слава и хвала, нынѣ и присно и въ безконечные вѣки. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Моисея Угрина.

(26 іюня).

Онъ за дѣтство принялъ страданіе въ Ляшской земль отъ одной вдовы.

Нечистый врагъ особенно воздвигаетъ брань на чело-
вѣка чрезъ нечистую блудную страсть, чтобъ чело-
вѣкъ, помраченный этою скверною, не взиралъ во всѣхъ
своихъ дѣлахъ на Бога, потому что только «чистіи
сердцемъ Бога узрять» (Матѳея, 5, 8). Подвизаясь на
той брани больше другихъ, много пострадавъ, какъ
добрый воинъ Христовъ, пока не побѣдилъ до конца
силу нечистаго врага, блаженный отецъ нашъ Моисей
оставилъ намъ своею жизнію примѣръ. О немъ пишутъ
такъ.

Извѣстно объ этомъ блаженномъ Моисеѣ, что родомъ
онъ былъ Венгерець, былъ приближенъ къ благовѣр-
ному и святому князю и Россійскому страстотерпцу
Борису и служилъ ему съ братомъ своимъ Георгіемъ,
котораго убили со св. Борисомъ. Тогда у рѣки Альты
Георгій хотѣлъ заслонить собою отъ убійць своего го-
сподина, а воины безбожнаго Святополка отрубили Ге-
оргію голову, чтобъ взять золотую гривну, которую
надѣлъ на него св. Борисъ. Блаженный Моисей, одинъ
уцѣлѣвъ отъ смерти,—пришелъ въ Кіевъ къ Преди-
славѣ, сестрѣ Ярославовой, и тамъ скрывался отъ
Святополка, и прилежно молился Богу, пока не при-
шелъ благочестивый князь Ярославъ, привлеченный

жалостью объ убіеніи брата, и побѣдилъ безбожнаго Святополка. Когда же Святополкъ, бѣжавшій въ Ляшскую землю, пришелъ снова съ Болеславомъ и изгналъ Ярослава, а самъ сѣлъ въ Кіевѣ—тогда Болеславъ, возвращаясь въ свою землю, увелъ съ собою въ плѣнъ двухъ сестеръ Ярослава и многихъ бояръ его; въ числѣ ихъ вели и блаженнаго Моисея, окованнаго по рукамъ и по ногамъ тяжелымъ желѣзомъ; его строго стерегли, потому что онъ былъ крѣпокъ тѣломъ и красивъ лицомъ.

Этого блаженнаго увидала въ Ляшской землѣ одна знатная женщина, красивая и молодая, обладавшая большимъ богатствомъ и значеніемъ; ея мужъ, отправившись въ походъ съ Болеславомъ, не вернулся, но былъ убитъ въ битвѣ. Она, пораженная красотой Моисея, почувствовала вожделѣніе плотской похоти къ преподобному. И начала она убѣждать его словами лести: «Зачѣмъ ты терпишь такую муку, когда имѣешь разумъ, которымъ можешь освободиться отъ этихъ оковъ и страданія». Моисей отвѣчалъ ей: «На то была воля Божія!» Она же сказала: «Если ты мнѣ покоришься, я освобожу тебя и сдѣлаю большимъ человекомъ во всей Ляшской землѣ, и ты будешь обладать мною и всею областью моею». Понявъ ея скверное вожделѣніе, блаженный сказалъ ей: «Какой мужъ, послушавшись жены, сдѣлалъ хорошее дѣло? Первозданный Адамъ, послушавшись жены, былъ изгнанъ изъ рая (Бытіе, 3, 23); Самсонъ (Судей, 16, 21), превзойдя всѣхъ силою и одолѣвъ воиновъ, былъ женою преданъ иноплеменикамъ. Соломонъ (3 Царствъ, 11, 33), постигшій глубину премудрости,—подчинившись женѣ, поклонился идоламъ. Иродъ (Матѳея, 14, 10), одержавшій много побѣдъ, поработенный женою,—казнилъ Іоанна Крестителя. Какъ же я буду свободенъ, когда сдѣлаюсь рабомъ жены: женщинъ я не позналъ отъ рожденія

моего?» Она же сказала: «Я выкуплю тебя и сдѣлаю знаменитымъ, поставлю господиномъ всему моему дому, и хочу имѣть тебя своимъ мужемъ; только ты исполни мою волю, ибо мнѣ жалко видѣть, какъ безумно гибнетъ твоя красота». Блаженный же Моисей сказалъ ей: «Знай, что я не исполню твоей воли; не хочу ни власти твоей, ни богатства, для меня дороже всего этого душевная и тѣлесная чистота. Не хочу я погубить труда пяти лѣтъ, въ которыя Господь даровалъ мнѣ терпѣть въ этихъ узахъ, будучи неповиннымъ—такія муки, за которыя я надѣюсь быть избавленъ отъ вѣчныхъ мукъ». Тогда женщина, видя что она лишается такой красоты,—предприняла другое дьявольское рѣшеніе, разочтя такъ: «Если я выкуплю его, онъ покорится мнѣ хоть неволею». И она послала къ тому, кто привелъ его въ плѣнъ, чтобы взялъ съ нея сколько хочетъ, только бы далъ ей Моисея. Онъ же, воспользовавшись случаемъ пріобрѣсти богатство,—взялъ съ нея до тысячи золотыхъ и передалъ ей Моисея. Женщина, получивъ надъ нимъ власть, безстыдно увлекала его на мерзкое дѣло. Освободивъ его отъ узъ, она одѣла его въ дорогія одежды и кормила его сладкими кушаньями и, обнимая его нечистыми объятіями, принуждала его къ тѣлесной похоти. Блаженный же Моисей, видя неистовство ея,—еще больше прилежалъ молитвѣ и посту, предпочиталъ для Бога,—въ чистотѣ ѣсть сухой хлѣбъ и воду, чѣмъ въ сквернѣ дорогія блюда и вино. И снялъ съ себя красивыя одежды, какъ нѣкогда Иосифъ, и избѣжалъ грѣха, презрѣвъ блага этой жизни. Женщина же посрамленная исполнилась такой ярости, что умыслила уморить блаженного голодомъ, бросивъ его въ темницу. Богъ же, подающій пищу всякому созданію, пропитавшій нѣкогда въ пустынѣ Илію, также Павла Фивейскаго и много другихъ Своихъ рабовъ, уповавшихъ на Него, не оставилъ и этого бла-

женнаго. Онъ преклонилъ къ милосердію одного изъ рабовъ той женщины, и тотъ втайнѣ подавалъ ему пищу. Другіе же увѣщавали его: «Братъ Моисей, что мѣшаетъ тебѣ жениться? Ты еще молодъ, а эта вдова жила съ мужемъ только одинъ годъ и прекраснѣе другихъ женщинъ; у нея безчисленное богатство и великая власть въ этой Ляшской землѣ; если бы хотѣла, и князь не пренебрегъ бы ею; ты же плѣнникъ и рабъ и не хочешь быть ея господиномъ. Если же скажешь: «Не могу преступить заповѣдей Христовыхъ», не говорить ли Христосъ въ Евангеліи: «Посему оставить человѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью» (Матѳея, 19, 5). Также и апостолъ: «Лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться» (I Кор. 7, 9). Онъ же говоритъ и о вдовахъ: «Я хочу, чтобъ молодыя вдовы вступали въ бракъ» (I Тим. 5, 14). Ты же, не связанный чиномъ монашескимъ, но свободный отъ него, — зачѣмъ подвергаешь себя злымъ и горькимъ мукамъ и такъ страдаешь? Если тебѣ случится умереть въ этой бѣдѣ, какая тебѣ будетъ похвала? Кто возгнушался женщинъ изъ первыхъ праведниковъ, какъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ? Никто, только нынѣшніе черноризцы. Іосифъ сперва бѣжалъ отъ женщины, но потомъ и онъ взялъ жену, и ты, если выйдешь живымъ отъ этой женщины, потомъ — такъ думаемъ мы — будешь самъ искать жены, и кто не посмѣется твоему безумію? Лучше тебѣ покориться этой женщинѣ и быть свободнымъ и господиномъ всего ея дома». Блаженный же Моисей отвѣчалъ имъ: «О, братіе и добрые друзья мои, хорошо вы мнѣ совѣтуете; понимаю, что вы говорите мнѣ слова, худшія, чѣмъ змѣиное шептаніе говорило Евѣ въ раю. Вы принуждаете меня покориться этой женщинѣ, но я не прошу вашего совѣта, если даже мнѣ придется умереть въ этихъ узахъ и въ горькихъ мукахъ; я вѣрую, что непременно получу

милость Божию. И если многіе праведники спаслись съ женами, я одинъ грѣшенъ и не могу спастись съ женою. Но, если бѣ Іосифъ послушался бы раньше жены Пентефрія, то не царствовалъ бы потомъ, когда взялъ себѣ жену въ Египтѣ (Бытія, 39 и 41). Богъ, видя его прежнее терпѣніе, даровалъ ему Египетское царство, потому онъ и прославляется въ родѣ родовъ за цѣломудріе, хотя и имѣлъ дѣтей. Я же желаю не Египетскаго царства и не господствовать надъ властями, и быть великимъ въ этой Ляпшской землѣ, и сдѣлаться извѣстнымъ далеко по Русской землѣ, но всѣмъ этимъ презрѣлъ я ради вышняго Царствія. Поэтому, если я выйду живымъ изъ рукъ этой женщины, никогда не буду искать другой жены, но, съ Божьей помощью, стану черноризцемъ. Иби что сказалъ Христосъ въ Евангеліи. Всякій, кто оставитъ домъ или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли ради имени Моего, получить въ сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную (Матѳея, 19, 29). Больше ли слушать васъ или Христа? Апостоль же говорить: «Не женатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ» (1 Кор. 7, 32, 33). Спрошу я у васъ, для кого подобаешь работать—для Господа или для жены? Знаю и то, что пишетъ онъ: «Раби, послушайте господей своихъ»—но въ добромъ, а не въ зломъ; такъ поймите вы, держащіе меня, что никогда не прельститъ меня женская красота и не отторгнетъ отъ Христовой любви».

Услыхавъ объ этомъ, женщина приняла въ сердце другой лукавый помысль, приказала посадить блаженнаго на коня и со множествомъ слугъ водить его по своимъ городамъ и селамъ, говоря: «Все это твое, если угодно тебѣ. Распоряжайся, какъ хочешь, всѣмъ». И дала наказъ она: «Это вашъ господинъ, а мой мужъ.

Встрѣчаясь съ нимъ, кланяйтесь ему». Блаженный, посмѣявшись надъ безуміемъ женщины, сказалъ ей: «Напрасно трудишься, не можешь прельстить меня тлѣнными вещами этого міра, ни украсть мое нетлѣнное богатство; пойми и не трудись напрасно». Женщина съ яростью сказала ему: «Или не знаешь, что ты мнѣ проданъ? И кто вырветъ тебя изъ рукъ моихъ; живымъ я не выпущу тебя, но послѣ многихъ мукъ предамъ тебя смерти». Блаженный же смѣло отвѣтилъ ей: «Не боюсь я никакой бѣды, потому что со мною Господь, Которому отнынѣ, по изволенію Его, желаю я работать иноческою жизнію».

Въ это время, по внушенію Божію, пришелъ къ блаженному Моисею отъ Святой Горы одинъ черноризецъ, саномъ іерей, и облекъ его во святѣй ангельскій иноческій образъ; много поучилъ его о чистотѣ, чтобъ не уступить врагу и не убоиться той скверной женщины, и потомъ ушелъ. Всюду искали этого черноризца и не нашли. Тогда жена, отчаявшись въ своей надеждѣ, нанесла тяжкія раны преп. инокѣ Моисею, растянувъ его, велѣла бить его жезломъ, такъ что земля пропиталась его кровію. Палачи говорили ему: «Покорись госпожѣ своей, исполни волю ея; если же ты ослушаешься, то мы раздробимъ твое тѣло по частямъ. Не думай избѣжать этихъ мукъ,—послѣ долгихъ мукъ съ горестію предашь ты свою душу. Помилуй самого себя, брось это монашеское рубище и одѣнься въ многоцѣнные боярскія одежды, и ты освободишься отъ ожидающихъ тебя мукъ». Отвѣчалъ имъ мужественный Моисей: «Братія, не медля, творите то, что вамъ приказано. А я никакъ не могу отречься отъ монашества и отъ любви Божіей, и никакое томленіе—ни огонь, ни мечъ, ни раны, не могутъ разлучить меня отъ Бога и отъ этого великаго ангельскаго образа. Этой же безстыдной и помраченной женщиной,

показавшей явно свое безстыдство, оскорбившей не только страхъ Божій, но и стыдъ человѣческой, безстыдно принуждающей меня къ оскверненію и прелюбодѣянію, я никакъ не покорюсь и не исполню ея окаянной воли».

Женщина же, озабоченная тѣмъ, какъ бы отомстить за свое посрамленіе, написала, наконецъ, къ князю Болеславу такое письмо: «Ты самъ знаешь, что мужъ мой былъ убитъ, воюя съ тобой, и ты далъ мнѣ волю взять себѣ мужемъ, кого я захочу. Я полюбила одного юношу изъ твоихъ плѣнниковъ, который прекрасенъ, и, выкупивъ, взяла его въ мой домъ. Я заплатила за него много золота и даровала ему все находящееся у меня въ домѣ серебро и золото, и всю власть, только бы захотѣлъ онъ стать моимъ мужемъ. И все это онъ счелъ за ничто; часто томила я его голодомъ и ранами, но ничего не сдѣлала. Мало ему казалось пробыть пять лѣтъ скованнымъ у того, кто взялъ его въ плѣнъ, вотъ шестой годъ провелъ онъ у меня, и много я его мучила за ослушаніе, что самъ онъ навлекъ на себя жестокосердіемъ своимъ. А теперь онъ и постриженъ однимъ черноризцемъ. Что прикажешь ты сдѣлать мнѣ съ нимъ?»

Князь Болеславъ приказалъ той женщинѣ пріѣхать къ нему и привезти Моисея. Когда же приказаніе его было исполнено, и онъ увидалъ преподобнаго, много увѣщавалъ онъ преподобнаго взять ту жену, но не убѣдилъ. Наконецъ сказалъ ему: «Кто такъ безчувственъ, какъ ты, лишающійся многихъ благъ и чести и предающій себя на горькія муки—знай отнынѣ, что тебѣ выбирать жизнь или смерть: или, исполнивъ волю госпожи твоей, быть въ чести у насъ и имѣть великую власть или, ослушавшись, послѣ лютыхъ мукъ принять лютую смерть». Сказалъ онъ и женщинѣ: «Пусть купленный тобою плѣнникъ не будетъ

свободнымъ, но, какъ госпожа, сдѣлай со своимъ рабомъ, что хочешь, чтобъ и прочіе не осмѣливались послушаться своихъ господъ». Преп. же отецъ нашъ Моисей отвѣчалъ ему: «Кая польза человѣку (говорить Господь), аще мѣръ весь приобрящеть, душу же свою отщетить: или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою? Что общаешь ты мнѣ честь и славу, которой и самъ скоро лишишься, и приметъ тебя, не имѣющаго ничего, гробъ; такъ же и эта скверная жена будетъ убита злымъ образомъ (такъ и случилось, по предсказанію преподобнаго).

Но прежде того женщина, получивъ надъ нимъ еще большую власть, съ безстыдствомъ еще сильнѣе склоняла его на грѣхъ, такъ что приказала насильно положить его на одрѣ своемъ, обнимала и цѣловала его, но и этимъ прельщеніемъ не могла привлечь его къ своему желанію. Преподобный сказалъ: «Напрасны, женщина, твои усилія; не думай, что я не творю этого грѣха, потому что безуменъ или не могу, но изъ-за страха Божія и гнушаюсь тобою, нечистая». Получивъ такой отвѣтъ, женщина приказала ежедневно давать ему сто ударовъ, потомъ же велѣла отрѣзать ему тайные члены. Преп. же Моисей лежалъ какъ мертвый отъ кровотеченія, едва дыша.

Вмѣшавшись въ это дѣло и желая еще болѣе угодить женщинѣ, ради величія ея рода и своего расположенія къ ней, Болеславъ воздвигъ великое гоненіе на черноризцевъ и изгналъ всѣхъ ихъ изъ своей области. Богъ же вскорѣ отомстилъ за рабовъ Своихъ. Въ одну ночь Болеславъ внезапно умеръ, и во всей Ляшской землѣ произошелъ сильный мятежъ. Народъ возсталъ, избилъ епископовъ и бояръ, среди нихъ была убита и та безстыдная женщина.

Объ этомъ гнѣвѣ Божіемъ, бывшемъ послѣ изгнанія черноризцевъ за постриженіе преп. Моисея, чрезъ

много лѣтъ напоминала великому князю Кіевскому Изяславу его княгиня, родомъ Ляховица,—дочь Болеслава, прося настоятельно не изгонять изъ области своей преп. Антонія съ его братією за постриженіе блаженнаго Варлаама и Ефрема евнуха. Но обратимся къ настоящему.

Преп. отецъ нашъ Моисей, собравшись немного съ силами, пришелъ въ пещеру къ преп. Антонію, нося на себѣ мученическія раны, какъ храбрый воинъ Христовъ, и жилъ богоугодно, подвизаясь въ постѣ, молитвѣ, бдѣніи и всѣхъ иноческихъ добродѣтеляхъ, которыми онъ побѣдилъ до конца всѣ козни нечистаго врага.

За многія побѣды надъ блудными страстями, искушавшими этого преподобнаго, даровалъ ему Господь силу побѣждать искушающія и другихъ тѣ же страсти. Одинъ братъ, боримый страстью блуда, пришелъ къ преподобному и молилъ помочь ему. «Я обѣщаюсь соблюдать до смерти,—говорилъ онъ,—если ты мнѣ что повелишь!» Преподобный же сказалъ ему: «Никогда не говори во всю свою жизнь ни одного слова съ женщиною.» Тотъ обѣщалъ съ усердіемъ. Тогда святой, подражая первому Моисею, творившему жезломъ чудеса, прикоснулся къ лону брата жезломъ своимъ, безъ котораго одинъ не могъ ходить отъ боли полученныхъ прежде ранъ, и вдругъ омертвѣли всѣ нечистыя страсти въ тѣлѣ того брата, и съ тѣхъ поръ больше не было для него искушеній.

Этотъ добрый воинъ Христовъ среди страданій достигъ шеснадцатаго года своего богоугоднаго подвига; пять лѣтъ неповинно мучимый взявшимъ его въ плѣнъ онъ явилъ терпѣніе Іовово, на шестой годъ, мужественно пострадалъ за чистоту больше Іосифа, потомъ десятилѣтнимъ равноангельнымъ безмолвіемъ въ пещерѣ, переданнымъ отъ святой Аѳонской горы, про-

сіяль прежде другихъ, какъ первый Моисей — десятичисленнымъ закономъ, переданнымъ черезъ ангеловъ отъ святой Синайской горы. И нашъ преп. Моисей воистину сподобился быть Боговидцемъ—онъ оказался достойнымъ блаженства чистыхъ сердцемъ. И, чтобы видѣть Бога лицомъ къ лицу, переселился мѣсяца Юля 26 дня, еще при жизни преп. Антонія, въ пещерѣ котораго лежать донинѣ нетлѣнно - чудотворныя мощи этого святого, не растлившаго чистоты мужа.

Св. Моисей и по смерти побѣждаетъ мощами своими нечистыя страсти, какъ испыталъ это св. Иоаннъ Многострадальный. Затворясь въ пещерѣ и вкопавъ себя до плечъ противъ мощей преп. Моисея, послѣ многихъ страданій для побѣды блудной страсти онъ слышалъ гласъ Господень помолиться мертвецу, находившемуся противъ него, преп. Моисею Угрину. Когда Многострадальный исполнилъ это, онъ былъ избавленъ отъ нечистой брани. Также и другого страстнаго брата тотъ же св. Иоаннъ избавилъ отъ той же пакости, когда далъ страдавшему страстью одну кость отъ мощей преп. Моисея, чтобъ приложить къ своему тѣлу,—какъ это описано въ житіи преп. Иоанна Многострадальнаго.

Будемъ и мы, избавившись отъ всякой нечистоты, имѣть вождемъ, наставляющимъ на вѣрный путь молитвами своими на путь спасенія, преп. Моисея, чтобъ съ нимъ поклониться Лицу въ Троицѣ покланяемаго Бога, Которому слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Іоанна Много- страдальваго

(18 іюля).

Онъ ради дѣтства много пострадалъ и живымъ закопался въ землю до груди.

Со словами «учителя языковъ» — «многими скорбями надлежитъ намъ войти въ Царствіе Божіе» — (Дѣян. 14, 22) согласно слово возлюбленнаго ученика Іисусова Іоанна Дѣвственника, который сказалъ: «Я, Іоаннъ, братъ вашъ и соучастникъ въ скорби» (Откр. 1, 9). Съ этими же словами согласна и жизнь возлюбленнаго ученика Пресвятой Богородицы Печерской, Россійскаго нашего дѣвственника, Іоанна, называемаго Многострадальнымъ. Много скорбей вынесъ онъ ради дѣвства, посвященнаго небесному Жениху. Все свое житіе самъ Многострадальный, уже находясь при смерти, повѣдалъ по слѣдующей причинѣ.

Часто къ этому преподобному, затворившему себя въ одномъ темномъ мѣстѣ въ пещерѣ преп. Антонія и тутъ проведенному всю свою жизнь, приходилъ одинъ изъ братіи, боримый діавольскимъ внушеніемъ къ плотскому вожделѣнію. И молилъ онъ святого помолиться Господу объ ослабленіи страстей его. Преп. же Іоаннъ сказалъ ему: «Мужайся, братъ, и да крѣпится сердце твое, потерпи Господа и соблюди пути Его, и не оставитъ тебя въ рукахъ враговъ нашихъ, и не предастъ въ добычу зубамъ ихъ». Отвѣчалъ ему братъ, искушаемый страстью: «Вѣрь мнѣ, отче, — если ты не подашь

мнѣ облегченія, то никогда не успокоюсь я и буду переходить съ мѣста на мѣсто». Преп. Іоаннъ сказалъ ему: «Зачѣмъ хочешь ты предать себя на съѣденіе врагу, уподобиться человѣку, который стоитъ близъ пропасти, къ которому пришелъ врагъ и внезапно столкнулъ его внизъ, и бываетъ паденіе такого человѣка тяжело, такъ что онъ не можетъ болѣе встать. Если же останешься здѣсь, въ святомъ монастырѣ, будешь подобенъ мужу, стоящему далеко отъ пропасти, котораго врагъ хотя и влечетъ съ усиліемъ, но не можетъ столкнуть, и такъ Господь терпѣніемъ твоимъ выведетъ тебя изъ рва страстей и отъ брениа нечистоты. Но послушай меня, братъ. Я расскажу тебѣ все случившееся и со мною отъ юности моей». И тогда началъ онъ рассказывать всю жизнь свою подробно, говоря такъ:

«Когда,—говорилъ онъ,—пришелъ я въ этотъ святой Печерскій монастырь, началъ трудиться по чину святого ангельскаго иноческаго образа, много вытерпѣлъ я, томимый позывами на блудъ, и не знаю, чего не выстрадалъ я ради моего спасенія. Два дня, иногда же и три проводилъ безъ ѣды, часто и всю недѣлю ничего не вкушалъ, морилъ себя лютою жаждою, бодрствовалъ всѣ ночи и въ такомъ злостраданіи провелъ три года, но и тамъ не нашелъ покоя. Пошелъ я въ пещеру, гдѣ положенъ преп. отецъ нашъ Антоній, и пребывалъ у гроба его въ молитвѣ день и ночь. И слышалъ я гласъ преподобнаго ко мнѣ: «Іоаннъ, нужно тебѣ затвориться здѣсь въ пещерѣ, чтобъ невидѣніемъ и молчаніемъ прекратилась брань, и Господь поможетъ тебѣ молитвами преподобныхъ Своихъ». И такъ, съ того часа затворился я въ этомъ тѣсномъ и скорбномъ мѣстѣ, гдѣ нахожусь теперь уже тридцатый годъ. И только очень недавно нашелъ я покой, а всѣ тѣ годы боролся со страстями и помыслами тѣлесными. И жилъ я жестокою жизнію, сперва нѣсколько лѣтъ только постомъ

и бдѣніемъ удручая тѣло свое. Наконецъ, не зная, что дѣлать и не въ состояніи терпѣть плотской брани, задумалъ я жить нагимъ и возложить тяжелую броню на свое тѣло, и съ тѣхъ поръ донинѣ бываю я изнеможенъ холодомъ и грызущимъ желѣзомъ. Но когда и всего этого не было достаточно, сдѣлалъ я другую вещь: выкопалъ глубокую яму до груди моей. И, когда подошли дни святого великаго поста, я вошелъ въ яму и всего себя засыпалъ землею, такъ что свободными у меня были только руки и голова, и такъ, угнетаемый землею, провелъ я весь постъ, не могъ двигать и единымъ суставомъ, но и такъ не прекратились плотскія стремленія и разженіе тѣла. Кромѣ того, врагъ діавольъ стращалъ меня, желая прогнать меня оттуда, и я испыталъ всю силу коварства его: ноги мои въ ямѣ стали перегорать, такъ что жилы въ нихъ скорчились, и кости трескались, пламя доходило уже до утробы моей, и члены мои горѣли. Я же не обращалъ вниманія на лютую боль, но радовался душою, что она сохраняетъ меня чистымъ отъ скверны. Я предпочиталъ ради Господа сгорѣть въ томъ огнѣ, чѣмъ выйти изъ ямы посрамленный бѣсами. И въ то же время видѣлъ я страшнаго и лютаго змѣя, дышащаго пламенемъ и опаляющаго меня искрами, и хотящаго проглотить меня, и онъ дѣлалъ это много дней, чтобъ прогнать меня. Когда же наступила свѣтоносная ночь Воскресенія Христова, внезапно напалъ на меня лютый змѣй и поглотилъ пастью своею голову мою и руки, и были опалены волосы на головѣ моей и бородѣ, какъ ты видишь меня. И я, находясь въ гортани того змѣя, возопилъ изъ глубины моего сердца:

«Господи Боже, Спасе мой, всякую ты оставилъ меня, ущедри меня, Владыко, такъ какъ Ты одинъ человеколюбецъ. Спаси меня грѣшнаго, единый Безгрѣшный, избавь меня отъ скверны беззаконія моего, чтобъ не

увязнуть на вѣкъ въ сѣти лукаваго. Избавь меня отъ поглощенія этимъ врагомъ. Ибо какъ левъ рыкаетъ онъ, хотя поглотить меня. Воздвигни силу Твою и приди спасти меня, блесни молніею Твоею и изгони его, чтобъ исчезъ отъ лица Твоего!» Когда же окончилъ я молитву, вдругъ блеснулъ свѣтъ Божественный какъ молнія, и исчезъ тотъ лютый звѣрь, и благодатію Божіею не видѣлъ его больше донинѣ. Услышалъ я тогда и гласъ Господень ко мнѣ: «Іоаннъ, Іоаннъ,—это была тебѣ помощь, далѣе будь внимателенъ къ себѣ, чтобъ не пострадать горше въ будущемъ вѣкѣ». Я же поклонился и сказалъ: «Господи, зачѣмъ Ты оставилъ меня въ злыхъ мученіяхъ?» И отвѣчалъ онъ мнѣ: «На тебя наведены были искушенія по силѣ терпѣнія твоего, чтобъ искушенный огнемъ, явился ты чистъ, какъ золото. Ибо свыше силы не попускаетъ Богъ искушенія человѣку, чтобы, изнемогши, не былъ онъ поруганъ лукавымъ зміемъ, но Онъ, какъ мудрый господинъ, крѣпкимъ и сильнымъ рабамъ вручаетъ великія и тяжелыя дѣла, а немощнымъ и слабымъ—незначительныя и легкія; то же самое и въ брани тѣлесной похоти, ради которой ты молишься самъ за себя. Но помолись мертвецу, лежащему противъ тебя, чтобъ облегчилъ онъ тебя отъ блудной страсти; ибо онъ сдѣлалъ большее, чѣмъ Іосифъ, и можетъ помогать тяжело страдающимъ такую страстію». Я же, не зная имени такого мертвеца, сталъ звать: «Господи, помилуй меня молитвами этого преподобнаго». Потомъ я узналъ, что то былъ Моисей, родомъ Угринъ. И ниспелъ на меня неизреченный свѣтъ, въ которомъ пребываю я и теперь, не нуждаясь въ свѣтѣ ни днемъ, ни ночью. И всѣ входящіе ко мнѣ достойно насыщаются этого свѣта и видятъ явно утѣшеніе, освѣтившее меня въ ту ночь воскресенія, какъ надежда будущаго свѣта».

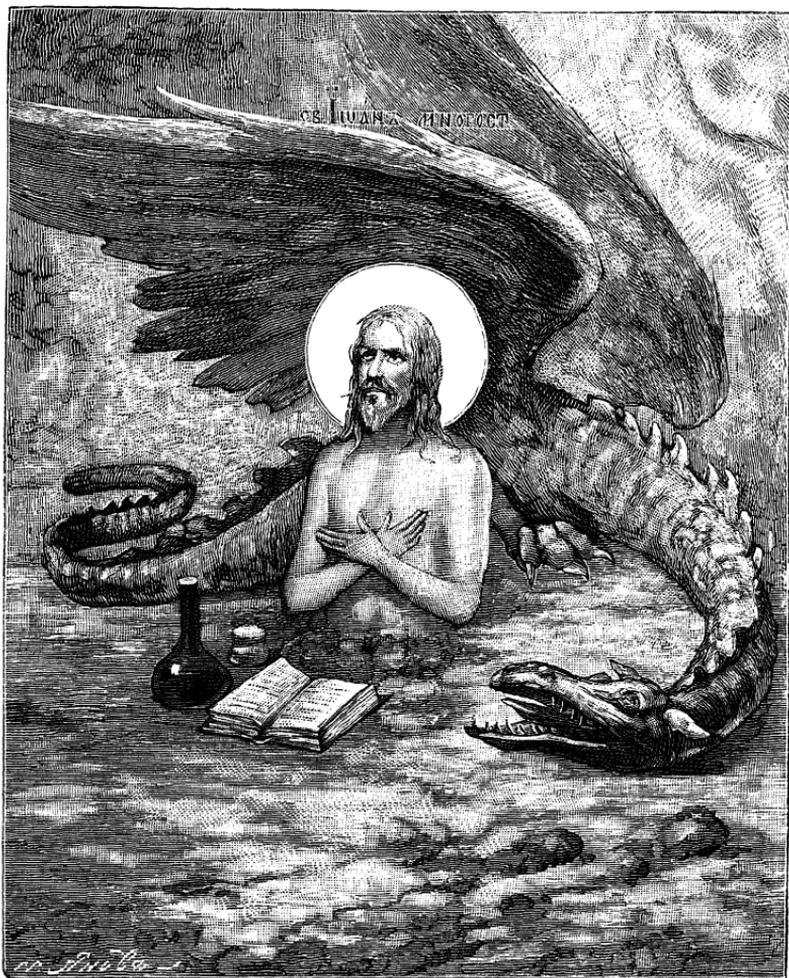
Закончивъ такъ исповѣдь многострадальнаго своего житія, преп. отецъ нашъ Іоаннъ, обратясь къ боримому

страстью, сказалъ: «Мы, братъ, пригвоздили умъ къ плотолюбію, поэтому Богъ попускаетъ на насъ праведнымъ судомъ Своимъ страсти, потому что никогда не приносили мы плодовъ, достойныхъ покаянія. Но, братъ, говорю я тебѣ: «Помолись этому преп. Моисею, и онъ поможетъ тебѣ». Тогда онъ помолился вмѣстѣ съ боримымъ страстію, и, взявъ одну кость отъ мощей преп. Моисея, далъ ему со словами: «Приложи ее къ своему тѣлу». Сдѣлавъ это, онъ почувствовалъ, какъ вдругъ угасло разженіе, прекратились влеченія и омертвѣли въ его тѣлѣ всѣ блудныя страсти, и съ тѣхъ поръ не было ему искушеній. Тогда вмѣстѣ святой и боримый страстью воздали хвалу Богу за то, что тѣхъ, которые въ жизни своей прославили Его чистотою,—Онъ по смерти ихъ прославляетъ чудесами, дарующими чистоту.

Многострадальный затворникъ преп. отецъ нашъ Іоаннъ вскорѣ по исповѣданіи многихъ страданій своихъ, мѣсяца іюля въ 18 день предалъ духъ свой въ руки Господа, съ Которымъ онъ страдалъ, чтобъ съ Нимъ же и воцариться.

Мощи же его святыя, точація неоскудно исцѣленія, какъ столпъ крѣпости предъ лицомъ враговъ, стоять непоколебимо и донинѣ—тамъ, гдѣ онъ самъ закопалъ себя въ груди—сначала, когда подвизался, потомъ же,—когда узналъ время преставленія своего.

Молитвами многострадальнаго этого затворника, преп. отца нашего Іоанна (честное тѣло котораго, какъ побѣдившаго многимъ страданіемъ тѣлесную страсть, сдѣлалось столпомъ Дома Божія) — да будемъ мы предводимы какъ свѣтомъ и осѣненіемъ столпа, руководившаго въ пустынѣ Моисеемъ, къ той обѣтованной небесной землѣ, текущей млекою и медомъ, которыхъ достойны не одни грудные дѣти и младенцы, но, подобно Наперстнику Христову, и этотъ дѣвственный Іоаннъ, то есть къ землѣ, текущею благодатію и славою въ Троицѣ славимаго Бога, Которому слава нынѣ и присно, и во вѣки. Аминь.

Подвигъ прп. Юанна многострадальнаго.

Житіе преп. отца нашего Прохора чудотворца.

(10 февраля).

Онъ изъ травы, называемой лебеда, молитвою своею дѣлалъ сладкій хлѣбъ, а изъ пепла соль.

Богатый щедротами и милосердый Богъ часто попускаетъ зло на родъ человѣческій, чтобъ такимъ наказаніемъ привлечь его къ здоровому разуму и понудить на добрыя дѣла. Но если и казнить и наносить язвы, то непременно милуетъ и не медлитъ подавать исцѣленія ранамъ, какъ можно видѣть изъ житія этого преп. Прохора. О немъ сохранился слѣдующій рассказъ.

Въ дни княженія въ Кіевѣ Святополка Изяславича много насилія было нанесено княземъ народу. Безъ вины разрушилъ онъ дома сильныхъ и у многихъ отнял имѣнія. За то Богъ и попустилъ, чтобъ поганые осиливали его и во время державы его было много нападеній половцевъ и, кромѣ того, междоусобная брань, такъ что бывалъ тогда не разъ голодъ и великая скудность на Русской землѣ.

Въ эти дни пришелъ изъ Смоленска въ Печерскій монастырь блаженный Прохоръ къ игумену Іоанну и принялъ отъ него святой ангельскій образъ. Сталъ онъ подвизаться крѣпко въ добродѣтеляхъ и пріучилъ себя къ великому воздержанію, такъ что лишилъ себя и обычнаго хлѣба, но собиралъ онъ траву лебеду, и, протирая ее своими руками, дѣлалъ себѣ хлѣбъ и

тѣмъ питался. Въ лѣтнее время онъ заготовлялъ его на весь годъ и, когда снова наступало лѣто, дѣлалъ то же для будущаго года, такъ что во всю жизнь онъ не нуждался въ обычномъ хлѣбѣ, и потому прозванъ онъ былъ «лебедникъ», потому что, кромѣ просфоры въ церкви, въ келліи не ѣлъ даже никогда овощей, но только лебеду, и не пилъ ничего, кромѣ воды.

Богъ, видя терпѣніе святаго въ такомъ воздержаніи, претворилъ для него ту горечь хлѣба, сдѣланнаго изъ лебеды, въ сладость. И была ему вмѣсто печали радость. Никогда не скорбѣлъ этотъ блаженный, но въ радости работалъ Богу. Не страшился онъ никогда набѣговъ непріятелей, потому что жилъ какъ птица, не имѣя ничего, кромѣ лебеды, такъ что не могъ онъ похвалиться съ евангельскимъ богачемъ: «Душа, много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись!» (Луки, 12, 19). Но и за траву ту, заготовленную на годъ, укорялъ себя, говоря: «Прохоръ, въ эту ночь возьмутъ у тебя душу твою, а что приготовилъ ты—кому будетъ?» На дѣлѣ исполнилъ этотъ блаженный слово Господне, сказавшее: «Взгляните на птицъ небесныхъ, онѣ не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницу, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ» (Матѳея, 6, 26). Подражая птицамъ, преп. легко проходилъ туда, гдѣ росла лебеда, и оттуда приносилъ ее въ монастырь на плечахъ, какъ на крыльяхъ. И такъ питался онъ несѣянною пищею съ непаханной земли, какъ птица.

Во время этихъ подвиговъ святаго начался въ Русской землѣ отъ постоянныхъ войнъ великій голодъ, такъ что смерть угрожала людямъ. Богъ же, желая прославить угодника Своего и помиловать людей Своихъ, умножилъ тогда произрастаніе лебеды болѣе чѣмъ въ другіе годы; и потому блаженный Прохоръ еще больше трудился, безпрестанно собирая эту траву,

растирая ее руками и дѣлая изъ нея хлѣбы, которые раздавалъ неимущимъ и погибающимъ отъ голода. Нѣкоторые, видя, какъ онъ собиралъ лебеду, — начали также собирать себѣ, чтобъ пропитаться во время голода, но не могли ѣсть отъ горечи. Тогда всѣ нуждающіеся обратились къ святому, и онъ не отказывалъ никому въ своемъ хлѣбѣ изъ лебеды. И всѣмъ вкусъ этого хлѣба казался сладкимъ, какъ будто онъ былъ смѣшанъ съ медомъ, такъ что охотнѣе хлѣба печенаго изъ пшеницы брали этотъ хлѣбъ, испеченный изъ травы руками блаженнаго Прохора. Но замѣчательно и то, что хлѣбъ этотъ, только если давался блаженнымъ съ благословеніемъ, казался свѣтлымъ, чистымъ и былъ сладокъ на вкусъ; а если кто бралъ его тайно, онъ становился черенъ, какъ земля, и горекъ, какъ полынь. Одинъ изъ братіи взялъ у блаженнаго хлѣбъ тайно, безъ благословенія, — и началъ ѣсть. И онъ оказался въ рукѣ его какъ земля, а во рту горькимъ сверхъ мѣры, такъ что онъ не могъ его ѣсть. Такъ случалось нѣсколько разъ. Онъ стыдился открыть блаженному этотъ грѣхъ и просить у него хлѣбъ съ благословеніемъ. Но, будучи очень голоденъ, и не въ состояніи выносить позывовъ голода, видя смерть предъ глазами своими, пришелъ къ игумену Іоанну и разказалъ ему происшедшее, прося прощенія. Игумень, не повѣривъ разказу, приказалъ другому брату взять тайно хлѣбъ у святого, чтобы видѣть истину, такъ ли это. Когда хлѣбъ былъ принесенъ, оказалось то же, чтò говорилъ первый братъ: никто не могъ ѣсть его отъ горечи. Этотъ хлѣбъ былъ еще въ рукахъ ихъ, когда игумень снова послалъ къ святому попросить хлѣба отъ его благословенія. «Уходя отъ него (сказалъ онъ), возьмите тайно и другой хлѣбъ». Когда эти хлѣбы были принесены, хлѣбъ, взятый тайно, измѣнился передъ ними и сталъ чернымъ какъ земля и горекъ какъ полынь, какъ и

первый хлѣбъ; а хлѣбъ, взятый изъ рукъ его, казался чистымъ и былъ сладокъ какъ медъ. Послѣ этого чуда прославился Прохоръ повсюду и, напитавъ многихъ алчныхъ, оказалъ пользу многимъ.

Послѣ этого Святополкъ Изяславичъ, князь Кіевскій, началъ междоусобную брань съ Давидомъ Игоревичемъ, княземъ Владимірскимъ, за ослѣпленіе на Требовлѣ князя Висилька Ростиславича, котораго приказалъ ослѣпить Святополкъ, прельщенный Давидомъ Игоревичемъ; также и съ Володаремъ Ростиславичемъ, братомъ Василька, княземъ Перемышльскимъ, и съ самимъ Василькомъ за область отца своего Изяслава, которую захватили Ростиславичи. И уже самъ Святополкъ возвратился изъ похода въ Кіевъ, прогнавъ Давида къ Ляхамъ и посадивъ въ его городѣ Владимірѣ сына своего Мстислава, — но не одолѣлъ Володаря и Василька и послалъ на нихъ съ Уграми другого сына своего Ярослава. Въ это время, при великомъ нестроеніи и незаконныхъ грабежахъ, не пропускали къ Кіеву купцовъ отъ Галича и Перемышля, и не было соли на всей Русской землѣ—и тогда народъ былъ въ великой печали.

Блаженный же Прохоръ, видя эту скудность, собралъ въ келлію свою множество пепла со всѣхъ келлій и, помолясь Господу, началъ раздавать всѣмъ нуждающимся въ соли тотъ пепель, изъ котораго для всѣхъ молитвами блаженнаго образовывалась чистая соль. И чѣмъ больше онъ ея раздавалъ, тѣмъ больше она умножалась, такъ что не только ея было достаточно для монастыря, но и мірскіе люди, приходя къ нему, разбирали во множествѣ для нуждъ домашнихъ своихъ. Ничего не бралъ за то святой, но раздавалъ даромъ всѣмъ, кто требовалъ. И можно было видѣть, какъ базаръ пустѣетъ, а монастырь полонъ людьми, приходящими для полученія соли.

Тогда воздвигъ врагъ великую зависть въ купцахъ, продававшихъ соль на торгу, что они не получили ожидаемыхъ барышей. Ибо они рассчитывали въ тѣ дни пріобрѣсть за соль богатство всего міра, и сильно они въ этомъ ошиблись, потому что прежде продавали они задорого, потомъ ужъ никто не покупалъ и задешево. Собравшись вмѣстѣ, всѣ торговцы солью пришли къ князю Святополку съ жалобою на блаженнаго: «Прохоръ, черноризецъ Печерскаго монастыря, отнялъ у насъ большія деньги: всѣхъ неотступно привлекъ онъ къ себѣ за солью, а мы, платящіе тебѣ подати, не можемъ сбыть своей соли и чрезъ него разорились»: Князь же, выслушавъ ихъ, замыслилъ двѣ вещи—и прекратить ихъ жалобы, и себѣ нажить денегъ. И рѣшилъ онъ съ совѣтниками своими поднять цѣну соли, и, отнявъ ее у Прохора, самому быть ея продавцомъ чрезъ своихъ людей. И обѣщался онъ тѣмъ крамольникамъ: «Ради васъ пограблю монаха». Мысль же о наживѣ своей онъ скрывалъ, желая угодить имъ, главнымъ же образомъ готовясь изъ зависти ввести ихъ въ еще большіе убытки — потому что зависть не можетъ мириться съ тѣмъ, что полезно для другихъ. Святополкъ послалъ забрать всю соль у Прохора. Когда она была перевезена, онъ пришелъ самъ посмотреть на нее съ тѣми крамольниками, которые жаловались на блаженнаго, и всѣ увидѣли, что предъ ихъ глазами пепель. Князь приказалъ нѣкоторымъ попробовать, и также во рту ихъ оказался пепель. Много дивились они этому измѣненію и недоумѣвали. Желая узнать вѣрнѣе, чѣмъ все это кончится, князь приказалъ сохранить пепель до трехъ дней. А къ блаженному, по обычаю, приходило множество народа, чтобъ получить соль, но, узнавъ о ея разграбленіи, возвращались съ пустыми руками, проклиная того, кто это сдѣлалъ. Блаженный же сказалъ имъ: «Когда соль будетъ вы-

сыпана отъ князя, тогда подите собирать ее себѣ». Князь продержавъ ее до трехъ дней и не получивъ ничего, кромѣ пепла, приказалъ ночью высыпать ее вонь.

А тотъ пепель, когда его высыпали, снова превратился въ соль, и, узнавъ объ этомъ, граждане стали стекаться и съ радостью собирали ее. Когда совершилось это дивное чудо, въ ужасъ пришелъ князь, позволившій себѣ насиліе. И такъ какъ онъ не могъ скрыть этого дѣла, такъ какъ оно совершилось предъ всѣмъ городомъ, началъ онъ изслѣдовать, что это такое. Тогда рассказали ему все, что дѣлалъ блаж. Прохоръ: не только о той соли, бывшей изъ пепла, но и о хлѣбахъ изъ лебеды, которыми онъ пропиталъ множество народа, и какъ оказывались они сладкими, когда кто получалъ ихъ изъ его рукъ съ благословеніемъ, и горькими, когда кто бралъ тайно.

Узнавъ объ этомъ, князь Святополкъ устыдился своего дѣла, пошелъ въ Печерскій монастырь и примирился съ игуменомъ Іоанномъ. А прежде онъ имѣлъ съ игуменомъ вражду за обличеніе его въ ненасытимой алчности и въ обидахъ народу, такъ что онъ даже заточилъ его въ Туровѣ; но, убоявшись навлечь на себя вражду благочестиваго князя Владиміра Мономаха, вскорѣ возвратилъ его съ честью въ Печерскій монастырь.

Изъ-за этихъ чудесъ Святославъ сталъ съ тѣхъ поръ имѣть великую любовь къ Пресвятой Богородицѣ и преп. отцамъ Антонію и Θεодосію Печерскимъ. А блаж. Прохора очень почиталъ и угождалъ ему, зная, что онъ истинный рабъ Божій. Предъ нимъ онъ далъ обѣщаніе Богу никому больше не творить насилія и укрѣпилъ это слово, говоря блаженному: «Если я, по изволенію Божію, прежде тебя отойду отъ этого міра, ты своими руками положи меня въ гробъ, чтобъ пока-

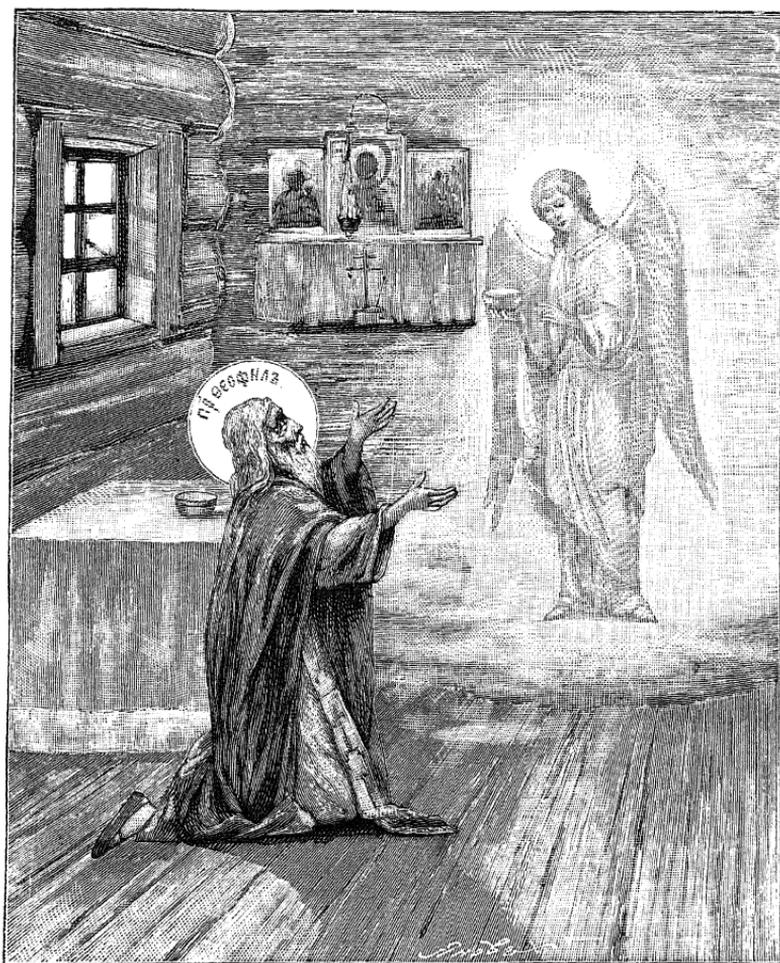
зять надо мною твое незлобіе. Если же ты преставишь-ся прежде меня, я, взявъ тебя на плечи, внесу тебя въ пещеру, чтобъ за то Господь подалъ мнѣ прощеніе тяжкаго моего грѣха предъ тобою».

Послѣ этого разговора блаженный Прохоръ прожилъ немало лѣтъ Богоугодно въ непорочномъ и жестокомъ житіи и потомъ разболѣлся. Князь же Святополкъ былъ въ походѣ противъ Половцевъ. Тогда блаженный послалъ къ нему съ вѣстью: «Приблизился уже часъ исхода моего изъ тѣла; если хочешь исполнить свое обѣщаніе и получить отъ Бога прощеніе грѣховъ, приди, чтобъ получить разрѣшеніе и своими руками положить меня въ гробъ. Ожидаю прихода твоего. Если же ты замедлишь, и я отойду безъ тебя, то не моя будетъ вина, и походъ окончится не такъ, какъ если бъ ты пришелъ ко мнѣ». Получивъ эту вѣсть, Святополкъ оставилъ войско и пришелъ вскорѣ къ больному Прохору. Преподобный много поучалъ князя о милостынѣ, о будущемъ судѣ, о вѣчной жизни и о безконечныхъ мукахъ, далъ ему прощеніе и благословеніе и простился со всѣми окружавшими князя. Потомъ, воздѣвъ руки къ небу, предалъ духъ свой въ руки Божіи.

Князь же съ черноризцами, взявъ тѣло преподобнаго, отнесъ его въ пещеру и своими руками положилъ его во гробъ. Потомъ онъ отправился въ походъ и одержалъ великую побѣду надъ безбожными агарянами, плѣнилъ всѣ области Половецкія и привелъ плѣнныхъ въ свою землю. Эта побѣда, дарованная Богомъ Русской землѣ, была одержана по предсказанію милостиваго блаж. Прохора. И съ тѣхъ поръ князь Святополкъ, идя въ походъ или на охоту, всегда приходилъ въ Печерскій монастырь для благословенія и съ великимъ усердіемъ и благодарностью преклонялся въ Богомъ созданной церкви предъ чудотворною иконою

Пресвятой Богородицы и предъ гробомъ преп. Θεодосія; также и въ пещерѣ предъ гробомъ преп. Антонія и Прохора и всѣхъ прочихъ преподобныхъ и тогда отправлялся въ путь. И такъ счастливо шло княженіе его, получившее послѣ многихъ каръ Божіе благословеніе чрезъ преп. Прохора, и самъ Христолюбивый князь Святополкъ Изяславичъ, бывъ самъ свидѣтелемъ, исповѣдывалъ всѣмъ явно чудеса и знаменія этого угодника Божія.

Его святыми молитвами и нынѣ среди постоянной борьбы да не лишатся русскіе люди брашна, особенно же вѣчно пребывающаго: и земного — творенія воли Божіей, и небеснаго — насыщенія души, когда явится Его слава. И этимъ святолѣпнымъ брашномъ да насладимся мы съ преп. Прохоромъ; уже не вкушеніемъ листьевъ лебеды и пепла, но зрѣніемъ — цвѣтущаго прежде вѣковъ естества Божія и взятаго съ земли естества человѣческаго, которыя соединены во Христѣ — Богѣ и человѣкѣ. Ему съ безначальнымъ Его Отцемъ и съ пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Его Духомъ — подобаеть всякая слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слезы блажен. Теофила.

Житіе преп. отца нашего Марка пещернака, повелѣній котораго слушались мертвые, и съ нимъ преп. Теофила,

которому мертвецъ Іоаннъ уступилъ высшее мѣсто, и слезами котораго наполнились два сосуда.

(29 декабря).

Въ древнемъ и въ болѣе близкомъ видѣніяхъ сперва Іезекіилю пророку, а потомъ наперснику Христову, явилось въ ликахъ ангельскихъ между другими одно животное, имѣющее подобіе льва (Іезекіиль 1, 10, Откр. 4, 7). Это таинственное знаменіе свойственно св. евангелисту Марку и нашему Печерскому Марку. Ибо какъ левъ будитъ своимъ голосомъ мертвыя свои порожденія, такъ и голосу этого преподобнаго Богъ далъ такую власть, что и мертвые братья пробуждались и слушались его. Поэтому и достойно упомянуть о немъ среди ангельскаго лика. Ибо, нося въ чинѣ ангельскомъ иноческій образъ, онъ пожилъ равноангельскою жизнію, какъ свидѣтельствуеть его святолѣпное житіе. Итакъ, начнемъ повѣствовать о немъ.

Время подвиговъ этого блаженнаго Марка лучше всѣхъ указаній опредѣлимъ тѣмъ достохвальнымъ событіемъ, что при немъ были перенесены честныя мощи преп. отца нашего Θεодосія изъ пещеры во святую великую церковь. Блаженный Маркъ, принявъ иноческій образъ, жилъ въ пещерѣ, искапывая въ ней своими руками много

мѣсть не только для того, чтобы скрываться тамъ на молитву, но и для погребенія умершей братіи, и выносилъ землю на своихъ плечахъ. И такъ трудился онъ постоянно въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ, ожидая на небѣ богатой награды, на землѣ же не желая брать ее. Если кто насильно, по любви, давалъ ему какую-нибудь вещь за копаніе могилы,—онъ отдавалъ убогимъ.

Кромѣ того, блаженный возложилъ на поясъ себѣ желѣзо, которое носилъ всю свою жизнь; бодрствовалъ онъ день и ночь на молитвѣ, отъ постоянной же молитвы не отдѣлялъ строгаго поста, какъ сочеталъ ихъ Богъ (Матѳея, 19, 6). И воду пилъ онъ мѣрою изъ своей мѣрки, этою мѣркою служилъ ему мѣдный крестъ. И такъ внутренняго врага, воздвигающаго похоти въ душѣ, побѣдилъ онъ до конца не только темницею, но и трудомъ, и оковами, лишеніемъ сна и голодомъ. Умертвилъ (говорю я) плоть свою не только безмолвіемъ въ темной пещерѣ, но и копаніемъ и опоясаніемъ желѣзнымъ, бдѣніемъ и постомъ. Явившись въ ангельскомъ образѣ какъ безплотный, онъ не боялся смерти, но смерть скорѣе боялась голоса его какъ трубы архангела. Преп. отецъ нашъ Маркъ получилъ отъ Господа силу на такія чудеса, что и мертвые повиновались повелѣніямъ его. Это было подтверждено многими знаменіями.

Однажды, когда, по обычаю, копалъ онъ могилу, утрудясь, онъ изнемогъ и оставилъ мѣсто тѣснымъ и нерасширеннымъ. Случилось, что одинъ изъ болѣвшихъ братій умеръ; и для погребенія не было, кромѣ того, другого мѣста. Мертвый былъ принесенъ въ пещеру и едва могли, по тѣснотѣ, положить его въ пещеру. Тогда братія стала роптать на Марка, что они не могутъ опрavitъ мертвеца, ни возлитъ на него елей ради тѣсноты мѣста. Пещерникъ же, со смиреніемъ поклонясь всѣмъ, сказалъ: «Простите мнѣ, отцы, по немощи моей не окончилъ». Они же досаждали ему, укоряя его еще силь-

нѣе. Тогда блаженный сказалъ мертвецю: «Такъ какъ мѣсто тѣсно, братъ, подвинься самъ и, взявъ елей, возлей на себя». Мертвый же, немного разогнувшись, протянулъ руку и, взявши елей, возлилъ на себя крестообразно на лицо и на грудь и снова отдалъ сосудъ; оправя себя самъ, онъ возлегъ и уснулъ. Послѣ этого чуда всѣхъ объялъ ужасъ и трепеть.

И еще одинъ братъ умеръ послѣ долгой болѣзни; и одинъ изъ друзей его, по обычаю отеревъ его губою, пошелъ въ пещеру, чтобъ видѣть мѣсто, гдѣ должны были положить тѣло его друга, и спросилъ о томъ блаж. пещерника Марка. Блаженный же отвѣчалъ ему: «Иди сказать брату, чтобъ подождалъ онъ до утра, пока я выкопаю мѣсто, и тогда отойдетъ онъ на покой той жизни». Братъ же сказалъ пещернику: «Отче, я уже вытеръ губою его мертвое тѣло, кому велишь сказать это?» Маркъ же снова сказалъ: «Это мѣсто, видишь, еще не приготовлено. Говорю тебѣ: иди и скажи умершему такъ: говоритъ тебѣ грѣшный Маркъ: братъ, пробудь здѣсь еще этотъ день, утромъ же отойдешь ты къ желанному Христу—пока я приготовлю мѣсто и извѣщу тебя».

Послушавъ его, братъ пошелъ въ монастырь и нашелъ всю братію совершающею обычное пѣніе надъ умершимъ. Тогда онъ сказалъ умершему: «Братъ, Маркъ говоритъ, что мѣсто для тебя еще не готово, пожди еще здѣсь до утра». Когда онъ это при общемъ изумленіи сказалъ, вдругъ мертвецъ открылъ глаза, и душа его возвратилась въ него, и онъ былъ тотъ день и ночь живъ, никому ничего не говоря и только смотря открытыми глазами. На утро братъ, приходившій прежде, опять пошелъ въ пещеру узнать о мѣстѣ, приготовлено ли оно. И святой сказалъ ему: «Иди, скажи ожившему: говоритъ тебѣ Маркъ, оставь эту временную жизнь и перейди въ вѣчную; отдай духъ твой Богу,

тѣло же твое пусть будетъ положено въ пещерѣ со святыми отцами. Ибо мѣсто готово». Братъ, придя, сказалъ все это ожившему. Тотъ же, закрывъ очи свои, предалъ духъ въ руки Божіи. И такъ, съ честью былъ онъ положенъ въ пещерѣ на приготовленномъ мѣстѣ. И всѣ удивлялись этому преславному чуду, какъ по слову блаженнаго ожилъ мертвецъ и опять умеръ по его слову,—и прославляли Бога.

И еще. Были въ томъ же Печерскомъ монастырѣ два брата, соединенные сердечною любовью съ самой юности, одинаково о всемъ мыслившіе и имѣвшіе одинаковое рвеніе къ Богу, Іоаннъ и Теофилъ. Они умолили блаженнаго Марка устроить имъ одно общее мѣсто для погребенія тѣлъ ихъ обоихъ, когда повелитъ Господь. Поживъ долго вмѣстѣ, старшій изъ нихъ Теофилъ уѣхалъ куда-то по монастырскому дѣлу, а младшій, Іоаннъ, угодивъ Богу, разболѣлся, умеръ и положенъ былъ въ пещерѣ на приготовленномъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько дней Теофилъ возвратился съ дороги и, узнавъ о смерти брата своего, началъ сильно скорбѣть и, взявъ съ собою нѣсколькихъ иноковъ пошелъ въ пещеру, желая видѣть, на какомъ мѣстѣ положенъ умершій. Видя же, что онъ положенъ въ той общей могилѣ на верхнемъ мѣстѣ, негодовалъ и ропталъ на Марка, говоря: «Зачѣмъ ты положилъ его здѣсь на моемъ мѣстѣ? Я старше его». Пещерникъ, какъ смиренный, кланяясь ему, говорилъ: «Прости, братъ, меня, согрѣшилъ я!» Потомъ, обратившись къ умершему, онъ сказалъ: «встань, братъ, дай то мѣсто старѣйшему тебя брату, самъ же лягъ на нижнемъ мѣстѣ». И вдругъ, по слову блаженнаго, мертвый всталъ и легъ на нижнемъ мѣстѣ, и всѣ пришедшіе туда видѣли это, и чудо было для нихъ страшно и полно ужаса

Тогда братъ, роптавшій на блаженнаго, припалъ къ ногамъ его, говоря: «Согрѣшилъ я, отче, подвинувъ

брата съ мѣста. Молю тебя, прикажи, чтобъ онъ легъ тамъ снова». Блаженный же сказалъ ему: «Самъ Господь, уничтожая вражду между нами, происшедшую изъ-за твоего ропота, сдѣлалъ это, чтобъ во враждѣ твоей ты не имѣлъ на меня всегда злобу; тѣло этого умершаго показало, что любовь его къ тебѣ, живая и по смерти, подчинялась старшинству твоему, вставъ изъ верхней части общей приготовленной для васъ могилы. Возставлять мертвыхъ Божіе дѣло. Я же человекъ грѣшный и теперь, когда нѣтъ нужды, уже не могу сказать самъ собою этому умершему: «Встань и опять лягъ на верхнее мѣсто;» вѣдь если прикажешь это ему ты, онъ не послушаетъ тебя? Но знай и то, что тебѣ не слѣдовало выходить изъ монастыря, чтобъ наслѣдовать свое старшинство, и въ этотъ часъ ты былъ бы положенъ здѣсь. Но, такъ какъ ты не готовъ на исходъ, иди, подумай о спасеніи души твоей, и чрезъ немного дней самъ ты будешь принесенъ сюда».

Слыша эти слова, Теофиль очень былъ опечаленъ и утраченъ, думая, что тутъ же упадетъ и умретъ; не надѣялся дойти и до монастыря. Едва помня себя, пришелъ онъ въ свою келью и неутѣшно плакалъ.

Тогда роздалъ онъ все, что имѣлъ, оставилъ себѣ одну рясу и мантию и всякій день ожидалъ смертнаго часа. Никто не могъ успокоить его въ его горькомъ плачѣ, но хотѣвшіе утѣшить его заставляли его рыдать еще сильнѣе. Не могли принудить его вкусить его отъ сладкихъ блюдъ, но слезы его были ему хлѣбомъ день и ночь. Когда наставалъ день, онъ говорилъ себѣ: «Не знаю, достигну ли я вечера»; а когда приходила ночь, опять помрачалъ слезами свѣтъ очей своихъ, говоря: «Кто знаетъ, доживу ли до утра. Ибо многіе, вставъ утромъ отъ сна, не достигли вечера и другого сна, кромѣ смерти, и многіе, уснувъ, не встали съ постели. Какъ не надѣяться, что буду жить — мнѣ,

получившему извѣщаніе, что вскорѣ скончаюсь». Но чтобъ Господь по неизмѣримымъ щедротамъ Своимъ, подалъ ему время на покаяніе—молился онъ къ Нему всегда, пребывая въ постѣ и плачѣ. Ведя такую жизнь много лѣтъ, Теофилъ до того утончилъ плоть свою, что можно было перечестъ суставы его, и отъ многого плача лишился онъ зрѣнія.

Преп. же отецъ нашъ Маркъ, когда узналъ часъ отшествія своего къ Богу,—призвалъ Теофила и сказалъ ему: «Прости меня, братъ, что я опечалилъ тебя на много лѣтъ, и моли Бога о мнѣ, потому что я отхожу уже отъ этого міра. Если же я получу дерзновение, не забуду молиться о тебѣ, чтобъ Господь сподобилъ насъ обоихъ, и видѣть Его пресвѣтлое лицо, и увидѣть тамъ другъ друга, и быть тамъ на мѣстѣ преп. отцовъ нашихъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ».

Теофилъ же съ плачемъ отвѣчалъ ему: «Зачѣмъ, отче, ты оставляешь меня? Возьми меня съ собою или даруй мнѣ здѣсь прозрѣніе. Знаю, что, когда ты воскресилъ умершаго моего брата, а я упалъ предъ тобою въ пещерѣ, я долженъ былъ умереть за грѣхи мои. Но Господь, ради святыхъ твоихъ молитвъ, пощадилъ меня, ожидая моего покаянія. И теперь можешь ты подать мнѣ, чего я прошу у тебя—или съ тобою отойти къ Богу, или прозрѣть».

Преп. же Маркъ сказалъ ему: «Не скорби, братъ, что ради Господа ты ослѣпъ тѣлесными очами, ибо духовными ты прозрѣлъ къ истинному разуму. Я пожелалъ быть виною твоего ослѣпленія; я предсказалъ тебѣ смерть, желая сдѣлать пользу твоей душѣ,— и привести къ смиренію твое плотское высокоуміе, ибо Богъ не уничтожитъ сердца сокрушеннаго и смиреннаго (Пс. 50, 19), а не хвлящагося старшинствомъ. Поэтому не нужно тебѣ видѣть этого маловременнаго свѣта; проси у Господа, чтобъ видѣть тебѣ славу Его въ

свѣтъ присносущномъ; не желай и смерти: она придетъ, если-бъ ты не хотѣлъ. Вотъ тебѣ будетъ знаменіемъ отшествія твоего: за три дня до кончины твоей ты прозришь и такъ отойдешь ко Господу, и тамъ увидишь свѣтъ нескончаемый и славу неизреченную». Оставивъ это неложное пророчество свое о кончинѣ Теофила, преп. отецъ нашъ Маркъ самъ въ Господѣ кончилъ на землѣ временную свою жизнь, и началъ на небесахъ, какъ повелитель мертвыхъ и пророкъ, съ начальникомъ воскресенія Самимъ Іисусомъ, и со всѣми святыми пророками—вѣчную жизнь.

Мощи же его чудотворныя положены въ пещерѣ, гдѣ самъ онъ выкопалъ себѣ гробъ, и подають неоскудныя исцѣленія всѣмъ, съ вѣрою приходящимъ къ честной его ракъ. Тамъ лежатъ и вериги, которыя носилъ на себѣ преподобный, и мѣдный крестъ, изъ котораго пилъ онъ воду. Своими устами онъ такъ освятилъ его, что онъ сталъ чудотворнымъ. Кто съ вѣрою и постившись приходитъ и пьетъ изъ того честнаго креста воду,—получаетъ скорѣе, чѣмъ отъ всякихъ водъ лечебныхъ, неложное сверхъестественное врачеваніе своимъ недугамъ.

Блаженный же Теофилъ, получивъ новую рану въ свое сердце, сталъ рыдать сугубо, оплакивая горькое разлученіе съ отцомъ и наставникомъ своимъ, преп. Маркомъ, и свою кончину, которой ожидалъ всякій день, вспоминая пророчество того отошедшаго пещерника. Пропливалъ онъ источники слезъ, и они еще болѣе умножались.

Блаж. Теофилъ имѣлъ обычай, когда творилъ молитву и приходили на него слезы, тогда подставлялъ сосудъ и надъ нимъ плакалъ, и за много лѣтъ наполнилъ его слезами. Получивъ зрѣніе въ глазахъ, по обѣщанію преп. Марка, онъ понялъ, что кончина его близка. И онъ началъ молиться Богу прилежно, чтобъ

угодны были слезы его и, воздѣвъ руки къ Нему, говорилъ такъ:

«Владыко человекѣколюбче, Господи Иисусе Христе Боже мой, не хотящій смерти грѣшникамъ, но ожидающій обращенія ихъ, зная немощь нашу, Царь Пресвятый, Утѣшитель Благій, больныхъ здравіе, грѣшниковъ спасеніе, изнемогающихъ укрѣпитель, подающихъ возставитель, молю Тебя въ этотъ часъ, удиви на мнѣ недостойномъ милость Твою, прими изліяніе горькихъ слезъ моихъ и излей на меня неисчерпаемую пучину Твоего благоутробія, чтобъ не быть мнѣ искушаемымъ воздушными мытарствами и не быть во власти князя тьмы—ради молитвъ великихъ угодниковъ Твоихъ, преп. отецъ нашихъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ и всѣхъ святыхъ, отъ вѣка Тебѣ благоугодившихъ».

Когда блаженный Теофиль произнесъ это, во образѣ прекраснаго юноши предсталъ предъ нимъ Господень ангель, говоря: «Хорошо молишься ты, Теофиль, но что хвалишься тщетою слезъ, собранныхъ въ сосудъ?—И онъ показалъ ему свой сосудъ, бѣльшій того, полный благоуханія, какъ отъ многоцѣннаго мура, и сказалъ:—Это твои слезы, которыя въ молитвѣ къ Богу ты пролилъ отъ сердца и отеръ рукою или полотенцемъ, или одеждою, или которыя изъ глазъ твоихъ упали на землю; всѣ эти слезы я собралъ въ этотъ сосудъ и сохранилъ по повелѣнію Владыки моего и Творца. И теперь я посланъ повѣдать тебѣ радость, чтобъ съ веселіемъ отошелъ ты къ Тому, Кто сказалъ: «Блажени плачущіи, яко тѣи утѣшатся» (Матѳея, 5, 4). Сказавъ это и оставивъ свой сосудъ, онъ сталъ невидимъ.

Блаж. же Теофиль, призвавъ игумена, рассказалъ ему объ явленіи и словахъ ангела, показалъ и два сосуда, наполненные слезами—одинъ свой, другой же

ангельскій, благоухающій сильнѣе ароматовъ, и его онъ просилъ по кончинѣ своей вылить на тѣло.

И такъ, на третій день по прозрѣніи своемъ, онъ отошелъ къ Господу, чтобы зрѣть Трисіятельное Божество.

Честное же тѣло его съ честью положили въ пещерѣ, съ либимымъ его братомъ, блаженнымъ Іоанномъ, близъ преп. Марка, и помазали его изъ ангельскаго сосуда,—такъ что вся пещера наполнилась благоуханіемъ, потомъ же вылили на него и другой сосудъ слезъ, чтобы тотъ, кто сѣялъ на землѣ слезами, пожалъ на небѣ радостью (Пс. 125, 5). И эту радость получилъ онъ ходатайствомъ преп. наставника своего Марка пещерника, чудотворною благодатію Бога всякаго утѣшенія (II Коринѣ. 1, 3), Которому, въ Троицѣ хвалимому, подобаесть слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отцовъ нашихъ Θεодора и Василя.

(11 августа).

Они пострадали отъ князя Мстислава Святополковича, оклеветанные діаволомъ въ похищеніи сокровища.

«Корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе» (I Тим. 6, 10), сказалъ Божественный апостоль Павелъ. Эти слова сбылись на дѣлѣ въ этомъ достойномъ хвалы житіи, гдѣ начальникъ зла, врагъ, не иною вещью, какъ сребролюбіемъ, навелъ злыя душевныя и тѣлесныя искушенія на душу блаж. Θεодора, и страданія и смерть не только на него, но и на совѣтника его, блаж. Василя.

Повѣсть эта пишется такъ.

У блаж. Θεодора въ его мірской жизни было большое богатство. Услышавъ же въ евангеліи слова Господни: «всякъ отъ васъ, иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быть Мой ученикъ»,— послѣдовалъ этому слову. И, оставивъ все мірское и раздавъ богатство нищимъ, онъ сталъ черноризцемъ въ Печерскомъ монастырѣ и ревностно подвизался въ добродѣтеляхъ.

По приказанію игумена, онъ жилъ въ пещерѣ, которая называется Варяжскою, и въ ней пробылъ много лѣтъ въ строгомъ воздержаніи.

Этому блаж. Θεодору однажды врагъ принесъ немалую печаль и тоску объ имѣніи, розданномъ нищимъ,

приводя ему на мысль долгіе годы жизни, изнеможеніе плоти и скудость монастырской пици.

Теодоръ не понялъ искушенія, не вспомнилъ словъ Господа: Не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить. Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отець вашъ небесный питаетъ ихъ» (Матѳея, 6, 26). И началъ онъ отъ скорби переходить въ отчаяніе, смущаемый нищетою, и долго омрачалъ его врагъ, и эту скорбь онъ явно открывалъ своимъ друзьямъ.

Былъ въ томъ же монастырѣ черноризецъ, именемъ Василій, совершенный инокъ. Онъ, желая утѣшить и отвлечь отъ отчаянія Теодора, сказалъ ему: «Братъ Теодоръ, молю тебя, не губи мзды своей; если, раскаявшись въ подвигѣ своемъ, снова желаешь имѣнія, розданнаго нищимъ, я постараюсь вернуть его тебѣ; только ты скажи передъ Богомъ, чтобъ милостыня твоя была зачтена за мною, и ты будешь спокоенъ, получивъ свое имѣніе. Но смотри, потерпитъ ли это Господь. Такъ же въ Царьградѣ нѣкто, пожалѣвъ золота, розданнаго въ милостыню, зачелъ его предъ Богомъ за другимъ, отъ котораго получилъ то, что роздалъ; но когда сказалъ онъ: «не я, Господи, сотворилъ милостыню, но она принадлежитъ ему,—вдругъ упалъ онъ и умеръ посреди церкви, и разомъ лишился и золота, и жизни».

Теодоръ, услышавъ это и обдумавъ, сталъ оплакивать свое согрѣшеніе и ублажать брата, спасаго его отъ такого душевнаго недуга. О такихъ людяхъ сказалъ Господь: «Если извлечешь драгоценное изъ ничтожнаго, то будешь какъ Мои уста» (Іереміа, 15, 19). И съ тѣхъ поръ между этими двумя иноками образовалась пріязнь.

Съ тѣхъ поръ Теодоръ преуспѣвалъ въ заповѣдяхъ Господнихъ и дѣлалъ все, что праведно, благоугодно,

свято и непорочно. Тогда діаволь, получивъ сильную язву тѣмъ, что не могъ его тѣмъ образомъ привлечь на сребролюбіе, снова вооружился на него и разставилъ ему другія искушенія для той же погибели.

Однажды Василій былъ отосланъ игуменомъ на одно послушаніе, гдѣ пробылъ мѣсяца три. Врагъ, найдя это время удобнымъ для своихъ козней, преобразился въ обликъ Василія и пришелъ къ пещерному брату, представляясь, что бесѣдуетъ съ нимъ о полезныхъ вещахъ. «Теодоръ, сказалъ онъ ему, какъ теперь преуспѣваешь ты? Прекратилась ли въ тебѣ бѣсовская брань? Или онъ тебѣ еще творитъ пакость, возбуждая любовь къ стяжанію и пробуждая воспоминаніе о розданномъ нищимъ имѣніи?»

Теодоръ же, не понявъ, что это бѣсъ, и думая, что это говоритъ ему братъ, отвѣчалъ: «Твоими молитвами, отче, я преуспѣваю; утвержденный тобою, не слушаюсь я мыслей, навѣваемыхъ бѣсами. И если теперь ты что прикажешь, сдѣлаю съ усердіемъ, не ослушаясь тебя, потому что я получилъ великую пользу для души моей чрезъ твои наставленія». Бѣсъ же, мнимый братъ, почувствовавъ смѣлость отъ того, что Теодоръ не помянулъ имени Господа Бога, сказалъ ему: «Даю тебѣ еще другой совѣтъ, который дастъ тебѣ покой, и вскорѣ ты получишь отъ Бога воздаяніе за розданное тобою имѣніе. Проси у Господа Бога, чтобъ Онъ подалъ тебѣ множество золота и серебра, и не давай никому входить къ тебѣ, и самъ не выходи изъ этой пещеры». Братъ же обѣщалъ исполнить все это. Тогда отошелъ отъ него пронырливый бѣсъ и, невидимо наталкивая его на помысль о находкѣ сокровища, склонялъ его къ молитвѣ о томъ. Теодоръ, молясь Господу, чтобъ получить отъ него сокровище, обѣщался все раздать на милостыню. Уснувъ, онъ видѣлъ во снѣ бѣса, свѣтлаго и украшеннаго, какъ ангель, который показывалъ ему

въ пещерѣ сокровище. Это видѣніе было Θεодору не одинъ, но много разъ. Онъ, черезъ нѣсколько дней придя на показанное мѣсто и начавъ копать, нашель великое сокровище изъ серебра и золота и многоцѣнные сосуды.

Послѣ этого пришелъ снова бѣсъ въ образѣ Василія и сказалъ пещернику: «Гдѣ данное тебѣ сокровище? Явившійся тебѣ сказалъ и мнѣ, что, по твоей молитвѣ, мнѣ дано будетъ множество золота и серебра». Θεодоръ же не хотѣлъ показать ему сокровища. И тогда злохитрый бѣсъ сталъ и явно говорить блаженному и втайнѣ влгать въ него помысль, чтобъ, взявъ сокровище, итти въ другую страну. Но сперва сказалъ такъ: «Братъ Θεодоръ, не говорилъ ли я тебѣ, что вскорѣ получишь отъ Бога воздаяніе за розданное тобою имѣніе, ибо онъ сказалъ: «Всякій, кто оставитъ домъ или землю ради имени Моего, получить во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную» (Матѳея, 19, 29). Теперь уже богатство въ твоихъ рукахъ; дѣлай съ нимъ, что хочешь». Отвѣчалъ ему пещерникъ: «Для того просилъ я у Бога, чтобъ, если подастъ Онъ мнѣ, все раздать на милостыню—и думаю, что для того Онъ и далъ мнѣ». Супостатъ сказалъ ему: «Берегись, братъ Θεодоръ, чтобъ врагъ снова не причинилъ тебѣ скорбь за раздачу, какъ и прежде, ибо это дано тебѣ вмѣсто того, что роздалъ ты убогимъ. Я даю тебѣ совѣтъ, взявъ это, итти въ другую страну и тамъ купить имѣній для прожитія своего; можешь и тамъ спастись и избѣгнуть бѣсовскихъ козней. Когда же приблизится отшествіе твое отъ этого міра, отдай имѣніе, кому захочешь, и такъ память о тебѣ переживетъ тебя. Θεодоръ же сказалъ ему: «Не устыжусь ли я того, что оставилъ міръ и все, что въ немъ, и обѣщался кончить жизнь мою въ этой пещерѣ, а теперь буду бѣглецомъ и жителемъ мірскимъ? Если угодно тебѣ, то я буду жить въ мона-

стырѣ и исполнять всѣ другія приказанія твои». Отвѣчалъ ему бѣсъ: «Не можешь утаить здѣсь сокровища, о немъ узнають и возьмутъ отъ тебя. Но прими мой совѣтъ и сдѣлай скорѣй, что я тебѣ говорю. Если-бъ было негодно Богу, чтобъ ты имѣлъ богатство, Онъ бы не даровалъ его тебѣ, не извѣстилъ бы и меня, чтобы наставить тебя». Тогда пещерникъ, повѣривъ бѣсу, какъ брату, началъ тайно готовить повозки и сосуды, въ которые надо было собрать сокровище, чтобъ выдти изъ пещеры туда, куда выведетъ его бѣсъ, желавшій кознями своими отлучить отъ того святого мѣста преп. отецъ Антонія и Θεодосія и самой Пресвятой Богородицы, въ особенности же отъ Бога. Человѣколюбивый же Господь, не желая, чтобъ погибъ ни одинъ изъ того святого мѣста, спасъ и раба Своего Θεодора молитвами преподобныхъ Своихъ.

Въ то время возвратился съ дороги Василій, который спасъ раньше Θεодора отъ злого помысла, и пришелъ въ пещеру, чтобы повидать живущаго въ ней брата, и сказалъ ему: «Братъ Θεодоръ, какъ теперь пребываешь ты въ Богѣ? Долго я не видѣлъ тебя». Θεодоръ удивился этому привѣтствію и отвѣчалъ: «Что ты говоришь, будто давно не видалъ меня. И вчера, и прежде вчерашняго дня, и постоянно ты былъ со мною, поучая меня, и я уже отправляюсь въ путь, какъ ты приказалъ мнѣ». Василій же еще больше удивился такому отвѣту и спросилъ: «Скажи мнѣ, братъ Θεодоръ, что значить слово это—ты говоришь, что и вчера, и до того, и постоянно я былъ съ тобою и поучалъ тебя. И куда идешь ты? Я возвратился съ дороги и не знаю ничего. Если было что надъ тобою отъ бѣсовскаго дѣйства, молю тебя, Бога ради, не утай отъ меня».

Θеодоръ же съ гнѣвомъ сказалъ ему: «Что ты искушаешь меня, зачѣмъ смущаешь душу мою: то говоришь ты мнѣ такъ, то иначе. Какому слову мнѣ вѣ-

рить?»—и онъ съ досадою прогналъ его отъ себя. Послѣ такого приѣма Василій пошелъ въ монастырь, а бѣсъ, въ образѣ Василя, снова пришелъ къ нему и сказалъ: «Братъ, безумствовалъ я, окаянный, говоря тебѣ другое; поэтому не понимаю я досажденія, принятаго отъ тебя; но опять говорю тебѣ—поскорѣй уходи отсюда въ эту ночь, взявъ найденное сокровище». Сказавъ это, онъ ушелъ отъ него. Послѣ этого снова Василій пришелъ къ нему, взявъ съ собою нѣкоторыхъ старцевъ, и сказалъ пещернику: «Они свидѣтели тому, что теперь три мѣсяца, что я не видѣлъ тебя, ибо я отправленъ былъ игуменомъ по монастырскому дѣлу, и теперь уже третій день — вернулся въ монастырь. Ты же, едва я пришелъ—сказалъ мнѣ, что и вчера, и до того, и постоянно я былъ у тебя; поэтому я думаю, что здѣсь былъ бѣсовскій призракъ въ моемъ образѣ. И, если хочешь узнать истину, сдѣлай такъ: — Не позволяй никому, приходящему къ тебѣ, разговаривать съ тобою, пока не сотворить молитву Иисусову. Если не захочетъ — ты поймешь, что это бѣсъ». Сказавъ это, Василій произнесъ запретительную молитву, призвавъ на помощь святыхъ, и, мудро наставивъ Θεодора, отошелъ въ монастырь, въ свою келлію. И послѣ этого бѣсъ не посмѣлъ болѣе явиться Θεодору. Θεодоръ ясно понялъ прельщеніе пронырливаго врага и съ тѣхъ поръ всякаго приходящаго къ нему сперва принуждалъ сотворить молитву Иисусову, тогда и бесѣдовалъ съ нимъ. И такъ укрѣпился онъ на врага, и Господь избавилъ его изъ устъ льва, старающагося поглотить, какъ случается со многими, скитающимися въ пустыняхъ и въ пропастьяхъ земныхъ и безмолвствующихъ наединѣ въ затворахъ, которымъ нужна великая сила и Божія помощь, чтобы они не были побѣждены въ единоборствѣ и поглощены душегубными звѣрями.

Избавленный отъ этого рва погибели, блаж. Феодоръ сталъ стараться, чтобъ скорѣе врагъ упалъ въ яму, а не онъ, и началъ съ того, что вскопалъ глубоко землю и, положивъ туда искушавшее его найденное имъ сокровище, засыпалъ его. Чтобъ совершенно погибла и память этого сокровища, блаж. непрестанно молилъ Господа, чтобъ онъ далъ ему забыть то мѣсто, гдѣ онъ скрылъ его, и чтобъ избавилъ его отъ всякаго проявленія страсти сребролюбія, и Господь исполнилъ мольбу его. Ибо съ тѣхъ поръ онъ не зналъ никогда о томъ мѣстѣ и не помышлялъ никогда о приобрѣтеніи, и золото и серебро считалъ за соръ.

Потомъ, чтобъ бѣсъ не приступалъ къ нему съ тою же дерзостью, когда онъ, будучи празднымъ, впалъ бы въ лѣность, отчего у врага родится безстрашіе,—принудилъ себя блаженный Феодоръ къ трудной работѣ. Онъ поставилъ въ пещерѣ жернова и началъ работать на братію, принося изъ монастыря жито и размалывая его самъ, своими руками, и проводилъ безъ сна всѣ ночи, трудясь въ ручномъ дѣлѣ и въ молитвѣ; когда же наступалъ день, онъ относилъ муку и опять приносилъ жито. Итакъ, работая много лѣтъ, немало облегчалъ монастырскихъ рабочихъ и не стыдился этого труда.

По прошествіи многого времени, келарь, видя пещерника трудящагося въ такой работѣ и злостраданіи, умилился и, когда однажды изъ селъ было привезено въ монастырь жито, послалъ къ нему въ пещеру пять возовъ, чтобъ онъ не приходилъ за нимъ постоянно самъ, возлагая тѣмъ на себя бѣльшій трудъ. Феодоръ же, ссыпавъ жито въ сосуды, началъ молотить, напѣвая наизусть псалмы; когда же утрудился и захотѣлъ немного отдохнуть, внезапно раздался какъ бы звукъ грома, и жернова стали сами молоть. Понявъ дѣйствіе бѣсовское, блаженный всталъ и началъ прилежно молиться

Богу, и потомъ сказалъ громкимъ голосомъ: «Запрещаетъ тебѣ Господь, лукавый бѣсъ!» Бѣсъ же не переставалъ молотъ въ жерновахъ. Тогда Θεодоръ снова сказалъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, свергнувшаго тебя съ неба и давшаго на поправление Своимъ угодникамъ, повелѣваю тебѣ я, грѣшный, не прекращать этой работы, пока не измелешь жито, чтобъ и ты потрудишься на святую братію». Сказавъ это, святой сталъ на молитву, бѣсъ же, не дерзнувъ послушаться запрещенія, измололъ въ ту ночь все жито. Утромъ же Θεодоръ извѣстилъ келаря, чтобъ онъ прислалъ за мукою. Келарь удивился чудному тому дѣлу, какъ пять возовъ были смолоты въ одну ночь, и, придя самъ въ пещеру, вывезъ изъ нея пять возовъ муки. Было новое чудо въ томъ, что изъ того жита вышло пять возовъ муки — и сбылось здѣсь, въ дѣлахъ блаж. Θεодора, слово апостоловъ, сказавшихъ нѣкогда: «Господи, и бѣсы повинуются намъ о имени твоёмъ», — также и изреченіе самого Слова Божія, Иисуса Христа, Который сказалъ: «Се даю вамъ власть наступать на змѣй и скорпіоновъ и на всю силу вражію» (Лук. 10, 17 и 18). Лукавые бѣсы хотѣли устрашить этого раба Божія и поработить себѣ, какъ прежде они прельстили его, но наложили сами на себя цѣпи работы, такъ что возопили они тогда: «уже больше не будемъ мы здѣсь».

Θеодоръ и Василій постановили между собою богоугодное рѣшеніе, никогда не утаивать другъ отъ друга своихъ мыслей, но все обсуждать вмѣстѣ, угодно ли что Богу. По взаимномъ совѣщаніи Василій вошелъ безмолвствовать въ пещеру, Θεодоръ же по старости вышелъ изъ пещеры, чтобъ жить въ сторонѣ монастыря.

Старый монастырь былъ тогда сожженъ, и дерево для постройки церкви и всѣхъ келлій лежало на берегу Днѣпра, связанное плотами; чтобъ возить его на

горы, были наняты возчики. Θεодоръ же, желая по-
 ставить себѣ келлію, началъ самъ на себѣ носить де-
 рево съ берега на гору, не уступая никому своего
 труда. Но лукавые бѣсы забыли, что еще недавно,
 принужденные Θεодоромъ къ работѣ, обѣщали не при-
 ступать къ нему, и снова стали дѣлать ему пакости.
 Всѣ дерева, которыя Θεодоръ вносилъ на гору съ ве-
 ликимъ трудомъ въ теченіе цѣлаго дня для постройки
 своей келліи, всѣ эти деревья бѣсы ночью сбрасывали
 съ горы, желая тѣмъ прогнать блаженнаго. Θεодоръ,
 узнавъ искушеніе бѣсовское, сказалъ имъ: «Во имя
 Господа Бога нашего Іисуса Христа, повелѣвшаго вамъ
 войти во свиней, — повелѣваю вамъ я, грѣшный рабъ
 Его,—все дерево, которое на берегу,—поднять на гору,
 чтобъ братія, работающая Господу, избавилась отъ труда,
 и молитвенный Домъ Пресвятой Госпожѣ Богородицѣ
 и свои келліи могли построить безъ вашей пакости». И
 бѣсы въ ту же ночь внесли съ берега на гору все
 дерево, такъ что его было достаточно на построение
 всего монастыря, а не только одной келліи для Θεодора.
 Поутру возчики, вставши, пріѣхали на берегъ, чтобъ
 возить съ берега дерева, и не нашли ни одного. Осма-
 триваясь по сторонамъ, они увидали, что все внесено
 уже на гору, и сложено не въ кучу на одномъ мѣстѣ,
 но все отдѣльно, разобранный по роду — особенно для
 крышъ, особенно для основанія, особенно большіе дубы,
 трудно переносимые вслѣдствіе длины ихъ. Это дѣло
 было чрезвычайно утѣшительно, какъ совершившееся
 сверхъ человѣческой силы; и Богъ прославился въ угод-
 никѣ Своемъ Θεодорѣ, а вмѣстѣ и въ совѣтникѣ его
 Василіи, ради подвиговъ которыхъ совершилось это
 дивное чудо. Но оба эти единокоренные рабы Господни
 не гордились повиновеніемъ бѣсовъ, по слову: «Не ра-
 дуйтесь, что духи вамъ повинуются, но радуйтесь тому,
 что имена ваши написаны на небесахъ» (Лук. 10, 20).

Бѣсы же, явно обличаемые въ навѣтахъ своихъ Θεодоромъ и Василиемъ, не могли стерпѣть этой укоризны — что они нѣкогда были почитаемы отъ невѣрныхъ, и имъ поклонялись какъ богамъ, а потомъ увидѣли, какъ эти вѣрные угодники Божіи, Θεодоръ и Василій, пренебрегаютъ ими, уничижаютъ и безчестятъ ихъ, что они работаютъ имъ словно купленные рабы, — то мелятъ жито, то носятъ дрова на гору, и, кромѣ того, ихъ запрещеніемъ отгоняются отъ людей. Потому, когда они носили дрова, слышно было, какъ они вопили: «Злые и лютые для насъ супостаты Θεодоръ и Василій! Не перестанемъ и не успокоимся мы бороться съ вами, пока не предадимъ васъ смерти». И съ этихъ поръ лукавые бѣсы (не вѣдая, что исходатайствуютъ блаженнымъ славнѣйшіе вѣнцы) всячески стали поощрять злыхъ людей убить ихъ. Послѣ чуда навожденіемъ бѣсовскимъ нанятые возчики возбудили непріятность, говоря блаж. Θεодору: «Дай намъ нашу наемную плату, потому что мы не знаемъ, какими кознями по согласію съ Василиемъ ты сдѣлалъ такъ, что это дерево очутилось на горѣ. А мы готовы были везти его».

Неправедный судья, прельщенный предложеннымъ ему золотомъ, забывъ объ осужденіи Божіемъ, что неправедно судящій самъ будетъ осужденъ, присудилъ Θεодора дать плату тѣмъ наемникамъ и осмѣлился выразиться такъ: «пусть бѣсы помогутъ тебѣ платить, какъ помогли возить».

Тяжело было такое навожденіе бѣсовское на нестяжательнаго старца Θεодора и совѣтника его Василія. Но такъ какъ этого не было достаточно для убійства, то, вспоминая пріемъ первой своей побѣды — ополчившійся діаволь воздвигъ иную смертоносную бурю. Пришелъ онъ во образѣ Василія, безмолвствовавшего тогда въ Варяжской пещерѣ, къ одному изъ совѣтниковъ княжескихъ, боярину очень сердитому и свирѣпому, нече-

стивому словомъ и дѣломъ, которому Василій былъ знакомъ, и сказалъ ему прельститель такъ: «*Теодоръ, прежде меня бывший въ пещерѣ, — нашель много сокровищъ, золота и серебра и многоцѣнныхъ сосудовъ и, взявъ это, хотѣлъ бѣжать въ другую страну, я же удержалъ его. И теперь онъ представляется юродивымъ и водится съ бѣсами, приказывая имъ молоть и носить дерева съ берега на гору, а сокровища осторожно хранить до удобнаго времени, чтобъ втайнѣ отъ меня уйти съ ними, куда захочетъ. Князю же отъ этого не будетъ никакой выгоды*». Услыхавъ это отъ бѣса, мнимаго Василія, бояринъ привелъ его къ князю Мстиславу Святополковичу. Бѣсъ же, рассказавъ все это князю, прибавилъ еще, что его надо поскорѣе забрать, пока онъ не убѣжалъ, и присвоить себѣ его сокровища. Если же онъ не захотѣлъ бы дать добровольно — дать ему много ударовъ, и тогда онъ отдастъ. Если же и такъ дѣло не выйдетъ, тогда, предавъ его многимъ мукамъ — позовите (сказалъ бѣсъ) меня, и я предъ всѣми вами обличу его и покажу мѣсто, гдѣ спрятано сокровище. Посѣявъ это искушеніе, бѣсъ ушелъ съ глазъ ихъ. Поутру князь отправился со многими воинами какъ на охоту или какъ на крѣпкаго витязя и, захвативъ блаженнаго *Теодора*, привелъ его въ свой домъ. Здѣсь сперва ласково онъ сталъ разспрашивать его: «Скажи мнѣ, отче, находилъ ли ты, какъ я слышалъ, сокровища?» *Теодоръ* отвѣчалъ ему: «Да, нашель, и теперь оно скрыто въ пещерѣ». Князь же снова его спросилъ: «Извѣстно ли, отче, кто первый положилъ его, и много ли въ немъ золота, серебра и сосудовъ?» Отвѣчалъ блаженный: «Еще при жизни преп. отца нашего *Антонія* стало извѣстно, что въ той пещерѣ находится варяжскій кладъ, почему и донинѣ пещера называется варяжскою. Золота и серебра видѣлъ я безчисленное множество; сосуды латинскіе». Тогда сказалъ

ему князь: «Отчего ты, отче, не дашь этого мнѣ? Я раздѣлю съ тобою, и, сколько тебѣ нужно будетъ, ты возьмешь. И тогда ты будешь отецъ отцу моему и мнѣ» (его отецъ, князь Святополкъ, былъ тогда въ Туровѣ). Блаженный же Ѳеодоръ сказалъ: «Я не желаю брать ничего такого, что мнѣ не на пользу; все бы я отдалъ вамъ, такъ какъ вы служите тому, отъ чего я свободенъ; но Господь отнялъ у меня память того мѣста, гдѣ я скрылъ сокровище». Тогда князь въ гнѣвѣ сказалъ слугамъ: «Приказываю оковать этого монаха по рукамъ и по ногамъ и три дня не давать ему хлѣба и воды за то, что онъ не пожелалъ моей милости». Окованнаго его опять спросили: «Скажи, гдѣ сокровище?»—Ѳеодоръ же отвѣчалъ: «Какъ я уже сказалъ, не знаю я, гдѣ скрылъ его». Князь приказалъ мучить его ударами, такъ что вся власяница была смочена кровью. Потомъ велѣлъ повѣсить его въ густомъ дымѣ и потомъ опять привязать его и развести подъ нимъ сильный огонь; и многіе дивились терпѣнію его, ибо среди пламени онъ былъ точно въ росѣ, и ко власяницѣ его не прикоснулся огонь. Одинъ изъ присутствующихъ, видя это, передалъ князю, и князь, охваченный ужасомъ, сказалъ старцу: «Зачѣмъ губишь себя, не отдавая сокровища, которое намъ принадлежитъ?» Ѳеодоръ же сказалъ: «По правдѣ говорю тебѣ,—молитвами брата моего Василія и тогда я былъ спасенъ отъ сребролюбія, когда нашелъ сокровище, а теперь, какъ я уже говорилъ, Господь отнялъ у меня память о томъ мѣстѣ, гдѣ я скрылъ его». Князь же, услыхавъ это, послалъ немедленно въ пещеру за блаж. Василіемъ, котораго привели силою, такъ какъ онъ не хотѣлъ итти. Тогда князь сказалъ ему: «Все, что приказалъ ты сдѣлать, я сдѣлалъ съ этимъ злымъ старцемъ, но ничего не успѣлъ. И я призвалъ во свидѣтели тебя самого, вѣдь я хочу имѣть тебя за отца». Василій же въ не-

доумѣннїи сказалъ ему: «Что я приказывалъ дѣлать тебѣ?» Князь отвѣчалъ: «То, что ты рассказалъ мнѣ о сокровищѣ, которое онъ нашель, о томъ онъ мнѣ не хочетъ открыть ничего, хотя я и мучилъ его». Василій же сказалъ: «Я понимаю козни лукаваго бѣса, прельстившаго тебя и создавшаго на меня и на этого преподобнаго, потому что ты никогда не видалъ меня: я пятнадцать лѣтъ не выхожу изъ пещеры». Тогда всѣ присутствующіе сказали: «При насъ всѣхъ ты говорилъ князю». Василій же отвѣтилъ: «Васъ всѣхъ прельстилъ бѣсъ; я не видалъ ни князя, ни Василія». Князь, разгнѣвавшись, приказалъ и этого блаженнаго мучить безъ милости, какъ Василія. И, не перенося, что его обличили, и нетрезвый отъ вина, онъ, взявъ стрѣлу, ранилъ ею блаж. Василія. Василій же, вынувъ стрѣлу изъ тѣла, бросилъ ее ко князю, говоря: «Этою стрѣлою чрезъ недолгое время ты самъ будешь раненъ», что и сбылось, по предсказанію преподобнаго. Но, прежде того, князь приказалъ святыхъ, еле живыхъ отъ мукъ, заключить отдѣльно въ темницу, чтобъ на слѣдующій день подвергнуть ихъ еще болѣе тяжелымъ мукамъ.

И въ ту ночь оба преподобные уснули честною предъ Господомъ смертію, и извелъ Господь изъ темницы души ихъ исповѣдывать святое имя Его въ присносущномъ свѣтѣ.

Узнавъ объ этомъ, собралась братія и взяла тѣла святыхъ страдальцевъ; и похоронили ихъ съ честью въ пещерѣ Варяжской, въ которой они трудолюбиво и богоугодно подвизались.

Потомъ они были перенесены въ пещеру преп. Антонія, гдѣ и донынѣ лежатъ нетлѣнно, въ окровавленныхъ одеждахъ и власяницахъ, тоже остающихся нетлѣнными.

Вскорѣ послѣ блаженной ихъ кончины сбылось предсказаніе преп. Василія: князь Мстиславъ Святополко-

вичъ застрѣленъ былъ во Владимірѣ, на стѣнѣ, сражаясь съ княземъ Владиміромъ Игоревичемъ; и тогда, узнавъ стрѣлу свою, которою онъ ранилъ блаж. Василія, сказалъ: «Вотъ, я умираю теперь ради преп. Теодора и Василія».

Итакъ, злой убійца получилъ отомщеніе по дѣламъ своимъ. Преподобные же страдальцы, какъ побѣдители діавола, побѣждающаго сребролюбіемъ, увѣнчались не тлѣннымъ серебромъ и золотомъ, но славою и честію вѣчною, и получили вѣнецъ отъ Честнаго Камня, Который есть Христосъ. Ему честь и слава съ Богомъ Отцомъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Пимена Многоболѣзненнаго.

(7 августа).

Онъ всю свою жизнь съ чувствомъ благодарности лежалъ въ болѣзни и постриженъ ангелами въ иноческій образъ.

Взявшись рассказывать о блаженномъ этомъ Пименѣ, будемъ повѣствовать о мужественномъ его страданіи, чтобъ узнать, какъ съ благодарностью нужно доблестно переносить болѣзни и какъ сила Божія въ немощи совершается.

Блаж. Пимень родился на свѣтъ больнымъ, больнымъ и выросъ; но эта тѣлесная болѣзнь не дала въ немъ развиться душевной болѣзни. Онъ былъ чистъ отъ всякаго порока и отъ утробы матери не позналъ сквернаго грѣха. Часто просилъ онъ родителей отдать его въ монастырь, постричься въ иноческій образъ, но они, какъ чадолюбивые родители, желая по смерти своей имѣть его наслѣдникомъ, препятствовали ему.

Однажды (такъ Богъ мудрѣе промыслилъ) — блаженный изнемогъ чрезвычайно, и не думали, что онъ будетъ живъ. Тогда принужденные необходимостью родители принесли его въ Печерскій монастырь, прося живущихъ въ немъ преподобныхъ отцовъ молиться о сынѣ ихъ, чтобъ исцѣлился онъ отъ недуга. Преподобные тѣ отцы, потрудившись много въ молитвахъ, ничѣмъ не облегчили больного, потому что самъ онъ не про-

силъ себѣ у Господа здоровья, но, скорѣе, усиленія болѣзни, чтобы, если выздоровѣетъ, не быть взяту родителями изъ монастыря и не лишиться, чего желаетъ.

Такъ какъ отецъ и мать его, не отходя отъ него, не позволяли ему постричься, блаженный былъ очень печалень. И онъ началъ прилежно молить Бога исполнить желаніе его, какими Самъ Онъ знаетъ путями. И вотъ, однажды ночью, когда родители его и слуги спали, вошли къ нему свѣтлые ангелы, одни въ образѣ прекрасныхъ юношей, другіе же въ образѣ игумена и братіи, неся въ рукахъ свѣчи, также евангеліе, власяницу, мантию, куколь и все, что нужно для постриженія, и сказали ему: «Хочешь ли, чтобы мы постригли тебя?» Блаженный же съ радостью отвѣчалъ: «Да, хочу, Господь послалъ васъ; прошу васъ исполнить желаніе моего сердца». Они же стали предлагать вопросы, и все по порядку, какъ написано въ уставѣ иноческаго постриженія. И такъ постригли его въ великій ангельскій образъ, облачивъ его въ мантию и куколь, и нарекли его Пименомъ. Давъ ему, по обычаю, горящую свѣчу, они сказали: «Сорокъ дней и ночей да не погаснетъ эта свѣча». Они предсказали ему постоянныя страданія отъ болѣзни и что полученіе здоровья будетъ знаменіемъ смерти. Совершивъ все, они дали ему цѣлованіе и ушли въ церковь, взявъ въ полотенцѣ его волосы, которые положили на гробъ преп. Теодосія.

Братія же, находившаяся вблизи въ своихъ келліяхъ, слыша нѣніе, разбудила другихъ вокругъ себя, думая, что игумень съ нѣкоторыми иноками постригаетъ больного, или что онъ уже преставился. И всѣ вмѣстѣ придя въ ту келлію, гдѣ лежалъ блаженный, они нашли тамъ всѣхъ спящими, отца его и мать и рабовъ, которыхъ они разбудили, и всѣ исполнились благоуханія. Больного же увидѣли полнымъ радости и веселія и одѣ-

тымъ въ иноческую одежду. Братія спросила его: «Кѣмъ ты постриженъ, и какое пѣніе слышали мы здѣсь, котораго не слышали родители твои, бывшіе здѣсь?» Больной отвѣчалъ: «Думаю, что игумень съ братіею пришелъ и постригъ меня, и назвалъ меня Пименомъ. Они пѣли и тѣмъ пѣніемъ и голосами, которые вы слышали, и дали мнѣ эту свѣчу, которую вы видите, говоря, что она будетъ горѣть сорокъ дней и ночей. А съ волосами моими, взявъ ихъ въ полотенцѣ, они пошли въ церковь». Услыхавъ это, братія пошла сейчасъ къ церкви и нашла ее запертою. Они разбудили пономарей и спросили ихъ: «Входилъ ли кто въ церковь послѣ вечерней молитвы?» Имъ отвѣтили: «Никто не входилъ, такъ какъ и ключи спрятаны у еkkлeсiарха». Разбуженъ былъ и еkkлeсiархъ и, взявъ ключи—потому что онъ ихъ никому не давалъ и не входилъ въ храмъ съ тѣмъ сонмомъ,—вступили въ церковь и нашли на гробѣ преп. Ѳеодосія волосы, лежащіе въ полотенцѣ, и тогда извѣстили обо всемъ игумена. Игумень же, сильно удивившись, началъ всячески разыскивать, кто постригъ блаж. Пимена—и не нашель. Только всѣмъ стало понятно, что то было дѣло Вышняго Промысла отъ Бога, чрезъ Его святыхъ ангеловъ. Игумень и братія подробно разсуждали о происшедшемъ чудѣ, вмѣнитса ли оно блаженному какъ постриженіе по уставу; и такъ какъ у нихъ было достаточное доказательство,—а именно, что, какъ онъ говорилъ, въ церкви запертой нашлись его волосы на гробѣ преп. Ѳеодосія и свѣча, которая могла горѣть только день,—горѣла, не погасая,—сорокъ дней и ночей—поэтому больше не отправляли надъ нимъ постриженія, но сказали: «Довольно тебѣ, братъ Пимень, чина, дарованнаго Богомъ и нареченнаго имени. Но скажи намъ (спросилъ его игумень, пришедшій съ книгами постриженія), каковы были постригавшіе тебя и не опустили ли

чего, написаннаго въ этихъ книгахъ?» Блаженный же Пимень сказалъ игумену: «Что искушаешь меня, отче? Ты самъ, придя сюда со всею братіею, совершилъ надо мною все то, что написано въ этихъ книгахъ. Кромѣ того, сказалъ ты еще мнѣ, что мнѣ предстоитъ страдать въ болѣзни всю жизнь, и, когда придетъ кончина моя, тогда будетъ подано мнѣ здравіе, такъ что своими руками можно мнѣ будетъ нести мой смертный одръ. Но моли о мнѣ, отче святой, чтобъ подалъ мнѣ Господь терпѣніе». Услышавъ это, они оставили его.

Блаженный же Пимень, по предсказанію постригшихъ его, лежалъ много лѣтъ въ болѣзни очень тяжелой и отталкивающей, такъ что и служащіе гнушались имъ и часто оставляли его въ голодѣ и жаждѣ на два или на три дня; онъ же съ радостью терпѣлъ все и благодарилъ Бога за все.

Случилось однажды, что другой такой же больной принесенъ былъ въ Печерскій монастырь и постриженъ. Братія же, назначенная для услуженія больнымъ, взявъ его, принесла и его ко блаж. Пимену, чтобъ имъ обоимъ служить вмѣстѣ и равно. Но, небрежно относясь къ этой службѣ, они забыли объ обоихъ, такъ что больные изнемогли отъ неимѣнія воды. Тогда блаж. Пимень сказалъ другому больному: «Братъ, такъ какъ служащіе гнушаются нами, ради смрада, бывающаго отъ насъ, то ты, еслибъ Господь воздвигъ тебя, захотѣлъ ли бы потрудиться въ службѣ этой?» Больной же общался блаженному: «До смерти моей съ усердіемъ я служилъ бы больнымъ». Блаж. Пимень сказалъ ему: «Се Господь снимаетъ съ тебя болѣзнь твою, и теперь, будучи здоровъ, исполни обѣтъ свой, служа мнѣ и подобнымъ мнѣ; на тѣхъ же, кто нерадитъ о службѣ этой, Господь наведетъ лютую болѣзнь, чтобъ они, чрезъ это наказаніе спаслись». И тутъ же больной вдругъ всталъ и началъ служить ему, а на тѣхъ не-

радивыхъ, не хотѣвшихъ служить больнымъ, на всѣхъ, по слову блаженнаго, палъ недугъ.

Исцѣлившійся же отъ недуга братъ немного ему послужилъ, но и онъ, наскучась смрадомъ, уклонился отъ Пимена и оставилъ его голоднымъ и жаждущимъ, самъ же пошелъ и легъ въ другой келліи. И внезапно разгорѣлась въ немъ горячка и, не будучи въ состояніи встать въпродолженіе трехъ дней, онъ не могъ стерпѣть жажды и сталъ вопить: «Смилуйтесь надо мною ради Господа, я умираю безъ воды». Услыхавъ эти крики, братія, находившаяся въ другой келліи, пришла къ нему и, видя, что онъ страдаетъ тяжкимъ недугомъ, извѣстила объ этомъ преп. Пимена—словами: «Братъ, служащій тебѣ—умираетъ». Блаж. же Пименъ сказалъ: «Что посѣялъ человѣкъ, то и пожнетъ (Галат. 6, 7): онъ оставилъ меня въ голодѣ и жаждѣ и то же испыталъ самъ, солгавъ Богу и презрѣвши мою худость. Но такъ какъ насъ учатъ не воздавать зла за зло, подите сказать ему: Пименъ зоветъ тебя—вставъ, приди къ нему». Когда же посланные сказали это ему, тогда больной вдругъ сталъ здоровымъ и, вставъ, пришелъ самъ къ блаженному, и никто его не велъ. Блаженный много наставлялъ его, говоря: «Маловѣрный, ты здоровъ теперь, — больше не грѣши. Не знаешь ли, что равную мзду будутъ имѣть—больной и служащій ему; не пропадетъ безслѣдно терпѣніе убогихъ, но кому скорбь и туга здѣсь, гдѣ недугъ въ малой степени—тѣмъ будетъ радость и веселіе тамъ, гдѣ нѣтъ болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная—и потому, братъ, я и терплю болѣзнь. Богъ же, Который чрезъ меня исцѣлилъ тебя отъ недуга твоего, Тотъ можетъ и меня воздвигнуть съ этого одра и исцѣлить мою немощь, но я не хочу этого. Ибо претерпѣвшій (сказалъ Господь) до конца—спасется (Матѳея, 10, 22). Лучше мнѣ въ этой жизни всему сгнить, чтобъ въ той моя плоть была безъ

тлѣнія, и здѣсь терпѣть смрадъ, чтобъ тамъ исполниться неизреченнаго благоуханія. Хорошо, братъ, стояніе въ церкви, въ свѣтломъ, чистомъ, пресвятомъ мѣстѣ, гдѣ благоугодно и благопріятно воспѣвать пѣснь Богу съ видимо присутствующими ангельскими силами, ибо церковь называется земнымъ небомъ, и стоящіе въ ней думаютъ, что стоятъ на небесахъ. Что же представляетъ изъ себя эта темная и смрадная горница? Не прежде ли суда судъ—и прежде безконечной муки мучка? И кто терпитъ здѣсь съ благодареніемъ, праведно говоритъ: «Твердо уповаль я на Господа, и Онъ услышалъ меня» (Пс. 39, 2). Утѣшая такихъ людей, и апостоль сказалъ: «Если вы терпите наказанія, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Если же остаетесь безъ наказанія, то вы незаконныя дѣти, а не сыны» (Евр. 12, 7—8). Вѣдь самъ Господь увѣщаетъ насъ, братъ, говоря: «Терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши» (Луки 21, 19). Братъ, наставленный такими мудрыми увѣщаніями блаженнаго, съ тѣхъ поръ неотступно служилъ ему.

Доблестный же страдалецъ и праведнаго Іова истинный подражатель св. Пимень, безпрестанно благодаря Бога, лежалъ въ страданіяхъ своихъ двадцать лѣтъ.

Пришло время преставленія его. И было знаменіе въ Печерскомъ монастырѣ: явилось три огненныхъ столпа ночью надъ трапезою и оттуда перешли на верхъ Церкви. Господь вѣдаетъ, что предсказывало то знаменіе, но истинно было то, что Тотъ, «Кто творитъ ангелами Своими духовъ и служителями своими огонь пылающій» (Пс. 103, 4), уже прислалъ ангеловъ Своихъ за душою многоболѣзненнаго Пимена, какъ за Лазаревую (Луки 15, 22), ибо въ тотъ день многоболѣзненный внезапно сталъ здоровъ и повѣдалъ, что, какъ предсказали постригавшіе его—его исходъ приблизился. Вставъ, онъ обходилъ всѣ келліи, кланяясь всѣмъ

и прося прощенія. Больнымъ же братіямъ сказали: «Братья и друзья мои, встаньте и проводите меня—и вдругъ, по его слову, болѣзнь отступила отъ нихъ, и они выздоровѣвъ, пошли за нимъ. А онъ, войдя въ церковь, причастился Божественныхъ Тайнъ и потомъ, взявъ погребальный одръ, понесъ его (при чемъ никто не указывалъ ему дороги)—къ пещерѣ, въ которой онъ никогда не былъ и которой никогда съ рожденія своего не видалъ. Войдя же въ пещеру, онъ поклонился гробу преп. Антонія и показалъ мѣсто, на которомъ желалъ быть положеннымъ.

Потомъ онъ открылъ пречудную тайну, указавъ на гробы братьевъ, лежащихъ вблизи. «Здѣсь, сказалъ онъ, вы положили въ этотъ годъ двухъ братьевъ— одного безъ схимы, а другого въ схимѣ. Котораго вы положили безъ схимы, того найдете въ схимѣ; ибо онъ много разъ хотѣлъ постричься въ нее, но не позаботился о томъ, однако явилъ дѣла, достойныя этого образа, и потому по смерти Господь даровалъ ему схиму. Другого же брата, котораго вы положили въ схимѣ, вы найдете безъ схимы. При жизни онъ не хотѣлъ ея и не показалъ дѣлъ достойныхъ, но говорилъ такъ: «Если увидите меня отходящимъ изъ этой жизни и уже умирающимъ, тогда постригите меня въ схиму». Не помнилъ онъ сказаннаго: «Не мертвые восхваляютъ Тя, Господи, ни вси нисходящіе въ могилу, но мы, живые, будемъ благословлять Господа» (Пс. 113, 25—26). И потому отнята отъ него схимническая благодать и дана показавшему достойныя дѣла, «ибо всякому имущему (добрыя дѣла) дастся и приумножится, а у неимѣющаго отнимется и то, что имѣеть» (Матѳея, 25, 29). Третій братъ положенъ здѣсь много лѣтъ назадъ, и онъ весь истлѣлъ, но схима его остается нетлѣнною. Она сохраняется на обличеніе и осужденіе ему, что онъ дѣлалъ дѣла, недостойныя схимническаго образа. Потому

что въ лѣности и грѣшныхъ дѣлахъ провелъ всю свою жизнь, не поминая Того, Кто сказалъ: «Ему же дано будетъ много, много взыщется отъ него». И если его не избавитъ молитва преп. Антонія и Θεодосія,—не избѣжить онъ суда страшнаго Судіи. Ибо постриженіе схимническое не приноситъ никакой пользы такимъ людямъ, которые не имѣютъ дѣлъ, избавляющихъ отъ мукъ.

Открывъ эту тайну, преп. отецъ нашъ Пимень сказалъ братіи: «Вотъ пришли постригшіе меня, желая взять меня». И послѣ этихъ словъ онъ возлегъ и уснулъ въ Господѣ. Братія же съ великою честію положила его въ пещерѣ на мѣстѣ, имъ показанномъ.

Откопавъ гробы, которыхъ повѣдалъ онъ тайну, они нашли, какъ говорилъ святой, три гроба. Два—недавно умершихъ, и изъ нихъ, который былъ положенъ въ схимѣ,—съ того схима оказалась снятою и возложена на другого, который положенъ былъ безъ схимы. Третьяго же, давно умершаго, нашли всего истлѣвшимъ, схима же его одна была цѣла. И много дивились неизреченному суду Божію, что онъ воздалъ каждому по дѣламъ его. Ему слава, честь и держава подобаеть нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отецъ нашихъ Спиридона и Никодима, просфорниковъ Печерскихъ.

(31 октября).

Они ежедневно прочитывали наизусть всю псалтирь; когда же отъ печи загорѣлось зданіе, Спиридонъ закрылъ печь мантию и, принеся воды во власяницу, угасилъ пламя.

«Немудрое міра избралъ Богъ, чтобъ посрамить мудрыхъ» (I Кор. 1, 27). «Всякая благословенная душа» (Притча 11, 25)—проста, не имѣетъ въ себѣ лукавства, ни лести, какъ сосудъ и жилище самого Бога, такъ какъ Богъ Духъ есть простъ. Потому и апостоль говоритъ: «Буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ». Изъ такихъ избранныхъ былъ преп. отецъ нашъ Спиридонъ, о которомъ предстоитъ рѣчь.

Этотъ блаженный, происходившій не изъ города, но изъ одного селенія, былъ совсѣмъ простъ относительно хитрости книжной и невѣжда на словахъ, но не разумомъ духовнымъ и не дѣлами богоугодными. Ибо страхъ Божій, который есть начало премудрости, имѣя въ сердцѣ своемъ, пришелъ онъ въ Печерскій монастырь и приступилъ къ жестокой монашеской жизни.

Не зная Писанія, онъ началъ учиться читать книги, хотя былъ немолодъ лѣтами. И выучилъ онъ наизусть всю псалтирь, и крѣпко трудился о спасеніи души своей,—безпрестанно воспѣвая псалтирь, и всякій день до конца.

Бывшій тогда игуменомъ Пимень—постникъ—видя, что онъ мужъ смиренный и трудолюбивый и постоянно прилежитъ молитвѣ и посту и во всемъ непороченъ, поручилъ ему богопріятное послушаніе — печь хлѣбы, приносимые къ Божественной литургіи, на Таинство хлѣба Христова, т. е. просфоры. Блаж. же Спиридонъ, усердно работая въ пекарнѣ, не отмѣнилъ своего подвига и труда духовнаго, но порученную ему работу исполнялъ со всякимъ благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ. Трудъ рукъ его—было чистое и непорочное приготовленіе жертвы, приносимой іереемъ; плодъ же усть его, который онъ приносилъ — была жертва постоянной хвалы Богу (Евр. 13, 15). Когда онъ рубилъ дрова или мѣсилъ тѣсто, — имѣлъ въ устахъ своихъ псалмы Давида, чтобъ, по обычаю своему, ежедневно кончать псалтирь, чтó онъ и исполнялъ.

Однажды этотъ блаженный, дѣлая обычную свою работу, развелъ печь, чтобъ печь просфоры, и отъ вырвавшагося пламени загорѣлась крыша келліи. Тогда блаженный, взявъ мантию свою, закрылъ ею устье печи и, завязавъ рукава власяницы своей, побѣжалъ съ нею къ колодцу, наполнилъ ее водою и, поспѣшно возвращаясь съ водою, звалъ братію, чтобъ помогли ему тушить. Братія, сбѣжавшись, увидала дивную вещь — какъ не сгорѣла мантия, которою блаженный закрылъ устье печи и какъ не вытекла изъ власяницы вода, которою погасили пожаръ келліи — и прославили громко Бога.

Быль у блаж. Спиридона помощникъ, одинъ братъ, именемъ Никодимъ, который во всемъ былъ съ нимъ единомысленъ и единоправенъ, въ молитвѣ и въ ручномъ трудѣ.

Оба они ревностно и богоугодно послужили въ дѣлѣ печенія просфоръ тридцать лѣтъ, чисто и непорочно совершая свое дѣло — и, преставившись, въ добромъ

исповѣданіи насыщаются славы Божіей, которую видятъ уже больше не подъ видомъ предлагаемаго хлѣба, но лицомъ къ лицу.

Ихъ святыми молитвами да насытимся достойно и мы хлѣба жизни, благодати и славы Христа Іисуса. Ему съ Богомъ Отцомъ и Св. Духомъ подобаеть честь, слава и поклоненіе — нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Посланіе преп. отца нашего Поликарпа ко блаж. Акиндину, архимандриту Печерскому.

О святыхъ блаженныхъ черноризцахъ Печерскихъ (житія которыхъ помѣщены въ этой второй части).

«Господу поспѣшествующу и слову утверждающу» — дерзнулъ я написать къ твоему благоумію, пречестный архимандритъ всей Россіи, отецъ и господинъ мой Акиндинъ. Склони ко мнѣ благопріятно твой слухъ, которому я буду рассказывать о жизни, дѣлахъ и знаменіяхъ дивныхъ и блаженныхъ людей, бывшихъ во святомъ Печерскомъ монастырѣ, которыя слышалъ я отъ господина моего, Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго, брата твоего, бывшего черноризца Печерскаго, который рассказалъ мнѣ грѣшному о подвигахъ святыхъ и преподобныхъ отцовъ, скончавшихся въ обители Пречистой Божіей Матери. Да услышитъ твое благоразуміе слова моего младоумія и несовершенного смысла. Однажды ты спрашивалъ меня, приказывая повѣдать тебѣ дѣянія тѣхъ черноризцевъ. А я, зная грубость мою и неизящество приемовъ моихъ (вѣдь я всегда о всякомъ предметѣ со страхомъ бесѣдную съ тобою) — какъ могу рассказать понятно о сотворенныхъ ими знаменіяхъ и чудесахъ преславныхъ? И не много я рассказалъ тебѣ о тѣхъ преславныхъ чудесахъ, а болѣшую часть забылъ отъ страха и, смущенный предъ благочестіемъ твоимъ, рассказалъ неточно. И вотъ, по-

старался я письменнo повѣдать тебѣ о святой блаженной братіи нашей, чтобъ и тѣ черноризцы, которые будутъ послѣ насъ, узнали о благодати Божіей, бывшей въ этомъ святомъ мѣстѣ и прославили Отца небеснаго, явившаго такихъ свѣтильниковъ въ Русской землѣ, въ Печерскомъ святомъ монастырѣ, въ которомъ одновременно было до тридцати мужей, могущихъ словомъ изгонять бѣсовъ, какъ то призналъ самъ врагъ, о чемъ рассказано въ житіи преп. Лаврентія затворника: «Къ пещерѣ же, сказалъ онъ, бѣсы и не смѣютъ приближаться, ради положенныхъ въ ней св. черноризцевъ, которыхъ имена вписаны въ книгѣ жизни».

Блаженъ, кто сподобится быть положеннымъ съ ними, блаженъ и спасенъ, кто сподобится быть записаннымъ съ ними; съ ними же и меня да сподобитъ Господь милости въ день суда молитвами твоими!

Великіе поистинѣ подвиги были совершены тѣми святыми черноризцами, которыхъ добродѣтельное житіе я помянулъ. Дивлюсь, какъ доселѣ молчали о нихъ. Или—какъ сказалъ Господь: «Никакой пророкъ не принимается въ своемъ отечествѣ» (Лук. 4, 24).—Но если по нашей небрежности угаснетъ такое свѣтило—то какъ могутъ засіять отъ него лучи, т. е. подражаніе нашихъ братьевъ? Написалъ я тебѣ, честный архимандритъ Акиндинъ, о прежде упомянутыхъ свят. и преп. отцахъ: о чудотвореніяхъ однихъ, подвигахъ другихъ, крѣпкомъ воздержаніи третьихъ, послушаніи однихъ, прозорливости другихъ,—обо всемъ этомъ свидѣтельствуешь твоей лавры черноризецъ, а мой господинъ епискомъ Симонъ. Но другимъ покажутся невѣроятными мои повѣствованія, ради величія описанныхъ дѣлъ. Причина же ихъ невѣрія будетъ та, что знаютъ, какъ грѣшенъ я, Поликарпъ. Но я, какъ приказало мнѣ твое преподобіе, написалъ тебѣ то, что постигъ мой умъ, и сохранила память—чтобы, если оно и не будетъ полезно тебѣ, то

чтобы осталось для пользы тѣхъ, кто будетъ послѣ насъ,—какъ сдѣлалъ и блаж. Несторъ. Скажу ясно, что если бъ я умолчалъ о дѣлахъ тѣхъ, кого помянулъ, то они, вслѣдствіе невѣдѣнія о нихъ другихъ, были бы совсѣмъ забыты,—какъ и было до этого дня. И вотъ, въ пятнадцатый годъ игуменства твоего записано мною то, о чемъ не поминали за 160 лѣтъ. Нынѣ же, благодаря твоей любви, услышаннымъ стало то, что было утаено,—чтобъ всегда была чтима и хвалима память любящихъ Бога, которые, угодивъ Ему, были увѣнчаны отъ Него. И великая мнѣ радость украшаться ими, и думаю я, они покроютъ студныя дѣла мои ради того, что только напомяну я о дѣлахъ ихъ, хотя самъ и не совершу ихъ. Я думаю, что описалъ чудотворенія тѣхъ, которые достойны быть на небѣ наследниками ангельской славы. Вѣдь они жили на землѣ ангельской жизнию, не радѣя здѣсь о плоти, но, какъ безплотные, съ пренебреженіемъ относились къ земному и все житейское считали за соръ, чтобъ обрѣсти Единого Христа, Котораго Единого возлюбили и привязались любовью къ Нему, и предали Ему свою волю, чтобъ отъ Него принять обоженіе. Онъ же взаменъ трудовъ ихъ даровалъ имъ на землѣ возмездіе—дары чудотворенія, на небѣ же прославилъ неизреченною славою.

Я, грѣшный, подражаю писанію древнихъ святыхъ. Ибо они повѣствовали и съ великимъ трудомъ разыскивали святыхъ, подвизающихся въ пустыняхъ и горахъ и пропастьяхъ земныхъ. И писали о нихъ, иныхъ святыхъ видѣвъ сами, другихъ же слышавъ житіе и богоугодныя дѣла,—и мы, читая ихъ, наслаждаемся тѣми духовными повѣствованіями. Я же недостойный не достигъ истиннаго разума и не видѣлъ ничего изъ описаннаго; но, руководясь тѣмъ, что слышалъ, написалъ для тебя, отецъ мой, то, что рассказалъ мнѣ преп. епископъ Симонъ. Я не обходилъ никогда свя-

тыхъ мѣсть, не видѣлъ ни Іерусалима, ни Синайской горы, такъ что не могу прибавить ничего къ повѣсти, чѣмъ, по обычаю, украшаютъ рѣчь свою умѣлые рассказыики. Но я не буду ничѣмъ хвалиться, какъ только святымъ этимъ монастыремъ Печерскимъ и бывшими въ немъ святыми черноризцами, ихъ жизнію и чудесами, которыя поминаю я съ радостью, ибо и я грѣшный желаю молитвъ тѣхъ святыхъ отцовъ.

Много же старанія нужно для того, чтобъ вспомнить, похвалить и ублажить всѣхъ, скончавшихся въ Господѣ здѣсь, въ этомъ блаженномъ Печерскомъ монастырѣ; потому что они посвятили себя Богу молитвою и богоугодными дѣлами не съ одиннадцатаго часа, но отъ юности своей и, поживъ много лѣтъ, въ доброй старости отошли ко Господу. Ни на одинъ день и часъ не измѣняли они своего молитвеннаго правила. Они были насаждены въ домѣ Божіей Матери, и потому процвѣли, какъ пальмы, и возвысились, какъ кедры на Ливанѣ (Пс. 91, 13), въ поощреніе намъ и къ теплѣйшему усердію къ соревнованію имъ и подражанію добродѣтельной жизни ихъ, во славу же и честь Всесильному и Всеблагому Подателю обильныхъ щедротъ и въ немощахъ нашихъ крѣпкому и скорому Помощнику, Христу Богу нашему, Которымъ мы живемъ и движемся и существуемъ (Дѣян. 17, 28). Ему отъ всей твари подобаеть боголѣпное поклоненіе нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ЧАСТЬ ТРЕТья,

въ которой помѣщены

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

ПРЕПОДОБНЫХЪ И БОГОНОСНЫХЪ ОЦОВЪ НАШИХЪ

ПЕЧЕРСКИХЪ,

КОТОРЫЯ ПРЕПОДОВНЫЙ ОТЕЦЪ НАШЪ

СИМОНЪ, ЕПИСКОПЪ ВЛАДИМІРСКІЙ и СУЗДАЛЬСКІЙ,

самъ написалъ въ посланіи своемъ

КЪ БЛАЖЕННОМУ ПОЛИКАРПУ,

ИНОЧЕСТВОВАВШЕМУ ТОГДА

въ Печерскомъ монастырѣ и не бывшему еще игуменомъ.

Да будетъ извѣстно, что св. Симонъ въ началѣ посланія своего написалъ о преп. Онисифорѣ, но мы, бывъ свидѣтелями чуда преп. Антонія при прощеніи умершаго въ лицемѣрціи, упомянули о томъ въ житіи его. Прочее же оставляемъ въ томъ же порядкѣ.

Житіе преподобнаго отца нашего Евстратія, постника и мученика.

(28 марта).

Онъ проданъ былъ евреямъ, распятъ ими на крестъ и прободенъ копіемъ во время Пасхи за Христа.

Святый Евстратій *) показалъ себя мужественнымъ воиномъ, ратовавшимъ подъ знаменемъ креста какъ именемъ своимъ, такъ и жизнію своею. Онъ явился подражателемъ самого избраннаго Воеводы своего Христа и, принявъ то же страданіе, отъ тѣхъ же людей и въ то же время, могъ бы воистину похвалиться: «Я язвы Господа Іисуса ношу на тѣлѣ моемъ» (Галат. 6, 17). Вотъ, что можно узнать изъ свидѣтельства блаженнаго епископа Симона.

Этотъ доблестный воинъ Христовъ, Евстратій, былъ родомъ изъ города Кіева. Онъ возжелалъ облечься въ то Божье оружіе, которое принадлежитъ иноческому образу. Вѣдая же, что никакой воинъ не связываетъ себя житейскими дѣлами, чтобъ угодить начальнику (II Тимоеею 2, 4)—раздалъ имѣніе свое нищимъ, часть же оставилъ роднымъ, чтобъ раздали послѣ него. Итакъ, обнищавъ отъ своего богатства, сталъ инокомъ Печерскаго монастыря. И началъ онъ богоугодно воинствовать подъ знаменемъ принявшаго ради насъ уничиже-

*) Евстратій означаетъ по-гречески „добрый воинъ“.

ніе Воеводы Христа, побѣждая мечомъ духовнымъ, то есть гласомъ молитвы и гладомъ великаго воздержанія, не только плоть свою, но и враговъ безплотныхъ, смиряя ихъ и поработая смиреніемъ своимъ и послушаніемъ. Думаль онъ о томъ, какъ Подвигоположникъ его, самъ Іисусъ Христось, горячею молитвою и сорокадневнымъ постомъ смирилъ себя, бывъ послушенъ,—потому и Евстратій вооружилъ себя тѣми же добродѣтелями. Зная же прежде всего, что человекъ былъ побѣжденъ первымъ грѣхомъ чрезъ невоздержаніе — преуспѣваль святой въ воздержаніи и великомъ пощеніи, и потому названъ былъ постникомъ.

Когда попущеніемъ Божиимъ пришелъ на Русскую землю злочестивый Бонякъ, со множествомъ Половцевъ, и плѣнилъ Россійскую землю,—тогда и святой Евстратій, при вторженіи поганыхъ въ Печерскій монастырь, гдѣ многіе были ими посѣчены мечами—былъ захваченъ вмѣстѣ съ другими въ плѣнъ и проданъ въ Греческую землю, въ городъ Корсунъ, одному еврею, въ числѣ другихъ 50-ти христіанъ.

Богопротивный жидовинъ началъ понуждать плѣнниковъ своихъ отречься отъ Христа и угрожалъ противящимся—уморить ихъ въ оковахъ голодомъ. Но мужественный инокъ Евстратій, молясь, укрѣплялъ и поучалъ всѣхъ и такъ наставлялъ:

«Братіе, кто изъ васъ крестился и вѣровалъ во Христа,—не будьте измѣнники обѣту, данному при крещеніи. Христось возродилъ насъ водою и Духомъ, Христось искупилъ насъ отъ клятвы закона Своею кровью (Галат. 3, 13) и сдѣлалъ насъ наслѣдниками Своего Царства. Если живемъ—будемъ жить для Господа; если умремъ—умремъ въ Господѣ (Римл. 14, 8) и временною смертію обрящемъ вѣчную жизнь. Будемъ подражателями Тому, Кто сказалъ: «Для меня жизнь—Христось, а смерть—пріобрѣтеніе» (Филип. 1, 21).

Укрѣпляемые словами преподобнаго, плѣнники предпочли умереть отъ недостатка временной пищи и питья, чѣмъ отлучиться отъ Христа, Который есть Источникъ вѣчной жизни. Итакъ въ короткое время, истаявая отъ неядвѣнія и жажды, всѣ пятьдесятъ человекъ умерли—одни чрезъ три дня, другіе—чрезъ четыре, нѣкоторые—чрезъ семь, самые крѣпкіе—чрезъ десять. Только одинъ Евстратій, томимый голодомъ уже 14 дней,—оставался живъ и невредимъ—ибо отъ юности привыкъ къ посту.

Окаянный жидовинъ, видя, что черноризецъ былъ причиною пропажи его денегъ, заплаченныхъ за плѣнныхъ, которыхъ онъ надѣялся привести въ свое зловѣріе—задумалъ месть ему.

Приближался день Воскресенія Христова. Жидовинъ началъ праздновать свою пасху и ругался надъ святымъ Евстратіемъ такъ же, какъ отцы его надъ Самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, какъ написано въ Евангеліи.

И какъ въ древности распяли Христа—такъ и этотъ праведникъ былъ пригвожденъ ко кресту окаяннымъ жидовиною и друзьями его и благодарилъ за то Бога. Безъ питья и пищи Евстратій продолжалъ жить уже 15-ый день.

Жидовинъ и прочіе друзья его поносили распятаго и говорили ему: «Вкуси нынѣ, безумный, законной пасхи, чтобъ остаться живымъ и избѣгнуть проклятія. Ибо Моисей передалъ намъ законъ, который принялъ отъ Бога и сказалъ въ книгахъ своихъ: «Проклятъ всякій, повѣшенный на деревѣ» (V Моис. 21, 23). Преподобный отвѣчалъ: «Великой благодати сподобилъ меня днесь Господь. Онъ даровалъ мнѣ милость пострадать за имя Его на крестѣ по образу Его креста. Надѣюсь, что и мнѣ скажетъ Онъ, какъ нѣкогда разбойнику: «Нынѣ же будешь со Мною въ раю» (Луки 23, 43).

Не нужна мнѣ пасха ваша, не боюсь клятвы, ибо «Пасха наша, Христось, закланъ за насъ» (I Корин. 5, 7), Который разорилъ наложенное за преступленіе закона и за древо проклятiе и ввелъ въ благословеніе жизни древомъ крестнымъ, на которомъ былъ пригвожденъ, будучи жизнію всѣхъ, какъ пророчествовалъ о томъ и Моисей: «Жизнь Твоя будетъ висѣть предъ Тобою» (V Моис. 28, 66). О праздникѣ же Пасхи говорить Давидъ: «Сей день, который сотворилъ Господь, возрадуемся и возвеселимся». Но ты, распявшій меня, и всѣ твои евреи, плачьте и рыдайте, ибо постигнетъ васъ отомщеніе за кровь мою и кровь другихъ, купленныхъ вами христіанъ. Ненавидитъ Господь субботы ваши и преложитъ праздники ваши въ сѣтованіе—и приблизилось время убіенія начальника вашего беззаконія». Услышавъ это, жидовинъ распалился гнѣвомъ, схватилъ копье и пронзилъ пригвожденного. И была видна тогда огненная колесница и огненные кони, и они несли на небо душу ликующаго побѣдоноснаго мученика, и былъ слышенъ голосъ, говорившій греческими словами: «Вотъ доблестный гражданинъ небеснаго града!»

Тѣло мученика жидовинъ, снявъ со креста, свергнувъ въ море, и тамъ творится много чудесъ. Вѣрные искали тамъ прилежно святыхъ мощей—и не нашли. По смотрѣнію же Божію были обрѣтены онѣ въ пещерѣ, гдѣ и донинѣ почиваютъ нетлѣнно. Предсказаніе же святаго страдальца о томъ, что кровь его будетъ отомщена, исполнилось немедленно послѣ страданія его. Ибо въ тотъ же день пришло повелѣніе отъ царя Греческаго изгнать изъ области его всѣхъ жидовъ, отнявъ у нихъ имущество, а старѣйшинъ ихъ избить за мученіе христіанъ. Однимъ изъ первыхъ былъ убитъ, какъ говорилъ блаж. Евстратій, епархъ, причина всей той жидовской злобы, о которомъ извѣстно слѣдующее:

крестился одинъ богатый и славный еврей, и потому царь отличилъ его и чрезъ нѣсколько дней сдѣлалъ епархомъ; онъ же, получивъ санъ, втайнѣ сдѣлался отступникомъ отъ Христа и Его вѣры и далъ разрѣшеніе жидамъ по всему пространству Греческаго царства покупать христіанъ и обращать ихъ въ рабовъ. И тогда этотъ нечестивый епархъ былъ обличенъ въ злой своей хитрости, и царь повелѣлъ убить его злою казнью и искоренить жидовъ по всему своему царству. И въ то время, когда избивали жидовъ, живущихъ въ Греческомъ городѣ Корсуни, того окаяннаго жидовина, которымъ былъ убитъ преп. Евстратій, повѣсили на деревѣ, и такъ злоба его обратилась на его голову (Ис. 7, 17), и онъ воспріялъ участь Іудина удавленія.

Прочіе же жидаы, видя страшныя чудеса по кончинѣ преподобнаго, увѣровали поистинѣ и крестились. А поработившій ихъ Христу и—по смерти своей добрый Его воинъ, и побѣдоносець, св. Евстратій,—сподобился съ безсмертнымъ воинствомъ небеснымъ воспѣвать побѣдную пѣснь, и царствовать съ Самимъ Побѣдителемъ смерти Христомъ, съ Которымъ онъ воинствовалъ, прославляя Его и благодаря съ Безначальнымъ Его Отцомъ и Животворящимъ Духомъ въ безконечныя вѣки. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Никона Сухого.

(11 декабря).

Онъ изъ плѣна Половецкаго былъ невидимо перенесенъ въ оковахъ во святую Печерскую церковь силою Божіею.

«Помните узниковъ, какъ бы и вы съ ними были въ узахъ» (Евр. 13, 3), заповѣдалъ узникъ за Господа, святыи апостоль Павелъ. Повинуясь ему, вспомняеиъ здѣсь чудеса блаженнаго узника Никона, на которомъ Господь явно явилъ себя освободителеиъ узниковъ изъ оковъ (Шс. 67, 7).

Этотъ блаженный узникъ Никонъ происходилъ изъ знатнаго рода, изъ города Кіева. Пришедши въ Печерскій монастырь, онъ сперва покорилъ свой разумъ и всего себя въ послушаніе Христу и былъ искуснымъ инокомъ. Потомъ же, когда пришли злочестивые Половцы, они взяли его въ плѣнъ одновременно со св. Евстратіемъ Печерскимъ и вывели изъ монастыря въ свою страну, и здѣсь его держали въ оковахъ.

Одинъ Христолюбивецъ Кіевлянинъ пришелъ туда выкупить плѣнниковъ. Блаж. же Никонъ не желалъ того, какъ думалъ Христолюбецъ, по той причинѣ, что у него въ Кіевѣ богатые родственники, и онъ хочетъ быть выкупленъ ими. Христолюбецъ, выкупивъ многихъ, возвратился домой и рассказалъ о блаженномъ. Услышавъ объ этомъ, его родные съ большими деньгами пришли выкупить его, но блаж. Никонъ сказалъ имъ: «Не тратъ-

те напрасно вашего имущества. Если бы Господь хотѣлъ, чтобъ я былъ свободенъ, Онъ не предалъ бы меня въ руки этихъ нечестивыхъ. Онъ Самъ предаетъ въ плѣнъ тѣхъ, кого хочетъ. Но мы, если принимаемъ доброе изъ рукъ Господнихъ, не примемъ ли злое?» (Лова 2, 10). Родные укорили его и отошли со всѣмъ богатымъ выкупомъ своимъ назадъ.

Тогда тотъ, кто взялъ блаженнаго въ плѣнъ, и прочіе Половцы, увидавъ, что не сбывается ихъ желаніе, начали жестоко мучить раба Божія. И три года ежедневно истязали они блаженнаго: связавъ его, съ окочеванными руками и ногами, клали на огонь, разрѣзали ноги, морили голодомъ и жаждою по дню, по два и по три. Лѣтомъ выставляли его на припекъ солнца, зимою бросали его въ морозъ на снѣгъ. Такъ поступали съ нимъ безбожные Половцы, чтобъ онъ выкупилъ себя. Но блаж. Никонъ благодарилъ Бога за все и молился Ему безпрестанно, и говорилъ мучителямъ своимъ: «Христось безъ мзды избавить меня отъ рукъ вашихъ, и я уже извѣщенъ объ этомъ. Мнѣ явился братъ мой Евстратій, котораго вы продали жидамъ на распятіе; они будутъ осуждены за него съ отцами своими, сказавшими: «Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ» (Матѳея 27, 25). Вы же, окаянныя, будете мучимы съ Іудею, продавшимъ Господа на крестъ. Явившійся мнѣ сказалъ такъ: «Черезъ три дня будешь ты въ монастырѣ, ради св. Антонія и Θεодосія и прочихъ съ ними преподобныхъ Печерскихъ».

Слыша это, Половчанинъ, взявшій его въ плѣнъ, думалъ, что онъ хочетъ бѣжать, и подрѣзалъ ему колѣни, чтобъ онъ не могъ бѣжать. И крѣпко его сторожили, и вотъ, въ третій день, въ шестой часъ, когда всѣ сидѣли, съ оружіемъ, вокругъ него,—блаженный узникъ внезапно сталъ невидимъ, только сторожившіе его слышали голосъ: «Хвалите Господа съ небесъ» (Пс. 148, 1).

Итакъ, невидимо принесенъ былъ святой въ Печерскую церковь Пресвятой Богородицы, въ то время, какъ начали на святой литургіи пѣть канонникъ. И вся братія, собравшись, спрашивала его: «Какъ пришелъ ты сюда?» Онъ же сперва хотѣлъ утаить то великое чудо, но всѣ, видя его связаннымъ, тяжелыя на немъ цѣпи, неисцѣльныя раны, все тѣло сгнившее отъ ранъ и кровь, каплющую отъ прорѣзанныхъ мѣстъ, — принуждали его сказать истину, и потому, наконецъ, онъ противъ воли, открылъ имъ, что случилось.

И не хотѣлъ онъ снять желѣзо съ рукъ и съ ногъ своихъ. Игумень же сказалъ ему: «Братъ, если-бъ Господь захотѣлъ, чтобъ ты терпѣлъ еще, онъ бы не вывелъ тебя отъ плѣна. Теперь покорись волѣ нашей». Итакъ, снявъ съ него желѣзо, перековали его на нужды алтаря.

Черезъ много дней, когда заключили миръ съ Половцами, пришелъ въ Кіевъ Половчанинъ, державшій въ плѣну блаж. Никона и вошелъ въ Печерскій монастырь. Увидѣвъ своего плѣнника блаж. Никона, онъ узналъ его и рассказалъ о немъ все подробно игумену и братіи. И не вернулся больше домой, но, потрясенный этимъ, крестился и сталъ черноризцемъ, съ прочими Половцами своего рода, пришедшими въ Кіевъ, и съ ними окончилъ въ покаяніи свою жизнь въ Печерскомъ монастырѣ, служа плѣннику своему, блаж. Никону.

Много было и другихъ пречудныхъ чудесъ этого блаженнаго и святого мужа Никона, изъ которыхъ вспомнимъ слѣдующее.

Когда еще блаженный былъ въ плѣну, случилось однажды плѣнникамъ разболѣться отъ голода и нужды, и были они при смерти. Тогда блаженный, раздѣляя съ ними узы, заповѣдавъ имъ не брать ничего изъ кушаній поганныхъ, своею молитвою всѣхъ исцѣлилъ и помогъ невидимо избавиться отъ узъ.

Когда святыи находился въ томъ же плѣну, однажды разболѣлся самъ взявшій его въ плѣнъ Половчанинъ и, уже близкій къ смерти, заповѣдалъ женамъ своимъ и дѣтямъ распять надъ гробомъ его плѣннаго его черноризца Никона. Блаженный же плѣнникъ, прозирая духомъ, что впослѣдствіи онъ покается, помолился о немъ и исцѣлилъ его. И такъ и себя избавилъ отъ горькой смерти тѣлесной и его — не только отъ тѣлесной, но и отъ душевной.

Этотъ блаж. Никонъ называется Сухимъ, ибо онъ, истекши кровью, сгнилъ отъ ранъ и изсохъ, такъ что онъ, вмѣстѣ съ Давидомъ, могъ сказать о крѣпости своей, преданной въ плѣнъ: «Сила моя изсохла какъ черенокъ» (Пс. 21, 16), и еще: «кости мои обожжены какъ головня» (Пс. 101, 4).—А мы, дивясь пречудной силѣ его уже не плотской, но свойственной безплотнымъ небеснымъ силамъ, что скажемъ? Скажемъ съ апостоломъ: «Сокровище сіе мы носимъ въ глиняныхъ сосудахъ» (II Кор. 4, 7).

И въ сухости своей этотъ узникъ горѣлъ огнемъ любви Божіей, свѣтясь богоугодно добрыми дѣлами.

Наконецъ, освобожденъ онъ былъ и отъ узъ тѣлесныхъ. И за принятое имъ увяданіе въ жизни этой по смерти принялъ неувядающее нетлѣніе тѣла своего, въ которомъ понынѣ почиваетъ въ пещерѣ. Духомъ же вошелъ въ наслѣдіе нетлѣнное и нескверное, и неувядаемое, приготовленное ему на небесахъ, при источникѣ жизни вѣчной, и принялъ неувядаемый вѣнецъ славы,—которымъ, молитвами этого преподобнаго угодника Божія, да сподобимся и мы быть увѣнчанными Царемъ славы Христомъ Богомъ, Которому слава со безначальнымъ Его Отцемъ и Пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отецъ нашихъ Кукши священно-мученика и Пимена постника.

(27 августа).

*Изъ нихъ первый, крестя невѣрныхъ, былъ убитъ, другой, про-
сидя ея смерть, умеръ въ тотъ же день.*

Не надо много говорить тамъ, гдѣ ясно свидѣтельствуютъ дѣла. Такъ и объ этихъ блаженныхъ.

Блаженный священномученикъ, называемый Кукша, одинъ изъ отцовъ святого Печерскаго монастыря, былъ извѣстенъ всѣмъ,—такъ какъ онъ крестилъ Вятичей, людей помраченныхъ невѣріемъ, и многихъ просвѣтилъ вѣрою.

Сдѣлалъ онъ и много великихъ чудесъ—прогонялъ бѣсовъ, свелъ дождь съ неба, иссушилъ озеро и показалъ много иныхъ различныхъ удивительныхъ знаменій.

По многимъ мукамъ, онъ былъ усѣченъ невѣрными, съ ученикомъ своимъ.

Въ то же время блаженный Пименъ постникъ подвижался богоугодно въ томъ же Печерскомъ святомъ монастырѣ. Онъ, за великій свой постъ и трудъ, получилъ отъ Бога такое дарованіе, что просіялъ не только исцѣленіемъ недужныхъ, но и прозрѣніемъ будущаго—и того, что далеко, что безвѣстно и тайно.

Многихъ больныхъ исцѣлилъ онъ чудотворно и, много пророчествовавъ, предузналъ отшествіе свое къ Богу за два года.

Провидѣвъ убіеніе блаж. Кукши, находившагося далеко, — громко возопилъ онъ среди церкви Печерской: «Братъ нашъ Кукша въ этотъ день убитъ».

И, сказавъ это, преставился въ одинъ день со святымъ Кукшею и ученикомъ его.

Итакъ, они трое вмѣстѣ получили тричисленную радость о которой сказано: «Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ любящимъ Его (I Кор. 2, 9) Богъ въ Троицѣ, Ему же слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Аѳанасія затворника.

(2 декабря).

Онъ по смерти воскресъ, провелъ въ затворѣ двѣнадцать лѣтъ и сказалъ братьямъ три полезныя слова.

«Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ» (Іоанна, 11, 25). Это слово Свое, сказанное о Лазарѣ четверодневномъ, Спаситель исполнилъ и на преп. отцѣ нашемъ Аѳанасіи, затворникѣ Печерскомъ, желая, чтобъ и мы исполнили слово богатаго, сказанное о Лазарѣ нищемъ: «Если кто изъ мертвыхъ придетъ къ нимъ, покаются» (Луки, 16, 30).

Преп. Аѳанасій былъ черноризцемъ въ святомъ Печерскомъ монастырѣ и жизнь велъ святую и богоугодную. Послѣ долгой болѣзни онъ умеръ; братія отерли тѣло его и увиди, какъ подобаетъ умершему иноку. И лежалъ мертвый два дня, непогребенный по какой-то небрежности. И было въ ночи явленіе игумену, и слова: «Человѣкъ Божій Аѳанасій лежитъ два дня непогребеннымъ, а ты не заботишься объ этомъ». На третій день, какъ только настало утро, игумень пришелъ съ братією къ умершему, чтобы похоронить его, и нашли его сѣдящимъ и плачущимъ. Ужаснулись всѣ, видя его ожившимъ, и спрашивали его: какъ онъ ожилъ, и что видѣлъ или слышалъ. Онъ же не отвѣчалъ ничего, только: «Спасайтесь!» Но они еще сильнѣе просили его, желая услышать отъ него что-нибудь, что-

бы—говорили они—воспользоваться тѣмъ. Тогда сказалъ онъ имъ: «Если я скажу вамъ, вы не повѣрите мнѣ и не послушаете меня». Братія же съ клятвою отвѣчала ему: «Сохранимъ все, что скажешь намъ». И сказалъ имъ воскресшій: «Во всемъ имѣйте послушаніе къ игумену, кайтесь всякій часъ и молитесь Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Матери, и препотцамъ Антонію и Θεодосію о томъ, чтобъ окончить жизнь свою здѣсь и сподобиться, со святыми отцами, погребенія въ пещерѣ. Ибо эти три вещи больше всѣхъ добродѣтелей; и если кто достигнетъ того, что исполнить ихъ въ порядкѣ, будетъ блаженъ, только бы лишь не превозносился. Дальше же не спрашивайте меня, но, молю, простите меня». Сказавъ это, онъ пошелъ въ пещеру и, самъ заградивъ двери, пробылъ тамъ двѣнадцать лѣтъ, никуда не выходя, не видя никогда солнца, безпрестанно плакалъ день и ночь, едва вкушала черезъ день немного воды и хлѣба, и всѣ тѣ годы не говорилъ никому ничего.

Когда же онъ ждалъ смерти, призвалъ къ себѣ братію и сказалъ ей то же, что въ первый разъ,— о послушаніи и покаяніи, и что блаженъ тотъ, кто сподобляется быть положеннымъ въ пещерѣ. Сказавъ это, онъ почилъ въ Господѣ съ миромъ и былъ положенъ съ честью тамъ же, въ пещерѣ, гдѣ подвизался.

По успеніи своемъ, онъ чудотвореніемъ возвѣстилъ о своемъ блаженствѣ. Одинъ изъ братіи, именемъ Вавила, много лѣтъ больной ногами, принесенъ былъ къ мощамъ этого блаженнаго и, обнявъ тѣло его, тотчасъ исцѣлился и съ того часа до смерти своей никогда не болѣлъ ни ногами, ничѣмъ другимъ.

Вавила повѣдалъ братіи (въ числѣ которой былъ и св. Симонъ, составитель этого житія) о такомъ явленіи своего исцѣлителя. «Когда,—сказалъ онъ,—я лежалъ и кричалъ отъ болѣзни, внезапно вошелъ ко мнѣ блаж.

Аѳанасій и сказалъ мнѣ: «Приди ко мнѣ, и я исцѣлю тебя». Я хотѣлъ спросить его, какъ и когда пришелъ онъ сюда; онъ вдругъ сталъ невидимъ. И я, повѣривъ явившемуся мнѣ, постарался, чтобъ меня принесли къ нему,—и такъ исцѣлился. И отсюда поняли всѣ, что блаженъ и угодилъ Господу этотъ преподобный затворникъ Аѳанасій. Его святыми молитвами да сподобимся и мы, воскреснувъ отъ смерти грѣховной, — пожить богоугодно въ покаяніи и затѣмъ получить вѣчную жизнь—во Христѣ Иисусѣ, Живодавцѣ нашемъ, Которому слава съ Источникомъ Жизни, Богомъ Отцомъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Николы Святоши, князя Черниговскаго.

(14 октября).

Онъ былъ поваромъ Печерскимъ три года, вратаремъ три года; исцѣляя и пророчествуя, спасъ Петра врача, съ нимъ и самъ вмѣсто того, чтобъ умереть, остался жить и потомъ тридцать лѣтъ подвизался, не выходя изъ монастыря.

«Проходить образъ міра сего. Владычество переходитъ отъ народа къ народу. Господь низвергаетъ престолы властителей и сажаетъ кроткихъ на мѣсто ихъ». (I Кор. 7, 31. Сирахъ 10, 8 и 17). Объ этой непрочности земного и преходящаго величія помыслилъ блаженный и благовѣрный князь Никола Святоша, сынъ Давида Святославича, князя Черниговскаго, внукъ Святослава Ярославовича, князя Кіевскаго и Черниговскаго, основавшаго святую, Богомъ созданную, Печерскую церковь. И понялъ онъ, что только на небѣ не переходитъ образъ Упостаси Божіей, Его присносущное Слово, и тамъ только Царство всѣхъ вѣковъ и величіе во всякомъ родѣ и родѣ, уготованное Царемъ царей и Господомъ господствующихъ, для любящихъ Его. И потому, оставивъ славу и богатство, честь и власть своего земного преходящаго княженія, ради небснаго вѣчнаго Царствія (какъ тотъ древній Индійскій царевичъ Юасафъ) и пришедши въ Печерскій монастырь, облекся во святой иноческій образъ, противоположный всякому

образу этого міра, переходящаго какъ тѣнь и небытіе, и, насколько возможно, соотвѣтствующій неизмѣнному образу Упостаси Божіей.

И онъ настолько просіялъ свѣтлостью жизни своей, что всѣ видѣли его добрыя дѣла и прославляли за него Бога. Больше всѣхъ преуспѣвалъ онъ въ послушаніяхъ. Сперва работалъ на братію въ поварнѣ, рубилъ своими руками дрова и на своихъ плечахъ часто носилъ ихъ съ берега, усердно дѣлалъ и все прочее, нужное для кухни. Послѣ многихъ его трудовъ узнали о томъ его братья Изяславъ и Владиміръ и едва не заставили его бросить это дѣло. Но этотъ истинный послушникъ выпросилъ со слезами еще одинъ годъ поработать на поварнѣ для братіи. И всего потрудился онъ тамъ три года, со всевозможнымъ прилежаніемъ и благоговѣніемъ. Потомъ, какъ искусный и совершенный во всемъ, приставленъ онъ былъ сторожемъ къ монастырскимъ воротамъ и пробылъ тамъ тоже три года, не отходя никуда, кромѣ церкви. Оттуда взяли его служить на трапезѣ, и это исполнялъ онъ, какъ слѣдуетъ, съ готовностью.

Когда онъ прошелъ по порядку степени послушанія, игумень и вся братія рѣшили, что ему надо безмолвствовать въ келліи и работать въ тишинѣ своему спасенію. Онъ же, повинувшись и въ этомъ, насадилъ руками при своей келліи плодовый садъ. И во всѣ годы иночества никогда не видали его празднымъ, но всегда онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ рукодѣліе; въ устахъ же постоянную молитву Иисусову: Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя.

Не вкушалъ онъ ничего иного, кромѣ малаго количества общей монастырской пищи на трапезѣ.

Если же когда противъ воли ему случалось имѣть что-нибудь, какъ князю, отъ своихъ бывшихъ людей, то все раздавалъ онъ на странниковъ и нищихъ, и

построеніе церквей, и жертвовалъ много книгъ въ церкви.

У этого блаженнаго князя, когда еще онъ владѣлъ княжествомъ своимъ, былъ очень искусный врачъ, именемъ Петръ, родомъ изъ Сиріи; онъ пришелъ съ княземъ въ монастырь. И, видя вольную нищету господина своего, врачъ покинулъ его, жилъ въ Кіевѣ и многихъ лѣчилъ. Но онъ часто приходилъ къ блаженному и, видя его во многихъ лишеніяхъ, въ безмѣрномъ постѣ, служащимъ на поварнѣ и сидящимъ у воротъ, увѣщавалъ его, говоря: «Князь, нужно тебѣ подумать о своемъ здоровьѣ, чтобъ не истощить себя многимъ трудомъ и воздержаніемъ: когда ты отъ этого изнеможешь, тебѣ неудобно будетъ нести иго, которое ты взялъ на себя ради Христа. Богъ не хочетъ труда или поста выше силы, но только сердца чистаго и смиреннаго. Ты работаешь на черноризцевъ, какъ купленный рабъ, ты не привыкъ къ такой работѣ, и не слѣдуетъ тебѣ дѣлать этого, какъ князю. Благородные братья твои, Изяславъ и Владиміръ, укоряютъ себя и находятся въ великой скорби о твоей нищетѣ, что ты изъ такой славы и чести дошелъ до послѣдняго убожества, моришь свое тѣло и болѣешь изъ-за неподходящей для тебя пищи. Я удивляюсь, какъ измѣнился твой желудокъ, который прежде болѣлъ отъ тонкихъ блюдъ, а теперь переносить грубую зелень и сухой хлѣбъ. Но смотри, какъ бы внезапно ни открылась болѣзнь во всѣхъ частяхъ тѣла, и ты, не имѣя въ себѣ силъ, лишишься жизни, и я не буду въ состояніи помочь тебѣ, и оставишь ты неутѣшный плачъ въ своихъ братьяхъ. Бояре, служившіе тебѣ, которые были значительны и славны тобою,—теперь, потерявъ въ тебѣ надежду свою, жалѣютъ о тебѣ и повержены въ уныніе, но все-таки они живутъ въ богатыхъ домахъ, которые выстроили себѣ, тебѣ же негдѣ преклонить главу, и негдѣ сѣсть, только на сор-

ныя кучи иногда у поварни, иногда у воротъ. Кто изъ русскихъ князей дѣлалъ такъ, — твой ли блаженный отецъ Давидъ или приснопамятный дѣдъ Святославъ? — Никто даже изъ бояръ не пожелалъ безславнаго пути такой жизни, только одинъ Варлаамъ, бывшій здѣсь игуменомъ. Поэтому, если ты не послушаешь моего совѣта, прежде, чѣмъ суждено тебѣ, примешь смерть». Много еще другого, по порученію братьевъ его, говорилъ врачъ блаженному, иногда сидя съ нимъ въ поварнѣ, иногда у воротъ.

Блаженный же отвѣчалъ ему: «Братъ Петръ, много думалъ я о спасеніи души моей и разсудилъ, что не надо щадить плоть, чтобъ она не тяготила похотями духъ, и не возставала на меня борьбою. Томимая воздержаніемъ и трудомъ, она смирится, а не изнеможетъ; а если-бъ и изномогла—то, какъ сказалъ Господь апостолу, «сила Моя въ немощи совершается» (II Кор. 13, 9). Апостоль же сказалъ: «Нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ» (Римл. 9, 18). Богъ хочетъ сердца чистаго и смиреннаго, но безъ поста и труда не можетъ быть оно такимъ, потому что постъ мать цѣломудрія или чистоты—и сказано: «онъ смиритъ сердце ихъ работами» (Пс. 106, 12). Благодарю я Бога, что Онъ освободилъ меня отъ рабства міру и сдѣлалъ меня рабомъ рабовъ Своихъ, блаженныхъ этихъ черноризцевъ, ибо я, будучи княземъ, работаю Царю царей въ лицѣ ихъ. Братья же мои пусть подумаютъ о себѣ, «каждый понесетъ свое бремя» (Пс. 106, 12). Съ нихъ достаточно заботъ о моей власти, которую я оставилъ въ земномъ княженіи, чтобъ наслѣдовать въ Царствіи небесномъ: ибо «я обнищалъ ради Христа, что-бъ пріобрѣсти Христа» (Филип. 3, 8). Ты же зачѣмъ, въ нищетѣ моей, укоряешь меня за воздержаніе и грубую пищу, угрожая мнѣ смертію? И ты, когда врачуешь

тѣлесный недугъ, не приказываешь ли больному воздержаться и избѣгать нѣкоторыхъ блюдъ? А мнѣ нужно этимъ способомъ лѣчить духовные недуги. Но если и умру тѣлесно, мнѣ <умереть ради Христа—пріобрѣтеніе> (Филип. 1, 21). А что я сижу у сорныхъ кучъ—зачѣмъ считаешь ты меня худшимъ моихъ бояръ: вѣдь я буду царствовать съ Іовомъ, который въ жизни назывался царемъ. Если же ни одинъ изъ князей Русскихъ не сдѣлалъ этого прежде меня, — то пусть я, подражая Царю Небесному, буду имъ примѣромъ, чтобъ съ этихъ поръ кто-нибудь поревновалъ и послѣдовалъ мнѣ. А тамъ — подумай о себѣ и о тѣхъ, кто подучилъ тебя.

Часто случалось, что когда этотъ блаженный князь заболѣвалъ, трудясь на послушаніи, тогда Петръ врачъ, узнавъ о томъ, приготовлялъ ему лѣкарство, чтобъ излѣчить какой-нибудь его недугъ—горячку или водяную порчу крови, но всегда, прежде чѣмъ онъ приходилъ съ лѣкарствомъ, Божіею помощью князь выздоравливалъ и ни за что не позволялъ себя лѣчить. Однажды случилось, что разболѣлся самъ врачъ, и послалъ къ нему блаженный, говоря: «Если не будешь принимать лѣкарства, скоро выздоровѣешь, если же не слушаешься меня, много пострадаешь». Онъ же, считая себя опытнымъ врачомъ, не послушался, но выпилъ приготовленное лѣкарство и, желая избавиться отъ болѣзни, едва не избавился отъ жизни. Потомъ онъ выздоровѣлъ молитвою святого. Снова разболѣлся въ другой разъ этотъ врачъ, блаженный послалъ къ нему съ такимъ обѣщаніемъ: «На третій день выздоровѣешь, если не будешь лѣчить себя». Врачъ, наказанный за первое ослушаніе, послушался блаженнаго и, по слову его, въ третій день выздоровѣлъ.

Призвалъ исцѣлѣвшаго блаженный (онъ тогда у воротъ кончалъ свое послушаніе) и сказалъ ему: «Петръ,

тебѣ слѣдуетъ постричься въ ангельскій образъ и работать Господу и Его Пречистой Матери въ этомъ монастырѣ вмѣсто меня, потому что я чрезъ три мѣсяца отойду отъ этого міра».

Услышавъ это, врачъ Петръ упалъ къ ногамъ его и со слезами воскликнулъ: «Увы мнѣ, господинъ мой, благодѣтель мой, драгоценная жизнь моя! Кто будетъ заботиться о земномъ странствіи моемъ, кто пропитаетъ сирыхъ и убогихъ, кто заступится за обижаемыхъ, кто смилуется надъ множествомъ людей, просящихъ помощи? Не говорилъ ли я тебѣ: князь, пощади жизнь свою, потому что многимъ можешь ты быть полезенъ и въ твоей жизни—жизнь многихъ. Не ты ли исцѣлилъ меня силою Божіею и твоею молитвою — и теперь куда самъ отходишь, пастырь добрый, чѣмъ болѣеешь, исцѣлитель мой? Скажи мнѣ, рабу твоему, о твоей смертной язвѣ, — и если я не вылѣчу тебя, — пусть глава моя будетъ за главу твою и душа моя за душу твою. Не отходи отъ меня молча, но открой мнѣ, господинъ мой, откуда у тебя такая вѣсть? Если отъ людей—я отдамъ за тебя мою жизнь, если же Самъ Господь повѣстилъ тебя объ этомъ, — моли Его, чтобъ я умеръ за тебя. Если ты оставишь меня—то гдѣ сяду я и буду оплакивать свое сиротство? Не на этой ли сорной кучѣ при воротахъ, гдѣ сидишь ты, — но здѣсь будетъ заперто. Что наслѣдую я изъ имѣнія твоего, когда ты самъ нагъ: эти ли заплатныя рубища, которыя на тебѣ? Но, отойдя отъ міра, ты будешь положенъ въ нихъ. Даруй мнѣ хоть твою молитву, какъ въ древности Илія Елисею милоть — и я раздѣлю глубину сердечную и воды жизни моей, «и пройду въ мѣсто дивныхъ селеній до Дому Божія» (Пс. 41, 5) — туда, куда ты хочешь итти. И звѣрь, по заходѣ солнца, умѣетъ собираться и ложиться въ своемъ логовищѣ (Пс. 103, 22), но я, послѣ твоего отшествія — не знаю, куда пойду; и птица нашла себѣ житье, и ла-

сточка гнѣздо себѣ, гдѣ положить птенцовъ своихъ (Пс. 83, 4), а ты шесть лѣтъ живешь въ монастырѣ и не нашель себѣ пріюта. Гдѣ же оставишь меня?»

Блаженный князь, поднявъ плачущаго врача, сказалъ ему: «Не тужи, Петръ, лучше уповать на Господа, чѣмъ надѣяться на князей (Пс. 117, 9). Господь знаетъ, какъ сохранить всю тварь, которую Онъ создалъ Самъ; Онъ попечется пропитать алчущихъ, заступиться за бѣдныхъ и спасти находящихся въ напасти. Будетъ онъ прибѣжищемъ и тебѣ. А братья мои по плоти—пусть не о мнѣ плачутъ, а о себѣ и о дѣлахъ своихъ, въ плачевной юдоли этого міра, чтобъ утѣшиться въ будущемъ блаженствѣ. Я же не нуждаюсь въ лѣченіи для временной жизни, ибо давно умеръ я всѣмъ временнымъ, «мертвые же (говоря по естеству) не оживутъ, и врачи не воскресятъ, какъ восклицаетъ Исаія (Исаія, 26, 14).

Сказавъ это, блаженный пошелъ со врачомъ къ пещерѣ и приготовилъ себѣ мѣсто для погребенія. Врачу же сказалъ: «Кто изъ насъ больше любитъ это мѣсто?» Врачъ же отвѣчалъ съ плачемъ: «Знаю, что если ты захочешь, умолишь Господа, чтобъ тебѣ жить еще. Меня же положи здѣсь!» Блаженный же сказалъ ему: «Да будетъ тебѣ, какъ хочешь, если есть на то воля Божія. Въ одномъ образѣ иноческомъ да послужимъ Ему!» Тогда врачъ, по совѣту блаженнаго, постригся въ иноческій образъ и провелъ три мѣсяца, безпрестанно днемъ и ночью проливая на молитвѣ слезы. Блаженный, утѣшая его, сказалъ: «Братъ, Петръ, хочешь ли, чтобъ я взялъ тебя съ собою?» Онъ же съ плачемъ (какъ и прежде) отвѣчалъ: Хочу, чтобъ ты позволилъ мнѣ умереть за тебя, а ты останься здѣсь и молись за меня». Сказалъ ему блаженный: «Дерзай, братъ, и будь готовъ; чрезъ три дня, по желанію твоему, отойдешь отъ этой жизни».

Итакъ Петръ, причастившись Божественныхъ и Животворящихъ Христовыхъ Тайнъ, когда наступило предреченное время, возлегъ на одрѣ и предаль духъ свой въ руки Господа.

По смерти же врача блаженный князь Святоша подвизался тридцать лѣтъ, не выходя изъ монастыря и, стяжавъ, сообразно съ именемъ своимъ, совершенную, святую жизнь—преставился на вѣчную жизнь, ко Святѣйшему всѣхъ святыхъ, Князю смиренія, Иисусу.

Въ день преставленія этого святого князя едва не весь городъ Кіевъ собрался, воздавая ему послѣднее цѣлованіе и со многими слезами прося его молитвъ.

Особенно же братья блаженнаго, Изяславъ и Владиміръ, узнавъ о смерти его, плакали о немъ невыразимыми слезами. Изяславъ прислалъ къ игумену съ мольбою, дать ему на благословеніе и утѣшеніе крестъ умершаго, возглавіе и помость, на которомъ блаженный клалъ поклоны. Игумень далъ ему со словами: «По вѣрѣ твоей да будетъ тебѣ то, отъ чего ждешь ты помощи». Получивъ эти вещи, онъ бережно хранилъ ихъ и прислалъ на монастырь много золота, чтобъ отблагодарить за память о братѣ.

Изяславъ этотъ однажды тяжело разболѣлся и отчаялся уже въ жизни. Видя его при смерти, вокругъ него собрались жена, дѣти и всѣ бояре. Онъ же, немного уснувъ, привсталъ и просилъ напиться воды изъ Печерскаго колодца. Сказавъ это, онъ онѣмѣлъ и уже больше ничего не могъ проговорить. Пославъ въ Печерскій монастырь, взяли тамъ воды, омывъ ею гробъ преп. Θεодосія. Далъ игумень и власяницу преп. Святоши, чтобъ облечь въ нее его брата. Тогда, прежде чѣмъ пришелъ посланный съ водою и власяницею, князь Изяславъ сказалъ: «Идите скорѣе изъ города навстрѣчу преп. отцамъ Θεодосію и Николѣ». Когда во-

шелъ посланный съ водою и власяницею, снова воскликнулъ князь: «Никола Святоша!»

Дали ему выпить той воды, надѣли на него власяницу—и онъ вдругъ сталъ здоровъ—и все прославили Бога и угодниковъ Его.

Съ тѣхъ поръ Изяславъ всегда бралъ и надѣвалъ на себя эту власяницу, когда заболѣвалъ—и тотчасъ выздоравливалъ. И во всякой битвѣ имѣлъ онъ съ собою эту власяницу, и оставался невредимымъ. Однажды же послѣ грѣха не дерзнулъ надѣть ее на себя и тогда былъ убитъ на брани, но сперва заповѣдалъ положить себя въ ней, надѣясь, что исцѣлѣетъ хоть отъ вѣчныхъ болѣзней и язвъ.

И мы, надѣясь на этого преподобнаго князя, котораго знаемъ спасительную силу, да сподобимся исцѣлѣть подъ кровомъ молитвъ его отъ всякихъ болѣзней и язвъ, временныхъ и вѣчныхъ, благодатию Князя смиренія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Царя славы, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Которому слава съ Богомъ Отцомъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Еразма.

(24 февраля).

Онъ истратилъ имѣніе свое на украшеніе Церкви и потомъ пожалъ своихъ денегъ, но не умеръ безъ покаянія молитвами преп. отецъ Антонія и Θεодосія.

«Вѣнецъ мудрыхъ богатство ихъ», говорятъ притчи (Притчи 14, 24), но особенно тотъ вѣнецъ, которымъ люди украшаютъ невѣсту Царя небеснаго, Церковь Христову,—и чрезъ это сподобляются царствія Божія.

Къ такимъ людямъ принадлежалъ преп. отецъ нашъ Еразмъ, черноризецъ Печерскій. Ради того получилъ онъ вѣнецъ изъ рукъ Вѣнчающаго милостью и щедротами, что, имѣя большое богатство отцовскаго своего наслѣдія и размысливъ, что не хорошо иноку сохранять его,—по любви своей къ благолѣпію Дома Господня,—истратилъ все, что имѣлъ, на украшеніе церкви, и оковалъ въ церкви Печерской многія иконы серебромъ и золотомъ. Взирая на нихъ, онъ украшалъ и свою душу, какъ церковь и образъ Живого Бога, не серебромъ и золотомъ вещественнымъ, но чистотою и любовью и всякими добродѣтелями иноческаго званія, говоря о благолѣпіи своемъ съ пророкомъ: «Законъ устъ Твоихъ для меня лучше тысячъ золота и серебра» (Пс. 118, 72).

Съ этимъ преподобнымъ случилось такое искушеніе.

Когда онъ сильно обнищалъ и былъ въ пренебреженіи у всѣхъ, злохитрый прельститель діаволь сталъ влгать ему въ сердце мысль, что онъ не имѣеть никакой мзды за богатство свое, истраченное на украшеніе церкви, но лучше было бы истратить ему на милостыню нищимъ. Онъ же, не понявъ искушенія, впалъ въ отчаяніе и сталъ жить нерадиво и совершенно небрежно, безчинно проводя свои дни. Но Богъ щедрый и праведный, поминая прежнія добродѣтели блаженнаго, — спасъ его отъ гибели такимъ образомъ.

Онъ послалъ на него тяжкую болѣзнь, и больной, уже близкій къ смерти, лежалъ нѣмымъ и слѣпымъ семь дней, лишь еле дыша. Въ восьмой день пришла къ нему вся братія и, видя страшную смерть брата, съ удивленіемъ говорила: «Горе, горе душѣ этого брата, что прожилъ онъ въ лѣности и въ грѣхахъ, а теперь видитъ что-то и метается, и не можетъ выйти изъ тѣла». И вотъ блаж. Еразмъ, какъ будто никогда не болѣлъ, всталъ, сѣлъ и сказалъ имъ: «Отцы и братія, воистину такъ, какъ вы говорите, — я грѣшенъ и не покаялся. Но нынѣ мнѣ явились преп. отцы наши Антоній и Θεодосій, говоря: «мы молились о тебѣ Господу, и даровалъ тебѣ Господь время на покаянiе». Послѣ этого видѣлъ я и Пречистую Госпожу Богородицу, какъ на иконѣ, съ Сыномъ Ея, Христомъ Богомъ нашимъ на рукахъ, и множество съ Нею святыхъ. И она сказала мнѣ: «Еразмъ, за то, что ты украсилъ церковь Мою и возвеличилъ иконами, и Я украшу тебя и возвеличу славою въ царствіи Сына Моего — нищихъ вы имѣете на всякомъ мѣстѣ, церковь же Мою не вездѣ. Воставъ, покайся и прими великій ангельскій образъ, въ третій же день чистымъ Я возьму тебя къ Себѣ, возлюбившаго благолѣпіе Дома Моего». Сказавъ все это братіи, блаж. Еразмъ началъ предъ всѣми, не стыдясь, исповѣдывать грѣхи свои.

Вставъ, онъ пошелъ въ церковь и былъ постриженъ въ схиму. На третій же день отошелъ ко Господу и Матери Его, по Ея предреченію.

Итакъ, всѣмъ богопротивнымъ ясно было явлено, что украшеніе церкви иконами угодно Богу и вчиняеть въ лики святыхъ. Той же благодати, молитвами преп. Еразма, да сподобимся мы всѣ, правовѣрные, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава съ Богомъ Отцомъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Ареѡы.

(24 октября).

Ему имущество, украденное ворами, ангелы вмыслили въ милостыню, за то, что онъ перенесъ это съ благодареніемъ.

Поистинѣ достойно и праведно всегда благодарить Бога не только за благое, но и за злключенія. Не только праведному несчаствіе умножаетъ благодать, какъ было съ Іовомъ, но и великаго грѣшника перемѣняетъ и дѣлаетъ совершеннымъ святымъ, какъ то явилось на этомъ преподобномъ. О немъ свидѣтельствуетъ такъ блаженный епископъ Симонъ, бывшій очевидцемъ его жизни.

Въ Печерскомъ монастырѣ былъ одинъ черноризецъ, именемъ Ареѡа, родомъ изъ Полоцка; онъ держалъ тайно въ своей келліи большое богатство и настолько былъ одержимъ скупостью, что никогда не подалъ и одной мелкой монеты на милостыню убогому, и самъ не тратилъ ни на что нужное.

Однажды ночью пришли воры и украли все его достояніе. Тогда онъ въ великой скорби и тугѣ едва не лишилъ себя жизни. И началъ онъ подозрѣвать виновныхъ, и многихъ мучилъ онъ безъ правды, братія же вся молила его прекратить такіе розыски и утѣшила его: «Братъ, возложи на Господа заботы твои, и Онъ поддержитъ тебя» (Пс. 54, 23). Онъ же ничего не слушалъ и досаждалъ всѣмъ жестокими словами. Чрезъ нѣсколько

дней впалъ онъ въ недугъ лютой, и уже былъ близокъ къ смерти, но не переставалъ роптать и хулить.

Но челоуѣколюбивый Господь, Который хочетъ, чтобъ всѣ люди спаслись (I Тим. 2, 4), явилъ на немъ милость Свою. Однажды больной, лежа въ болѣзни, какъ мертвый, послѣ долгаго молчанія, внезапно громко передъ всѣми сталъ звать съ великимъ воплемъ:—«Господи, помилуй; Господи, прости; Господи, согрѣшилъ я, оно Твое, не жалѣю его!» И потомъ, вдругъ вставъ отъ болѣзни, разсказалъ, что причина его крика было такое явленіе. «Видѣлъ я,—сказалъ онъ,—что пришли ко мнѣ ангелы и бѣсовскій полкъ и начали спорить объ украденномъ у меня богатствѣ. Бѣсы говорили, что я не прославилъ за то Бога, но хулилъ Его,—потому я—ихъ и долженъ быть имъ преданъ. Ангелы же сказали мнѣ: «О, окаянный челоуѣкъ, если-бъ ты благодарилъ Бога за похищеніе имѣнія твоего, оно вмѣнилось бы тебѣ въ милостыню, какъ Іову. Если кто творитъ милостыню—это великое дѣло передъ Богомъ, потому что творитъ по своей волѣ. Но если кто похищеніе насиліемъ терпитъ съ благодарностью, тотъ челоуѣкъ превращаетъ дьявольское искушеніе въ благое произволеніе. Дьяволъ, желая вовлечь челоуѣка въ хулу, дѣлаетъ такъ, благодарный же челоуѣкъ передаетъ все Богу, потому это и равно милостынѣ». Когда такъ сказали мнѣ ангелы, я возопилъ то, что вы слышали: «Господи, помилуй, Господи, прости, Господи, согрѣшилъ я, Твое есть, не жалѣю его!» И тогда тотчасъ бѣсы исчезли, ангелы же возрадовались и, вмѣнивъ мнѣ погибшее серебро въ милостыню, отошли». Слыша это, братія прославила Бога, наставляющаго согрѣшающихъ на путь покаянія и показавшаго имъ, сколь велика сила благодаренія.

Блаж. же Ареѳа, наставляемый Богомъ, съ тѣхъ поръ измѣнился къ лучшему умомъ и нравомъ, такъ что всѣ дивились и говорили о немъ съ Апостоломъ: «Идѣже

умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать». Тотъ, кого прежде никто не могъ удержать отъ хулы, тотъ никогда потомъ не прекращалъ хвалу, постоянно славя и благодаря Бога гласомъ Іова — «Господь далъ, Господь и взялъ, какъ Господу угодно, такъ и сдѣлалось. Да будетъ имя Господне благословенно» (Іова I, 21).

Также и въ прочихъ своихъ прегрѣшеніяхъ онъ каялся усердно, прилежа нелицемѣрной нищетѣ, послушанію не на глазахъ только, чистотѣ внѣшней и внутренней, подвизался въ моленіи, непрестанномъ постѣ, безмѣрномъ, и былъ богатъ многими иными тѣлесными и душевными добродѣтелями (ко всѣмъ которымъ привела его добродѣтель благодаренія)—болѣе чѣмъ серебромъ или золотомъ,—добродѣтелями же достигъ и Самаго Бога. Къ Нему, послѣ многихъ трудовъ, представился онъ на вѣчный покой и положенъ съ честью въ пещерѣ, гдѣ чудотворнымъ нетлѣніемъ мощей своихъ свидѣтельствуесть и о помилованіи своемъ, и о блаженствѣ своемъ, равномъ блаженству милостивыхъ. Его святыми молитвами да будемъ и мы, поживъ съ благодареніемъ, помилованы—и да съ нимъ вмѣстѣ въ Царствіи небесномъ будемъ благодарить Бога въ Троицѣ въ безконечные вѣки. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Тита пресвитера.

(27 февраля.)

Онъ былъ въ ссорѣ съ діакономъ Еваріемъ и видѣлъ, какъ тотъ, не простивъ его, былъ пораженъ отъ ангела копіемъ огненнымъ; самъ же онъ, такъ какъ просилъ прощенія, былъ рукою ангельскою возставленъ отъ бользни.

Какъ открывается гнѣвъ Божій съ неба на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, такъ и міръ Божій, который превыше всякаго ума (Римл. 1, 18; Филип. 4, 7) — соблюдаетъ разумъ и сердце, скажу тѣло и душу человека, ищущаго мира. Объ этомъ намъ свидѣтельствуеть бывшимъ ему откровеніемъ блаж. Титъ.

Иночествуя въ Печерскомъ монастырѣ, онъ почтенъ былъ саномъ пресвитерства и наставленъ былъ на подвиги, достойные блаженства святыхъ. Съ нимъ случилась такая вещь.

Былъ у этого блаженнаго пресвитера Тита братъ по духу, черноризецъ того же монастыря, именемъ Евагрій, саномъ діаконы; блаженный пресвитеръ Титъ имѣлъ съ нимъ большую и нелицемѣрную дружбу, такъ что всѣ дивились ихъ единодушію и искреннему взаимному расположенію.

Врагъ же, ненавистникъ добра, сѣющій обыкновенно плевелы посреди пшеницы (Матѳея, 13, 25), посѣялъ между ними вражду и настолько помрачалъ ихъ злобою и ненавистью, что они не могли и видѣть другъ друга и всячески избѣгали одинъ другого. Когда одинъ изъ нихъ ходилъ съ кадильницею по церкви, тогда дру-

гой бѣжалъ отъ еиміама; если же онъ не удалялся того, тотъ проходилъ мимо, не покадивъ. И долгое время провели они въ великомъ мракѣ духовномъ, и дерзали приносить Божественные Дары и приобщаться, не примирясь между собою и не получивъ прощенія,—такъ возбуждиль ихъ врагъ. Братія много просила ихъ помириться, но они не желали о томъ и слышать.

Однажды, по усмотрѣнію Божию, — случилось этому блаж. пресвитеру Титу тяжело заболѣть, и уже онъ отчаявался въ жизни. Тогда горько сталъ онъ оплакивать свое согрѣшеніе и въ великомъ умиленіи послалъ къ діакону Евагрію, говоря: «Прости мнѣ, братъ, Бога ради, что оскорбилъ я тебя гнѣвомъ моимъ!» Тотъ же не только не простилъ, но и проклиналъ его жестокими словами. Братія же, видя, что Титъ уже умираетъ,—привела Евагрія силою, чтобъ онъ простился съ братомъ. Больной, увидѣвъ его, приподнялся, палъ ницъ къ ногамъ его, говоря со слезами: «Прости меня, отче, и благослови». Но Евагрій, будучи немилостивымъ и безчеловѣчнымъ, отвернулся отъ брата и передъ всѣми сказалъ лютыя слова: «Никогда не хочу простить его—ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ». И, сказавъ это, вырвался онъ изъ рукъ братіи и упалъ. Братія же хотѣла поднять его, но нашли его бездыханнымъ, и не могли ему ни согнуть рукъ, ни закрыть рта, ни свести глазъ, какъ будто у давно умершаго. Больной же пресвитеръ Титъ тогда же всталъ здоровымъ, какъ будто никогда не болѣлъ.

Ужасъ напалъ на всѣхъ отъ этой внезапной смерти Евагрія и отъ скорого исцѣленія Тита. И стали спрашивать у исцѣлѣвшаго блаженнаго пресвитера, какъ это было. И блаженный Титъ отвѣтилъ имъ, рассказавъ подробно то, что было открыто ему. «Когда, говорилъ онъ—я тяжело болѣлъ, находясь во гнѣвѣ, я видѣлъ ангеловъ, отступившихъ отъ меня и плакавшихъ о по

гибели души моей, и бѣсовъ, радовавшихся моею злобѣ, и потому сталъ я молить васъ итти къ брату и испросить мнѣ прощеніе. Когда же вы привели его ко мнѣ, и я поклонился ему, а онъ отвернулся отъ меня, я видѣлъ одного грознаго ангела, держащаго огненное копьё, которымъ онъ ударилъ непростившаго, и тотъ вдругъ упалъ мертвымъ. А мнѣ тотъ же ангель подалъ руку и возставилъ меня, и вотъ я здоровъ.

Устрашенная всѣмъ этимъ, братія много оплакивала умершаго злою смертію Евагрія, и похоронили его съ открытыми глазами и устами, и разставленными руками. А сами стали внимательно оберегаться отъ вражды, прощая другъ другу, если кто на кого имѣлъ жалобу (Колос. 3, 13), и вспоминая, послѣ наказанія Евагрія, слова Господа, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду (Маттея, 5, 22), и слова, сюда относящіяся, святаго Ефрема: «если кому случится умереть во враждѣ, онъ встрѣтитъ неумолимый судъ»,—и можно было сказать тогда о тѣхъ вразумленныхъ братьяхъ: «великъ миръ у любящихъ законъ Твой» (Пс. 118, 165).

Но особенно самъ блаженный этотъ пресвитерь Тить, видя, что за то, что онъ искалъ мира съ братомъ, онъ нашель миръ съ Самимъ Богомъ, — и Имъ сохранень былъ отъ смерти душевной и тѣлесной, съ тѣхъ поръ никогда не предавался враждѣ, но всячески ее искоренялъ въ себѣ, и пріобрѣлъ никогда не ослабѣвающую любовь въ Богѣ ко всей братіи—любовь, которая есть совокупность совершенства (Колос. 3, 14), какъ корень мира,—любовь чистаго сердца и доброй совѣсти, и нелицемѣрной вѣры, любовь долготерпящую, милосердную, не завидующую и содержащую всѣ прочія добродѣтели, въ особенности же—цѣломудріе, постъ и постоянную молитву (I Кор. 13, 4). Ибо воспринялъ этотъ блаженный слова Писанія: «Будьте благоразумны

и бодрствуйте въ молитвахъ, больше же всего имѣйте усердную любовь другъ къ другу, потому что любовь покрываетъ множество грѣховъ» (I Петра 4, 7—8). Итакъ, при своихъ пресвитерскихъ жертвахъ, совершалъ онъ память соотвѣтственнаго евангельскаго слова, что любить Бога и ближняго — больше всѣхъ всесожженій и жертвъ (Матѳея 12, 33). Приобрѣлъ онъ и миръ совершенный, и такъ онъ, покрытый совершенствомъ любви, не могъ поскорбѣть и сказать: «Нѣтъ мира въ костяхъ моихъ отъ грѣховъ моихъ» (Пс. 37, 4). Но совершенный миръ этого преподобнаго подвижника былъ таковъ, что надъ нимъ исполнились неложныя слова апостола: «Царство Божіе не пища и питіе, но праведность и миръ» (Римл. 14, 17). Потому ради мира и на небѣ препод. Титъ удостоился того упокоенія, въ жаждѣ котораго онъ уснулъ въ Господѣ послѣ великихъ богоугодныхъ трудовъ. И почиваетъ онъ нетлѣннымъ тѣломъ въ пещерѣ, гдѣ тамъ много святыхъ, какъ въ дальнемъ небѣ, а равноангельнымъ духомъ вознесенъ въ горнее небо на вѣчный покой руками явившихся къ нему прежде ангеловъ.

И что слышитъ онъ отъ нихъ, радующихся тамъ (Луки 15, 7 и 19), какъ о бывшемъ грѣшникѣ, нынѣ свято покаявшемся? Слышитъ то, что сказалъ святой Павелъ о Титѣ апостолѣ: «Утѣшилъ насъ Богъ прибытіемъ Тита» (II Кор. 7, 6). А намъ, сорадующимся, такъ слѣдуетъ отвѣчать небеснымъ жителямъ, словами того же Писанія: «Мы утѣшились утѣшеніемъ вашимъ, а еще болѣе обрадованы мы радостью Тита, что вы всѣ успокоили духъ его» (II Кор. 7, 13). Его святыми молитвами да сподобимся и мы, избѣжавъ вражды, получить прощеніе грѣховъ и успокоеніе временное и вѣчное во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, Который есть Богъ любви и мира. Ему слава со Отцомъ и со святымъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преп. отца нашего Нифонта.

(8 апрѣля).

Онъ былъ епископомъ Новгородскимъ и не позволилъ, чтобъ митрополитъ Кіевскій былъ посвященъ помимо благословенія патріарха Константинопольскаго; предъ смертью видѣлъ преп. Феодосія, обѣщающаго ему мѣсто съ собою.

«Ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ меня». (Пс. 68, 10). Этою надписью слѣдуетъ отмѣтить честный гробъ великаго ревнителя о православіи русскомъ, блаж. Нифонта, который много потрудился, чтобы Россійскіе сыны не лишились усыновленія Восточной Церкви и, вмѣстѣ, Самаго Господа, Которому имя—Востокъ (Луки, 1, 78); о подвигѣ его узнаемъ изъ слѣдующаго сказанія.

Блаж. Нифонтъ, въ дни игумена Тимоѳея, былъ черноризцемъ святого Печерскаго монастыря и много подражалъ житію великихъ преп. отцовъ, трудясь богоугодно въ молитвѣ, бдѣніи, постѣ и всякихъ добродѣтельныхъ подвигахъ.

Когда же блаж. Іоаннъ, епископъ Новгородскій, по волѣ своей оставилъ престоль, на которомъ потрудился двадцать лѣтъ, и, чувствуя изнеможеніе, отошелъ на безмолвіе въ монастырь—тогда блаженный Нифонтъ, сіяя лучами многими добродѣтелей своихъ и далекимъ странамъ,—изволеніемъ Божиимъ всѣми согласо избранъ былъ на епископскій престоль Новго-

роду и посвященъ въ Кіевѣ преосвященнымъ митрополитомъ Михаиломъ—вторымъ этого имени.

Итакъ, вступивъ на престолъ свой и поставленный какъ свѣтильникъ на свѣщницѣ—онъ просіялъ еще свѣтлѣе великою ревностью о благочинномъ устроеніи православія, много заботился о умноженіи славы Божіей и о жизни временной и вѣчной словесныхъ своихъ овецъ. Прежде всего, умножая славу Божию, своимъ стараніемъ заложилъ онъ посреди Новгорода каменную церковь Пресвятой Богородицы и, Божією помощію, вскорѣ соорудилъ ее. Престольную же церковь св. Софіи въ томъ же городкѣ украсилъ всю, даже съ притворомъ, иконнымъ писаніемъ, и весь верхъ ея покрылъ оловомъ. Сохраняя жизнь словесныхъ овецъ—и сперва временную,—пастырь этотъ имѣлъ такую привычную добродѣтель: когда православные собирались на междоусобный бой, онъ всячески старался примирить ихъ.

Такъ услыхалъ онъ однажды, что Кіевляне и Черниговцы возстали другъ противъ друга со множествомъ воиновъ и хотятъ вступить въ бой. И, взявъ съ собою вельможъ Новгородскихъ,—онъ пришелъ къ ополчившимся и, при помощи Божіей, примирилъ ихъ. Такъ же и въ прочихъ междоусобіяхъ благословлялъ онъ людей миромъ, сохраняя временную ихъ жизнь.

Но особенно заботился онъ о вѣчной жизни словесныхъ овецъ своихъ. Онъ вспоминалъ Господни слова, сказанныя о Богѣ Отцѣ: «Знаю, что заповѣдь Его—жизнь вѣчная» (Іоанна 12, 8). И потому изо всѣхъ силъ убѣждалъ онъ православныхъ не удаляться отъ исполненія заповѣдей Господнихъ и отъ преданій, и правилъ Его Церкви, чтобъ не удалить себя отъ вѣчной жизни, а къ удаляющимся и преступающимъ законъ относился съ негодованіемъ, ясно проповѣдуя имъ, что они погибнутъ за беззаконіе свое, настаивалъ во

время и не во время, обличалъ, запрещалъ и молилъ со всякимъ долготерпѣніемъ, какъ повелѣлъ апостолъ (2 Тим. 4, 2).

Эту ревность добраго пастыря доказало прежде всего такое событіе. Когда, при блаженномъ, Новгородцы изгнали князя своего Всеволода Мстиславича,—пришелъ къ нимъ на княженіе призванный ими Свято-славъ Ольговичъ и женился на такой женщинѣ, на которой, по правиламъ церковнымъ, ему не должно было жениться. Тогда блаженный этотъ архіерей не только не захотѣлъ вѣнчать его, но запретилъ всему своему клиру присутствовать при его вѣнчаніи, какъ при незаконномъ, когда князя вѣнчали пришедшіе съ нимъ священники. И смѣло обличалъ онъ князя въ законопреступленіи его, ревнуя тому, кто сказалъ въ псалмѣ: «Буду говорить объ откровеніяхъ Твоихъ предъ царями, и не постыжусь» (Пс. 118, 46).

Но хотя такая ревность и была велика,—но настало время, и онъ явилъ несравненно большую ревность, спасая отъ нарушенія правилъ саму Россійскую Церковь, чѣмъ больше всего просіялъ славою этотъ наставникъ православія. Это было такъ.

Наступила блаженная кончина преосвященнаго митрополита Кіевскаго Михаила, отъ котораго св. епископъ Нифонтъ принялъ рукоположеніе.

Великій же князь Кіевскій Изяславъ Мстиславичъ избралъ на его мѣсто, на архіерейскій престолъ Кіевской митрополіи Кліма философа, черноризца, уже постриженнаго въ схиму, и захотѣлъ, чтобъ его рукоположили, не посылая на благословеніе ко вселенскому патріарху Константинопольскому. И онъ для этого собралъ соборъ епископовъ Россійской Церкви, изъ которыхъ сошлись слѣдующіе: Онуфрій Черниговскій, Θεодоръ Бѣлгородскій, Евѡимій Переяславскій, Даміанъ Юрьевскій, Θεодоръ Владимірскій, св. Нифонтъ

Новгородскій, Мануиль Смоленскій, Іоакимъ Туровскій, Козьма Полоцкій.

На этомъ соборѣ св. Нифонтъ, епископъ Новгородскій, никакъ не допускалъ, чтобъ сами епископы рускіе рѣшились рукоположить себѣ митрополита безъ благословенія вселенскаго своего патріарха Константинопольскаго. И онъ съ достовѣрностью и твердостью утверждалъ, что это противно православному преданію святой Восточной Церкви, которая чрезъ Константинопольскій свой престоль просвѣтила сыновъ Россіи и сдѣлала насъ сынами Востока, посѣтившаго насъ свыше, т.-е. сынами Божиими; оттуда же дала Кіеву и перваго митрополита Михаила чрезъ благословеніе природнаго своего вселенскаго патріарха Константинопольскаго. Высказавъ это, доблестный исповѣдникъ мужественно запрещалъ сынамъ Россійскимъ чрезъ свое противленіе отпасть отъ усыновленія Восточнаго и, вмѣстѣ, Божія. Ибо—говорилъ онъ—«грядетъ гнѣвъ Божій на сыновъ противленія» (Колос. 3, 6). И истины исповѣданія этого неподвижно держались пять русскихъ епископовъ—Козьма Полоцкій, Іоакимъ Туровскій, Мануиль Смоленскій, Евѣимій Переяславскій и Феодоръ Бѣлогородскій. Но князь, не желая быть посрамленнымъ въ своемъ неправильномъ желаніи, не послушалъ блаженнаго, но сдѣлалъ то, что хотѣлъ,—съ прочими, прельщенными имъ, епископами. Итакъ, по приказанію князя, Климиъ былъ благословенъ епископами—человѣкоугодниками—главою св. Климента, папы Римскаго, вмѣсто благословенія живого природнаго патріарха Константинопольскаго,—по совѣту Онуфрія, епископа Черниговскаго, и сѣлъ не по правиламъ на архіерейскомъ престолѣ Кіевской митрополіи. Онъ сталъ принуждать блаженнаго епископа Нифонта служить съ собою, но ревнитель православія, св. Нифонтъ, сказалъ ему: «Такъ какъ ты не принялъ благословенія отъ вселенскаго

патріарха Константина-града, но чрезъ недостойное и несправедливое похищеніе сана считаешь себя равнымъ истинному пастырю, между тѣмъ какъ ты—истинный волкъ: то, какъ я не соглашался на твое посвященіе, такъ и нынѣ, за это дѣло, я не долженъ служить съ тобою и не буду поминать тебя при моемъ служеніи, потому что ты не поминаешь патріарха, отъ престола котораго приняли мы начало благословенія». Тогда Климъ, не стерпя правды, сильно сталъ гнѣваться на блаженнаго и наущать противъ него князя Изяслава и своихъ сторонниковъ послать его на заточеніе или сдѣлать ему какое-нибудь другое зло. Но злоба не одолѣла добродѣтели.

Князь Изяславъ за это дѣло не пустилъ блаженнаго въ Новгородъ, на престоль его епископіи, но удержалъ въ Печерскомъ монастырѣ, какъ въ заточеніи. А блаженный пребывалъ тамъ въ великой радости и благодарилъ Бога: и за то, что лишился престола ради православія и что вернулся къ безмолвной своей жизни со святыми.

Когда же христілюбивый князь Георгій Мономаховичъ побѣдилъ Изяслава Мстиславича и принялъ Кіевское княженіе, тогда съ великою честью отпустилъ онъ блаженнаго въ Новгородъ на престоль. Новгородцы же, которые были изнурены и разсѣяны, какъ овцы, не имѣющія пастыря (Матѳея 9, 36), съ невыразимою радостью приняли его.

Тогда вселенскій патріархъ Константина-града, услышавъ обо всемъ этомъ про блаженнаго, который такъ много мужества показалъ ради законовъ церковныхъ,—прислалъ къ нему посланіе, ублажая его за великій его разумъ и крѣпость и причисляя его къ древнимъ святымъ отцамъ, которые твердо стояли за православіе. Онъ же, прочтя въ грамотѣ патріаршее благословеніе, утверждалъ себя въ еще большей ревности. По-

тому и не лишился онъ достойнаго трудовъ его воздаянiя отъ начальника пастырей Иисуса, — какъ доказала его блаженная кончина, къ повѣствованiю о которой мы перейдемъ.

Спустя нѣкоторое время по возвращенiи своемъ въ Новгородъ, на престоль, — услышалъ блаженный епископъ Нифонтъ, что отъ вселенскаго патрiарха изъ Константина - града идетъ въ Россiю митрополитъ Константинъ, чтобы низложить Климата, митрополита Кiевского, неправильно посвященнаго и возмутившаго православныхъ, а самому взойти на престоль. Тогда исполнившись духовной радости, онъ замыслилъ заразъ сдѣлать два дѣла и принять благословенiе отъ святителя, и въ святой Печерской обители поклониться Пресвятой Богородицѣ и преп. отцамъ. Съ этою цѣлью онъ опять прибылъ въ Кiевъ и ожидалъ прибытiя митрополита, выѣхавшаго уже изъ царствующаго града, какъ онъ о томъ навѣрное зналъ. И онъ жилъ во святомъ Печерскомъ монастырѣ, съ великимъ усердiемъ къ Пресвятой Богородицѣ и къ преп. отцамъ. И вскорѣ постигла его тамъ сильная болѣзнь, предварившая честную предъ Господомъ смерть этого преподобнаго. Тогда онъ повѣдалъ братiи дивное видѣнiе, которое онъ видѣлъ за три дня до того, какъ заболѣлъ.

«Когда, — рассказывалъ онъ, — послѣ утренняго пѣнiя я пришелъ въ келью, мнѣ нужно было немного отдохнуть, и тотчасъ сошелъ на меня легкiй сонъ. И я очутился въ этой святой Печерской Церкви, на мѣстѣ Николы Святоши, и много молился я со слезами къ Пресвятой Богородицѣ, чтобы увидать мнѣ добраго строителя, и по смерти заботящагося объ умноженiи добродѣтелей въ своей обители, преп. Θεодосiя. Въ церковь сходились много братiи, и одинъ изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «Хочешь ли видѣть преп. отца нашего Θεодосiя?» — Я отвѣчалъ: «Да, желаю;

если возможно, покажи мѣсто». Онъ взялъ меня и повелъ въ алтарь и тамъ показалъ мнѣ св. Θεодосія. Я же, увидя его, поспѣшилъ къ нему съ радостью, упалъ къ ногамъ его и поклонился ему до земли. Онъ же, поднявъ меня, благословилъ меня и сказалъ мнѣ: «Хорошо, что ты пришелъ, братъ мой и сынъ Нифонтъ; отнынѣ ты будешь съ нами неразлучно». Онъ держалъ въ рукѣ своей свитокъ и далъ его мнѣ, когда я попросилъ у него. Я разогнулъ его и прочелъ, и въ началѣ было написано такъ: «Вотъ я и дѣти, которыхъ далъ мнѣ Господь» (Исаи 8, 18). Послѣ этого видѣнія (сказалъ блаж. Нифонтъ)—я пришелъ въ себя и теперь знаю, что эта болѣзнь есть посѣщеніе отъ Бога».

Итакъ, поболѣвъ тринадцать дней, уснулъ онъ съ миромъ въ Господѣ мѣсяца апрѣля въ 8 день, въ субботу свѣтлой недѣли. И положено было его тѣло съ честью въ пещерѣ преп. Θεодосія. Духомъ же съ тѣмъ же дароименитымъ преподобнымъ онъ предстоить Престолу Владыки Христа, гдѣ, неразлучно наслаждаясь неизреченными небесными красотами,—да помолятся они и о насъ, чадахъ своихъ, и похвалятся, говоря вмѣстѣ: «Вотъ мы и дѣти, которыхъ далъ намъ Богъ». Ему, хвалимому въ нераздѣльной Троицѣ,—Отцу и Сыну, и Святому Духу подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно, и въ безконечные вѣки. Аминь.

Посланіе преп. отца нашего Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго ко блаженному Поликарпу, черноризцу Печерскому, который тогда не былъ еще архимандритомъ.

Написанное на пользу встѣмъ иночествующимъ. Въ этомъ посланіи даетъ онъ наставленія, вспоминая нѣкоторыхъ, въ особенности же бывшихъ незадолго до него, блаженныхъ черноризцевъ Печерскихъ, коихъ житія помѣщены въ этой третьей части.

Братъ, сидя въ безмолвіи, собери свои мысли и скажи себѣ: «Убогій инокъ, не оставилъ ли ты міра и родителей по плоти ради Господа, — а, придя сюда для спасенія, ты творишь не духовныя дѣла. Зачѣмъ облекся ты въ чернеческое имя, черныя ризы не избавятъ тебя отъ мукъ. Тебя прославляютъ здѣсь князья и бояре, не только друзья твои — и говорятъ: «Блаженъ онъ, что возненавидѣлъ міръ и славу и прельщенія его, и не печется уже о земномъ, а желаетъ небеснаго»; а ты живешь не по-монашески. Великій стыдъ постигнетъ насъ, если ублажающіе насъ здѣсь предварятъ насъ въ Царствіи небесномъ, и они будутъ въ покоѣ, а мы возопіемъ въ горькихъ мукахъ. Но кто помилуетъ насъ, когда мы сами себя погубили? Думая такъ о жизни своей, бодро воспрянь, братъ, и попекись прилежно о душѣ своей. Работай Господу со страхомъ и съ мудростью, во смиреніи. Не будь какъ трость, колеблемая вѣтромъ, — сегодня добрымъ и кроткимъ, а на утро жестокимъ и злымъ, на короткое время молчаливымъ, а

потомъ ропщущимъ на игумена, поносящимъ братію. Не будь лживъ. По причинѣ какого-нибудь дѣла не оставляй соборной молитвы, ибо—какъ дождь растить сѣмя—такъ и церковь влечетъ душу къ добродѣтелямъ. Все, что дѣлаешь ты въ келліи—читаешь ли псалтирь или поешь двѣнадцать псалмовъ—все это не сравнится съ однимъ соборнымъ «Господи помилуй».

Вспомни, что и верховный изъ апостоловъ Петръ былъ самъ церковью Бога живаго (II Кор. 6, 16); но когда взятъ былъ Иродомъ и посаженъ въ темницу (Дѣян. 12, 5), не соборныя ли молитвы Церкви избавили его изъ рукъ Иродовыхъ? Объ этомъ молится и Давидъ, говоря: «Одного просилъ я у Господа, того только ищу, чтобъ пребывать мнѣ въ домѣ Господнемъ во всѣ дни жизни моеѣ, созерцать красоту Господню и посѣщать святой храмъ Его» (Пс. 26, 4). Объ этомъ и самъ Господь сказалъ: «Гдѣ двое или трое собраны во Имя Мое, тамъ Я посреди ихъ» (Матѳея 18, 20).— Если въ собраніи двухъ или трехъ, то тѣмъ болѣе Онъ тамъ, гдѣ собраніе столь велико, что въ немъ сходится болѣе ста братій. Тамъ присутствуетъ Богъ нашъ, внимающій призывающимъ Его, какъ въ святомъ Печерскомъ монастырѣ. Тамъ, на церковномъ огнѣ, готовится и благословенный обѣдъ братіи, и—Богъ свидѣтель мнѣ въ томъ, что я, грѣшный епископъ Симонъ,—не прикоснулся бы ни къ какому другому блюду, только бы къ укруху хлѣба и сочива, приготовленнаго для той святой братіи. И ты, братъ, остерегайся: сегодня хвалить предложенное на трапезѣ, а на завтра роптать на варившаго и пекшаго пищу брата, потому что этимъ ты оказываешь непріятность начальнику монастыря и будешь причтенъ къ тѣмъ, о которыхъ написано въ Отченикѣ, что они одному прозорливому старцу, когда роптали на предложенную пищу, казались ядущими мотыла. Такъ какъ хулящій губить себя—ты, когда

ѣшь или пьешь, всегда за все благодари Бога, повинаясь апостольскому изреченію: «Ѣдите ли, пьете ли или иное что дѣлаете, все дѣлайте во славу Божию» (I Кор. 10, 31). Терпи, братъ, и досажденіе,—ибо «претерпѣвшій до конца (сказалъ Господь) спасется» (Матѳея 10, 22), и такой спасется безъ труда. Поэтому если случится тебѣ быть оклеветану кѣмъ, и кто-нибудь, придя къ тебѣ, расскажетъ, что тотъ братъ нехорошо говорилъ о тебѣ—ты скажи ему: «Если онъ и укорилъ меня—онъ мнѣ братъ, а я достоинъ того; и онъ дѣлаетъ это не самъ собою, но врагъ діаволь подстрекнулъ его къ тому, чтобъ произвести вражду между нами. Господь же да отженетъ лукаваго и да помилуетъ брата!»

Возразишь, что другой укоряетъ тебя предъ всѣми въ лицо—не скорби и объ этомъ и не допускай себя быстро до гнѣва, но, упавъ, поклонись брату до земли со словами: «Прости мнѣ, братъ, я оскорбилъ тебя»—и потомъ загладь свой проступокъ, бывшій причиною досады, и такъ побѣдишь всю силу вражію. Ибо если ты будешь сопротивляться тому, кто досадилъ тебѣ—то вдвойнѣ досадишь самъ себѣ, во-первыхъ, когда поймешь, что не стерпѣлъ досажденія, во-вторыхъ, что самъ безъ стыда досадилъ брату. Больше ли ты царя Давида, котораго оскорблялъ въ лицо предъ всѣми Семей, проклиная его и бросая въ него камнями, такъ что и слуги царскіе не вынесли той брани, и одинъ изъ нихъ сказалъ: «За что этотъ мертвый песъ злословить моего господина и царя? Пойду я и сниму съ него голову!» Но какъ отвѣчалъ Давидъ по внушенію Божию? «Оставьте его, пусть злословить. Можетъ быть, Господь призритъ на уничиженіе мое и воздастъ мнѣ Господь благостью за теперешнее его злословіе» (II кн. Царствъ 16, 11—12). Подумай и о томъ, что еще больше, какъ самъ Царь царей и Господь господствующихъ

щихъ (Откр. 19, 16) Иисусъ Христосъ, «Который не сдѣлалъ грѣха и въ устахъ Котораго не было лжи» (Псал. 53, 9), смирилъ Себя и былъ послушенъ Своему Отцу до смерти.

Онъ дѣлалъ это, оставляя намъ примѣръ, чтобъ мы послѣдовали стопамъ Его, какъ и учили Онъ насъ: «Любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ, благословляйте проклинаящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ» (Луки 6, 27—28). И не тяжела эта заповѣдь Его для тѣхъ, кто истинно слѣдуетъ за Нимъ, и принадлежащій къ числу ихъ св. Павелъ исповѣдалъ: «злословятъ насъ, мы благословляемъ; гонятъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы молимъ» (I Кор. 4, 12).

Достаточно да будетъ тебѣ, братъ, оставаться въ послушаніи на одномъ мѣстѣ, какъ заповѣдалъ Господь, говоря: «Не переходите изъ дома въ домъ». Ты знаешь, что дерево, много разъ пересаживаемое, часто засыхаетъ, и овца, блудящая отъ стада къ стаду, бываетъ похищаема волкомъ, такъ же случится и съ тобою, если ты оставишь свой монастырь. Говорю здѣсь особенно о святомъ Печерскомъ монастырѣ, въ которомъ всякому, кто хочетъ, удобно спастись. Печерскій монастырь подобенъ небу, и если кто, не желая жить въ послушаніи, отпадетъ отъ него—уподобится гордому сатанѣ. Печерскій монастырь есть то же море, все выброшенное изъ котораго кажется безжизненнымъ и гнилымъ. И пусть никакая непріятность не удалитъ тебя изъ этого святого монастыря. Спрашиваю тебя: чѣмъ ты хочешь спастись? Если ты и постникъ, и имѣешь трезвеніе во всемъ, и нищъ, и пребываешь безъ сна, но не терпишь досажденій—не видать тебѣ спасенія.

Кромѣ того, уразумѣй, братъ, что тебѣ, ищущему спасенія, нельзя искать старѣйшинства, но скорѣе по-

стоянно благодарить Бога за то, что смиряетъ тебя, говоря: «Благо мнѣ, что я пострадалъ, чтобъ поучиться уставамъ Твоимъ» (Пс. 118, 71). И возможно будетъ тебѣ сказать и такъ: «Смирился я, и спасъ меня» (Пс. 114, 5). Вѣруешь ли слову писанія: «Никто самъ собою не пріемлетъ чести, но призываемый отъ Бога» (Евр. 5, 4). И потому не ищи чести у людей, а ищи ее у Бога; смирись предъ тѣми, кого Онъ вознесъ, воздавая имъ всякую достойную честь, и не имѣй въ себѣ гордыхъ мыслей, потому что такіе свержены были въ древности съ неба.

Не говори въ себѣ: «Развѣ я недостойнъ съ увѣренностью носить такой-то санъ или хуже я этого эконома или иного начальствующаго брата?» Если же и случится тебѣ быть искушену такимъ помысломъ,— то, при неисполненіи желанія, не приходя въ сильное раздраженіе, не ходи изъ келліи въ келлію, возбуждая братію противъ начальника дурными словами, говоря такъ: «Этотъ игумень или экономъ думаетъ, что только здѣсь возможно угодить Богу, а въ другомъ мѣстѣ невозможно спастись; а не думаетъ о томъ, что мы окружаемъ ихъ почестями». Все это дьявольское начинаніе, будь далекъ отъ всего этого.

Если же ты и получилъ какую-нибудь почесть, такъ что станешь на высшую ступень, не забывай смиренной мудрости, чтобъ, если случится тебѣ быть низведеннымъ съ этой степени, найти тебѣ свой смиренный путь и не впасть, вслѣдствіе неожиданнаго паденія съ высоты, въ различныя скорби. Но для инока лучше всѣхъ степеней содержать всегда степень никогда не отпадающей чести, степень, о которой я упомянулъ— пребывать въ монастырѣ неисходно, съ чистою совѣстью, въ послушаніи игумену и всей братіи, трезвясь во всемъ. Такое поведеніе не только облечетъ инока въ святительскую одежду, но явитъ его достойнымъ и

Царствія небеснаго. Потому что совершенство иноческое заключается не въ томъ, чтобъ быть прославляему людьми, но исполнить по чину уставъ монастырскаго житія.

Изъ моихъ словъ ты видишь, что больше всего говорю я о чести пребыванія иноческаго во святомъ Печерскомъ монастырѣ. Многіе неотлучные жители этой честной лавры чѣмъ больше скрывались отъ славы, тѣмъ болѣе были прославляемы Богомъ, и не своими происками, но Божиимъ принужденіемъ были возносимы отъ глубины пещерной на высоту святительскихъ престоловъ, откуда блистали на всю Россійскую землю какъ свѣтлыя свѣтила, — свѣтомъ добродѣтельной своей жизни, и просвѣтили многихъ святымъ крещеніемъ, какъ апостолы Пречистой Богоматери. Изъ нихъ первый, великій во святителяхъ Леонтій, епископъ Ростовскій, который, много пострадавъ отъ невѣрныхъ, сподобился принять мученическую кончину и прославленъ отъ Бога нетлѣніемъ. Второй—Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій, постриженный въ иноческій образъ преп. Антоніемъ и сподобленный святительства, какъ рассказано о томъ въ житіи преп. Антонія. Далѣе—Николай и Ефремъ, епископы Переяславскіе, Исаія Ростовскій, Германъ Новгородскій, Стефанъ Владимірскій, Нифонтъ Новгородскій, Маринъ Юрьевскій, Мина Полоцкій, Николай Тмутараканскій, Θεоктистъ Черниговскій, Лаврентій Туровскій, Лука Бѣлгородскій, Ефремъ Суздальскій. Но если хочешь узнать еще и о другихъ, прочти стараго Ростовскаго лѣтописца, и всѣхъ найдешь тамъ, свыше тридцати, а послѣ тѣхъ—и до меня, грѣшнаго епископа Симона,—думаю, около пятидесяти. Пойми же, братъ, сколь велика слава и честь святого Печерскаго монастыря и не разлучайся съ тою тихою и безмятежною въ немъ жизнію, къ которой призвалъ тебя Господь.

У меня, грѣшнаго Симона,—по чину епископа святой соборной Владимірской и Суздальской Церкви—какъ много городовъ и сель, и со всей той земли я получаю десятину; но (совѣсть порукою) по истинѣ говорю тебѣ, что всю эту славу и честь вмѣнилъ бы я въ прахъ и работалъ бы въ повиновеніи игумену святой Печерской Лавры, если бы только Начальникъ пастырей, мой Иисусъ, Котораго я всегда молю о томъ, послалъ бы удобное время устранить всѣ лежащія на мнѣ духовныя дѣла. И если-бъ только можно было быть сметаему какъ соръ въ Печерскомъ святомъ монастырѣ и попираему ногами, или быть одному изъ убогихъ, лежащихъ предъ воротами этой честной Лавры, то этотъ день единый, проведенный въ Дому Божіей Матери, былъ бы для меня лучше, чѣмъ жить тысячу лѣтъ во славѣ и чести въ селеніяхъ грѣшныхъ.

По истинѣ прошу тебя, братъ, что слышалъ ты болѣе чуднаго, чѣмъ чудеса, бывшія во святомъ Печерскомъ монастырѣ? Что либо выше, чѣмъ сказаніе о блаженныхъ отцахъ, подвизавшихся въ немъ, которые на всю Россійскую землю, подобно лучамъ солнечнымъ, просіяли свѣтомъ жизни своей, чѣмъ многія равноангельскія житія, которыхъ я, грѣшный епископъ Симонъ, слышалъ отъ очевидцевъ, а нѣкоторымъ сподобился самъ быть очевидцемъ, и достовѣрно рассказалъ тебѣ и устно, и въ письмѣ. Тамъ я не скрылъ отъ тебя, братъ, почему я имѣю столь великое усердіе къ той честной Лаврѣ преп. отцовъ Антонія и Θεодосія,—потому что эти святые помогаютъ и по смерти грѣшнику, положенному на ихъ святомъ мѣстѣ. Такъ, слышалъ я дивную вещь о св. Антоніи — какъ мертвеца, смердящаго отъ грѣха лицемѣрія, онъ спасъ во время игуменства блаженнаго Пимена, при прозорливомъ священникѣ Онисифорѣ.

И потому я, грѣшный епископъ Симонъ, тужу и

скорблю, и плачу, желая умереть тамъ и быть положеннымъ въ той блаженной землѣ, — чтобъ получить хоть малое облегченіе отъ многихъ грѣховъ моихъ ради молитвъ преп. отцовъ Антонія и Θεодосія и единоправныхъ имъ учениковъ, умножившихся подобно звѣздамъ небеснымъ, учениковъ, которыхъ вполнѣ исчислилъ и знаетъ имена только Тотъ Одинъ, Кто счелъ все множество звѣздъ и всѣмъ имъ далъ имена. А я, братъ, какъ могу повѣдать подробно о святыхъ мужахъ, бывшихъ въ томъ честномъ и блаженномъ Печерскомъ монастырѣ? Изъ нихъ нѣкоторые такъ просіяли добродѣтельною жизнію, что и сами невѣрные и поганые отъ бѣсовской прелести обращались къ истинной вѣрѣ и подражали ихъ равноангельной иноческой жизни, какъ это можно видѣть изъ жизни блаженнаго мученика Христова Евстратія, благодаря которому крестились евреи, и изъ жизни блаженнаго узника Никона, чрезъ котораго Половцы увѣровали, стали черноризцами и провели богоугодную жизнь.

Много и другого слышалъ ты отъ меня, грѣшнаго епископа Симона, который не достоинъ быть подножіемъ св. Печерскихъ черноризцевъ, съ которыми, думаю я, честью не сравнится весь міръ, и весь міръ, если станетъ описывать — не можетъ описать ихъ чудесъ. По истинѣ, къ нимъ говорилъ Господь: «Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобъ они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего небеснаго» (Маттея 5, 16).—А намъ какъ не стыдиться нарушенія обѣщанія нашего и перемѣны нашего житія, глубоко ниспадшаго съ высоты.

Вѣдь у насъ такіе начальники и наставники! Они первые молитвенники и ходатаи за насъ ко Творцу, подобны ангеламъ и вѣнчались мученическими вѣнцами, причтены къ пророческимъ ликамъ. Изъ нихъ я вспомню блаженнаго священномученика Кукшу и блаж. Пи-

мена постника прозорливаго, какъ памятныхъ всѣмъ во время жизни моеѣ въ монастырѣ.

Не буду много писать тебѣ объ иныхъ святыхъ; для пользы и подражанія достаточно тебѣ будетъ того, что ты слышалъ изъ устъ моихъ о первыхъ преподобныхъ этого монастыря. Если же бесѣда моя еще недостаточна, то пусть увѣритъ тебя то, что я написалъ о тѣхъ, которые въ позднѣйшее время угодили тамъ Богу. Если же не повѣришь и этому писанію моему, то если и изъ мертвыхъ кто воскреснетъ, ты не повѣришь. А такое событіе было во святомъ Печерскомъ монастырѣ, на блаж. затворникѣ Аѳанасіи, который воскресъ изъ мертвыхъ и назвалъ три вещи, наиболѣе полезныя братіи: послушаніе, покаяніе и кончину во святомъ Печерскомъ монастырѣ.

Если кто не вѣритъ этому, я не виновенъ. Нужно исполниться притчѣ Господней (Луки 8, 5): «Вышелъ сѣятель сѣять сѣмя свое, и иное упало при дорогѣ, другое на камень, иное же между терніемъ, а не каждое на добрую землю». Здѣсь Самъ Господь повелѣлъ поминать о слышащихъ слово, сказанное на пользу, что не всѣ принимаютъ его съ пользою, что и подкрѣпилъ онъ пророчествомъ Исаи: «Огрубѣло сердце народа сего, и ушами съ трудомъ слышать» (Исаи 6, 10). И еще тотъ же пророкъ сказалъ: «Господи, кто повѣрилъ слышанному отъ насъ?» (Исаи 53, 1). Ты же, братъ, не подражай злымъ. Я пишу это не для того, чтобъ былъ поруганъ Богъ, дивный во святыхъ Своихъ, но чтобъ приобрести тебя. Даю тебѣ совѣтъ — утвердись благочестіемъ во святомъ Печерскомъ монастырѣ. Не желай никакой власти—ни игуменства, ни епископства: для твоего спасенія довольно во благѣ кончить свою жизнь съ пожившими тамъ отцами, чтобъ сподобиться съ ними безконечной жизни. Знаешь ли ты, братъ, что по благодати Божіей я могу сказать полезное тебѣ изо

всѣхъ книгъ, но лучше для меня напомнить тебѣ малое изъ того многаго, что было сдѣлано въ блаженномъ и святомъ монастырѣ Печерскомъ. Подумайте о блаженномъ и святомъ князѣ Николѣ Святоплѣ, какъ онъ добровольно оставилъ славу и богатство великаго дома своего и, придя въ Печерскій монастырь, слѣдовалъ путемъ жестокимъ за понесшимъ безчестіе и униженнымъ за насъ Царемъ славы и богатымъ въ милости Богомъ Христомъ, какъ не дѣлалъ ни одинъ изъ князей Россійскихъ. — Ты же что такого сдѣлалъ? Оставилъ ли княженіе? Но его у тебя не было. Оставилъ такое же, какъ онъ, имѣніе? Но ты не владѣлъ имъ. Какъ же твое иночество сравнится съ униженіемъ того преподобнаго? Смотри, не пришелъ ли ты изъ славы въ убожество, — не украшаешь ли ты себя болѣе дорогими ризами, чѣмъ прежде, между тѣмъ какъ теперь призванъ къ наготѣ. Смотри, чтобъ не оказалось такъ. Потому что изъ-за этого ты не увидишь вѣчной славы и будешь лишенъ нетлѣнной одежды, и осужденъ съ тѣмъ, кто не имѣлъ брачной одежды.

Но что пишетъ объ этомъ Божественный Іоаннъ Лѣствичникъ: «Радуется, говоритъ онъ, жидовинъ суббота и празднику; а монахъ — чревоугодникъ суббота и воскресенью; больше чѣмъ за годъ высчитываетъ Пасху и за много дней готовить кушанья». Не уподобляйся имъ, братъ, и не пекись о томъ, что можешь съ разрѣшенія съѣсть и выпить, гордясь тѣмъ. Послушай, какъ тамъ же сказалъ тотъ же святой: «Рабъ чревоугодія рассчитываетъ, какими отпразднуетъ онъ кушаньями; Божій же рабъ, какими обогатится онъ дарованіями, какъ повелѣлъ въ псалмахъ Самъ Господь: «Остановитесь и познайте, что Я Богъ» (Пс. 45, 11). Выслушай и слово Евагрія: «Если монахъ согрѣшитъ, нѣтъ ему на землѣ праздника». Итакъ, не питай никогда своего тѣла сверхъ мѣры, чтобы оно не возстало

на тебя и не одолѣло тебя; какъ я говорилъ тебѣ,—и умомъ не касаться высокихъ выше мѣры предметовъ, чтобъ когда-нибудь изнемогши не получить вмѣсто славы безчестіе и укоризну. Будь подражателемъ святыхъ отцовъ, о которыхъ я рассказалъ тебѣ, и насытись вполне въ день нескончаемаго праздника на небѣ тѣломъ и духомъ, когда тебѣ, какъ и имъ, откроется та же Божественная слава. Если же не удастся тебѣ итти вмѣстѣ съ совершенными, къ вѣнцу ихъ славы, — то старайся получить награду хоть съ угодившими по мѣрѣ силъ своихъ. А путь ихъ таковъ: помышлять всегда о небесномъ, а не о земномъ, о духовномъ, а не о плотскомъ, о воздержаніи, а не о похотяхъ, о нищетѣ, а не о богатствѣ. Не высокоумствуй, не приказывай съ гордостью и не перечь, не отвѣчай, но напоминай сердцу своему о смиреніи, говоря себѣ постоянно: «Вчера я пришелъ для послушанія въ иночество, неужели же мнѣ сегодня искать старѣйшинства? Самъ еще не привыкъ къ исполненію правилъ, и неужели буду представлять изъ себя законодателя? Прежде чѣмъ покорюсь самъ, могу ли смирать другихъ? И что сдѣлаю я такъ? Только лишу себя свѣта и предамъ себя тьмѣ, отвергну жизнь и приготовлю себѣ вѣчную муку; я получилъ оружіе на врага и самъ уязвлю свою душу!» Такъ, слѣдя за собою и устрашая себя, воспряни, братъ, и, твердо обдумавъ свою жизнь, — прими въ умѣ неизмѣнную рѣшимость не отлучаться отъ этого святого мѣста и имѣть прилежную заботу не о славѣ и богатствѣ, но о смиреніи и нищетѣ.

Я напомню тебѣ здѣсь, братъ, чтобъ возбудить твое рвеніе, то, что слышалъ ты о блаженномъ Еразмѣ, черноризцѣ Печерскомъ—какъ онъ, истративъ все имѣніе свое на нужды церкви, остался нищимъ и презираемымъ людьми, но не утратилъ награды своей отъ Бога.

Зная это, и ты, если-бъ у тебя было что, нарушающее иноческое нестяжаніе, покайся и отдай все на нужды церковныя и святой Печерской обители. И не думай, что истратишь понапрасну, но ожидай отъ Господа милости, помня, что о такихъ постоянно возглашаютъ въ церкви: «Господи, освяти любящія благолѣпіе дому Твоего, Ты тыя прослави Божественною силою Твоею». Вспомни и того Патрикія, который приказалъ изъ своего золота сковать крестъ, чтобы поставить его въ церкви, а юноша мастеръ поревновалъ ему и, имѣя немного своего золота, прибавилъ его туда же, и за то Патрикій сдѣлалъ его наслѣдникомъ своего имѣнія. Потому и ты, братъ, когда, во славу Божію, истратишь то, что имѣешь, говори съ пророкомъ: «Буду умножать всякую хвалу Тебѣ (Пс. 70, 14), и Богъ сдѣлаетъ тебя наслѣдникомъ Своего небеснаго имѣнія и исполнитъ на тебѣ Свое обѣщаніе: «Прославляющаго Меня,—прославлю!» (1 Царствъ, 2). Лучше для тебя, братъ, достояніемъ своимъ украсить домъ Божій, чѣмъ хранить его для того, чтобъ когда-нибудь имъ былъ украшенъ притонъ воровъ и разбойниковъ; лучше отдать добровольно Богу любви и мира, чѣмъ когда-нибудь противъ своей воли лишиться этого чрезъ пламя пожара или ратные раздоры. Ты далъ обѣтъ иноческаго нестяжанія; послушай же словъ писанія: «Дѣлайте и воздайте обѣты Господу Богу вашему, лучше не обѣщать, нежели обѣщать и не исполнять!» (Пс. 75, 12; Экклес. 5, 4). Если же случится и то, о чемъ я говорилъ — что прежде чѣмъ ты добровольно отдашь Богу насиліемъ твое имущество, какъ бесполезное тебѣ (ибо Богъ лучше видитъ), будетъ отнято у тебя или различными людьми, или ворами — то ты не смѣй ни отчаяваться, ни смущаться, ни хулить. Но похвали за то Бога съ преп. Іовомъ, говоря: «Господь далъ, Господь и взялъ» (Іова 1, 21) — и не лишишься ты такъ награды сво-

ей. Но твое благодареніе о похищенномъ вмѣнится тебѣ въ милостыню, какъ вмѣнено было блаж. Ареѣ, черноризцу Печерскому, имѣніе котораго было украдено ворами. Ибо, если бы для души было не важно перенести съ благодареніемъ похищеніе имущества, то тотъ блаженный старецъ, который воспоминается въ Отчникѣ, не побѣждалъ бы самъ къ разбойникамъ съ оставшимся платьемъ, которое они, взявъ у него все, забыли захватить. Также и въ послѣдствіи, упоминаемый въ монастырѣ старецъ, прочтя объ этомъ, самъ молился Богу, чтобъ пришли къ нему разбойники и взяли все его имущество; и онъ былъ услышанъ—и передалъ въ руки ихъ все. Такихъ можетъ похвалить апостоль: «Расхищеніе имѣнія вашего приняли съ радостью, зная, что есть у васъ на небесахъ имущество лучшее и непреходящее (Евр. 10, 34).

Вотъ уже, братъ, поучилъ я тебя наставленіями во всемъ; итакъ, проси Бога принять кончину жизни твоей въ честной Лаврѣ Печерской, проживъ въ покаяніи и послушаніи, потому что эти три вещи важнѣе всѣхъ добродѣтелей, какъ свидѣтельствовалъ блаженный Аванасій затворникъ, возставъ изъ мертвыхъ.

Но не безъ связи между всѣми этими добродѣтелями старайся исполнить эти три условія, но, поверхъ всѣхъ ихъ, приобрѣти любовь, которая есть совокупность совершенства (Колос. 3, 14). Желая же приобрѣсти ее, послушай того, кто сказалъ: «Старайтесь имѣть миръ со всѣми и святость, безъ которой никто не увидитъ Господа (Евр. 12, 14);—потому что миромъ ты приобрѣтешь любовь къ ближнему, святынею же любовь къ Богу. Ищи же, братъ, мира и любви къ ближнему, подражая блаженному Титу иноку и пресвитеру Печерскому, покаявшемуся, и охраняй себя всячески отъ вражды, не давай власти бѣсу гнѣва, но скорѣй поклонись враждующему съ тобою брату; ибо сказано: «Солн-

це да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ». И такъ ты не будешь преданъ на пораженіе немилостивому ангелу, какъ гнѣвающійся Евагрій, діаконъ Печерскій, но сохранить тебя Господь, какъ блаженнаго Тита пресвитера.

Въ святости же и любви къ Богу подражай блаженному епископу Нифонту и будь твердъ въ православіи, — храня всѣ заповѣди Господни и преданія святой Его Восточной Церкви, ибо въ томъ состоитъ любовь къ Богу, чтобъ соблюдать Его заповѣди (I Иоанна, 5, 3), и отъ такой любви Божіей да не разлучитъ тебя, братъ, ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненіе, ни голодъ, ни нагота, ни бѣда, ни мечъ, — что все — любящимъ Бога идетъ во благо. И такъ ты, неразлучно со всѣми прежде угодившими преп. отцами Печерскими — сподобишься быть возлюбленнымъ Богомъ, нераздѣльнымъ въ Троицѣ, Которому слава и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ДОПОЛНЕНІЕ

КО ВСѢМЪ ТРЕМЪ ЧАСТЯМЪ

ПАТЕРИКА,

въ которомъ находятся житія самихъ составителей этой книги,
святыхъ и преподобныхъ отецъ нашихъ печерскихъ

**Нестора, лѣтописца россійскаго, Симона, епископа владимір-
скаго и суздальскаго, и Поликарпа, архимандрита печерскаго,**

и

СКАЗАНИЕ

о чудѣ, бывшемъ въ пещерѣ во время Пасхи,

и о мвроточивыхъ главахъ.

Собрано отъ жившихъ впоследствии отцовъ того же святого монастыря

ПЕЧЕРСКАГО.

Житіе преп. отца нашего Нестора лѣтописца Россійскаго.

(27 октября).

*Онъ написалъ житія святыхъ и преп. отецъ нашихъ Печерскихъ,
помѣщенныхъ въ первой части этого патерика.*

Всякая вещь, если она не будетъ запечатлѣна писаніемъ, будетъ забыта и неизвѣстна. Такъ, если бы Моисей не былъ бы наученъ Богомъ о самомъ началѣ и первомъ строеніи міра и о первомъ родоначальникѣ нашемъ Адамѣ и не оставилъ бы намъ всего этого въ своихъ книгахъ—все бы то продолжительность времени покрыла какъ тьма и привела бы въ неизвѣстность. Но Богъ посылаетъ, въ какое хочетъ время, лѣтописцевъ, чтобы послѣдующіе роды, прочтя то, что они начертали, могли получить отъ того пользу.

Такъ и въ наше послѣднее время Господь явилъ въ Россійской нашей землѣ въ святомъ Печерскомъ монастырѣ приснопамятнаго описателя, преп. отца нашего Нестора, который просвѣтилъ наши очи, принося намъ пользу и возбуждая въ насъ благодарность къ Богу тѣмъ, что написалъ намъ о началѣ и первомъ устроеніи нашего Русскаго міра, не только внѣшняго, но, больше всего, внутренняго и духовнаго. Я разумѣю подъ этимъ сказаніе объ основаніи и устройствѣ въ Россіи обители по уставу иноческаго житія, насажденнаго какъ въ раю, въ Печерскомъ святомъ монастырѣ, и о

духовномъ нашемъ родоначальникѣ, преп. Антоніи и о прочихъ его послѣдователяхъ, и порожденныхъ отъ него духомъ Печерскихъ святыхъ, къ которымъ принадлежалъ и самъ достохвальный этотъ описатель. Онъ ихъ святолѣпныя житія написалъ не только тростью на хартіи, но и на непорочной душѣ своей, дѣлами равнаго имъ подвижничества. И потому вписалъ самого себя въ книги вѣчной жизни, такъ что онъ слышитъ: «Радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесахъ» (Луки, 10, 20).

Когда преп. Антоній безмолвствовалъ въ пещерѣ, а блаженный Θεодосій строилъ монастырь,—блаженный отецъ нашъ Несторъ пришелъ къ нимъ, желая святаго ангельскаго иноческаго образа. Ему было только семнадцать лѣтъ отъ роду.

И тогда, еще не будучи инокомъ, онъ привыкъ ко всѣмъ иноческимъ добродѣтелямъ: къ чистотѣ тѣлесной и душевной, вольной нищетѣ, глубокому смиренію, безпрекословному послушанію, строгому посту, непрестанной молитвѣ, неусыпному бдѣнію и прочимъ равноангельскимъ трудамъ, которыми онъ во всемъ подражалъ житію самихъ первоначальниковъ святыхъ Печерскихъ, Антонію и Θεодосію. И отъ этой святой двоицы онъ въ цвѣтущей своей юности принималъ съ любовью всякую заповѣдь, какъ дитя молоко отъ сосцовъ, и какъ жаждущій олень воду изъ двухъ источниковъ, текущихъ посреди горъ въ пещерахъ.

Въ писаніяхъ своихъ онъ показываетъ, что имѣлъ великую любовь къ тѣмъ преподобнымъ основателямъ—не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною» (Іоанна, 3, 18) и что онъ горячо прославлялъ Бога устами и душой своей, видя свѣтлыя добрыя дѣла тѣхъ двухъ великихъ свѣтилъ русскаго неба.

Послѣ же честной предъ Господомъ смерти тѣхъ преподобныхъ отцовъ блаженный отецъ нашъ Несторъ

не только умеръ для міра дѣлами мірскими,—что сдѣлалъ онъ еще прежде, проходя искусь,—но и мірскимъ образомъ, и принялъ святой ангельскій иноческій образъ отъ преп. Стефана, игумена Печерскаго, потомъ имъ же былъ возведенъ на степень діакона.

И тогда, видя на себѣ двойной санъ, иноческій и діаконскій,—день ото дня усугублялъ добродѣтели свои, умерщвляя всѣ плотскія страсти и творя всякую истину, чтобъ не быть плотскимъ, но духовнымъ челоувѣкомъ, истиннымъ рабомъ и поклонникомъ Божиимъ, зная хорошо слова Самого Господа: «Богъ есть духъ; и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ» (Іоанн. 4, 24).

Духа непріязни, въ которомъ нѣтъ истины, непоклоняющагося Господу, онъ побѣждалъ—какъ то можно судить по писанію его — больше всего неизреченнымъ смиреніемъ, ибо всюду, смиряя себя, называетъ себя недостойнымъ, грубымъ, невѣждою, исполненнымъ множества грѣховъ.

Когда же, по внушенію Божію, братія положила совѣтъ — ископать честныя мощи преп. Θεодосія и принести ихъ изъ пещеры во святую Богомъ зданную Печерскую церковь, тогда въ этомъ послушаніи первымъ былъ блаженный Несторъ. И съ великою вѣрою и мольбою потрудившись надъ копаніемъ всю ночь, ископалъ святому Печерскому монастырю многоцѣнный этотъ бисеръ, честныя мощи преп. Θεодосія, и изнесъ ихъ предъ пещеру, и былъ свидѣтелемъ, какъ говоритъ самъ, великихъ, бывшихъ тогда чудесъ.

Онъ пожилъ довольно лѣтъ, трудясь въ дѣлѣ лѣтописанія и помня вѣчныя лѣта. И такъ угодилъ онъ Творцу лѣтъ, къ Которому, послѣ временныхъ лѣтъ, представился въ вѣчность, и былъ положенъ въ пещерѣ, гдѣ и донинѣ его честное тѣло почиваетъ въ чудотворномъ нетлѣннѣи, свидѣтельствуя, что преп. этотъ

описатель житій святыхъ и годовъ — написалъ себѣ нетлѣнное жилище на небѣ и благословенъ нетлѣннымъ вѣнцомъ лѣта благодѣи Божіей, лѣта Господня пріятнаго.

Молитвами преподобнаго этого «списателя» да будемъ и мы вписаны въ книги жизни Агнца Божія, Котораго лѣта не оскудѣютъ. Ему съ Богомъ Отцомъ и животворящимъ Духомъ подобаетъ отъ насъ всякая слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіє преподобнаго отца нашего Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго.

(10 мая).

Онъ описалъ чудеса преп. Антонія, окованіе раки преп. Феодосія и сказанія о святой Печерской Церкви, помѣщенныя въ первой части этого Патерика, также разсказалъ всѣ житія, записанныя св. Поликарпомъ, находящіяся во второй части; наконецъ, самъ написалъ житія нѣкоторыхъ преподобныхъ, съ наставленіемъ къ Поликарпу, которыя заключены въ третьей части.

То, что написалъ Иисусъ, сынъ Сираховъ, о Симонѣ, сынѣ Оніи (Сираха 8, 1, 6, 7): «Симонъ, сынъ Оніи—іерей великій, который при жизни своей построилъ домъ и во дни свои утвердилъ Церковь»—и еще: «онъ, какъ звѣзда утренняя среди облаковъ, какъ луна въ дни полнолунія своего, и какъ солнце, сіяющее на церковь Вышняго», то же должно написать намъ о носящемъ его имя, преп. отцѣ нашемъ Симонѣ, епископѣ Владимірскомъ и Суздальскомъ, второмъ по блаженномъ Несторѣ свидѣтелѣ и описателѣ житій святыхъ Печерскихъ. Поистинѣ благостно построилъ онъ Домъ Божій и утвердилъ Церковь Христову своимъ святымъ житіемъ и ученіемъ о житіяхъ святыхъ, какъ одинъ изъ тѣхъ добрыхъ пастырей, которыхъ обѣщаль Господь чрезъ Іеремію пророка, говоря: «Дамъ вамъ пастырей по сердцу Моему, которые будутъ пасти васъ со знаніемъ и благоразуміемъ» (Іерем. 3, 15). И поистинѣ всѣ черты и наименованія того Симона, сына Оніи,—добраго закон-

наго пастыря, свойственны и нашему преподобному Симону, пастырю Владимірскому и Суздальскому.

Блаженный Симонъ, видя, что принялъ святой иноческій образъ въ святомъ Печерскомъ монастырѣ, украшенномъ святыми отцами, какъ мысленными звѣздами, луною и солнцемъ, сталъ читать житія прежде бывшихъ и угодившихъ Богу Печерскихъ святыхъ, умножившихся, какъ звѣзды, и старался самъ во всемъ исполнить ихъ добродѣтели. Онъ съ любовью вспоминалъ дѣла перваго строителя, преп. Θεодосія, за которымъ, какъ за луною, слѣдовало множество звѣздъ и самъ подражалъ нравамъ его. Онъ тщательно размышлялъ о подвигахъ св. первоначальника Антонія, свѣтозарнаго солнца, просвѣтившаго всѣхъ солнцемъ добрыхъ дѣлъ своихъ, и на его равноангельный путь устремлялся самъ. Отъ другихъ преподобныхъ, умноженныхъ какъ звѣзды, служащія лунѣ и солнцу—научился смиренному послушанію; отъ Θεодосія — луны, свѣтящей со звѣздами и свѣтящей ярче всѣхъ звѣздъ, онъ приобрѣлъ великое подвижничество въ соборной молитвѣ большее всѣхъ другихъ; отъ св. Антонія, какъ отъ солнца, вращающагося одинокимъ, безъ другихъ свѣтилъ,—наслѣдовалъ онъ равноангельское угожденіе Господу, наединѣ, въ безмолвіи. Итакъ, какъ настоящее зеркало, отражая въ себѣ тѣ представившіяся его взору добродѣтельныя свѣтила,—звѣзды, луну и солнце — онъ тоже показалъ собою звѣздный, лунный и солнечный свѣтъ. Поэтому какъ тотъ древній Симонъ, іерей великій, и онъ былъ по правдѣ и звѣздою утреннею, и луною въ полнолуніи, и солнцемъ, сіяющимъ надъ церковью Вышняго, и онъ трудился достойно въ святомъ Печерскомъ небоподобномъ монастырѣ, восходя, какъ звѣзда утренняя, прекрасный какъ луна, избранный какъ солнце Пресвятою Богородицею, подражая, насколько можно, и Ей самой смиреннымъ послушаніемъ, усерднымъ со-

борнымъ моленіемъ и уединеннымъ безмолвіемъ Богомыслія.

Когда же онъ просіялъ повсюду и въ дальнія стороны свѣтомъ добрыхъ дѣлъ своихъ: въ то время престольная церковь Владимірской и Суздальской епархіи оказалась безъ архіерейскаго вѣнца. Церкви же подабаеть украшаться вѣнцомъ звѣздотечнымъ, какъ написалъ въ откровеніи св. Іоаннъ. Не было на томъ престолѣ пастыря, какъ свѣтлаго солнца, и совершенной луны, такъ что не могла тогда та церковь похвалиться словами псалма: «Престоль его, какъ солнце предо мною» (Пс. 88, 37) и какъ луна въ сіяніи. Въ это время изволеніемъ пастыреначальника Іисуса, вручившаго нѣкогда паству овецъ своихъ любящему его Симону Петру, этотъ блаженный Симонъ, возлюбившій Пречистую Его Богоматерь, былъ вознесенъ на пастырскій престоль богохранимому городу Владиміру и Суздалю. И украсился вѣнецъ той церкви свѣтомъ звѣзднымъ, престоль же ея просвѣтился, какъ солнце и какъ совершенная луна. Тогда на этой высокой степени этотъ добрый пастырь просіялъ добрыми дѣлами еще свѣтлѣе—и какъ утренняя звѣзда, и какъ полная луна, и какъ солнце—просіялъ, просвѣщая ученіемъ, согрѣвая любовью, возрождая къ жизни благодатію Божію. Онъ помышлялъ, что звѣзда утренняя служитъ концомъ ночи и началомъ дня и, изображая ее, всячески охранялъ своихъ овецъ отъ темныхъ дѣлъ, помраченныхъ грѣхомъ, и наставлялъ на дѣла свѣтлыя, просвѣтленныя благодатію. Онъ размышлялъ также, что солнце и луна суть два неусыпныя небесныя ока и, сохраняя престоль свой свѣтящимся, какъ солнце и какъ совершенная луна, и изображая изъ самого себя тѣ неусыпныя небесныя очи,—бодро пасъ стадо свое.

Итакъ, со всякимъ вниманіемъ и ревностью подвизался онъ за паству, врученную ему Богомъ, и былъ

искусенъ въ дѣлахъ своего званія. Но никакъ не оставялъ онъ и трудовъ своихъ иноческихъ, всегда вспоминая и держа въ умѣ труды и подвиги преп. отцовъ Печерскихъ и радуясь душою, что сподобился самъ принять святой ангельскій образъ и быть ихъ сожителемъ; и онъ призывалъ молитвы ихъ въ помощь себѣ и предстательствомъ ихъ, благодатию же Божіею— мудро содержалъ свой престолъ. Такъ что сбылись на немъ и прочія сравненія и именованія великаго іерея Симона, угодившаго Богу въ Ветхомъ Заветѣ. Кромѣ вышесказанныхъ наименованій, Сирахъ пишетъ о своемъ Симонѣ, что онъ былъ, какъ дуга небесная, какъ цвѣтъ шиповника, какъ кринъ, стебель ливанскій, какъ огонь и ладанъ ливанскій въ кадилицѣ, какъ золотой сосудъ, какъ маслина и какъ кипарисъ. Но всѣ добродѣтели пастырскія, проявленныя этими таинственными образами, исполнилъ и этотъ добрый нашъ пастырь св. Симонъ, ибо онъ заботился о храненіи среди паствы своей мира, прообразъ котораго небесная радуга; училъ на дѣлѣ терпѣнію, какъ цвѣтъ шиповника, растущій въ терніи, возвращая его въ мысленномъ саду своей паствы; наставлялъ ученіемъ и примѣромъ на непорочную чистоту, какъ бы насаждая бѣлые цвѣты, и для подражанія всѣмъ соблюдалъ молитву къ Богу, умножая ее, какъ ладанъ ливанскій или кадильный, благодарилъ Бога въ скорбяхъ и тому же поучалъ свою паству, изображалъ изъ себя ливанскій еиміамъ, благоухающій въ огнѣ, предлагалъ золотой сосудъ любви и премудрости духовной, насаждалъ маслину милосердія къ ближнимъ и высокій кипарисъ всегдашняго помышленія о Богѣ.

И такъ какъ всѣ эти добродѣтели въ Печерскомъ монастырѣ начерталъ на скрижаляхъ своего сердца и пріучился къ нимъ отъ житій св. отцовъ—онъ возымѣлъ великую ревность преподавать и прочимъ право-

славнымъ на пользу чрезъ описаніе жизни тѣхъ святыхъ отцовъ—въ особенности тѣ житія, которыя не были еще записаны или, съ другими книгами, были уничтожены во время нестроений и войнъ, часто случавшихся тогда въ Россіи.

Поэтому онъ тщательно разыскиваль, кто былъ свидѣтелемъ или до кого дошли вѣрные слухи о какомъ нибудь Печерскомъ чудѣ, и все это, какъ премудрая пчела, собираль вмѣстѣ и такъ (возвращаясь снова къ прежнимъ сравненіямъ) — просвѣтилъ насъ опять свѣтомъ солнечнымъ, луннымъ и звѣзднымъ. Ибо онъ написалъ намъ о чудесахъ преп. Антонія — свѣтозарнаго солнца, о чудотворномъ окованіи раки преп. Θεодосія, луны совершенной, и, кромѣ того, сказаніе о святой небоподобной церкви Печерской, которой престоль воистину, какъ солнце, и какъ совершенная луна— все это, при списаніи преп. Несторомъ, помѣщено въ первой части этого Патерика. Также онъ разсказаль для записи—преп. Поликарпу много житій древнѣйшихъ святыхъ черноризцевъ Печерскихъ, свѣтящихся какъ звѣзды, которыя всѣ помѣщены во второй части этого Патерика. Потомъ же самъ описаль тому же Поликарпу съ Божественнымъ наставленіемъ звѣздоносныя добродѣтели и чудеса прочихъ преподобныхъ. Извѣстно же изъ писанія его, что онъ имѣль великую любовь и вѣру къ Пресвятой Богородицѣ и къ преп. отцамъ Антонію и Θεодосію Печерскимъ, такъ что ему казалось, что онъ неотлучно живетъ въ пещерѣ; потому что только тѣломъ онъ жилъ въ епархіи, душою же и умомъ всегда обиталь съ преподобными. И поистинѣ, какъ Симонъ Петръ болѣе ревностно, чѣмъ другіе, любилъ самого Господа,—такъ и этотъ, носившій его имя святой пастырь, явился ревностно, больше другихъ, любящимъ Пресвятую Богородицу и обитель Ея Печерскую. И можно было при жизни его ви-

дѣтъ великое знаменіе на небѣ Печерскомъ, что Жена, Невѣста ненеѣстная, Пресвятая Богородица, имѣла подъ ногами Своими не только свѣтъ лунный, но и звѣздный, и солнечный. Ибо этотъ добрый пастырь, который свѣтился добрыми дѣлами (какъ мы говорили)—и какъ звѣзда, и какъ солнце, не только какъ луна, являлъ такое смиреніе, что онъ, будучи епископомъ, писалъ въ посланіи своемъ: «О, если-бъ можно мнѣ было быть пометаемымъ въ Печерскомъ святомъ монастырѣ и попираемымъ ногами!...»—какъ подробнѣе это видно изъ его посланія.

Много потрудился этотъ добрый пастырь, насыщая овецъ своихъ не смертною какою пищею, но ведущею къ жизни—предлагая имъ житія святыхъ Печерскихъ, и жизнью своею и въ книгахъ своихъ. И, пробывъ двѣнадцать лѣтъ на пастырскомъ престолѣ, —отошелъ къ пастырямъ, сѣдящимъ на двѣнадцати престолахъ, и къ самому Начальнику пастырей Іисусу принять неувядаемый вѣнецъ заслуженной имъ славы, какъ звѣзда, луна и солнце. Честное же его тѣло, по желанію, высказанному въ посланіи ко блаженному Поликарпу и по вѣрѣ его и любви къ преподобнымъ, положено въ пещерѣ, гдѣ и донинѣ пребываетъ въ неувядаемомъ нетлѣніи, въ честь, славу и хвалу Богу, единому въ Троицѣ, Отцу и Сыну и святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе преподобнаго отца нашего Поликарпа, архимандрита Печерскаго.

(24 Іюля).

Онъ написалъ житія святыхъ и преп. отцовъ нашихъ Печерскихъ, переданныя блаж. епископомъ Симономъ и помѣщенныя во второй части этого Патерика.

Многоплоденъ—какъ показываетъ его имя и плодосносныя его добродѣтели—былъ блаженный и достохвальный Поликарпъ, потому что онъ приобрѣлъ причину многоплодія, на которую указалъ небесный Дѣлатель, говоря: «Если пшеничное зерно, падши въ землю, умретъ, то принесетъ много плода» (Іоанна, 12,24,) и еще: «Кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ—тотъ приноситъ много плода» (Іоанна, 15,5). Этотъ блаженный, вмѣнивъ въ прахъ преходящую славу этого міра и принявъ святой ангельскій иноческій образъ въ монастырѣ, прославившемся пещерами, сталъ, какъ въ хорошо вспаханной землѣ, умерщвлять всячески постническими подвигами тѣло свое, какъ зерно, и духомъ весь былъ въ Богѣ. Итакъ, сотворилъ онъ много прекрасныхъ плодовъ покаянія и явилъ на себѣ всѣ духовныя плоды,—нелицемерную любовь къ Богу и братіи, радость непорочной совѣсти, миръ по побѣдѣ надъ страстями, долготерпѣніе въ напастяхъ и скорбяхъ, благость и покорность ко всѣмъ, милосердіе и состраданіе къ бѣднымъ, несомнѣнную вѣру въ послушаніи заповѣдямъ, истинную въ исполненіи обѣтовъ, кротость въ

невѣдѣніи гнѣва, воздержаніе въ лишеніи себя многихъ сладкихъ блюдъ и питій, и всѣхъ похотей тѣлесныхъ. Всѣ эти плоды возрастилъ Богъ въ этомъ блаженномъ Поликарпѣ, а насадилъ св. Симонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій. Онъ, будучи ему родственникомъ по плоти, не хотѣлъ, чтобы тотъ и духомъ удалялся отъ него, но, какъ добрый корень, старался, чтобъ и отрасль отъ него была добрая. Поэтому, когда онъ самъ изъ Печерскаго святого монастыря былъ взятъ на престолъ епископіи Владимірской и Суздальской: туда же взялъ и блаженнаго Поликарпа и, тамъ поощряя его къ подражанію добродѣтельному житію,—говорилъ ему о душеполезныхъ преданіяхъ, которыя онъ самъ узналъ изъ рассказовъ или изъ чтенія о прежнихъ святыхъ блаженныхъ черноризцевъ Печерскихъ, какъ жестоко они потрудились и угодили Богу, такъ что и здѣсь просіяли чудотворнымъ нетлѣніемъ мощей своихъ, въ знаменіе полученнаго ими на небѣ нетлѣннаго вѣнца. Блаженный же Поликарпъ, подготовивъ землю сердца своего послушаніемъ,—и на ней воспринявъ сѣмена отеческаго поученія,—сдѣлалъ труды учителя во сто разъ плодоносными. Но не только онъ самъ былъ многоплоденъ въ добродѣтели, но и во всѣхъ правовѣрныхъ желалъ вкоренить то же плодоносіе. Поэтому то, что слышалъ онъ отъ блаженнаго епископа Симона о богоугодномъ подвижничествѣ тѣхъ преп. Печерскихъ отцовъ,—то старался онъ записать на пользу и прочимъ спасающимся. И, находясь при томъ блаженномъ мужѣ—описалъ въ посланіи своемъ ко блаженному Акиндину, архимандриту Печерскому,—дивныя житія многихъ святыхъ, которыя помѣщены во второй части этого Патерика.

Если въ послѣдствіи блаженный Поликарпъ и удалился тѣломъ отъ отца и наставника своего Симона, когда отъ его кафедры возвратился снова въ свой Печерскій

монастырь—но добродѣтелями онъ былъ недалеко отъ того святого мужа, ибо, вкоренивъ глубоко въ сердце и прежнія поученія его, старался хранить и возвращать ихъ въ себѣ. И святой Симонъ опять не переставалъ и здѣсь поучать его, посѣщая его посланіями своими, исполненными боговдохновенныхъ наставленій и многихъ примѣровъ добродѣтелей Печерскихъ святыхъ.

Имѣя эти посланія всегда предъ глазами своими, блаженный Поликарпъ вписывалъ на скрижаляхъ сердца своего всѣ слова отеческія, прочитывалъ ихъ умомъ, исполнялъ же дѣломъ; итакъ, подвизаясь жестоко, возвысился въ добродѣтеляхъ.

Когда же блаженный Акиндинъ, архимандритъ Печерскій, богоугодно и мудро паспій стадо Христово, достигъ глубокой старости и, по долговременныхъ трудахъ, преселился къ Господу на вѣчный покой, тогда въ богоизбранномъ ликѣ святыхъ братій не было другого старѣйшаго и искуснѣйшаго въ иноческихъ подвигахъ, какъ Поликарпъ. Потому этого святого, какъ достойнаго и способнаго держать кормило начальствованія святой великой Лавры Богородицы и преп. отцовъ нашихъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ—единогласно и единомушно весь полкъ добрыхъ воиновъ Христовыхъ избралъ себѣ предводителемъ и наставникомъ, при великомъ князѣ Кіевскомъ Ростиславѣ Мстиславичѣ, при митрополитѣ Іоаннѣ, третьемъ этого имени, который былъ третій послѣ митр. Кліма,—освященнаго главою св. Клімента.

Принявъ начальство во святой великой Печерской Лаврѣ—блаж. Поликарпъ усердно старался сохранить всѣ уставы монастырскіе, переданные преп. Θεодосіемъ, не прибавляя ничего чуждаго. И явился онъ искуснымъ наставникомъ ко спасенію, такимъ именно истовымъ, какого требовала та чудотворная Лавра, которая имъ красовалась. Вездѣ проходила слава о благочиніи ея, при

управленіи блаж. Поликарпа. И многіе изъ благородныхъ и державныхъ князей, пользуясь его совѣтами, были возбуждаемы имъ ко многимъ добродѣтелямъ, такъ что оставляли знаменитые престолы, чтобы сожителемъ ствовать съ нимъ. Такой извѣстный случай былъ съ упомянутымъ выше приснопамятнымъ княземъ Кіевскимъ Ростиславомъ Мстиславичемъ. Этотъ христолюбець, много получая духовной пользы отъ добродѣтелей этого святого, приучилъ себя къ такой добродѣтели: въ святой великій постъ всякую субботу и воскресеніе онъ сажалъ у себя за обѣдомъ двѣнадцать Печерскихъ чернорицевъ, тринадцатымъ же—архимандрита св. Поликарпа и, напитавъ ихъ, отпускалъ одаренными. Самъ онъ еженедѣльно приобщался Божественныхъ Таинъ, обливая лицо свое слезами, со многими стопами и сердечными воздыханіями, такъ что всѣ, видящіе его въ такомъ умиленіи, не могли удержаться отъ слезъ. Когда же кончался уже святой великій постъ—тогда тотъ же христолюбивый князь въ Лазареву субботу созывалъ всѣхъ святыхъ Печерскихъ и святолѣпныхъ старцевъ, просіявшихъ постомъ, и, достойно угостивъ всѣхъ и подавъ милостыню, отпускалъ съ честію. Также и ото всѣхъ монастырей сзывалъ онъ и угощалъ братію, но особенно заботился онъ о братіи Печерской. Онъ очень любилъ добродѣтельную жизнь какъ ихъ самихъ—такъ, въ особенности, блаженнаго наставника ихъ Поликарпа, во всемъ подражавшаго самимъ первоначальнымъ наставникамъ, Антонію и Θεодосію Печерскимъ. Поэтому часто просилъ онъ этого святого принять его инокомъ въ свой монастырь; но св. Поликарпъ говорилъ ему: «Князь благочестивый, Богъ повелѣлъ вамъ жить такъ: творить правду, судить праведнымъ судомъ и неизмѣнно стоять въ крестномъ цѣлованіи». Князь же Ростиславъ отвѣчалъ ему: «Отче святой, княженіе въ этомъ мірѣ не можетъ быть безъ грѣха и уже изму-

чило и изнурило меня своими вседневными печалами; хотѣлъ бы я хоть немного въ старости моей послужить Богу и поревновать такимъ князьямъ и царямъ, которые, пройдя узкій и прискорбный путь, получили царство небесное. Слышалъ я о желаніи великаго въ царяхъ Константина, уже съ небесъ явившагося одному изъ старцевъ и сказавшаго: «Если-бъ я зналъ, какую великую честь получаетъ чинъ иноческій, что огненными крылами они невозбранно возлетаютъ къ престолу Владыки,—я снялъ бы съ себя вѣнецъ и багряницу царскую и облекся бы въ иноческія одежды». Услышавъ это, блаж. Поликарпъ сказалъ: «Христоробивый князь, если желаешь этого отъ сердца — то да будетъ воля Божія». Однако князь не успѣлъ выполнить своего желанія; но, что во истину имѣлъ онъ сердечное къ тому желанію, побуждаемый добродѣтелями этого святого, доказалъ онъ такъ.

Когда разболѣлся онъ въ Смоленскѣ и приказалъ везти себя въ Кіевъ, сестра его Рогнѣда, видя сильное изнеможеніе брата,—умоляла его: «Останься здѣсь въ Смоленскѣ, и мы положимъ тебя здѣсь въ созданной нами церкви». Онъ же отвѣчалъ ей: «Не дѣлайте этого; но если у меня и нѣтъ силъ, чтобъ везли меня въ Кіевъ, и если Богъ возьметъ меня на пути, пусть положить тѣло мое въ церкви, воздвигнутой отцомъ моимъ,—въ монастырѣ святого Θεодора. Если же Богъ избавитъ меня отъ этой болѣзни и подастъ мнѣ здравіе, то я обѣщаюсь быть инокомъ въ Печерскомъ святомъ монастырѣ при блаж. Поликарпѣ». Когда болѣзнь развилась въ немъ еще сильнѣе, и уже онъ былъ при смерти, онъ сказалъ іерею Симеону, своему духовному отцу: «Ты воздашь отвѣтъ Богу за то, что воспрепятствовалъ мнѣ постричься отъ святого того мужа въ Печерскомъ монастырѣ, ибо я истинно желалъ того,—и да не вмѣнитъ мнѣ Господь во грѣхъ, что

не исполниль я обѣта»—и такъ приняль онъ блаженную кончину.

Начало и причина столь великихъ добродѣтелей этого приснопамятнаго князя — былъ примѣръ подвижническаго житія и боговдохновенной бесѣды преп. отца нашего Поликарпа, достойно начальствовавшаго при княженіи его въ святой чудотворной лаврѣ Печерской. Не только братію, но и мірскихъ христоименитыхъ людей преподобный привлекаль добрыми дѣлами къ подражанію себѣ, наставляль на путь покаянія и спасенія и такъ благостно велъ Богомъ врученную ему паству.

Онъ пожилъ довольно лѣтъ и въ глубокой старости представилъ Господу, въ годъ отъ созданія міра 6690, отъ Рождества Христова 1182, мѣсяца Іюля въ 24 день, въ праздникъ святыхъ страстотерпцевъ князей Россійскихъ Бориса и Глѣба. И, опрятавши тѣло его, погребли съ честью со святыми отцами.

По смерти его было смятеніе въ монастырѣ; послѣ этого старца не могли избрать себѣ игумена. Ибо хотя изъ блаженныхъ бывшихъ тогда старцевъ многіе были достойны такого сана, но ни одинъ не хотѣлъ принять его изъ-за смиренія и безмолвія, считая лучшимъ для себя быть въ повиновеніи и прилежать безмолвію, чтобъ то сокровище добродѣтелей, которое пріобрѣли многимъ трудомъ, — не расточить тѣми заботами и смущеніями, которыя обыкновенно встрѣчаютъ начальствующіе. И была великая скорбь на братіи, туга и печаль, потому что не подобало столь великому стаду ни одного часа быть безъ пастыря. Во вторникъ ударили въ било, и вся братія собралась въ церковь и стали молиться о нуждѣ своей—къ Богу, Пресвятой Богородицѣ и преп. отцамъ Антонію и Θεодосію, призывая въ помощь доблестнаго подвижника, наставника своего, новопреставленнаго блаж. Поликарпа, и прося его, чтобъ явилъ,

угоденъ ли Богу—чрезъ то, что вымолить у Него для нихъ указаніе на строителя взаѣмнъ себя. И случилось дивное дѣло — что многими устами всѣ сказали вмѣстѣ: «Пойдемъ къ Василию, благословенному іерею на Щековицу, пусть онъ будетъ намъ игуменъ и править иноческимъ чиномъ Печерскаго монастыря». И придя, всѣ поклонились Василию пресвитеру и сказали: «Мы, вся братія, иночествующая въ Печерскомъ монастырѣ, кланяемся тебѣ и хотимъ имѣть тебя отцомъ и игуменомъ себѣ». Іерей же Василій въ великомъ изумленіи палъ и поклонился имъ до земли, и сказалъ: «Отцы святые, я держалъ въ сердцѣ лишь иночество; зачѣмъ же вы имѣли въ виду мою худость для игуменства». И долго отговаривался онъ, пока, уступивъ прилежнымъ ихъ просьбамъ, не далъ имъ обѣщанія. Они же, взявъ его, пошли съ нимъ въ монастырь.

Въ пятницу пришелъ для постриженія этого Богомъ избраннаго Василія—преосвященный митрополитъ Кіевскій Никифоръ и боголюбивые епископы — Лаврентій Туровскій и Николай Полоцкій, и всѣ честные игумены, и постригъ его преосвященный митрополитъ Никифоръ своею рукою, и сталъ онъ наставникъ и пастырь добрый инокамъ Печерскаго монастыря послѣ блаженнаго Поликарпа. Съ помощью молитвъ его и подражая житію его,—онъ былъ для всѣхъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей, въ славу и честь небесному Наставнику и Начальнику пастырей Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу. Ему со безначальнымъ Его Отцемъ и съ пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Духомъ—подобаетъ отъ всей твари непрестанное славословіе и поклоненіе нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сказаніе о чудѣ въ пещерѣ, бывшемъ во время Пасхи.

Для удостовѣренія святости, общей всѣмъ святымъ преподобнымъ и богоноснымъ отцамъ нашимъ: не только тѣмъ, которыхъ святолѣпныя житія описаны въ этой книгѣ, но и прочимъ, гораздо болѣе многочисленнымъ, которыхъ честныя мощи нетлѣнно почиваютъ въ тайнѣ пещеръ—хорошо вспомнить намъ здѣсь такое чудотворное знаменіе. Въ годъ отъ сотворенія міра 6971, отъ Рождества же Христова 1463, при благочестивомъ князѣ Кіевскомъ Симеонѣ Александровичѣ Олелковичѣ—и братѣ его, князѣ Михаилѣ—и блаженномъ архимандритѣ Печерскомъ Николаѣ, занималъ должность начальника пещеръ одинъ изъ братіи, священноинокъ Діонисій, по прозванію Щепы. Онъ на великій день вошелъ въ пещеру преп. Антонія покадить тѣла усопшихъ святыхъ и пришелъ на мѣсто, называемое община или трапеза. Покадивъ тутъ, онъ сказалъ: «Святые отцы и братіе, сегодня великій день: Христосъ воскрес!»—и тутъ вдругъ понесся ото всѣхъ мощей голосъ, какъ громъ: «воистину воскрес!»

Такимъ чудомъ тѣ хранимыя Господомъ смиренныя кости, возрадовавшіяся и по смерти о Христѣ Богѣ живомъ,—ясно подтвердили свою святость. И какъ они отвѣчали, что живъ умершій Христосъ, такъ и голосомъ, который принадлежитъ живымъ,—знаменовали, что они и по смерти достойны жизни. И поистинѣ,

если ихъ костямъ, находящимся во гробахъ, Христось воскресшій далъ жизнь—то это и свойственно этимъ людямъ, всячески умертвившимъ себя чрезъ равноангельные иноческіе подвиги и погребшимся, подобно Ему, въ жилищахъ пещерныхъ, потому что «дарованіе Божіе есть жизнь вѣчная», какъ говоритъ Апостоль. Истинную святыню имѣемъ мы здѣсь въ этихъ святыхъ костяхъ преп. отцовъ нашихъ, костяхъ, которыя сказали здѣсь о Христѣ—«воистину воскресе» и сами воистину воскреснуть на свѣтъ праведныхъ, и тамъ, вмѣстѣ съ праведными своими душами, созерцая всегда кость отъ костей своихъ — въ Томъ, Кто прекраснѣе всѣхъ сыновъ человѣческихъ, воззовуть: «Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ?» (Пс. 34, 10)—какъ предрекъ псалмопѣвецъ о костяхъ.

Этой святыни да сподобимся и мы, исповѣдники ея, за молитвы преп. отцовъ нашихъ Печерскихъ, которыхъ мы кость отъ костей. И хотя здѣсь сходить грѣховная смерть, да не лишимся мы благодатной жизни и, по естественной смерти, получимъ съ ними жизнь присносущной славы во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему со безначальнымъ Его Отцомъ и съ Пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ — подобаетъ всякая слава нынѣ и присно, и въ безконечныя вѣки вѣковъ. Аминь.

Сказаніе о муроточивыхъ главахъ.

Кромѣ свѣтолѣпныхъ тѣлъ, лежащихъ нетлѣнно со всѣми суставами въ пещерахъ, и, кромѣ отдѣльныхъ суставовъ, находятся муроточивыя главы, о которыхъ намъ неизвѣстно, какихъ онѣ людей, но что онѣ принадлежатъ святымъ угодникамъ Божіимъ,—мы должны тому вѣрить по слѣдующимъ причинамъ. Онѣ, будучи сухи и не покрыты кожею, источаютъ изъ себя сверхъестественнымъ образомъ елей или муро, и муро простое, но имѣющее дарованіе исцѣленія недуговъ каждаго, кто съ вѣрою приходитъ и помазывается тѣмъ муромъ. Если тотъ камень (Исхода 17, 6), который нѣкогда при прикосновеніи жезла Моисея, источилъ сверхъестественнымъ образомъ простую воду, показалъ тѣмъ, что Моисей святъ; и если та ослиная челюсть (Суд. 15, 19), которой коснулась рука Самсона, тоже, источивъ простую воду, знаменовала тѣмъ благодать, бывшую въ Самсонѣ—то сколь полнѣе эти главы, вопреки естества источающія простое муро, но исцѣляющее—показываютъ святость и благодать, дѣйствующую въ тѣхъ угодникахъ Божіихъ, которыхъ не жезлъ, не рука, но все тѣло и сама душа не случайно прикасалась къ этомъ главамъ, но по естеству была соединена съ ними и опять соединится. И мы безъ сомнѣнія говоримъ, что эти чудотворныя главы принадлежатъ святымъ и сами святы, какъ и честныя мощи древнѣй-

шихъ угодниковъ Божіихъ — Николая Мврликійскаго, Димитрія Мвроточиваго и прочихъ—тѣхъ, что источаютъ такое же муро, показываютъ, что принадлежать святымъ и сами святы. Елей или муро таинственнымъ образомъ есть знакъ любви, милосердія и мира; ибо все это Самъ Богъ издревле знаменовалъ намъ—чрезъ сучецъ маслины, принесенный голубицею (Бытіе 8, 11); потому и Спаситель означилъ елеемъ постъ, говоря: «ты же, постясь, помажь голову твою» (Матѳея 6, 17). И Онъ, указывая на высшую мудрость, сказалъ: «Мудрыя дѣвы взяли елей», какъ говоритъ и св. Апостоль Іоаннь: «Вы имѣете помазаніе отъ Святого и знаете все» (I Іоанна 2, 20). И Самъ Богъ указываетъ, что всѣми такими добродѣтелями просіяли эти угодники Его, на главахъ которыхъ являетъ намъ этотъ святой елей. Поэтому снова скажемъ: «какъ елей помазываетъ на царство, даетъ свѣтъ свѣтильникамъ, исцѣляетъ больныхъ—такимъ образомъ самъ Богъ являетъ намъ, что эти угодники Его, на главахъ которыхъ мы видимъ елей,—получили Царство Небесное, вошли въ мѣста свѣтлыя, почили тамъ, гдѣ нѣтъ болѣзни. И тамъ, какъ истинныя отрасли масляничныя, точащія елей, привиты къ доброй маслинѣ (Римл. 11, 24), Христу Спасителю, имя Котораго «разлитый елей или муро» (Пѣснь п., 1, 2). И какъ говоритъ псалмопѣвецъ самому Христу— «Возлюбилъ правду и возненавидѣлъ беззаконіе, посему помазалъ тебя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости»—такъ же и мы, собирая вмѣстѣ всѣ добродѣтели этихъ угодниковъ Божіихъ, на главахъ коихъ видимъ елей, должны сказать каждому изъ нихъ: «Ты возлюбилъ правду и возненавидѣлъ беззаконіе, посему помазалъ тебя, угодникъ Божій, Богъ твой елеемъ радости»—радости, потому что этотъ елей избавляетъ васъ отъ болѣзни,—радости, ибо исполняетъ васъ на землѣ благодатію, на небѣ же славою вѣчною».

Но, рассказавъ объ этихъ честныхъ главахъ, должно намъ положить вѣнецъ настоящаго дѣла, то-есть кончить книгу эту, житій святыхъ преподобныхъ отцовъ нашихъ, подвизавшихся въ Печерской обители Пречистой Богоматери, Которой достойно предложить вѣнецъ изъ звѣздъ. Сдѣлаемъ это такимъ образомъ.

Нѣкогда Богъ вывелъ Авраама вонъ и сказалъ ему: «Посмотри на небо и сочти звѣзды, если можешь счесть!» (Бытія 15, 5). Изводимъ и мы теперь богомудраго читателя отъ чтенія житій этихъ святыхъ, и что скажемъ ему? Скажемъ только: «Посмотри на небо и сочти звѣзды, если можешь счесть—посмотри, говорю, на пещеры, сочти положенныхъ въ нихъ святыхъ, если можешь счесть; и не думай, что лишь столько есть житій и именъ преп. отцовъ нашихъ Печерскихъ, сколько ты найдешь въ этой книгѣ. Но, какъ мы говорили о святыхъ муроточивыхъ главахъ, о которыхъ не знаемъ, чьи онѣ, — такъ же и цѣлыхъ нетлѣнныхъ тѣлъ святыхъ, сіяющихъ чудесами — находится въ пещерахъ безчисленное множество, какъ звѣздъ. Къ нимъ свойственно примѣнить слова Писанія: «Вотъ, вы нынѣ многочисленны, какъ звѣзды небесныя» (Второзак. 1, 10). Не только ихъ житія, но и имена, изъ-за различныхъ нестроений и войнъ,—утаены отъ знанія нашего или потому, что не были записаны, или книги расхищены. И только самъ Тотъ, Кто исцелъ все множество звѣдъ и всѣмъ имъ назвалъ имена (Пс. 146, 6), Онъ исцелъ житія всѣхъ въ книгахъ вѣчной жизни и изрекъ ихъ имена. Но мы уповаемъ на Того, Кто сказалъ: «Я есмь звѣзда свѣтлая и утренняя» (Откр. 22, 16), что не до конца повелитъ Онъ быть утаенными тѣмъ нашимъ Печерскимъ звѣздамъ, но «освѣтитъ скрытое во мракѣ и обнаружитъ сердечныя намѣренія» (1 Кор. 4, 5)—какими Самъ знаетъ судьбами.

Теперь же мы кое-что малое изъ многоаго, что могли

извлечь отъ трудолюбивыхъ нашихъ русскихъ «списателей», изложили. И эти уцѣлѣвшіе рассказы да послужать на пользу правовѣрному христіанскому роду, на прославленіе преп. отцамъ нашимъ Печерскимъ, на похвалу Покровительницѣ ихъ и нашей Пресвятой Богородицѣ.

Давшему же начать и помогшему довершить Началу и Концу, Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу, со безначальнымъ Его Отцомъ и съ пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ Поспѣшителемъ Духомъ да будетъ слава и хвала, и непрестанное благодареніе нынѣ и всегда, и въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Отъ переводчика	3
Предисловіе къ православному читателю	5

Часть первая.

Житіе преп. Антонія	23
Похвала преп. Антонію	44
Житіе преп. Θεодосія	70
Сказаніе о перенесеніи мощей преп. Θεодосія	129
Похвала преп. Θεодосію	141
Сказаніе о святой чудотворной церкви Печерской	152
Объ иконномъ украшеніи	163
Житіе преп. Стефана, епископа Владимірскаго	173
Житіе преп. Никона игумена	178
Житіе преп. Варлаама	185
Житіе преп. Вѣрема	191
Житіе преп. Исаи чудотворца	195
Житіе преп. Даміана цѣлебника	199
Житіе преп. Іереміи прозорливаго	202
Житіе преп. Матвѣя прозорливаго	204
Житіе преп. Псаакія затворника	207
Свидѣтельство преп. отца нашего Нестора	214

Часть вторая.

Житіе преп. Никиты затворника, еп. Новгородскаго	219
Житіе преп. Лаврентія затворника	224
Житіе преп. Аліпія иконописца	227

	<i>Стр.</i>
Житіє преп. Агапита, врача безмезднаго	237
Житіє преп. Григорія чудотворца	243
Житіє преп. Моисея Угрина	250
Житіє преп. Іоанна Многострадальнаго	260
Житіє преп. Прохора чудотворца, лебедника	265
Житіє преп. Марка пещерника и Теофила	273
Житіє преп. Θεодора и Василя	282
Житіє преп. Пимена многоболѣзненнаго	296
Житіє преп. Спиридона и Никодима просфорниковъ	304
Посланіє преп. Поликарпа ко блаж. Акиндину	307

Часть третья.

Житіє преп. Евстратія, постника и мученика	313
Житіє преп. Никона Сухаго	318
Житіє преп. Кукши священномученика и Пимена постника	322
Житіє преп. Аванасія затворника	324
Житіє преп. Николы Святоши, князя Черниговскаго	327
Житіє преп. Еразма	336
Житіє преп. Аревы	339
Житіє преп. Тита пресвитера	342
Житіє преп. Нифонта, епископа Новгородскаго	346
Посланіє преп. Симона, епископа Владимірскаго, ко блаж. Поликарпу	353

Д о п о л н е н і е.

Житіє преп. Нестора лѣтописца	369
Житіє преп. Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго	373
Житіє преп. Поликарпа, архимандрита Печерскаго	379
Сказаніє о чудѣ въ пещерѣ, бывшемъ во время Пасхи	386
Сказаніє о муроточивыхъ главахъ	388